

Как
богатые
страны
стали
богатыми,

и почему бедные страны
остаются бедными

Эрик С. Райнерт

СЕРИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ
И СТАТИСТИКА
ЭКОНОМИКИ

HOW RICH
COUNTRIES
GOT RICH...
And Why Poor
Countries
Stay Poor

ERIK S. REINERT

Constable

LONDON

КАК БОГАТЫЕ
СТРАНЫ СТАЛИ
БОГАТЫМИ,
и почему бедные
страны остаются
бедными

ЭРИК С. РАЙНЕРТ

Перевод с английского
НАТАЛЬИ АВТОНОВОЙ
под редакцией
ВЛАДИМИРА АВТОНОВОВА

Издательский дом
Государственного университета — Высшей школы экономики
МОСКВА, 2011

УДК 339.9
ББК 65.5
Р18

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Научный редактор
ВЛАДИМИР АВТОНОМОВ
Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Райнерт, Э. С.

Р18 Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными [Текст] / пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011. — 384 с. — (Экономическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0816-9 (в пер.).

В настоящей книге известный норвежский экономист Эрик Райнерт показывает, что богатые страны стали богатыми благодаря сочетанию государственного вмешательства, протекционизма и стратегических инвестиций, а не благодаря свободной торговле. По утверждению автора, именно такая политика была залогом успешного экономического развития, начиная с Италии эпохи Возрождения и заканчивая сегодняшними странами Юго-Восточной Азии. Показывая, что современные экономисты игнорируют этот подход, настаивая и на важности свободной торговли, Райнерт объясняет это давним расколом в экономической науке между континентально-европейской традицией, ориентированной на комплексную государственную политику, с одной стороны, и англо-американской, ориентированной на свободную торговлю, — с другой.

Написанная доступным языком, книга представляет интерес не только для специалистов по экономической истории и теории, но и для широкого круга читателей.

УДК 339.9
ББК 65.5

ISBN 978-5-7598-0816-9 (рус.)
ISBN 978-1-84529-326-0 (англ.)

Copyright © Erik S. Reinert 2007

© Перевод на рус. яз., оформление. Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К. С. ДЖОМО	11
БЛАГОДАРНОСТИ	14
ВВЕДЕНИЕ	18
I. ДВА ТИПА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ	32
II. ЭВОЛЮЦИЯ ДВУХ РАЗНЫХ ПОДХОДОВ	51
ДВА ТИПА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ И ДВЕ ТЕОРИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	77
ТЕОРИИ СТАДИЙ РАЗВИТИЯ	95
III. ЭМУЛЯЦИЯ: КАК РАЗБОГАТЕЛИ БОГАТЫЕ СТРАНЫ	101
НОВОЕ ВИДЕНИЕ МИРА: ОТ ИГРЫ С НУЛЕВОЙ СУММОЙ К ИННОВАЦИЯМ И РОСТУ	101
ЭМУЛЯЦИЯ: РОЖДЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПРИ ГЕНРИХЕ VII, КОРОЛЕ АНГЛИИ (1485 г.)	107
ПРАВИЛА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭМУЛЯЦИИ И РАЗВИТИЯ	112
ИСПАНИЯ: ПРИМЕР ТОГО, КАК ПОСТУПАТЬ НЕЛЬЗЯ	114
ГЕРМАНИЯ СЛЕДУЕТ ПРИМЕРУ АНГЛИИ (1648 г.) ...	121
ИРЛАНДИЯ УЧИТСЯ НА СОБСТВЕННЫХ ОШИБКАХ	128
IV. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: АРГУМЕНТЫ «ЗА», ОНИ ЖЕ «ПРОТИВ»	131
ВОЗРАСТАЮЩАЯ ОТДАЧА И ЕЕ ОТСУТСТВИЕ	138
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ЕГО ОТСУТСТВИЕ	141

СИНЕРГИЯ И КЛАСТЕРНЫЙ ЭФФЕКТ, А ТАКЖЕ ИХ ОТСУТСТВИЕ.....	145
ПАРАДОКСЫ СПОРА О ГЛОБАЛИЗАЦИИ	148
ПРОПАСТЬ МЕЖДУ БОГАТЫМИ И БЕДНЫМИ СТРАНАМИ ОТРАЖАЕТ УСПЕХ СТРАН, ПРИНЯВШИХ КАПИТАЛИЗМ, И ПОРАЖЕНИЕ СТРАН, ЕГО НЕ ПРИНЯВШИХ.....	150
РАЗВИТИЕ ТЕХНОЛОГИЙ, ИННОВАЦИИ И НЕРАВНОМЕРНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ.....	155
ПОЧЕМУ СТРАНЫ, КОТОРЫЕ ПРОИЗВОДЯТ ТОЛЬКО СЫРЬЕВЫЕ ТОВАРЫ, НЕ БОГАТЕЮТ? НЕОЖИДАННЫЕ ПАРАДОКСЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА	180
V. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРИМИТИВИЗАЦИЯ:	
КАК БЕДНЫЕ СТАНОВЯТСЯ ЕЩЕ БЕДНЕЕ.....	197
КОЛОНИИ И БЕДНОСТЬ	197
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРИМИТИВИЗАЦИЯ: ЧТО ЭТО ТАКОЕ И КАК ОНА РАБОТАЕТ.....	202
УТРАТА ВОЗРАСТАЮЩЕЙ ОТДАЧИ И ПАДЕНИЕ УРОВНЯ РЕАЛЬНОЙ ЗАРПЛАТЫ: ПРИМЕР МОНГОЛИИ	205
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ПЛАН МОРГЕНТАУ ДЛЯ СТРАН ТРЕТЬЕГО МИРА	211
ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И СМЕРТЕЛЬНЫЙ ДЛЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЭФФЕКТ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ: «ГИБЕЛЬ ЛУЧШИХ»	213
РИСКИ ЛОТЕРЕИ РЕСУРСОВ.....	216
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЮ.....	218
«СМЕРТЬ РАССТОЯНИЙ» И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ В ПЕРИФЕРИЙНЫХ СТРАНАХ	221
РАЗРУШИТЕЛЬНОЕ РАЗРУШЕНИЕ И ГЕОГРАФИЯ РАЗВИТИЯ ПО ШУМПЕТЕРУ	222
КОРЕННЫЕ ЖИТЕЛИ: ПРИМИТИВИЗАЦИЯ ЧЕРЕЗ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННУЮ ПОЛИТИКУ	223
ПРИМИТИВИЗАЦИЯ И НАСЛЕДИЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ	229

VI. ОПРАВДАНИЕ ПРОВАЛА: ОТВЛЕКАЮЩИЕ МАНЕВРЫ ПЕРИОДА «КОНЦА ИСТОРИИ» ...	235
КОГДА ДОБРОТА ДЕЛАЕТ НАС ЗЛЫМИ.....	235
КАПИТАЛИЗМ И ПАРАДОКС НАМЕРЕНИЙ.....	239
УТРАТА 500-ЛЕТНЕГО ЗАПАСА МУДРОСТИ	243
ОПРАВДАНИЕ ПРОВАЛА. ОТВЛЕКАЮЩИЕ МАНЕВРЫ.....	246
VII. ПАЛЛИАТИВНАЯ ЭКОНОМИКА: ЧЕМ ПЛОХ ПРОЕКТ ЦЕЛЕЙ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ.....	270
КАК РЕШАЛИСЬ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ В ПРОШЛОМ.....	271
КАК РЕШАЮТСЯ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕГОДНЯ	278
ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ?	281
НЕПОТИЗМ ПО МАЛЬТУСУ ПРОТИВ НЕПОТИЗМА ПО ШУМПЕТЕРУ	285
РАЗНООБРАЗИЕ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ.....	288
ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПОЛНОЙ ТЕОРИИ.....	289
РАЗВИТИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО КОЛОНИАЛИЗМА.....	295
РАСТУЩЕЕ НЕРАВЕНСТВО ВНУТРИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА.....	299
VIII. ПРИВЕДИТЕ В ПОРЯДОК ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ИЛИ УТРАЧЕННОЕ ИСКУССТВО СОЗДАНИЯ СТРАН СРЕДНЕГО ДОСТАТКА.....	304
ПРИЛОЖЕНИЕ I. ТЕОРИЯ ДАВИДА РИКАРДО О СРАВНИТЕЛЬНОМ ПРЕИМУЩЕСТВЕ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛЕ	335
ПРИЛОЖЕНИЕ II. ДВА ПОДХОДА К ОБЪЯСНЕНИЮ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ, БОГАТСТВА И БЕДНОСТИ СТРАН	339
ПРИЛОЖЕНИЕ III. ТЕОРИЯ НЕРАВНОМЕРНОГО РАЗВИТИЯ ФРЭНКА ГРЭМА.....	342

ПРИЛОЖЕНИЕ IV. ДВА ИДЕАЛЬНЫХ ТИПА ПРОТЕКЦИОНИЗМА В СРАВНЕНИИ	344
ПРИЛОЖЕНИЕ V. ДЕВЯТЬ ПРАВИЛ ЭМУЛЯЦИИ БОГАТЫХ СТРАН ФИЛИППА ФОН ХОРНИГКА (1684 г.).....	346
ПРИЛОЖЕНИЕ VI. КАЧЕСТВЕННЫЙ ИНДЕКС ВИДОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	350
ПРИМЕЧАНИЯ.....	351
БИБЛИОГРАФИЯ.....	370

Поскольку каждый, кто критикует чужие системы, обязан заменить их своей собственной альтернативой, которая лучше объясняла бы суть вещей, мы продолжим наши размышления, чтобы исполнить этот долг.

Джамбаттиста Вико, La Scienza Nuova, 1725 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда в 1999 году люди впервые вышли на улицы Сиэтла, протестуя против действий Всемирной торговой организации и связанных с ней международных финансовых организаций, и впоследствии, когда эти протесты многократно повторялись в разных местах, демонстранты выступали конкретно против традиционного мышления — той экономической ортодоксии, которая легитимизировала и аналитически обосновала политику и рекомендации этих организаций. Рискую сделаться посмешищем, последние 20 лет эта теория настаивает на том, что саморегулирующиеся рынки приведут к экономическому росту всех стран, если сократить роль государства до минимума.

Эта ортодоксия распространилась в 1970-е годы с рождением стагфляции¹, когда кейнсианская экономика и экономика развития стали подвергаться интеллектуальным нападкам. Фискальные кризисы в государствах всеобщего благосостояния, начавшиеся в 1970-х годах, а также последовавший провал экономик центрального планирования послужили молодой ортодоксии дополнительной поддержкой, несмотря на явный провал монетаристических экспериментов в начале 1980-х. Сегодня только крайние фундаменталисты выступают за экономику, либо полностью саморегулирующуюся, либо полностью управляемую государством.

Эта книга рассказывает об основных экономических и технологических силах, которые надо обуздать, чтобы не мешать экономическому развитию. В ходе анализа Райнерт приходит к выводу, что «развитие недоразвитости» является результатом неразвитости и непопулярности таких видов экономической деятельности, для которых характерны возрастающая отдача от масштаба производства и улучшенный кадровый потенциал, а также производственные мощности. Райнерт приводит исторические экономические примеры в новом контексте.

¹ Стагфляция = стагнация + инфляция; этот термин изобретен для описания периодов упадка, в которые происходит высокая инфляция.

В книге утверждается, что из истории можно почерпнуть важнейшие экономические уроки, если только не искажать исторические факты. Райнерт предполагает, что для сегодняшних бедных стран наибольший экономический интерес представляет история Соединенных Штатов. Год 1776-й был не только годом первого издания «Богатства народов» Адама Смита, но и годом начала первой современной войны за национальное освобождение — войны против британского империализма. «Бостонское чаепитие», в конце концов, было чисто меркантилистской акцией. Экономическим теоретиком американской революции был не кто иной, как знаменитый министр финансов Александр Гамильтон, признанный сегодня пионером явления, которое принято называть «промышленная политика».

Представим себе, на что была бы похожа экономика США, если бы Конфедерация южных штатов победила северных союзников, если бы в конце XIX века не произошло стремительной индустриализации экономики США. Как утверждают кураторы Смитсоновского музея американской истории, США не удалось бы преодолеть технологическую отсталость, которую американские участники продемонстрировали во время Всемирной выставки 1851 года. Соединенные Штаты могли бы не стать мировым экономическим лидером уже в начале XX века.

Райнерт рассказывает, как после Второй мировой войны было решено применить в Германии, развязавшей две мировые войны, план Моргентау, чтобы низвести ее до уровня сельскохозяйственного государства. Напротив, в Западной Европе и Северо-Восточной Азии (СВА) генерал Джордж Маршалл способствовал рождению послевоенного кейнсианского золотого века: его план по ускорению экономического восстановления этих регионов должен был создать *cordon sanitaire* вокруг молодого советского блока. Помощь, которую Америка оказывала этим странам во время их послевоенного восстановления, была совсем иной, чем та, которую она оказывает бедным странам сегодня; разница состоит не только в объеме помощи, но и в том, что касается финансирования правительственных бюджетов и обеспечения пространства для формирования экономической политики.

Для экономического развития необходимы глубинные, качественные перемены не только экономического, но и обще-

ственного строя. Из-за того, что во многих бедных странах понятие экономического развития было сведено к накоплению капитала и перераспределению ресурсов, экономическая отсталость стала постоянной чертой. Эрик Райнерт расширяет наше понимание неравномерного развития, делаясь глубокими познаниями в области истории экономической политики; его книга одновременно захватывает и заставляет задуматься.

К. С. Джомо, помощник Генерального секретаря ООН по вопросам экономического развития, основатель и председатель Международной сети специалистов по экономике развития

БЛАГОДАРНОСТИ

Основные идеи этой книги очень стары, так что прежде всего я обязан многочисленным экономистам, теоретикам и практикам, которые на протяжении последних 500 лет успешно создавали богатство, вместо того чтобы его распределять. Мое знакомство с этими уважаемыми личностями состоялось в 1974–1976 годах. В то время моя жена работала в библиотеке Кресса при Гарвардской школе бизнеса; библиотека специализировалась на авторах-экономистах, живших до 1850 года, и была доступным хранилищем их идей. Мой преподаватель экономической теории в швейцарском университете Санкт-Галлена Вальтер Адольф Йор (1910–1987) был верен некоторым старым экономическим идеям континентальной Европы, а в библиотеке Кресса я познакомился с Фрицем Редлихом (1892–1978), представителем немецкой исторической школы, который ввел меня в мир идей Вернера Зомбарта.

Все оригинальные положения, описанные в этой книге, в зачаточном состоянии содержит моя диссертация, написанная в 1978–1979 годы. Эти идеи были вдохновлены, помимо мыслителей древности, несколькими людьми и организациями: Томом Дэвисом, который преподавал экономическую историю и подал мне идею о важности дифференциации экономической деятельности; Бостонской консультативной группой с ее подходом к измерению человеческого обучения и опыта; Ярославом Ванеком, который дал имя теореме Хекшера — Улина — Ванека о международной торговле и который осознал, насколько в определенных обстоятельствах международная торговля может быть вредна для благосостояния государства. Обстоятельно развенчав традиционную теорию международной торговли, он подтвердил мое всегдашнее к ней интуитивное недоверие. Джон Мюрра из Корнельского университета открыл для меня мир докапиталистических обществ. Классическая экономика развития с кумулятивными каузациями Мюрдаля служила мне необходимым теоретическим фоном.

С тех пор как я вернулся к научным исследованиям в 1991 году, пятеро экономистов и историков экономики из предыдущего поколения щедро одаряли меня советами и поддерживали

мое убеждение в том, что многие старые идеи в современном мире скорее немодны, чем неверны; это Мозес Абрамовиц, Роберт Хайлбронер и Дэвид Лэндс в Соединенных Штатах, а также Кристофер Фримен и Патрик О'Брайен в Великобритании. Им я посвящаю эту книгу. Они поддерживали жизнь в древней традиции реалистичной экономики, которая почти вымерла во время холодной войны, когда схлестнулись две утопии — гармония планирования и автоматическая гармония рынка.

Мнение Карлоты Перес о том, как происходит технологический прогресс, также произвело на меня сильное впечатление; я благодарен ей за готовность быть моим активным теоретическим спаринг-партнером. За эту готовность я также благодарю моих коллег из Таллинского технологического университета Вольфганга Дрекслера и Райнера Каттеля. К 1991 году сформировалась современная эволюционная экономика, и теоретические построения Ричарда Нельсона помогли мне сформировать собственную теорию. В этом мне помогла посткейнсианская экономика Яна Крегеля, институциональная экономика Джеффри Ходжсона, экономика развития К. С. Джомо и движение GLOBELICS, начатое Бенгтом-Оке Лундваллом. Большое спасибо также всем участникам семинаров «Другой канон» в Осло и Венеции, в частности Даниэлю Арчибуджи, Брайену Артуру, Юргену Бакхаусу, Хелен Бэнк, Антонио Барросу де Кастро, Ане Селии Кастро, Ха-Джун Чангу, Марио Чимоли, Дитеру Эрнсту, Питеру Эвансу, Рональду Дору, Вольфгангу Дрекслеру, Яну Фадербергу, Кристоферу Фримену, Эдварду Фулбруку, Джеффри Ходжсону, Али Кадри, Тармо Кальвету, Яну Крегелю, покойному Санджайе Лаллу, Тони Лоусону, Бенгту-Оке Лундваллу, Ларсу Магнуссону, Ларсу Мьесету, Альфреду Новоа, Кейт Нерс, Патрику О'Брайену, Эйупу Озверену, Габриэлю Пальма, Картоле Перес, Козимо Перротте, Анналисе Прими, Сантьяго Роке, Брюсу Скотту, Ричарду Сведбергу, Яшу Тандону (который открыл для меня африканскую реальность и рассказал об имперском факторе), Мареку Тиитсу и Франческе Виано.

Мои коллеги и студенты из многих университетов после знакомства с моими идеями комментировали их и подавали ценные мысли. Особенно я благодарен университетам, куда я неоднократно возвращался в качестве приглашенного преподавателя; это ESAN, школа бизнеса в Лиме (Перу), Федеральный университет Рио-де-Жанейро, факультет Азии и Европы

Малайского университета в Куала-Лумпуре. Шесть лет преподавания в рамках Кембриджской программы по переосмыслению экономики развития, а также связанных с этой программой курсов «Другой канон» в странах третьего мира дали мне шанс почувствовать себя частью группы, формирующей новый взгляд на экономическое развитие. Основные инициативы финансировались Фондом Форда, один из сотрудников которого, Мануэль Монтес, внес значительный вклад в создание новой экономики развития. В последние годы участие во встречах и процессах системы ООН — CEPAL/ЭКЛАК, Департамента экономических и общественных дел (DESA), Южной комиссии, ЮНКТАД и ПРООН — было для меня крайне полезным в плане новых идей и знакомств. Спасибо также Йону Бингену и Норвежскому институту стратегических исследований за поддержку моего исследования успешных стратегий национального развития. Спасибо Норвежскому инвестиционному форуму, Ассоциации судовладельцев Норвегии и Фонду Лейфа Хега за экономическую поддержку проекта «Другой канон».

В 1999 году я провел два дня с группой ученых, пытавшихся разработать альтернативный набор предпосылок для экономической науки, которая строилась бы снизу вверх, исходя из фактов жизни, а не сверху вниз, исходя из идей физики (Приложение II). Отдельное спасибо Леонардо Бурламаки, Ха-Джун Чангу, Майклу Чу, Питеру Эвансу и Яну Крегелю. Большое спасибо Вольфгангу Дрекслеру, Кристоферу Фримену, Райнеру Каттелю, Яну Крегелю и Карлоте Перес, которые предложили мне прочесть и прокомментировать рукопись книги. Они совершенно не виноваты в моем упрямстве.

Отдельное спасибо Дэну Хайнду, ранее сотруднику издательства «Констэбл и Робинсон», благодаря которому был запущен процесс, завершившийся выходом этой книги. Спасибо также моим редакторам Ханне Бурснелл и Яну Чемье, и особенно Джейн Робертсон, которой чудом удалось удержать меня в рамках сроков.

Эта книга — настоящий семейный проект. Когда мои сыновья Хьюго и Софус были маленькими, они иногда спрашивали меня: «Почему мы все время ездим в страны, где люди так бедно живут?» Теперь, когда они оба защитили диссертации в Кембридже, они стали для меня ценными консультантами. Их имена есть в библиографии этой книги. Кроме того, это они

предложили перемежать теорию с описаниями личного опыта. Краткая версия этой книги была издана на норвежском языке в 2004 году, большая часть ее была переведена Софусом и моей женой Фернандой.

Наконец, моя главная благодарность — Фернанде, которая знала меня еще до того, как летом 1967 года зародился этот проект. Без ее верности, поддержки и отваги в ситуации, когда вокруг нас постоянно сменялись обстановка, страны, языки и проблемы (причем это касается и прочих, еще более рискованных и донкихотских моих проектов), я никогда бы не приобрел опыт, необходимый для написания этой книги.

Введение

Разрыв между бедными и богатыми на нашей планете сегодня достиг рекордной величины и продолжает расти. Несмотря на огромные денежные вливания, осуществленные за время десятилетия развития, начавшихся в 1970 году, несмотря на триллионы долларов, потраченные на помощь в развитии, ситуация остается удручающей. Половина населения Земли имеет доход менее 2 долл. в день. В некоторых странах максимальный уровень реальной заработной платы был зафиксирован еще в 1970-е годы. Согласно оценкам экспертов, в 1750 году разрыв между самыми богатыми и самыми бедными странами выражался отношением 2:1; с тех пор он существенно увеличился.

Цель этой книги — объяснить, почему это происходит, причем так, чтобы объяснения были понятны заинтересованному непрофессионалу из любой страны мира. Не нужно считать эту книгу попыткой популяризовать идеи доминирующей экономической теории. Напротив, автор стремится забыть ортодоксию сегодняшней экономической политики и воскресить давнюю экономическую традицию, опираясь на главный аргумент, который доступен только экономистам — исторический опыт.

Человечество платит огромную цену за бедность. Годы жизни, потерянные из-за младенческой и детской смертности, болезней, которые можно было предотвратить, и из-за общего низкого уровня продолжительности жизни, складываются в чудовищные цифры. Гражданские войны и конфликты из-за нехватки ресурсов причиняют людям боль и страдание, которых в богатых странах, как правило, удается избежать. Добавим сюда влияние, которое оказывает на бедняков ухудшающаяся экология: бедные сообщества легко оказываются в ситуации порочного круга, когда единственным способом удовлетворить нужды растущего населения становится все более жесткая эксплуатация природы.

С момента падения Берлинской стены в 1989 году мировой экономический порядок подчинен экономической теории, которая «доказывает» прямо противоположное тому, что мы на-

блюдаем на практике. Предполагается, что свободная международная торговля сократит разницу в доходах жителей бедных и богатых стран. Предполагается, что, если человечество не будет вмешиваться в действие естественных сил рынка, т. е. применит принцип *laissez-faire*, в мире воцарятся экономическая гармония и прогресс. Еще в 1926 году Джон Мейнард Кейнс (1883–1946), английский экономист, поставивший 1930-м годам диагноз «депрессия», написал книгу под названием «Конец *laissez-faire*». Однако в 1989 году факт падения Берлинской стены породил почти религиозную эйфорию по поводу свободного рынка, возродил мечты о мировой экономике, которая, наконец, будет соответствовать теории. Первый генеральный секретарь Всемирной торговой организации (ВТО) Ренато Руджеро объявил, что необходимо дать свободу потенциалу экономики без границ выровнять отношения между странами и регионами. Это убеждение лежит в основе идеологии Международного валютного фонда (МВФ) и Всемирного банка, международных финансовых организаций, которые с начала 1990-х годов руководят делами в большинстве бедных стран. Во многих странах это руководство привело к катастрофе.

Сегодня целая пропасть отделяет реальность стран третьего мира от идей Руджеро и мировых финансовых организаций. Вместо гармонии, предсказанной пророками нового мирового порядка, мы видим голод, войны и признаки экологической катастрофы. Постепенно мы начинаем снова принимать реальность в расчет. В 1992 году Фрэнсис Фукуяма, американский философ, специалист по международной политике и защитник либеральной демократии, в своей книге «Конец истории и последний человек» приветствовал конец холодной войны как «конец истории». Однако уже в 2006 году в книге «Америка на распутье» (М.: АСТ, 2008) он отказался от своих взглядов. Он пишет, что неоконсерваторы, похоже, считали демократию естественным состоянием, в которое попадает государство сразу после того, как в нем происходит принудительная смена режима, а не результатом длительного трудоемкого процесса построения государственных институтов и проведения реформ.

В этой книге я говорю о том же, но с точки зрения экономиста. Неолибералы утверждали, что стоит только перестать контролировать работу рынка, как в мире сами собой наступят благосостояние и экономический прогресс; их не придется дол-

го и последовательно создавать. В плане понимания экономического роста мир сейчас проходит стадию развития, которую Фрэнсис Фукуяма прошел с 1992 по 2006 год.

Мир и раньше сталкивался с тем, насколько теории экономической гармонии отличаются от жестокой экономической реальности. Мы должны считаться с этим опытом, поэтому отказаться от теории, которая считает экономическую гармонию автоматическим следствием божественным или математическим образом спланированной гармонии. Вернувшись к теории, которая считает экономическую гармонию результатом сознательной политики, мы пойдем по стопам одного из величайших деятелей европейского Просвещения, французского философа Вольтера.

15–16 января 1759 года Вольтер тайно разослал экземпляры нового романа «Кандид, или Оптимизм» в Париж, Амстердам, Лондон и Брюссель. После того как книги были доставлены в эти центры европейской книготорговли, они были напечатаны в один заранее намеченный день по всей Западной Европе, что было для того времени инновационным рыночным ходом. Подобный тактический ход имел две причины. С одной стороны, Вольтер стремился продать как можно больше книг до того, как пираты лишат его законной прибыли; с другой стороны, он хотел донести свою революционную мысль до максимально широкой аудитории, прежде чем власти осознают всю опасность его идей и примут меры. И действительно, очень скоро полиция начала изымать экземпляры «Кандида» по всей Европе и уничтожать станки, на которых они печатались. Ватикан внес труд Вольтера в список запрещенных книг. Однако все было напрасно: эта небольшая книга стала издательским феноменом XVIII века, интеллектуальным цунами, который не могли сдержать даже дамбы, возведенные совместными усилиями политической и религиозной властей.

Роман Вольтера рассказывает историю молодого Кандида, который без особого на то желания покидает родной дом, чтобы познать мир, «лучший из всех возможных миров», по словам его мудрого учителя метафизико-теолого-космологии профессора Панглоса. Книга атакует бездеятельный, оптимистичный детерминизм, слепо доверяющий внешним силам — провидению, вере, богам или рынкам — полномочия претворять в жизнь перемены и трансформацию. Кандид сталкивается

с чудовищным реальным миром бедности, мародерствующих армий, религиозных преследований, землетрясений и кораблекрушений, миром, где его невесте, прелестной Кунегунде, солдаты вспарывают живот, предварительно изнасиловав, а самого Кандида продают в рабство. Все это время Панглос продолжает проповедовать, что это лучший из всех возможных миров, пока Кандид, наконец, не задается вопросом: «Если это лучший из возможных миров, то каковы же другие?»

«Кандид» был попыткой Вольтера освободить Европу из тисков умственного рабства профессора Панглоса. Сегодня многие лидеры экономической ортодоксии находятся в плену подобного чудовищного оптимизма и нуждаются в освобождении от него. Сегодняшняя Панглосова экономическая теория строится сверху вниз — на основании произвольно выбранных предпосылок и метафор из астрономии и физики. Эта теория описывает гармоничную вселенную, сшитую точно по мерке правящей теоретической моды. Альтернативная теория, которую некоторые из нас пытаются возродить, напротив, строится снизу вверх — на основании наблюдений за реальностью, зачастую равнодушной к экономическому развитию. Вместо того чтобы пытаться устранить препятствия на пути к процветанию, необходимо смотреть на развитие объективно — как на следствие сознательной и решительной политики.

Отличительная черта Панглосовой логики в том, что все происходящее она объясняет вопреки здравому смыслу. Так, мировые финансовые организации иногда утверждают, что массовый исход отчаянно бедных людей из стран третьего мира, где они не могут найти работу, — это благо, потому что их денежные переводы безработным родственникам, оставшимся дома, улучшают общий баланс выплат в бедных странах. При этом ежедневно бесчисленное количество иммигрантов рискуют жизнью, пытаясь попасть из стран с избыточным населением в страны с избыточным богатством. Многие из них погибают в пути, а те, кто выживает, страдают от эксплуатации и враждебного отношения к себе в чужих странах — все ради того, чтобы спасти семьи от голодной смерти.

Другая особенность подобного мышления заключается в том, что базовые предпосылки модели «лучшего из всех возможных миров» никогда не ставят под сомнение. Факты реальности фильтруют таким образом, чтобы отсеять все наблюде-

ния, противоречащие предсказанным последствиям. Если же реальность агрессивно заявляет о себе, как сегодня, объяснения изыскивают вне основной модели. Бедность провозглашают следствием расовых, культурных или географических особенностей; ее причину находят в чем угодно, кроме ортодоксальной экономической теории. Поскольку Панглосова экономическая модель считается совершенной, ее провал просто обязаны объяснять неэкономические факторы.

Мысль Вольтера, а также причина, по которой власти делали все возможное, чтобы эту мысль искоренить, заключалась в том, что мир несовершенен, что каждый должен активно стараться его улучшить, а не пускать события на самотек. Чтобы сохранить гражданское общество, не говоря уже о том, чтобы достичь какого-то прогресса, необходимы усилия и постоянная бдительность. Реформы Просвещения и коммерческие общества, появившиеся тогда в Европе, были многим обязаны духу «Кандида». В XXI веке, когда мы начинаем осознавать величие космоса и случайность эволюции, мысль Вольтера о том, что мир, возможно, не был создан с учетом всех капризов и предпочтений человечества, должна казаться очевидной. Однако экономисты и политики сегодня твердят нам со всей уверенностью и авторитетностью мертвых теологов, что мир был бы идеален, начни мы только практиковать *laissez-faire* и позволим индивидуальным инстинктам, которые принято считать рациональными, свободно взаимодействовать друг с другом, безо всякого вмешательства, кроме самого необходимого. Некоторые даже утверждают, что нужно приватизировать основные общественные институты, например законодательную систему, и доверить все общество целиком чудесной гармонии рынка; предполагается, что теоретический совершенный рынок страхования в таком случае будет охранять нас от приватизированного правосудия.

Но гармония не является естественным состоянием общества. Наивно думать, что законы космоса (если они вообще существуют) всегда на стороне общества и что, слепо подчинившись им, человек достигнет гармонии. Веру в рынок зачастую трудно отличить от веры в провидение или в доброту божественной силы. С какой стати космос должен быть скроен по мерке таких идиосинкратических и исторически условных понятий, как «капитализм» и «глобализация»? Избавившись

от фантастической идеи, что обогащением народов управляют законы природы, мы можем приступить к оценке того, как и почему определенные экономические принципы в прошлом оказывались для обогащения народов плодотворными и как мы можем использовать этот успешный опыт в будущем.

Критическая мысль Вольтера была, в частности, направлена против *les économistes*, группы, которую в истории экономической мысли называют физиократами (по аналогии с демократией — правлением людей, физиократия означает правление природы). Доминирующая сегодня экономическая наука считает, что ведет свое начало от физиократов, которые верили, что богатство народов должно происходить исключительно от сельского хозяйства. Однако физиократы доминировали на экономической арене недолго, а там, где они задержались у власти (как во Франции), их принципы привели к нищете и голоду. Почти все важнейшие европейские мыслители той поры — от французов Вольтера и Дидро до итальянца аббата Галиани и шотландца Давида Юма — были яростными антифизиократами. Даже во Франции, на родине физиократии, лучше всего продавались и были наиболее влиятельными экономические труды авторов-антифизиократов, а до Англии движение физиократов вообще не добралось. Борьба Вольтера с физиократами интересна нам среди прочего тем, что изучая одну теорию, мы одновременно получаем информацию об аналогичных теориях — тех, что приводят к аналогичным результатам в аналогичных обстоятельствах. Сегодня движение «Право на питание» (*Right to Food*) признает, что право человека на питание может входить в конфликт с принципами свободной торговли; в 1774 году, когда назревала французская революция, этот же аргумент звучал из уст французского антифизиократа Симона Ленге. Хотя антифизиократы и одержали тогда победу в плане практической деятельности, в сегодняшних учебниках по экономической науке эта победа не отражена. История экономической мысли существует в достойной изумления изоляции от того, что на самом деле происходило не только в экономической политике, но и в смежных дисциплинах, таких как философия — вотчина Вольтера.

Книга, которую вы держите в руках, начинается с описания типов экономического мышления, а продолжается рассуждением о том, почему необходимо положить конец почти всемир-

ной монополии доминирующей сегодня экономической теории. Теория торговли английского экономиста Давида Рикардо¹, датированная 1817 годом, стала осью всемирного экономического порядка. Хотя мы видим, что свободная торговля в некоторых обстоятельствах делает людей беднее, а не богаче, правительства западных стран продолжают на ней самодовольно настаивать, а в качестве поощрения за ее принятие предлагают бедным странам большую финансовую помощь. Получается, что добрые намерения тех, кто призывает оказывать больше помощи бедным странам, служат прикрытием безрассудству сегодняшней экономической ортодоксии в ее практическом воплощении. Таким образом, пока идеализм и щедрость покрывают сюрреалистическую, а иногда криминальную и коррумпированную реальность, догма глобальной свободной торговли продолжает царить в мире. Понимание проблем, которые несет в себе правящая экономическая теория, и воскрешение альтернативных подходов — это необходимая отправная точка.

В *первой главе* книги рассказано о существующих типах экономической теории, а также о той разнице, которая зачастую существует между «высокой теорией» и практической реализацией ее экономических принципов. Во *второй главе* прослеживается череда авторов, которые сегодня считаются каноническими, от физиократов до Адама Смита с Давидом Рикардо и далее, до стандартной теории учебника по экономике. Этой ветви развития противопоставлен куда более старый и менее абстрактный Другой канон экономической науки, тот самый, который определял экономические принципы во времена, когда нынешние богатые страны совершали исторический переход от бедности к богатству; он сформировал, к примеру, успешную политику, которую Англия вела с 1485 года, а также породил План Маршалла, начатый после Второй мировой войны.

В *третьей главе* я утверждаю, что у истоков успешного развития лежит то, что экономисты просвещения называли эмуляцией (*англ.* emulation)², а вовсе не сравнительное преимущество или свободная торговля. В данном контексте эмуляция — это имитация с целью сравняться или превзойти. Если племя, живущее через реку, сделало шаг в развитии от каменного к бронзовому веку, то ваше собственное племя стоит перед выбором: придерживаться своего сравнительного преимущества в каменном веке либо попытаться эмулировать соседнее племя и выра-

сти вслед за ним до уровня бронзового века. До Давида Рикардо никто не сомневался, что эмуляция — это лучшая возможная стратегия, так что исторически главным следствием теории торговли Рикардо стало то, что она впервые позволила оправдать колониализм с этической точки зрения. Мы полностью забыли тот факт, что все страны, которые сегодня богаты, обязательно проходили через период, когда эмуляция была их главной стратегией; мы объявили незаконными ключевые инструменты, необходимые для эмуляции. В третьей главе история экономических стратегий — знание того, какие стратегии в прошлом успешно способствовали развитию — используется для разработки теории неравномерного экономического развития. Сегодняшняя экономическая наука подобных научных изысканий не признает. Вместо этого в современной теории торговли экономическая гармония считается базовой предпосылкой.

В защиту свободной торговли существует много аргументов, но теория Давида Рикардо, как утверждается в *четвертой главе*, к этим аргументам не относится. Детальное изучение экономики производства позволяет понять, что лучшие аргументы в защиту глобализации являются одновременно и лучшими аргументами против преждевременного вступления бедных стран в мировую экономику. Теория Рикардо оказывается верной во многих случаях, но причины, по которым она оказывается верна, неверны. Рикардианскую теорию высоко ценят как левые, так и правые политики, поэтому критиковать ее весьма сложно. Правые политики считают теорию торговли Рикардо доказательством того, что капитализм и неограниченная международная торговля — благо для жителей планеты. Преимущество свободной торговли доказывается на основании того, что экономисты называют трудовой теорией ценности, т. е. учения о том, что человеческий труд — это единственный источник ценности. На этой теории основывается также марксистская идеология. По моему мнению, трудовая теория ценности куда лучше подходила для того, чтобы убедить промышленных рабочих XIX века выйти на улицы, чем для того, чтобы объяснить происхождение богатства и бедности в современном мире.

Польский математик Станислав Улам однажды спросил нобелевского лауреата по экономике Пола Самуэльсона, в 1949 году утверждавшего, что свободная торговля приведет к сокращению разницы в доходах во всех странах мира, извест-

на ли ему экономическая идея, которая была бы универсально истинна, но при этом неочевидна. Самуэльсон назвал принцип сравнительного преимущества; согласно этому принципу, свободная торговля между двумя странами обязательно будет взаимовыгодной, если у них неидентичные относительные издержки производства. Получается, что тот, кто критикует философское основание доктрины свободной торговли, не просто подвергается нападкам со стороны обоих политических флангов — и левого, и правого, но ставит под сомнение притязания экономической науки на точность. Эта книга возрождает традицию, согласно которой экономика не только не является точной наукой, но и никогда не сможет ею стать.

В *пятой главе* утверждается, что во многих бедных странах мы наблюдаем процессы, противоположные развитию и прогрессу, — регресс и примитивизацию. Механизмы, приводящие к примитивизации, даны на примере Монголии, Руанды и Перу. Возвращаясь к приведенному выше примеру двух племен, можно сказать, что еще несколько десятилетий назад повсеместно признавалось, что даже не самое развитое племя может повысить свой уровень жизни, войдя в бронзовый век. Однако Берлинская стена погребла под собой понимание того, что лучше иметь в стране неэффективный сектор обрабатывающей промышленности, чем не иметь его вообще. Новая экономическая логика привела к падению уровня реальной зарплаты во многих странах Восточной Европы, Азии, Африки и Латинской Америки.

В *шестой главе* обсуждаются способы решения проблем бедности, которые в последнее время предлагает человечеству мейнстримовая экономическая наука. Чтобы найти лекарство от бедности, надо отличать базовые аспекты экономического развития от явлений, которые являются сопутствующими или даже симптомами проблемы. В главе утверждается, что из-за своего нежелания критически оценить основные метафоры, предпосылки и постулаты стандартной экономической науки, современные экономисты шли по длинной цепочке ложных следов: они искали корни проблемы где угодно, только не в системе производства. Те же люди, что стояли у власти в 1990-е годы, продолжают оставаться идеологическими лидерами процесса, который в конечном итоге должен привести к восстановлению экономики бедных стран. Это так же умно, как просить совета о градостроительстве у гунна Атиллы.

В *седьмой главе* я утверждаю, что знание исторического процесса развития может уберечь нас от стратегии, которая внешне кажется логичной, но в реальности может быть чрезвычайно разрушительной. Бедным странам навязывают свободную торговлю, а богатые страны в это время ограничивают импорт сельскохозяйственной продукции из стран третьего мира и субсидируют собственное сельское хозяйство. Мы придаем большое значение отказу от этой несправедливой политики, однако, как мы увидим на примерах из XVIII века, отказ от сельскохозяйственных тарифов — это давно известный прием из арсенала колониальной политики. Какой бы несправедливой ни казалась нам эта практика, если мы слишком сконцентрируемся на ней, то рискуем попасть в Панглову ловушку: только при *идеально* свободной торговле и *laissez-faire* мечты об экономической гармонии претворяются в реальность. Сегодня ВТО утверждает, что южные страны остаются бедными, потому что северные защищают свое сельское хозяйство. Я пытаюсь доказать: чтобы голодающий юг разбогател, недостаточно просто дать ему возможность продавать свои продовольственные товары на север.

Мы не сможем сделать бедных богатыми при помощи прямолинейной, наивной доброты. Мир настолько сложен, что надо думать о системных и долгосрочных результатах наших действий. Вполне естественно, что люди, которые видят отсталое сельское хозяйство Африки, хотят помочь Африке, сделав это сельское хозяйство эффективней. Однако философ и экономист времен Просвещения Давид Юм предполагал, что лучший способ увеличить эффективность сельского хозяйства — пойти круглым путем и увеличить сначала эффективность обрабатывающей промышленности; исторические факты последней тысячи лет подтверждают его идею. В экономической науке периода Просвещения поиск оптимального баланса между разными экономическими секторами считался одной из важнейших задач; сегодня же эта задача полностью забыта.

Если мы сами станем есть меньше, в третьем мире еды от этого не прибавится: сегодняшней голод — это следствие недостаточной покупательной способности, а не недостаточного количества еды в мире. Точно так же, закрыв сельское хозяйство стран «первого» мира, мы не поможем развить его в третьем мире. В книге я утверждаю, что нам необходимо за-

ключить сделку, согласно которой странам «первого» мира разрешалось бы защищать свое сельское хозяйство (но не разрешалось бы скидывать излишки его производства по бросовой цене на мировые рынки), а странам третьего мира разрешалось бы защищать свою обрабатывающую промышленность и сектор продвинутых услуг. Это единственная политика, которая в последние 500 лет обеспечивала странам успешное экономическое развитие.

Человечество забыло, как богатели многие страны, а ведь прошло всего 50 лет. Теперь наши попытки решить проблему бедности, пусть и предпринимаются из самых лучших побуждений, направлены лишь на облегчение симптомов бедности, а не на искоренение ее глубинных причин. В главе рассказывается о составляющих проекта «Цели тысячелетия»: в два раза сократить количество людей, живущих на 1 долл. в день, уменьшить количество голодающих и больных, снизить детскую смертность, способствовать распространению образования и улучшению экологии. Я утверждаю, что цели тысячелетия и кампания по борьбе с бедностью ориентированы скорее на облегчение страданий, которые приносит людям бедность, недостаточно уделяя внимания структурным изменениям, которые способствовали бы экономическому развитию бедных стран. Сегодняшний подход приведет не к созданию демократии и развития, какими бы благородными ни были намерения его идеологов, а к разрушительному благотворительному колониализму, позволяющему богатым странам сохранять свою власть над бедными. Я не хочу сказать, что мы не должны пытаться облегчить страдания бедных путем денежной помощи, но мы должны решить другую, не менее важную задачу — как бедным странам стать богаче без нашей помощи. Сторонники свободной торговли часто прибегают к подобным аргументам, защищая свою политику, но между ними и мной есть принципиальное различие: когда я говорю, что для бедняков мира развитие важнее помощи, то выступаю за развитие, которое послужит интересам бедняков, и против того, чтобы они пассивно принимали денежные переводы, которые в итоге приведут их к скрытой форме колониальной зависимости.

В *заключительной главе* рассказывается, как создавать страны среднего достатка, в которых все граждане имеют цель и право на предметы первой необходимости и предметы ми-

нимальной роскоши. С точки зрения теории и экономической политики, чтобы этого достичь, не требуется радикальных мер. Требуется лишь вернуться к стратегиям торговли и развития, которые были в ходу сразу после окончания Второй мировой войны, в том виде, в котором они были зафиксированы, например, в 1948 году в Гаванской хартии ныне не существующей Международной организации торговли. Иными словами, требуется подчинить абстрактную цель установления свободной торговли другим целям, напрямую связанным с благосостоянием людей.

Эту книгу я писал преимущественно для трех групп читателей. Во-первых, главная теоретическая задача этой книги состоит в том, чтобы показать моим коллегам-экономистам, почему стандартная теория международной торговли в том виде, в каком она сегодня применяется, неуместна и даже вредна, когда в торговые отношения вступают страны, находящиеся на разных уровнях развития. Теоретическая база этой книги — эволюционная, или Шумпетерова экономическая наука³, с добавлением давно известных и современных элементов теории исторической и институциональной школ. Экономическая теория Йозефа Шумпетера (1883–1950) сегодня в моде, эта книга верна предпочтению, которое Шумпетер оказывал учениям континентальных экономистов перед теориями их британских современников, Адама Смита (1723–1790) и Давида Рикардо (1772–1823). Вспомним, что вердикт Шумпетера относительно абстрактной теории Рикардо был весьма однозначен: «Это превосходная теория, которую никогда нельзя будет опровергнуть, — в ней есть все, кроме смысла»⁴. Так же как главные экономисты XX века Джон Мейнард Кейнс (1883–1946) и Йозеф Шумпетер, эта книга защищает принципы до-Смитовой экономической науки, так называемого меркантилизма. Профессиональным экономистам, вероятно, интереснее покажутся приложения к книге.

Во-вторых, я хотел, чтобы читатели, которые не имеют специального образования, закончив читать книгу, поняли ее главную мысль. Сложный экономический язык, который я попытаюсь демистифицировать, маскирует неоспоримый факт: богатые страны разбогатели благодаря тому, что десятилетиями, а иногда и веками их правительства и правящая элита основывали, субсидировали и защищали динамичные отрасли

промышленности и услуг. Все они эмулировали наиболее процветающие страны своего времени, развивая производственные структуры в тех областях, где был сконцентрирован технологический прогресс. Таким образом, они создавали ренту (прибыль, превышающую нормальный уровень дохода), которая распространялась на капиталистов в форме более высоких прибылей, на рабочих в форме более высоких зарплат и на правительство в форме больших налоговых поступлений. По сути своей колониализм — это система, которая стремится не допустить развития этих эффектов в колониях. Колонии (бедные страны) специализируются на видах деятельности, для которых типична хотя бы одна из следующих черт: во-первых, скорее убывающая, чем возрастающая отдача; во-вторых, они лишены потенциала по накоплению знаний и технического опыта; в-третьих, плоды этого накопления, вместо того чтобы приводить к богатству самой страны, приводят к снижению цен на ее продукцию для покупателей из богатых стран. То, что мы называем развитием, является рентой, основанной на знаниях и технологиях, и эту ренту зачастую подкрепляет, а не наоборот, свободная торговля между странами, стоящими на разных уровнях развития. Из этого следует, что одни страны специализируются на богатстве, а другие в соответствии со своим сравнительным преимуществом — на бедности.

И профессионалы, и непрофессионалы должны оценить тот факт, что основная разница между богатыми и бедными странами в том, что все богатые страны прошли этап развития без свободной торговли, который в случае своей успешности приводил к тому, что свободная торговля становилась им выгодна. Эта стадия в истории нынешних развитых стран сегодня запрещена: бедным странам не разрешается эмулировать экономический строй богатых стран. Рынки способны чудодейственным образом искоренить бедность не больше, чем решить проблемы глобального потепления или загрязнения окружающей среды. Только уверенная в себе и решительно настроенная общественность богатых стран может обеспечить правительствам бедных стран возможность свободно принимать решения, которые были бы выгодны жителям этих стран. Это значит, что мы должны отвергнуть и предполагаемую рациональность ортодоксии свободной торговли, и этичность «справедливой» системы глобальной торговли. Справедливая торговля в сегодня-

нышнем мире может вообще не коснуться проблемы нищеты. Это также значит, что мы должны следить за своими правительствами, чтобы они не вмешивались во внутренние дела бедных стран. Эти меры гораздо скорее, чем агитация за снижение тарифов на сельскохозяйственную продукцию, помогут бедным людям во всем мире.

В заключение я хотел бы обратиться к тем, кто живет в бедных странах, к третьей группе моих читателей. Я надеюсь, что эта книга поможет вам понять механизмы создания богатства и бедности и создаст понятийный аппарат, в рамках которого можно будет начать обсуждение способов искоренения бедности в ваших странах. Понимание этих механизмов положит начало обсуждению проблемы и поможет найти стратегию, которая заполнит свободное пространство для политических маневров, которое сейчас открывается для бедных стран. Я постарался не указывать, что считаю нужным сделать для стимуляции развития, но предположить, что посоветовали бы сделать великие инженеры развития Европы и Соединенных Штатов. Я надеюсь, что итоговой будет следующая идея: чтобы понять причины процветания Европы и Америки, надо изучать стратегию и тактику тех, кто это развитие создавал, а не советы их забывчивых последователей.

I. Два типа экономической теории

Парадигма способна, если уж на то пошло, даже изолировать общество от социально значимых проблем, которые нельзя сформулировать в виде задачи, потому что они не могут быть изложены при помощи понятийных инструментов, которыми располагает эта парадигма.

Томас Кун. «*The Structure of Scientific Revolutions*». 1962

Даже сейчас, много лет спустя, я прекрасно помню день, в который начал работать над этой книгой, несмотря на то что Вольтера я тогда я еще не успел прочесть. Это случилось в 1967 году, в начале июля, во время моих последних школьных каникул. Я стоял на вершине самой большой свалки в Лиме (Перу). Открывался отличный вид на свалку и трущобу рядом с ней — хибару, построенную из старых стальных барабанов. Снаружи хижину украшали жизнерадостные разноцветные флажки, которые трепал ветер. Когда мы проходили мимо, хозяин пригласил зайти выпить с ним чаю. В Перу я приехал как гость перуанской организации по развитию местных сообществ. Осенью я должен был возглавить кампанию по сбору средств среди школьников Норвегии; мы собирали деньги на строительство школ в Андах. Это происходило так: на один день школьников Норвегии, Швеции и Финляндии освобождали от занятий и они собирали пожертвования. На эти пожертвования потом были куплены материалы для строительства небольших школьных зданий.

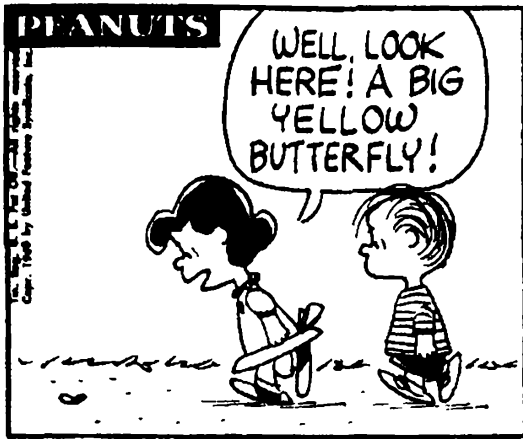
Я провел в Перу всего два дня. Меня удивляло, что люди, которых я видел за работой, — носильщики в аэропорту, водители автобусов, персонал в гостинице, продавцы в магазинах — работали ничуть не менее эффективно, чем их коллеги в Норвегии. Почему же люди здесь так бедны? Впоследствии мой вопрос приобрел более зрелую форму: что такого особенного в этом рынке, который вознаграждает людей с одинаковым

уровнем производительности настолько разными доходами в разных странах? На следующий день после чаепития на свалке, когда вонь от мусора почти выветрилась из моей одежды и волос, я вместе с другими школьниками из Швеции и Финляндии, занятыми в кампании, обедал с президентом Фернандо Белаунде в президентском дворце. Все мы понимали, что строительство школ — это хорошая идея, но никто не понимал, откуда берется бедность. Дома я решил поискать ответ на этот вопрос в энциклопедии, но безрезультатно. Мое любопытство росло. Почему, как недавно подсчитал Всемирный банк, водитель автобуса во Франкфурте получает реальную зарплату, в 16 раз большую, чем не менее профессиональный водитель автобуса в Нигерии? Я решил найти ответ на этот вопрос. В результате родилась книга, которую вы держите в руках.

Закончив университет в Швейцарии, а затем получив степень магистра делового администрирования в Гарварде, я открыл маленькое обрабатывающее производство в Италии. Однако вопрос, зародившийся на свалке в Лиме, не оставлял меня. Мне казалось странным, что он не интересует почти никого, кроме меня.

В 1967 году, как и сегодня, экономисты утверждали, что свободная торговля способствует экономическому равенству, нивелируя зарплаты бедных и богатых людей по всему миру. Более того, считается, что свободная торговля — это система, в которой нет проигравших. В определенные исторические периоды — в 1760, 1840 и 1990-е годы — возникало коллективное убеждение, «доказанное» экономической наукой, что если специалист по высоким технологиям и посудомойка, живущие в разные странах, начнут обмениваться, то они внезапно начнут получать одинаковые реальные зарплаты. За расцветом этих теорий в 1760, 1840-е годы и сейчас неизменно следовали крупные общественные проблемы и даже революции, которые прекращались, когда научное сообщество вновь захватывали менее абстрактные и более практичные теории, позволяя исправить причиненное зло. Американский экономист Пол Кругман был прав, когда утверждал, что в определенные исторические периоды все прежние знания забываются и в мире воцаряется невежество.

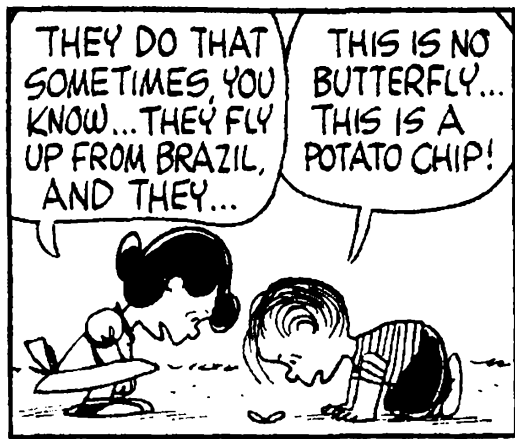
Годы шли. Я начал понимать, что существуют разные экономические теории. Причина, по которой мой вопрос никого не интересует, в том, что господствующая экономическая теория

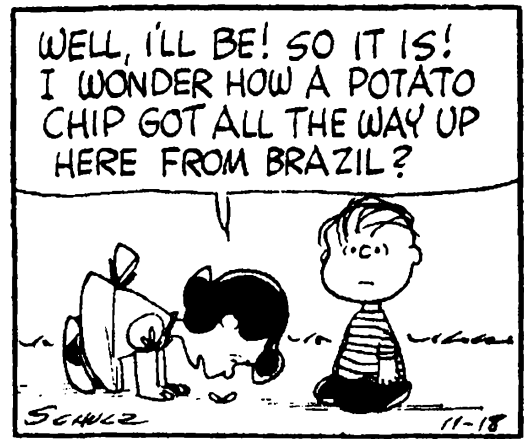
— Смотри-ка! Большая желтая бабочка!

— В это время года они почти не встречаются, если, конечно, она не прилетела из Бразилии... Наверняка так и было!

— Иногда так бывает, ты знаешь... Они прилетают из Бразилии и...
— Это не бабочка... Это картофельный чипс!

— Ну ничего себе! Точно! И как это только картофельный чипс мог попасть сюда из самой Бразилии!

Как и в экономической науке, неверные предпосылки приводят не только к неправильным выводам, но и порождают неправильные вопросы. Нереалистичные предпосылки — проклятие абстрактной экономической теории начиная с теории торговли Давида Рикардо (1817 г.) и заканчивая теорией общего равновесия, сложившейся после Второй мировой войны. Эти предпосылки повлияли на либерализм и на плановую экономику коммунистических стран.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ 1. Неверные предпосылки рождают неправильные вопросы. Карикатура Чарльза Шульца из журнала «Peanuts» © 1960. United Feature Syndicate, Inc. (Воспроизведено с разрешения правообладателя.)

основана на предпосылках, которые порождают не только неправильные ответы, но и неправильные вопросы (илл. 1). В стандартной экономической науке понятия неравномерного развития разных стран просто не существовало. Эти вопросы захватили меня настолько, что я взял отпуск на своей фирме, чтобы написать диссертацию по экономической теории в США и попытаться найти на них ответы. Я интуитивно избегал теоретических абстракций, исключавших факторы, которые в реальной жизни могли оказаться решающими для создания бедности или богатства. Гораздо позже я узнал, как удачно сумел выразить эту мысль Гете: «Теория, мой друг, суха, но зеленеет жизни древо».

Только через много лет я понял, что Гарвардская школа бизнеса за два года обучения незаметно сделала меня адептом альтернативной, ныне исчезнувшей экономической традиции, которая куда ближе к реальной жизни, чем сегодняшняя экономическая наука. Метод ситуационного исследования, которым пользуются в деловых школах, основан на методологии Немецкой исторической школы. Эдвин Гей (1867–1946), основатель и первый декан Гарвардской школы бизнеса, 12 лет проучился в немецкоязычных университетах и был последователем немецкого экономиста Густава Шмоллера (1838–1917) и его исторического подхода¹. Стандартная экономическая наука зачастую приучает людей смотреть на мир сквозь призму методологических и математических линз, при этом упуская из вида факторы реальной жизни. Исторический же подход, напротив, собирает любые фактические доказательства, если они имеют отношение к делу. В этой книге глобализация анализируется по методу ситуационного исследования (кейс-стади), как если бы ее анализировала Гарвардская школа бизнеса. Однако мне хотелось, чтобы в мире был достигнут максимальный уровень реальной заработной платы, а не максимальный уровень прибыли. Один документ, разработанный в Гарвардской школе бизнеса, так описывает любопытство, которое является движущей силой хорошего исследования: «Непрерывно наблюдая, изучая и размышляя, вы натываетесь на какой-то факт и думаете: „Я этого не понимаю. Здесь какое-то несоответствие между теорией и тем, что я наблюдаю в реальности. Этот факт не вписывается в теорию. Мне кажется, это важно. Кто-то ошибся — либо я, либо теоретики. Я хочу это выяснить“»². Какой контраст с тем, как ведет свои исследования стандартная экономическая тео-

рия, жестко ограниченная инструментами и предпосылками! Она неизменно движется по пути наименьшего математического сопротивления³, а не наибольшей релевантности.

Я начал изучать бедные страны, чтобы понять причины их бедности. Впоследствии мне стало ясно, что бедность — это нормальное явление, вполне соответствующее картине мира, созданной экономистами. Традиционно существование богатства и бедности объяснялось тем, что разные виды экономической деятельности качественно различаются, как источники богатства. Доминирующая сегодня теория утратила эту точку зрения, хотя экономическое устройство бедных стран гораздо больше соответствует тому, что написано в стандартных учебниках по экономике, чем экономическое устройство богатых стран. Введем и поясним две пары ключевых терминов, которые описывают разницу между видами экономической деятельности, характерными для бедных и для богатых стран; это совершенная и несовершенная конкуренция, возрастающая и убывающая отдача.

Совершенная, или товарная, конкуренция означает, что производитель не может влиять на цену производимого товара, он работает на совершенном рынке и только из газет узнает, какую цену рынок готов заплатить за его товар. Такая ситуация типична для рынков сельскохозяйственных товаров и минерального сырья. Совершенной конкуренции, как правило, сопутствует ситуация, называемая убывающей отдачей: при расширении производства после достижения определенного момента увеличение количества одних и тех же факторов производства (капитала и/или труда) приводит к производству все меньшего количества продукции. Например, если вы вкладываете все больше тракторов или трудовых ресурсов в одно и то же картофельное поле, то по достижении определенного момента каждый новый работник или новый трактор будут производить меньше, чем предыдущие. Совершенная конкуренция и убывающая отдача в стандартных учебниках экономической теории считаются нормальным положением дел.

Когда расширяется производство в промышленности, затраты ведут себя противоположным образом — снижаются, а не растут. Как только механизированное производство налажено, то чем больше растет объем производства, тем меньше становятся издержки на единицу продукции. Например, пер-

вый экземпляр компьютерной программы стоит очень дорого, но все последующие копии почти ничего не стоят. В сфере услуг и обрабатывающей промышленности нет активов, зависящих непосредственно от природы, — ни полей, ни шахт, ни рыболовных угодий, ограниченных по количеству или качеству. В этих отраслях увеличение производства вызывает падение издержек или рост отдачи. Промышленным компаниям и производителям продвинутых услуг важно иметь большую долю на рынке, потому что большие объемы производства позволяют им снизить издержки производства за счет растущей отдачи. Растущая отдача создает власть над рынком: компании в большой степени могут влиять на цену того, что они продают. Эта ситуация называется несовершенной конкуренцией.

Важно понимать, что рассмотренные понятия тесно связаны друг с другом. Как правило, возрастающей отдаче сопутствует несовершенная конкуренция; действительно, падающие удельные издержки — это одна из причин рыночной власти в условиях несовершенной конкуренции. Убывающая отдача (невозможность расширить производство за пределы определенного уровня и сохранить убывающие издержки) и затрудненная дифференциация продукции (пшеница — это всегда пшеница, а марок автомобилей может быть сколько угодно) являются ключевыми факторами установления совершенной конкуренции на рынке производства сырьевых товаров. Экспорт богатых стран развивает их экономику, т. е. увеличивает отдачу и создает несовершенную конкуренцию, а традиционный экспорт бедных стран, наоборот, влечет вредные для экономики последствия.

Веками термин «обрабатывающая промышленность» означал сочетание технологического прогресса, возрастающей отдачи и несовершенной конкуренции. Культивируя обрабатывающую промышленность, страны поощряли выгодный тип экономической деятельности. Я утверждаю, что именно так достигался экономический успех — начиная от Англии времен правления Генриха VII, продолжая индустриализацией континентальной Европы и США и заканчивая недавним взлетом Кореи и Тайваня. Однако за последние десятилетия для многих отраслей, производящих услуги, характерны стремительный технологический прогресс и возрастающая отдача, так что различия между обрабатывающей промышленностью и производством услуг стали стираться. В то же время промышленные

изделия, производимые в большом объеме, приобрели многие характеристики, ранее присущие только сельскому хозяйству, хотя в число этих характеристик не входит убывающая отдача.

В богатых странах мы, как правило, наблюдаем несовершенную конкуренцию и экономическую деятельность с растущей отдачей. Постепенно я понял, что все богатые страны разбогатели одинаковым способом, используя одну и ту же стратегию, — они отказались от сырьевых товаров и убывающей отдачи ради обрабатывающей промышленности и возрастающей отдачи. Я обнаружил, что ключевые термины экономической науки с течением времени меняли свои значения. 300 лет назад английский экономист Джон Кэри (1649–1720) выступал в защиту свободной торговли, но в то же время был так возмущен, что купцы отправляют за границу непромытую шерсть, что предложил наказать экспортера смертью. Термин «свободная торговля» в те времена означал отсутствие монополий, а не тарифов. Именно культ мануфактуры Джона Кэри заложил основание для богатства Европы. Мне становилось все очевиднее, что некоторые экономисты прошлого куда лучше понимали механизмы богатства и бедности, чем мы сегодня. В диссертации, написанной в 1980 году, я попытался проверить верность теории XVII века — концепции развития и отсталости Антонио Серра. Он был очень важной фигурой, поскольку первым из экономистов сформулировал теорию неравномерного экономического развития разных государств в книге 1613 года «Breve trattato», или «Краткий трактат»⁴. О жизни Серра почти ничего не известно, кроме того что он был юристом и писал книгу, сидя в неапольской тюрьме. Он пытался понять, почему его родной Неаполь так беден, несмотря на обилие природных ресурсов, а Венеция, построенная на болоте, стала сердцем мировой экономики. Разгадка, как утверждал он, в том, что венецианцы, не имея возможности возделывать землю, как неаполитанцы, были вынуждены обратиться к промышленности и, занявшись обрабатывающими производствами, подчинили себе возрастающую отдачу. По мнению Серра, чтобы достичь экономического развития, необходимо заниматься разными видами экономической деятельности, для которых характерны убывающие издержки и связанная с ними растущая отдача. Тогда бедность в плане природных ресурсов парадоксальным образом может обернуться богатством.

Взяв страны южноамериканских Анд в качестве материала для исследования, я обнаружил, что развитие Боливии, Эквадора и Перу вполне соответствует схеме, предложенной Серра. В конце 1970-х годов я начал собирать книги, памфлеты и журналы разных времен, хранящие теорию и практику неравномерного экономического развития этих стран. Несмотря на то что многие механизмы богатства и бедности были выделены и описаны еще в Древней Греции, логической отправной точкой моих исследований стало самое начало XV века — время, когда в Венеции были изобретены патенты, а в Англии с восхождением на трон Генриха VII в 1485 году зародилась современная промышленная политика. Объяснение механизмов, приводивших с тех пор народы к богатству или бедности, стало главной целью моего исследования.

Я вернулся к своим изысканиям в 1991 году, сразу после падения Берлинской стены — события, которое Фрэнсис Фукуяма назвал «концом истории». Страны с плановой экономикой потерпели фиаско, поэтому стали считать само собой разумеющимся, что только свободная торговля и рыночная экономика способны сделать все страны мира одинаково богатыми. Дальнейшее развитие этой апокалиптической логики становится понятнее в свете так называемого миропонимания холодной войны, распространенного среди экономистов, принадлежащих к мейнстриму. По причинам, которые мы обсудим в следующей главе, холодная война перечеркнула не только теоретические вопросы, в прошлом считавшиеся важными, но и прежнее разделение на единомышленников и противников. Проблемы, которые считались ключевыми для понимания неравномерного развития разных стран, в современном дискурсе исчезли без следа. Вот почему необходимо выйти за рамки миропонимания холодной войны и заново пересмотреть прежние экономические теории. К примеру, согласно мировоззрению холодной войны, Карл Маркс и Авраам Линкольн — противники; при этом Линкольн представляет силу добра, т. е. свободу и рынки. Однако в свое время Линкольн и Маркс придерживались одной точки зрения в экономической политике. Оба не одобряли английскую экономическую теорию, которая не учитывала роли производства, а также свободную торговлю, преждевременно навязанную стране⁵, и рабство. Сохранились их вежливые письма друг другу. В полном согласии с этими фактами

Карл Маркс вел регулярную колонку в газете «New York Daily Tribune», печатном органе Республиканской партии Линкольна, с 1851 по 1862 год. Я не хочу сказать, разумеется, что Маркс и Линкольн были единомышленниками во всем, но они сходились во мнении, что богатство народов создается путем индустриализации и технологического прогресса.

В XX веке знаменитый консерватор, австрийский американец Йозеф Шумпетер (1883–1950) продемонстрировал, что политическое единодушие не обязательно означает единодушное экономическое. В предисловии к японскому изданию книги «Теория экономического развития» (немецкое издание вышло в 1912, английское — в 1934, а японское — в 1937 году) Шумпетер подчеркивает сходство между Марксовым пониманием развития мира и своим собственным, но замечает, что это сходство перечеркивается огромными мировоззренческими разногласиями. В сущности, лучшая промышленная стратегия, вероятно, рождается там, где марксисты и шумпетерианцы являются политическими союзниками, что, как можно доказать, произошло в Японии после Второй мировой войны.

Самая продаваемая книга в истории экономической мысли — «Философы от мира сего» Роберта Хайлбронера (1969 г.). Последнее прижизненное издание книги (1999 г.) Хайлбронер завершил печальным заключением, что важная ветвь экономической науки, которая основывается на опыте, а не только на цифрах и символах, находится на грани отмирания. Речь идет о той самой экономической науке, которой Европа обязана своим богатством, а Гарвардская школа бизнеса — методом кейстади. Позднее я понял, что в традиции, описанной Хайлбронером, меня можно назвать экономистом-некрофилом. Те, кто рассуждал так же, как я (а их было немало), в большинстве своем давно умерли. Сейчас коллекция книг, которую я собираю вот уже 30 лет, насчитывает почти 50 тыс. томов, в ней задокументирована история экономической мысли и политики за последние 500 лет. Эта любовь к идеям прошлого у меня, однако, сочетается с обширными наблюдениями за современной реальностью во всем ее многообразии. Я проводил свои исследования в 49 странах всех обитаемых континентов и еще в нескольких странах побывал как турист. Все эти 30 лет идеи, которые не укладывались в миропонимание холодной войны, были решительно немодными. Мне стало ясно, что экономистов как

группу можно описать теми же словами, которыми когда-то в Европе в шутку определялась нация, — это группа людей, объединенных общим непониманием своего прошлого и общей неприязнью к соседям (в данном случае — соседним областям науки, таким как социология и политология). Каноническая последовательность трудов, описываемая историей экономической мысли, отличается от последовательности книг, оказавших наибольшее влияние на умы своего времени. Когда гарвардский библиотечарь Кеннет Карпентер составил список из 39 экономических бестселлеров периода до 1850 года⁶, оказалось, что он содержит важные труды, которые историки экономической мысли проигнорировали. По правде говоря, французские физиократы, которых традиционная история экономической мысли считает отцами-основателями экономической науки, имели косвенное влияние на экономическую политику. Так, физиократия не добралась до Англии, где критики физиократии были переведены и изданы задолго до самих физиократов. Идеи физиократов недолго были популярны даже в родной Франции, опровергнутые катастрофическими последствиями применения их на практике — нехваткой продовольственных запасов и голодом. После этого идеи антифизиократов — те самые, которые почти не упоминаются в истории экономической мысли — быстро одержали верх. Собственного говоря, последней каплей была пришедшая в Париж новость, что антифизиократ Жак Неккер (1732–1804) снят с поста министра финансов. Поразительно: Неккер упоминается в почетном списке Карпентера как автор одного из трех самых популярных трудов по экономике.

Мне стало очевидно, что тип экономического мышления, к которому сегодняшние богатые страны прибегали в период своего перехода от бедности к богатству, утерян. Благодаря повсеместному отсутствию интереса к избранной мной теме и помощи небольшой группы букинистов мне удалось собрать материал, иллюстрирующий эту ныне забытую, но от этого не менее актуальную экономическую логику. Теории, которые когда-то помогли богатым странам разбогатеть, исчезли из современных учебников и практической экономической политики, но одновременно с этим тексты, в прошлом породившие успешные экономические стратегии, исчезали из библиотек. Похоже, генетический материал мудрости прежних времен намеренно уничтожался. Библиотеки крупных университетов США придер-

живаются правила, что хотя бы в одной из них должен храниться один экземпляр каждой книги, но и эта стратегия не лишена риска⁷: известны случаи, когда Библиотека Конгресса «теряла» свой экземпляр. Когда единственный известный экземпляр книги немецкого экономиста XVIII века Иоганна Фридриха фон Пфайффера (1718–1787) был утерян из библиотеки Гейдельбергского университета во время Второй мировой войны, решили, что в Германии не осталось ни одного ее экземпляра⁸. Тем приятней было мне несколько лет назад обнаружить уцелевший том.

В недобром 1984 году Библиотека Бейкера при Гарвардском университете решила избавиться от книг, которые за последние 50 лет никто не запрашивал. Среди этих книг оказалась почти вся коллекция Фридриха Листа (1789–1846), важного немецкого теоретика промышленной политики и теории неравномерного развития. Один бостонский букинист сообщил мне, что купил у Библиотеки Бейкера книги, которые, как он выразился, «как будто специально для тебя продавались». Они пополнили мою коллекцию. Десять лет спустя я навещал гарвардского профессора, работавшего над сравнением идей Адама Смита и Фридриха Листа. Когда он пожаловался мне, что в Библиотеке Бейкера не хватает материала по Листу, я рассказал ему, куда делись эти книги. Чтобы не быть голословным, я послал ему титульные страницы необходимых ему книг, на которых красовались аккуратные штампики с логотипом Гарвардского университета: «Списано».

Аналогичным образом в 1970-е годы Нью-Йоркская публичная библиотека решила перевести в формат микрофильмов всю коллекцию памфлетов⁹, и все оригинальные материалы были отправлены в макулатуру. Каким-то чудом их спас коллекционер Майкл Зинман. Через 20 лет их обнаружили в его сарае в нью-йоркском районе Ардсли. Мне сообщил об этом знакомый лондонский букинист. Мы с моей женой-библиотекарем провели в общей сложности 4 дня, роясь в куче из 170 тыс. памфлетов, с которых для удобства сканирования были срезаны корешки. Примерно 2300 памфлетов мы увезли домой. В них была вся история экономической политики США начала XIX века: сотни речей, произнесенных в сенате и палате представителей (каждая была издана отдельно) и тысячи документов, повествующих о том, что происходило в стране, пока Соединенные Штаты продвигались от бедности к богатству. Не-

сколько ценных памфлетов и первые издания Давида Рикардо, также отправленные в макулатуру, кто-то уже забрал, но для меня они не представляли интереса, так как эти тексты много раз переиздавались. Настоящими сокровищами были для меня неприметные тексты дебатов об экономической политике не только в США, но и в дюжине других стран, написанные на разных языках. Эта дискуссия не отражена ни в экономической истории США (как правило, написанной в исторической традиции «особого предназначения США»), ни в истории экономической мысли. Только небольшие ее отрывки можно найти в исследованиях, посвященных истории американской политической мысли. Риторика и идеология во многом заслонили от американцев их собственное прошлое.

История открывает нам, как богатые страны богатели при помощи методов, которые сегодня практически полностью запрещены условиями Вашингтонского консенсуса¹⁰. Разработанный в 1990 году, сразу после падения Берлинской стены, Вашингтонский консенсус потребовал среди прочего либерализации торговли, прямых иностранных инвестиций, дерегулирования и приватизации. По мере внедрения реформы Вашингтонского консенсуса стали практически синонимом неолиберализма и рыночного фундаментализма.

В ранние 1990-е годы стали популярными теории Йозефа Шумпетера. К моему большому везению, историю экономической мысли мне преподавал Артур Смитис, один из ближайших гарвардских друзей Шумпетера¹¹. Курс его во многом был посвящен Шумпетеру и его теориям. Хотя сам Шумпетер не интересовался проблемой бедности, мне казалось, что его теории по умолчанию описывают бедность и могут помочь мне объяснить, почему принципы Вашингтонского консенсуса оказались столь разрушительными для столь многих беднейших стран мира.

В своей работе я попытался объединить несколько учебных дисциплин: прежде всего эволюционную (шумпетерианскую) экономическую теорию, экономику развития, историю экономической мысли и экономическую историю. Мне показалось, что для понимания неравномерного экономического роста разных стран нужны два новых направления исследований — немарксистская теория неравномерного роста¹² и история экономической политики. Ни того ни другого нет в природе, однако если бы эти дисциплины существовали, они должны были бы

быть тесно взаимосвязаны. История экономической мысли рассказывает нам о действиях, которые Адам Смит рекомендовал предпринять Англии, но нет такой науки, которая рассказала бы о действиях, которые Англия на самом деле предприняла и которые мало имели общего с рекомендациями Смита.

То, как я себя чувствовал на протяжении многих лет, прекрасно описывает отрывок из письма Никколо Макиавелли, датированного 10 декабря 1513 года¹³: «Я возвращаюсь домой и вхожу в свой кабинет; на пороге я снимаю рабочую одежду, покрытую пылью и грязью, и надеваю одежды для суда и дворца. Одетый подобающим образом, я вступаю в почтенный суд древних, где, великодушно принятый ими, я вкушаю ту пищу, которая *единственная* подходит мне и для которой я был рожден; *где я без стеснения беседую с ними и спрашиваю о мотивах их действий, и они, в своей человеческой доброте, отвечают мне* [курсив мой]. И четыре часа кряду я не чувствую скуки, я забываю все свои беды... Я полностью растворяюсь в них».

Теперь несколько слов специально для читателей из стран третьего мира. На первый взгляд может показаться, что эта книга этноцентрична и посвящена только Европе. Она не открывается, к примеру, взглядами норвежско-американского экономиста Торстейна Веблена (1857–1929) на капитализм как на продвинутую систему пиратства, хотя история подсказывает нам, что эта точка зрения также имеет право на существование. Вместо этого я рассказываю о том, как Европа построила экономическую власть, которая сделала возможной ее превосходство, ее экономию на масштабах в использовании силы. Эта книга не повествует о преступлениях и несправедливостях, которые белые (европейцы и прочие) творили в странах третьего мира. Она посвящена куда менее заметным и, в конечном итоге, даже более вредоносным для стран третьего мира последствиям экономических и общественных теорий, которые игнорируют главные факторы создания богатства или бедности. В книге нет ничего о рабстве как таковом; она о наследии рабства, оставшемся в производственной, общественной и землевладельческой системах; оно и сегодня тормозит экономическое развитие. Эта книга о капитализме как о системе производства, а также о правильной и неправильной экономической политике.

Неевропейских цивилизаций в истории человечества было гораздо больше, чем европейских. Важной частью европейской

истории является эмуляция технологий и умений обитателей других континентов — мусульманского мира, Азии и Африки¹⁴. В 1158 году епископ Отто фон Фрайзинг повторил то, что всем было известно: «вся человеческая власть и наука пришли с Востока». Недавние исследования показали, как мало различались Китай и Европа еще в 1700 году¹⁵; очевидно, что взгляд Европы и Запада на остальной мир уже давно замутнен европоцентристскими предрассудками против других народов и культур¹⁶. Недавно прозвучала версия, что преимущества Евразии заключались в климате, бактериях и приручаемых животных¹⁷. Также подчеркивалась важность коровы как источника молока, мяса и навоза.

Однако возможен и другой взгляд на Европу — как на отсталый континент, который не консолидировал своих границ вплоть до осады Вены мусульманами в 1683 году. Тысячелетие, прошедшее со времен Мухаммеда до осады Вены, Европа непрерывно защищала свои восточные и южные границы от монголов и мусульман¹⁸, частично, разумеется, посредством собственной агрессии. Монгольское вторжение добралось до Адриатического побережья в Далмации и зашло уже далеко на территорию сегодняшней Польши, когда смерть великого хана в 1241 году вынудила монголов вернуться домой. Константинополь покорился мусульманам в 1453 году, ознаменовав кончину Восточной Римской империи и конец Византии — возможно, единственной в мире тысячелетней империи. Так мусульмане получили контроль над Балканами и Восточным Средиземноморьем. Венеция, защитница юго-восточных границ Европы, постепенно лишалась своих владений в Восточном Средиземноморье. Перелом в пользу разобщенных европейских стран наступил только в 1571 году, после битвы при Лепанто, которая ненадолго объединила основные европейские силы.

Что же помогло Европе в дальнейшем стать такой сильной? Как и почему, в свете сегодняшнего огромного разрыва в уровне доходов разных стран, удалось Европе к XVIII веку так равномерно развиваться от Северной Швеции до Средиземноморья? Почему повторение этого успеха в Африке кажется невозможным? Понятно, что прогрессу Европы способствовали многие факторы: географическое местонахождение ее источников энергии (угля), наличие в колониях пищи, древесины и рынков, а также жестокость, религиозный фанатизм, организаторские способности,

институциональная изобретательность (например, разработка метода двойной бухгалтерии) и интеллектуальное любопытство.

Наиболее важными я считаю механизмы, появившиеся благодаря многообразию и раздробленности Европы, — географические, климатические¹⁹, этнические и политические. Их не было в крупных азиатских империях, они создавали банк альтернативных идей и подходов на рынке идей; стали отправной точкой для конкуренции, которая создавала и поддерживала эмуляцию между разными странами. История Европы — это прежде всего история того, как экономическая политика сумела преодолеть устрашающие преграды, поставленные на пути к богатству географией, климатом и культурой. Еще 200 лет назад путешественники, посетившие такую отдаленную страну, как Норвегия, не считали ее способной на дальнейшее развитие.

Основная стратегия, сделавшая Европу такой равномерно богатой, заключалась в том, что экономисты Просвещения называли эмуляцией (*англ.* *emulation*)²⁰, а также в применении обширного инструментария, разработанного для этой цели. Оксфордский словарь английского языка определяет слово *emulation* как «попытку сравниться с другими или превзойти их в каком-либо достижении или качестве; желание или стремление сравняться или превзойти». Эмуляция была по своей сути позитивным и активным усилием, в отличие от *зависти*²¹. В современной науке эмуляции можно найти эквиваленты в терминологии американского экономиста Мозеса Абрамовица (1912–2000), идеи которого о *догоняющем развитии и опережении* созвучны тому же пониманию динамической конкуренции.

Современная экономическая теория рекомендует для развития стратегию сравнительного преимущества. Эта стратегия основана на торговой теории Давида Рикардо, гласящей, что страна должна специализироваться в таком виде экономической деятельности, в котором она относительно наименее неэффективна (Приложение I). После шока 1957 года, когда Советский Союз запустил первый спутник и стало ясно, что СССР опережает США в космической гонке, русские могли бы, вооружившись торговой теорией Рикардо, аргументированно утверждать, что американцы имеют сравнительное преимущество в сельском хозяйстве, а не в космических технологиях. Последние, следуя этой логике, должны были бы производить продовольствие, а русские — космические технологии. Одна-

ко президент Эйзенхауэр выбрал тогда стратегию эмуляции, а не сравнительного преимущества. В 1958 году была основана НАСА, чтобы *эмулировать* Советский Союз, и это было стратегической мерой в лучших традициях Просвещения, но решительно противоречило духу Рикардо. Экономическая наука Рикардо, строго говоря, создала некоторые элементы самоотносимой логики, напоминающие худшие карикатуры времен схоластики. Поскольку из теории были исключены динамические элементы, создающие необходимость в эмуляции, логика Рикардо приводит к алогичным практическим решениям. Динамические элементы технологического развития и прогресса, создающие наглядную логику соревнования, а не статичную специализацию, в его теорию просто не попали.

Читателям из стран третьего мира будет, вероятно, интересно узнать, что герои этой книги, экономисты континентальной Европы, были в большинстве своем отнюдь не этноцентристами. Джованни Ботеро (ок. 1544–1617), который успешно исследовал причины богатства городов, написал знаменитую книгу по мировой географии «*Relazioni Universali*» («Универсальные реляции»). Он с энтузиазмом описывает разнообразие культур мира. Саамов, коренных жителей северной Скандинавии, он хвалит за умение строить лодки без использования гвоздей, а также за использование вида транспорта, возможно, самого быстрого во всем мире, — оленьей упряжки. Немецкие экономисты XVIII века Христиан Вольф (1679–1754) и Иоганн Генрих Готтлоб фон Юсти (1717–1771) превозносили в своих книгах достоинства китайской цивилизации; Юсти также восхищался цивилизацией инков²². Оба считали, что Европа должна эмулировать неевропейские институты. В 1723 году Вольф был изгнан из Галльского университета, где всем заправляло протестантское движение пиетистов, а все потому, что высказал мнение, что китайская философия и этика достойны восхищения и доказывают, что моральные истины можно найти и за пределами христианского мира. Вольфа спасло соперничество между двумя небольшими немецкими государствами: он перебрался в соседнее, правитель которого давно зазывал его в свой — Марбургский — университет. Строго говоря, европейский этноцентризм, важная составляющая колониализма и империализма, обрел силу только в 1770-е годы, когда прежние этнические нации стали мешать появлению национальных государств

и империй. Должен заметить, что я не пытался пропускать тексты экономистов прошлого сквозь современный фильтр политической корректности. Там, где Маркс и остальные писали *варварство* и *цивилизация* в значении, близком к сегодняшним *бедность* и *развитие*, я оставлял оригинальные формулировки.

В этой книге предполагается, что благодаря упомянутым выше многообразию, фрагментации, соревнованию и соперничеству капитализм в той форме, в какой он развился в Европе, можно осмыслить как набор изначально не преднамеренных последствий, которые были затем замечены, описаны и закреплены в системе стратегических средств и институтов. Взгляд на капитализм как на явление, в некотором смысле случайное, возрождает аналитическую традицию немецкого экономиста Вернера Зомбарта (1863–1941), которой впоследствии следовал и Шумпетер. Еще Адам Смит в 1776 году отмечал, что хлеб насущный мы получаем не благодаря доброте булочника, но благодаря его стремлению к выгоде. Наша сытость — это непреднамеренный, побочный продукт жадности булочника. Вообще говоря, вопрос о том, до какой степени можно доверять частным порокам создание общественной выгоды, активно обсуждался экономистами XVIII века. За несколько столетий европейцы разработали множество разнообразных подходов к технологии и общественным институтам. Сочетание многообразия и соревнования привело к тому, что в Европе появилось большое количество теоретических школ и технологических решений. Это великое множество идей и их продукты постоянно сравнивались между собой, формировались и развивались на рынках. Конкуренция между городами-государствами, а впоследствии между национальными государствами, финансировала европейские изобретения, которые были к тому же побочным продуктом соревнования между народами и их правителями в военных успехах и в роскоши. Как только было подмечено, что направление всех ресурсов на решение проблем в военное время приводит к изобретениям и инновациям, эта схема действия стала применяться и в мирное время.

Европейцы рано заметили, что всеобщее богатство встречается только там, где сельского хозяйства либо нет, либо оно играет небольшую роль. Богатство стало считаться непреднамеренным, побочным продуктом концентрации в больших городах разнообразных отраслей обрабатывающей промышленно-

сти. Как только эта схема была осознана, при помощи мудрой экономической политики богатство стало возможно распространять и за пределы нескольких естественно богатых областей. Политика эмуляции в самом деле могла распространять богатство на бедные и феодальные сельскохозяйственные земли, но для этого требовалось существенное вмешательство в работу рынка. Это обстоятельство, а также мудрая экономическая политика смогли заменить природные и географические преимущества, с которых началось процветание первых богатых государств. Далее мы можем представить, что налоги на экспорт сырья и на импорт готовой продукции должны были поднять доходы бедных стран, но их побочным продуктом стало увеличение богатства через увеличение национальных производственных мощностей. В политике Англии времен правления Эдуарда III (1312–1377) явно прослеживаются обе цели.

Таким образом, соперничество, война и соревнование в Европе создали динамичную систему несовершенной конкуренции и возрастающей отдачи. Новые знания и инновации распространились в экономике в виде растущих прибылей и зарплат, а также обширной базы для налогообложения. Основой европейской экономической политики было убеждение, что развитие обрабатывающей промышленности решает все основные экономические проблемы: создает необходимые рабочие места, прибыль, большие зарплаты, базу для налогообложения и лучшее денежное обращение²³. Итальянский экономист Фердинандо Галиани (1728–1787), которого Фридрих Ницше назвал самым умным человеком XVIII века, утверждал, что «от обрабатывающей промышленности можно ждать исцеления двух главных болезней человечества: суеверности и рабства»²⁴. Стандартная экономическая наука, которая пытается осмыслить экономическое развитие в рамках безупречных совершенных рынков, не видит самого главного: совершенные рынки — для бедных. Точно так же бесполезно пытаться понять экономическое развитие в рамках того, что экономисты называют *провалом рынка*²⁵. Согласно стандартной экономической теории, экономическое развитие — это один гигантский провал совершенных рынков.

Распространение богатства в Европе, а затем и в других развитых частях света, стало результатом сознательной политики соревнования: сила рынка была приручена, как сила ветра, для достижения поставленной цели. Однако сила ветра, как и сила

рынка, не всех двигает в правильном направлении. Кумулятивные факторы и траектории развития заставляют рынок «дуть в паруса прогресса» только тогда, когда в стране уже достигнут высокий уровень развития. Чем беднее страна, тем реже ветра *laissez-faire* дуют в нужном ей направлении. Именно поэтому вопрос свободной торговли и прочих стратегических решений так сильно зависит от ситуации в стране и выбора момента. В отсутствие специфического контекста все аргументы экономистов-теоретиков за свободную торговлю или против нее будут так же бесполезны, как рекомендации врачей в отсутствие диагноза или знания симптомов. Отсутствие контекста в стандартной экономической теории поэтому является фатальным недостатком, который исключает любое качественное понимание предмета. Исторически успешная экономическая политика основывалась либо на «управлении рынком» (Роберт Уэйд), либо на установлении «неправильных» цен (Джон Кеннет Гэлбрейт и Элис Эмсен). Колониализм был по своей сути системой, при которой ни первое, ни второе не должно было произойти. Наше непонимание связи между колониализмом и бедностью сильно мешает нам понять феномен бедности²⁶.

Доктрина сравнительного преимущества, начавшаяся с Рикардо, сегодня стала краеугольным камнем международного экономического порядка. Известный американский экономист Пол Кругман утверждает, что интеллектуалы не понимают Рикардовой идеи сравнительного преимущества, которая «совершенно верна, невероятно изощрена — и чрезвычайно актуальна для современного мира»²⁷. Я утверждаю противоположное: Рикардо, исключив из экономической теории качественное понимание экономических перемен и динамики, создал теорию, которая позволяет стране полноценно специализироваться на бедности. В теории Рикардо экономика никуда не движется, в ней нет прогресса, а значит, не с чем и соревноваться. Заявив о том, что сравнительное преимущество решит все проблемы бедных, Вашингтонский консенсус просто запретил использовать инструментарий эмуляции — тот самый, который может похвастаться 500-летней историей успеха начиная с конца XV века и заканчивая Планом Маршалла 1950–1960-х годов.

II. Эволюция двух разных подходов

Читателю придется самому решать, нужны ему простые или полезные ответы на его вопросы — здесь, как и в других экономических делах, ответы не бывают одновременно и простыми, и полезными.

Йозеф Алоис Шумпетер, австро-американский экономист. 1932

Аристотель придерживался мнения, что крупные центры торговли должны располагаться вдали от больших городов. Находки археологов подтверждают, что современники к его мнению не прислушивались: торговые площади были центральной частью больших городов. Адам Смит в книге «Богатство народов» (1776 г.) велел англичанам открыть границы для свободной торговли, но история гласит, что за 100 лет, последовавших за изданием книги, в Англии было собрано таможенных налогов больше, чем во Франции, которая сегодня считается оплотом протекционизма. Согласно традиционной точке зрения, Англия разбогатела при помощи Смитовой политики *laissez-faire* и свободной торговли, однако историки, основательно изучив эту тему, пришли к совершенно другим выводам. Уильям Эшворт недавно заключил: «Если у Англии/Британии и был свой уникальный путь индустриализации, то ключ к нему в том, что ее культура не столько была предпринимательской и техноцентричной, сколько определялась институциональной системой, главную роль в которой играли акцизы (налоги) и тарифная стена»¹.

Сегодня чикагские экономисты, чтобы теоретически обосновать глобализацию и политику мировых финансовых организаций, вещают миру: государство и муниципальные правительства не должны вмешиваться в экономику. В реальности мэр Чикаго тратит миллионы долларов общественных фондов на создание инкубаторов для наукоемких производств. Даже в пределах одного города разрыв между теорией и практи-

кой огромен. В Вашингтоне Администрация по делам малого бизнеса в США ежегодно тратит 20 млрд долл. на займы и гарантии в поддержку частных компаний Соединенных Штатов. Расположенные в нескольких кварталах от здания Администрации финансовые организации Всемирный банк и МВФ продолжают навязывать бедным странам условия, не позволяющие учредить у себя аналогичные институты. Несколько лет назад штат Алабама потратил 253 млн долл. на субсидирование завода «Mercedes-Benz». Чиновники утверждают, что завод генерирует доход, который позволил окупить эти издержки за 5 лет, к тому же строительство одного автомобильного завода в штате повлекло строительство еще четырех². Так же действовали бедные страны во время индустриализации, хотя там чаще использовались тарифы, а не прямое субсидирование. В обоих случаях издержки временно ложатся на плечи граждан, но зато в будущем они оказываются в выигрыше. Такая логика всегда жертвует краткосрочным выигрышем потребителей ради их же долгосрочного выигрыша, но уже в новой роли: они выигрывают как производители, от увеличения количества рабочих мест и роста зарплат. Журнал «Newsweek» похвалил штат Алабама за предпринимательскую инициативу, но неизменно критикует бедные страны, когда они пытаются действовать по той же схеме. Экономисты-традиционалисты, без сомнения, станут критиковать и Администрацию по делам малого бизнеса США, и промышленную политику Алабамы. Однако их никто не слушает в США, где абстрактной высокой теории позволено формировать только политику бедного мира.

Получается, что реально благородная экономическая риторика годится только на экспорт, а для «внутреннего пользования» берутся совсем другие, прагматические, принципы. Джордж Буш проповедовал свободную торговлю ради всеобщего блага. В реальности Соединенные Штаты субсидируют и защищают множество своих отраслей, от сельского хозяйства до высоких технологий. Пол Кругман, оказавший влияние на торговую и промышленную политику за пределами США, жалуется, что «дома» никто не придерживается традиционной теории торговли Рикардо: «Взгляд на торговлю как на псевдвоенное соревнование традиционно распространен среди управленцев, ведущих предпринимателей и влиятельных интеллектуалов... Дело даже не в том, что экономическая на-

ука перестала контролировать процесс; идеи из стандартного учебника по экономической теории вообще не принимаются в расчет...»³

Это важная тенденция. США разрываются между двумя традициями: активистской политикой Александра Гамильтона (1755–1804) и заветом Томаса Джефферсона (1743–1826), сказавшего, что «лучшее правительство то, которое меньше всего управляет». Гамильтон стоял за учреждение в 1791 году первого центрального банка США, в то время как Джефферсон с ним боролся и немало способствовал закрытию банка в 1811 году. С типично американским прагматизмом соперников помирили так: последователи Джефферсона стали отвечать за риторику, а последователи Гамильтона — за политику. Сегодняшние экономикс-теоретики решают важную задачу по разработке риторики в духе Джефферсона и Рикардо, которая, как Пол Кругман сообщает нам, почти не влияет на национальную политику страны.

В этом Соединенные Штаты следуют примеру Англии. В 1820-е годы один из членов палаты представителей сказал, что теории Давида Рикардо, как и многие другие английские продукты, были, похоже, созданы исключительно «на экспорт». Поэтому американский афоризм 1820-х годов «Следуй не совету англичан, но их примеру» сегодня может прозвучать так: «Следуй не совету американцев, но их примеру».

Богатые страны склонны навязывать бедным странам теории, которым они сами никогда не следовали и скорее всего никогда не последуют. Поэтому важно уметь смотреть сквозь высокую теорию, чтобы увидеть за ней реальную жизнь. К сожалению, существует только история экономической мысли — наука о том, что должно было произойти по словам теоретиков; истории экономической политики — науки о том, какая политика в реальности проводилась на практике, — нет. Торстейн Веблен различал *эзотерические* теории, т. е. абстрактные теории для нужд немногих посвященных, и *экзотерические* теории, т. е. практические теории для всех и каждого. Проблема в том, что эзотерические теории имели куда меньше влияния на реальность, чем убеждают нас историки экономической мысли. Однако несмотря на это, со времен Адама Смита эзотерические теории успешно используются для пропаганды. Хорошим примером тут может послужить господствующая сегодня между-

народная теория торговли, согласно которой чисто рыночная экономика сделает всех одинаково богатыми.

К выводу о том, что богатые страны, как правило, имеют куда больше торговых ограничений, чем требует их идеология, пришел и итальянский экономист XVIII века Антонио Дженовези (1712–1769): «Есть те, кто под свободой торговли понимают две вещи: абсолютную свободу фабрикантов на производство изделий, без каких-либо ограничений по размерам, весу, форме, цветам и т. д., и не менее абсолютную свободу купцов на распространение, экспорт и импорт всего, что им хочется, без ограничений, без акциз, без тарифов, без таможенных сборов. Но такой свободы не существует нигде на Земле, она встречается разве что на Луне; особенно же редко она встречается в странах, которые лучше остальных понимают торговлю»⁴.

В истории человечества глобальная свободная торговля всегда была химерой; страны, которые придерживались ее хотя бы только в решающие моменты своего развития, стали самыми успешными экономиками мира. Объясняя этот феномен, стандартная экономическая наука утверждает, что богатство сильно зависит от открытости экономики. Это примерно то же самое, что, сравнивая доход студента и специалиста, который занят на рынке труда, прийти к заключению, что образование не окупается, потому что у студента доходы ниже. Все страны, которые сегодня богаты, обязательно проходили через период защиты национальной обрабатывающей промышленности. Функцию этого периода подчеркивает термин «воспитательные тарифы» (*нем.* *Erziehungszoll, oppfostringstoll*), существующий в германских языках. В английском языке раньше существовал термин «*infant industry protection*» (букв.: «защита младенческих отраслей промышленности»), так что из одного названия было понятно, что это необходимая мера. Сравнить страны, которые прошли эту стадию, со странами, которые ее не проходили, бессмысленно.

Пропасть между теорией и реальностью становится еще более тревожной, когда одни и те же теоретики для разных целей пользуются разными теориями. Проблемы дальних стран решаются согласно эзотерическим (абстрактным) принципам. Но зато когда нужно решить проблему в непосредственной близости от дома — откуда ни возьмись появляется здравый смысл, прагматизм и опыт. Адам Смит, чья книга «Богатство народов»

вышла во времена американской революции, утверждал, что Соединенные Штаты сделают большую ошибку, если попытаются защитить свою обрабатывающую промышленность. Одна из главных причин того, что в 1776 году Америка стала бороться за независимость, — это традиционный для колонизаторов запрет на учреждение обрабатывающей промышленности, который Англия ввела в американских колониях (за исключением производства мачт и дегтя, которые англичанам были нужны). Что характерно, в той же книге, хотя и в другой главе, Адам Смит заявлял, что только страна с собственной обрабатывающей промышленностью может выиграть войну. Александр Гамильтон, первый министр финансов США, прочел Адама Смита и для формирования промышленной и коммерческой политики США мудро выбрал именно проверенное практикой утверждение о том, что только страны с собственной промышленностью побеждают в войнах, а не голословное заявление о свободной торговле.

Следуя скорее примеру Англии, чем ее советам, Соединенные Штаты защищали свою обрабатывающую промышленность 150 лет. Теория, на которой основан весь сегодняшний экономический порядок, утверждает, что свободная торговля приведет к «выравниванию цен на производственные факторы»; иными словами, что цены на труд и капитал станут одинаковыми во всем мире. Однако немногие экономисты говорят своим детям, что, раз выравнивание цен на производственные факторы уже не за горами, то можно идти мыть посуду в ресторане, полагаясь на свое «сравнительное преимущество», вместо того чтобы стремиться стать врачом или юристом. Как частные граждане, экономисты прекрасно понимают, что выбор вида деятельности во многом определит жизнь их детей. Однако на международном уровне эти же экономисты придерживаются иного мнения, поскольку их инструментарий достиг такой степени абстрактности, что в нем практически не осталось инструментов для того, чтобы фиксировать качественные различия между разными видами экономической деятельности. На международном уровне стандартная экономическая наука доказывает, что воображаемая нация чистильщиков обуви и посудомоек может сравняться по благосостоянию с нацией, состоящей из юристов и биржевых брокеров. Получается, что когда экономисты дают советы африканским детям, они исхо-

дят из иных соображений, чем когда дают их собственным детям. Как сказал об этом Торстейн Веблен, инстинкты экономистов отравлены полученным образованием.

То, что страна специализируется на чем-либо согласно своему сравнительному преимуществу, означает, что в такой деятельности она наиболее эффективна по сравнению с другой страной. В Приложении I показано, как теория торговли делает возможной специализацию страны на бедности и невежестве. Это оказывается возможным, потому что торговая теория, которая формирует сегодняшний экономический порядок, основана на концепции, что страны обмениваются идентичными трудочасами, лишены качественных характеристик, в системе, где нет производства. Торговая теория Рикардо рассматривает один трудочас времен каменного века наравне с одним трудочасом в Силиконовой долине, а потом предсказывает, что экономическая интеграция между этими экономиками приведет к экономической гармонии и выравниванию зарплат.

В очень обобщенном смысле можно выделить два основных типа экономической науки. Один основан на метафорах из естественных наук (как правило, из физики), например это «невидимая рука», которая удерживает Землю на орбите вокруг Солнца (конец 1700-х гг.), или метафора равновесия, основанная на физической теории 1880-х годов. Экономическая наука, которую мы именуем стандартной или традиционной, основана на метафоре равновесия, при том что сами физики от понятия равновесия отказались еще в 1930-е годы. Эта наука строится сверху вниз, ведя свое начало от абстрактной метафоры. Получается, что экономист анализирует мир при помощи метафоры, а потом применяет свои теории на практике к африканским детям.

Другой тип экономической науки основан на опыте, строится снизу вверх. Его идеи часто сначала существуют как практическая политика, из которой потом выкристаллизуется теория. Город-государство Венеция применяла одну экономическую политику на протяжении веков, задолго до того как экономист Антонио Серра официально закрепил эту практику в теории и объяснил механизм ее успеха. Аналогичным образом древние люди с незапамятных времен жевали ивовую кору, чтобы избавиться от головной боли, прежде чем Байер официально закрепил эту практику, выделив из коры салициловую кислоту (*salix*

на латыни значит «ива»), и произвел первый аспирин. Моряки раннего Средневековья для профилактики цинги запасались в плаванье апельсинами и лимонами, за многие века до того как в 1929 году был открыт витамин С. Получается, что болезнь (экономическую и не только) можно прекрасно лечить, используя опыт предыдущих поколений, при этом не обязательно понимать, какие именно механизмы способствуют лечению.

Этот менее абстрактный тип экономической науки, как правило, использует метафоры из биологии, а не из физики. С тех самых пор как в 400 году до н. э. был составлен кодекс римского права, человеческое тело стало источником метафор для всех общественных наук. Наиболее знаменитой манифестацией этого феномена стал, вероятно, «Левиафан» Томаса Гоббса, в котором государство изображено буквально построенным из своих граждан⁵. Этот тип науки основан на качественном и всеобъемлющем понимании исследуемого «тела» и приводит в результате к объяснению, в котором важные элементы, такие как синергия не сопоставимых, но взаимозависимых частей этого тела, не сведены только к цифрам и символам. С теорией Чарльза Дарвина (1809–1882) родился новый тип экономической метафоры, сравнивающий общественные изменения (такие как инновации) с природными мутациями. В это же время заклятый оппонент Дарвина, французский натуралист Жан-Батист Ламарк (1744–1829) придерживался мнения, что приобретенные черты могут быть унаследованы; оба эти подхода отлично сочетаются, если их применять не в биологии, а в экономической теории. Теория Ламарка хорошо подходит экономической науке, которая допускает, что знание и опыт могут накапливаться поколениями. Эта теория основана на опытных данных и открыта как для синергических эффектов, так и для прогресса. Это ее используют экономисты «дома», где они способны различать разные виды экономической деятельности и поэтому советуют своим детям отказаться от специализации на мытье посуды согласно своему сравнительному преимуществу.

У всех метафор есть и достоинства, и недостатки. Крайне абстрактные метафоры из физики сильны четкостью и конкретностью рекомендаций, например, утверждением, что свободная торговля приведет к выравниванию зарплат в бедных и богатых странах (выравниванию цен на производственные факторы). Но проблема в том, что экономическая теория, основанная

на физике, игнорирует качественные различия между видами экономической деятельности, которые в конечном итоге обобщаются количественно измеримыми различиями в уровне зарплаты. В абстрактных моделях, основанных на физике, нет ни творческих элементов Возрождения, ни упорядоченности Просвещения. Независимо от уровня образованности человека, моющего посуду в ресторане, он никогда не будет зарабатывать столько же, сколько специалист по высоким технологиям. Без смены профессии посудомойка будет специализироваться на относительной бедности в условиях любого рынка труда. То, что целые страны могут специализироваться на бедности, кажется невероятным экономистам, работающим с метафорами из физики, потому что у них нет инструментов для качественного различения видов экономической деятельности. Эти экономисты считают неприемлемыми попытки бедных стран заняться теми видами экономической деятельности, которые могли бы повысить общенациональный уровень зарплаты, как это сделали нынче богатые страны. Модели, основанные на физике, также беспомощны при столкновении с инновациями и новыми знаниями, потому что не допускают, что в мире может произойти что-то качественно новое. Они также упускают из виду синергию, связи и системные эффекты — своеобразный клей, который соединяет экономики и общества между собой. Утверждение Маргарет Тетчер, что такого понятия, как общество, не существует, является прямым и логичным выводом из современной стандартной экономической теории.

Важной фигурой в истории экономической науки, основанной на опыте, является Фрэнсис Бэкон (1561–1626). Его основным качеством было то, что Веблен называет «праздное любопытство», любознательность, не ищущая выгоды. В полном соответствии с этим Бэкон умер от простуды, подхваченной во время опытов по исследованию влияния заморозки на сохранность мяса. Опыты заключались в том, что Бэкон выходил во двор во время метели и набивал тушки цыплят снегом. Тушки в результате действительно остались сохранными, а вот Бэкон умер от пневмонии. После появления абстрактной теории Давида Рикардо было сделано несколько попыток «бэконизировать» экономическую теорию: в Англии критиком Рикардо был преподобный Ричард Джонс (1831 г.)⁶, а в Соединенных Штатах Джон Рэй (1834 г.)⁷. Однако экономическая наука, осно-

ванная на опыте, опирается в основном на биологические метафоры, куда менее точные, чем метафоры из физики, и не дающие таких же четких ответов на злободневные вопросы. Теории, основанные на опыте, предлагают компромиссные решения. В теориях же, основанных на физических моделях, которые поощряют использование одной и той же экономической политики в любом контексте, компромиссных решений почти не бывает. Однако во многих ситуациях свободная торговля совершенно необходима для создания в стране богатства, а в других она, наоборот, приведет к обнищанию. Получается, что экономическая теория (см. эпиграф к этой главе) дает нам выбор между простыми, но не слишком релевантными объяснениями, и объяснениями более сложными, но и более релевантными.

Используя в качестве метафоры для понимания общества человеческое тело, удобно объяснять явления синергии, взаимозависимости и взаимодополняемости в экономической системе. В противовес метафорам из физики метафора тела передает идею, что люди — это одушевленные существа с творческим разумом, который также является немаловажным экономическим фактором. Основную движущую силу экономического общества людей Фридрих Ницше называет *капиталом духа и воли*: новые знания, предпринимательскую деятельность и организаторские способности в частной и общественной жизни. Недавно современная эволюционная экономическая теория попыталась вернуться к этим элементам и использовать их для формирования промышленной политики третьего мира. Возможно, со временем из этих попыток вырастет замена Хайлбронеровым философам от мира сего.

Впрочем, особой нужды ударяться в полемику нет, поскольку эти типы экономического мышления во многом сочетаются и дополняют друг друга. Оба подхода важны так же, по меткому выражению британского экономиста Альфреда Маршалла (1842–1924), как обе ноги, правая и левая, важны нам для того, чтобы ходить⁸. Основанная на физике экономическая теория дает нам утешительную иллюзию упорядоченности окружающего хаоса, но важно понимать, что эта иллюзия создается за счет отречения от целого ряда качественных аспектов экономического мира. Тот, кто забывает, что основанные на физике модели являются не реальностью, но исключительно упрощенными моделями этой реальности, рискует наделать много

ошибок. Пример такой ошибки — это метод, каким была введена глобализация, — шоковой терапией. Вместо того чтобы привести к выравниванию цен на производственные факторы, во многих странах она спровоцировала их поляризацию по отношению к остальному миру. Богатые страны, таким образом, продолжают богатеть, а многие бедные — беднеть. Поскольку модели, основанные на физике, не предусматривают такого исхода, потребуется много времени, прежде чем мировое сообщество попытается скорректировать это нежелательное развитие. Проблема в том, что популярные сегодня модели, основанные на физике, как правило, игнорируют именно те факторы, которые создают богатство; факторы, которые есть в богатых странах и отсутствуют в бедных, — несовершенную конкуренцию, инновации, синергию между разными экономическими секторами, экономию за счет роста производства и диверсификации продукции, а также существование таких видов экономической деятельности, которые делают эти факторы возможными. Впоследствии мы еще вернемся к ним.

Альтернативную экономическую науку, основанную на опыте, методологию, которую до сих пор использует Гарвардская школа бизнеса, мы будем в дальнейшем называть Другим каноном⁹. Он объединяет экономические подходы и теории, которые исходят в своих рассуждениях об экономике из фактов и опыта. Начиная с конца 1400-х годов только экономической теории Другого канона, с ее убежденностью в том, что виды экономической деятельности качественно различаются как носители экономического роста, удавалось вытаскивать страны из бедности. Однако как только в них начинался экономический рост, они одна за другой переключались с биологической на физическую экономическую теорию, как это сделали Англия в конце XVIII и США в середине XX века. Чтобы понять, как работала экономическая политика этих успешных стран и почему они меняли одну теорию на другую, мы подробно рассмотрим Другой канон.

Экономическая наука, основанная на опыте, правила в мире на протяжении долгих веков. Сегодняшней абстрактной стандартной теории еще нет и 250 лет. Она произошла от учения физиократов, на котором недолго основывалась экономическая политика предреволюционной Франции. Адам Смит, считав-

шийся при жизни антифизиократом, использовал некоторые идеи физиократов в своих книгах, написанных в разгар индустриальной революции. Однако по-настоящему зацементировалась абстрактная модель только в «Принципах политической экономии и налогообложения» Давида Рикардо (1817 г.). Как мы еще увидим, история знает случаи, когда эти абстрактные принципы приводили к запустению, голоду и общественным проблемам, потому что были использованы в неподходящих условиях.

С появлением миропонимания холодной войны традиция Другого канона почти вымерла. Теория Рикардо безраздельно воцарилась в мире, безоговорочно принятая левыми и правыми политиками. На илл. 2 мы видим «генеалогическое древо» экономической теории из «Экономики» Пола Самуэльсона, учебника, на котором выросло не одно поколение экономистов. Как коммунизм, так и либерализм (как Иосиф Сталин, так и Милтон Фридмен) ведут начало от теории Рикардо. Поэтому холодная война была гражданским конфликтом между двумя ветвями Рикардовой экономической науки, разделявшими несколько общих убеждений. В частности, в зрелой форме обе ветви не признавали ни важности технологий и предпринимательства, ни роли государства. При коммунизме, например, государство должно было «раствориться». Чтобы достичь мифического Рикардова равновесия, коммунизм¹⁰ просто заменил рынок огромным калькулятором. Так же как социал-демократы первыми погибали в битвах коммунистов с либералами, традиция Другого канона оказалась почти истреблена в перестрелке между правым и левым флангами Рикардовой теории¹¹.

Традиции, впрочем, редко исчезают без следа, и многие экономисты, недовольные ни одной из крайностей, продолжают разрабатывать альтернативные теории. Благодаря им и была написана эта книга. На илл. 3 графически изображена 500-летняя история развития альтернативной экономической науки. Именно традиция Другого канона определяла экономическую политику стран, успешно прошедших путь от бедности к богатству. Англия пошла по этому пути в 1485 году, континентальная Европа вскоре последовала за ней. Скандинавские страны, которые из-за малого размера своих внутренних рынков так сильно сегодня зависят от свободной торговли, веками следовали этой же политике, пока не стали достаточно сильными, чтобы

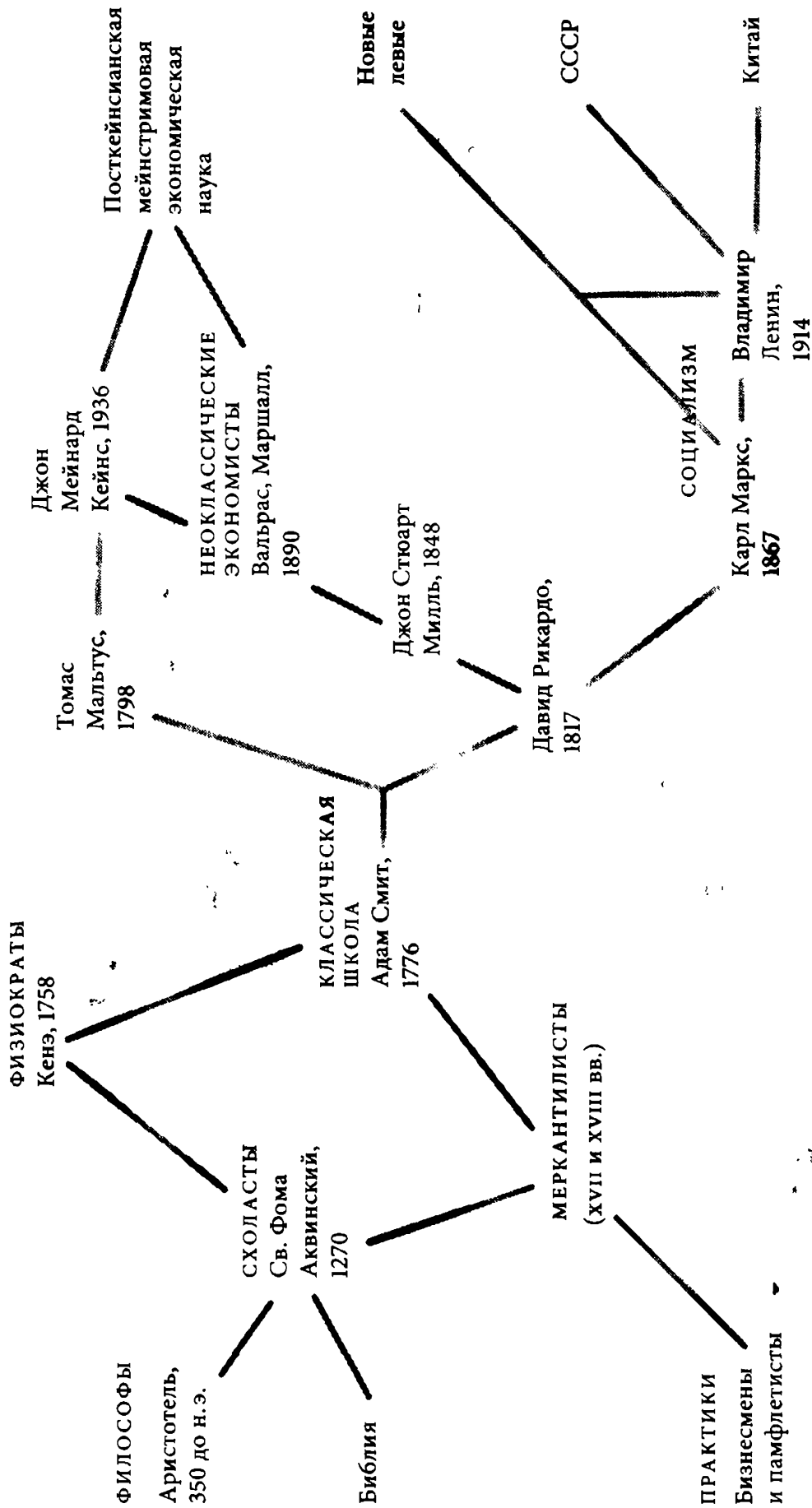

ИЛЛЮСТРАЦИЯ 2. Генеалогическое древо экономической науки Пола Самуэльсона, 1976 г.

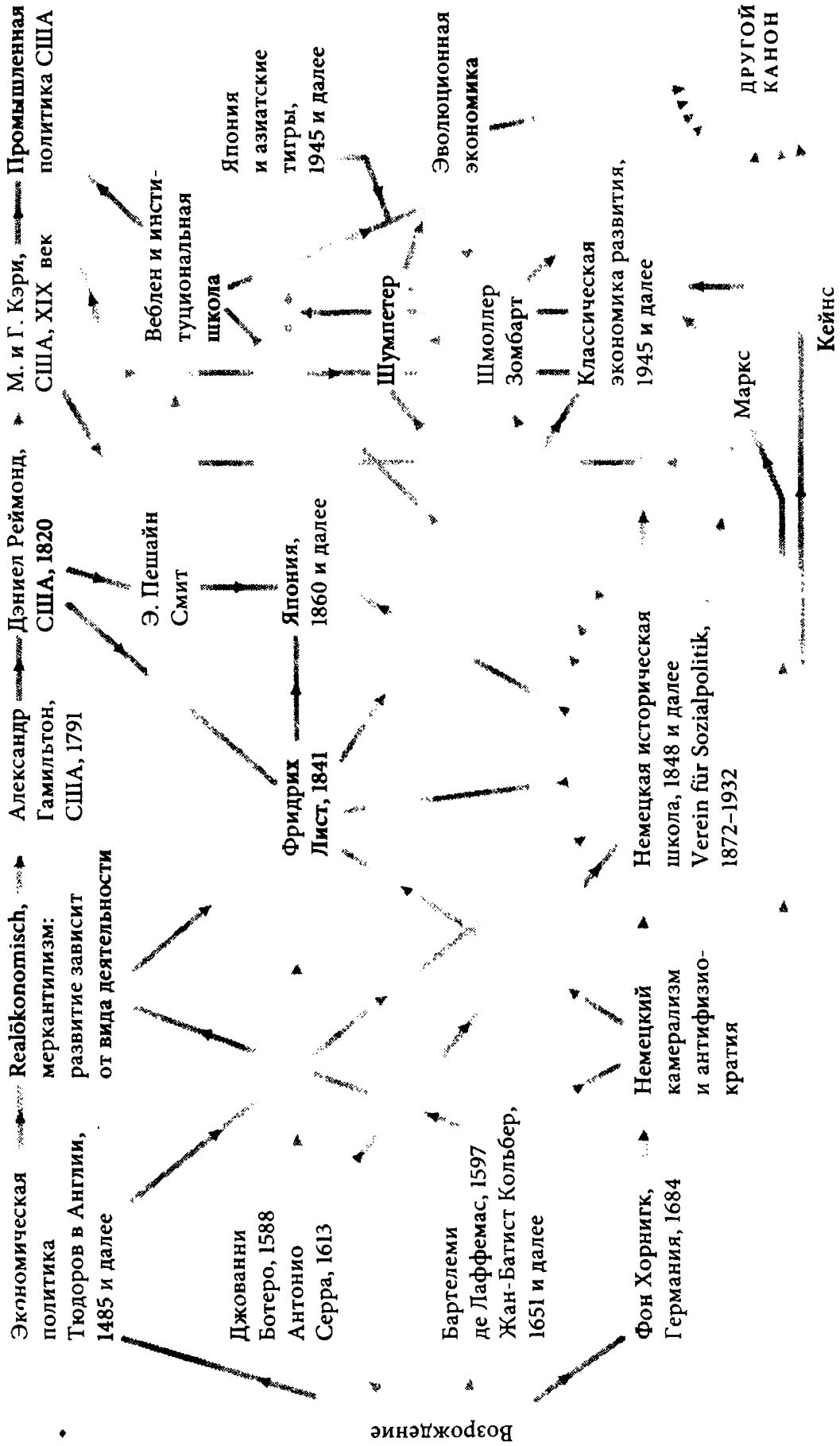

ИЛЛЮСТРАЦИЯ 3. Генеалогическое древо Другого канона экономической науки

выдержать глобальную конкуренцию. Следовали ей и Соединенные Штаты — вначале в 1776 году, после получения независимости, а затем в 1820-е годы, в почти агрессивной манере.

Моя цель не в том, чтобы представить читателю мозаику теорий, которые я объединил под общим названием «Другой канон», в качестве непреложной истины. Понятие «истина» в экономической политике — это всегда крайне сложное явление. В реальном мире порой приходится делать невероятно сложный компромиссный выбор (*англ.* trade-off) между разными периодами времени (и даже поколениями) в условиях неопределенности. Любая рекомендация по экономической политике полностью зависит от ситуационных и структурных особенностей (немцы используют удобный термин «*Strukturzusammenhänge*»), а следовательно, от конкретного знания. В Приложении II Другой канон сравнивается со стандартной экономической теорией. Это сравнение, вероятно, заинтересует прежде всего профессиональных экономистов.

Виктор Норман, теоретик международной торговли, вкратце описывает сегодняшнюю стандартную экономическую науку так: «В экономической науке как дисциплине хорошо то, что она является только образом мышления; фактического знания в ней не существует»¹². В этот теоретический мир иногда врываются беспокойная реальность и фактическое знание. Считается, что когда один из друзей упрекнул Рикардо, что его теории не соответствуют фактам, он ответил: «Тем хуже для фактов»¹³.

Как я уже говорил, оба полюса Рикардовой экономической науки развились в некое подобие религии¹⁴, так что во время холодной войны экономическая наука, основанная на фактах (исторические школы в Европе и институциональная школа в США), была вытеснена и почти исчезла. Для Рикардовой экономической науки характерен приоритет формы над реальностью. Стандартная экономическая наука — это крайняя степень абстракции экономического сценария, подобно тому как шахматная партия — это крайняя степень абстракции сценария военных действий. Но так же как конфликт в Ираке нельзя разрешить, пользуясь правилами игры в шахматы, проблема бедности в мире неподвластна экономической науке, в которой не хватает ключевых переменных на уровне фактов¹⁵.

В традиции Другого канона знание на макроуровне достигается только через подробное фактическое знание о том, что

происходит на микроуровне. Для этого экономистам постоянно приходится перемещаться между микро- и макроуровнями, между высоким и низким уровнем абстракции. Это стратегия противоположна той, которую описывает Виктор Норман; главное в ней — это релевантность, а форма важна только настолько, насколько она отражает актуальные факты. Экономическая наука Другого канона располагает широким инструментарием и пользуется всеми инструментами, которые способны отразить актуальную реальность. В стандартной же экономической науке математическая точность значит больше, чем собственно объект анализа, экономика. Как не раз отмечалось, инструментарий и система стимулов работают в стандартной экономической науке таким образом, что большинство экономистов предпочитают быть точно неправыми, а не примерно правыми. Математическая тщательность оказалась не приемлемой для качественного анализа.

Абстрактная стандартная наука в той форме, в какой она применяется сегодня к бедным странам, исходит из того, что в мире нет разнообразия, трения, конфликтов и компромиссов. Предполагается, что в этом мире знание бесплатно и снисходит на всех людей одновременно, как манна небесная (понятие «совершенная информация»). Если бы эта книга была написана только для экономистов, можно было обсудить предпосылки традиционной экономической науки, предпосылки, обязанные своим появлением тем, что их защитники решили моделировать общество на основании физики 1880-х годов. Однако мы коснемся специфических предпосылок кратко, только для того чтобы выделить главную — предпосылку о равенстве. Смело отказавшись от любых различий — между людьми, между видами экономической деятельности¹⁶, между странами, экономическая наука сделала свой выбор. Этим выбором стала простота, а релевантность была принесена ей в жертву. Экономическая наука утратила манеру упорядочивать мир при помощи категорий и систем, которой пользовалась во времена Просвещения, когда зарождались современные науки. При этом получилось, что она перестала видеть и качественную разницу между «предприятием» по чистке ботинок, основанным 12-летним подростком в Лиме, и компанией «Microsoft». Одновременно объяснение того, почему Билл Гейтс и его страна богаче, чем чистильщик ботинок и его страна, тоже было утеряно. Оба эти

предприятия сравнивались под общим названием «репрезентативное предприятие». Разработчики этой модели могут бесконечно украшать ее кружевами и бантиками и быть довольны. Однако такой подход не помогает широкой публике понять экономические процессы, а без этого не произойдет так давно назревшая смена экономической политики.

Основная предпосылка совершенной информации в реальности означает, что человечество состоит из клонов «человека без свойств» Роберта Музиля¹⁷. Как предположили немецкие экономисты, количественный анализ в этом типе теории подразумевает сложение вместе количеств, лишенных каких-либо свойств (*нем. qualitätslose Grössen*), труда и капитала, лишенных качественных характеристик. Заключение, к которому с такой гордостью пришла стандартная теория международной торговли, гласит, что мировая торговля приведет к выравниванию цен на производственные факторы. Это заключение неминуемо следует из базовых предпосылок самой науки: теория, в которой все элементы равны и одинаковы, не может прийти ни к какому другому выводу, кроме равенства результатов.

После преобразований, которые экономическая наука пережила в XXI веке, она утратила два важных аспекта — время (историю) и пространство (географию). Мир экономической науки превратился в сказочный мир, где нет ни времени, ни пространства, ни трения, мир автоматической, бесконечной гармонии, где дуб вырастает в огромное дерево за то же время, которое требуется, чтобы его срубить (т. е. нулевое время). В результате такой абстрактности получается, что в реальной жизни постоянно происходит то, что происходить не должно; к примеру, случается финансовый кризис в Азии, некоторые страны только беднеют от глобализации, вместо того чтобы богатеть.

Сегодняшняя стандартная экономическая наука (в той форме, в какой она применяется в бедных странах) не признает важности *возрастающей отдачи* (т. е. того, что в некоторых видах экономической деятельности затраты на производство падают при увеличении объемов производства), *технологического прогресса*, возможности которого сильно различаются в разных видах экономической деятельности, и *синергии*. А ведь именно эти факторы, действуя совместно, образуют цепную реакцию, которая создает структурные изменения, именуемые экономическим развитием. Прежде всего абстрактные теории не пред-

усматривают многообразия и гетерогенности. Я утверждаю, что благодаря перечисленным выше факторам экономический рост напрямую зависит от вида деятельности: в одних видах он происходит, а в других нет. Эти факторы иногда присутствуют в «игрушечных моделях» экономистов, даже в моделях мировых финансовых организаций. Однако (возможно, из-за непонимания того, что такое «научный метод») стандартная экономическая наука почти всегда учитывает только один из факторов реальности за раз¹⁸. Другие аспекты остаются за кадром и рассматриваются также в изоляции. Таким образом, инструментарий экономиста по большей части основан на физике, вследствие этого стандартная наука и стандартная политика всегда берут верх. Для того чтобы понимать динамику развития богатства и бедности, Другой канон требует разом отказаться ото всех основанных на физике предпосылок.

Принцип возрастающей отдачи можно использовать, не понимая до конца, как он работает, так же как можно жевать ивовую кору для лечения головной боли и есть цитрусовые для профилактики цинги. Давным-давно Европа заметила, что обрабатывающая промышленность приносит странам богатство, но это наблюдение никак не было связано с понятием возрастающей отдачи. Здравый смысл опережает науку. Как сказал в 1620-е годы английский экономист Эдвард Миссельден, «раньше мы знали это из здравого смысла, а теперь из науки». Считается, что растущая отдача происходит от знаменитой «булавочной мануфактуры» Адама Смита. Как обычно, все, что происходило до Адама Смита, игнорируется. Однако еще Ксенофон (ок. 427–355 до н. э.), чей труд «*Oeconomicus*» дал экономике ее название, системно описал возрастающую отдачу в своей книге «*Poroi*». В 1613 году Антонио Серра, который, как писал Йозеф Шумпетер, был «первым автором научного трактата... об экономических принципах и политике»¹⁹, описал возрастающую отдачу и рост богатства, к которому она приводит, гораздо доходчивее, чем это сделал Смит в 1776 году. Немецкий экономист Эрнст Людвиг Карл (1682–1743) описал феномен возрастающей отдачи в трехтомнике²⁰, использовав в качестве примера «булавочную мануфактуру», которую позже Смит прославил на весь мир.

С тех пор как возрастающая отдача была названа Антонио Серра основой богатства, жизнь этого понятия в истории эконо-

номической мысли была крайне бурной. Получив в 1613 году разрешение рассказать о своих идеях наместнику короля, Серра был осмеян и отправлен в тюрьму, где и умер спустя несколько лет. Однако в 1750-х годах об идеях Серра вспомнил первый профессор экономической науки, появившийся южнее Германии, Антонио Дженовези. Еще позднее Роберт Мальтус (1766–1834) и его друг Давид Рикардо совершенно отказались от идеи возрастающей отдачи, построив свои экономические теории вокруг противоположного явления, типичного для сельского хозяйства, — убывающей отдачи. После того как в 1803 году труд Серра был переиздан, в 1840–1850-е годы немецкие экономисты Фридрих Лист (1789–1846) и Вильгельм Рошер (1817–1894) вернули растущей отдаче ее славу как в теории, так и на практике. Основатель неоклассицизма в экономической науке Альфред Маршалл (1842–1924) обращался к возрастающей отдаче²¹, но впоследствии это понятие исчезло из неоклассической теории. Возрастающая отдача была возрождена в Соединенных Штатах в 1920-х годах благодаря статьям Фрэнка Грэма (1890–1949) и Эллина Янга (1876–1929), но уже в 1930-х годах была отброшена другим американским экономистом, Джейкобом Вайнером (1892–1970), на том основании, что она не совместима с предпосылкой о равновесии. В 1980-е годы возрастающая отдача вернулась в теорию международной торговли благодаря Полу Кругману, но почти немедленно была авторитетно отвергнута Ягдишем Бхагвати как «уступка [Кругмана] юношескому максимализму»²².

В плане экономической политики возрастающая отдача — это скользкая тема. Если предположить, что она характерна для всех видов экономической деятельности, как это делали Адам Смит и иногда Пол Кругман, она становится прекрасным аргументом в защиту свободной торговли. В главе IV я объясню, как это происходит. Однако если предположить (как это сделали Антонио Серра, Фрэнк Грэм, Пол Кругман и Пол Ромер), что для некоторых видов деятельности (например, для сельского хозяйства) характерна убывающая отдача, а для других (например, для обрабатывающего производства и оказания продвинутых услуг) возрастающая, то станет понятно, почему бедным странам необходима индустриализация (Приложение III). После 1850-х годов возрастающая отдача стала основным аргументом в пользу индустриализации континентальной Европы.

В последние 20 лет возрастающая отдача постоянно фигурирует в экономических исследованиях, однако редко используется отдельно от упомянутой выше предпосылки о равенстве; «окна возможности» для масштаба производства, такие разные в разных странах, тоже почти никогда не упоминаются. Различия в квалификации и возможностях заработка, которые есть на «булавочной мануфактуре» Адама Смита, также почти никогда не учитываются. Возможно, экономисты и открыли возрастающую отдачу заново, по крайней мере американские экономисты Брайан Артур, Пол Кругман и Пол Ромер публично спорят о том, кому принадлежит честь этого открытия²³. Однако нежелание принять во внимание разнообразие и гетерогенность мира лишает экономистов возможности использовать понятие растущей отдачи для того, чтобы объяснить феномен неравномерного развития.

Чарльз Бэббидж (1791–1871), более известный своим вкладом в разработку компьютера, в истинно Бэконовом духе отправился на фабрику булавок и собрал там данные о зарплатах²⁴. Оказалось, что работник, покрывающий булавки оловом, получал 6 шиллингов в день, а работники, выпрямляющие проволоку, — только 1 шиллинг. Возрастающая отдача и специализация помогают нам понять, почему экономический рост так неравномерен. Опасность глобализации в том, что производственные цепи могут оказаться разорваны так, что богатым странам достанутся все квалифицированные виды работ, т. е. покрывать булавки оловом, а бедным странам останется только выпрямлять проволоку. Бедные страны, как правило, специализируются на видах экономической деятельности, которые богатые страны не могут механизировать или рационализировать, и при этом еще терпят критику за то, что в их деятельности мало инноваций.

Все дело в том, что мировые финансовые учреждения навязывают стандартную экономическую науку всем странам, которые находятся под их крылом, т. е. большинству бедных стран. Ущерб, наносимый пренебрежением ключевыми факторами, различается от страны к стране. Цену за монополию одной очень абстрактной экономической науки в реальной жизни платят бедняки. Страна, где наблюдается активный технологический прогресс, где есть возрастающая отдача и национальные синергические эффекты, несколько не страдает от того, что этих фак-

торов нет в экономической науке, потому что в реальной жизни они есть. Бедные страны, экспортирующие виды товаров, которые не подразумевают этих важнейших элементов — ни технического прогресса, ни возрастающей отдачи, ни синергии, несут все убытки. Аналогичным образом выполнение задачи, требующей большой физической силы, не повредит сильному человеку, но может навредить слабому. Как мы увидим, существует множество убедительных аргументов в защиту свободной торговли, но теория Рикардо к ним не применима. В случае богатой страны Рикардо со своей теорией торговли случайно оказывается прав и не может нанести никакого вреда; в бедной же стране он оказывается категорически неправ.

Йозеф Шумпетер писал, что экономическая наука страдает от «рикардианского греха»: она строится на априорных предпосылках безо всякого эмпирического основания. К этому «греху» мы можем прибавить «грех Кругмана», состоящий в том, чтобы разработать теории, лучше стандартной описывающие окружающий мир, но при этом отказаться применять их на практике. Можно прибавить сюда и то, что нобелевский лауреат 1974 года Гуннар Мюрдаль (1898–1987) назвал *оппортунистическим невежеством*, т. е. подмену экономических предпосылок ради достижения политических целей. Когда политикам требовалось склонить избирателей в пользу Европейского экономического сообщества, оно рекламировалось как способ увеличить богатство при помощи возрастающей отдачи (доклад Чеккини, 1988 г.). Когда тем же политикам понадобилась теория для налаживания торговли с Африкой, они обратились к теории Рикардо, которая отрицает существование возрастающей отдачи. Политики могли бы использовать другие предпосылки и теорию, по которым Африка должна была бы развить свою собственную обрабатывающую промышленность (в которой существует возрастающая отдача), а единый рынок оказался бы совсем не таким выгодным из-за отсутствия возрастающей отдачи. Выбор разных предпосылок в разных обстоятельствах зависит от корыстных интересов и политической власти. Мало того что между экономической риторикой и реальностью лежит пропасть; экономисты подменяют предпосылки, делая свою науку инструментом для поддержания бедности в бедных странах. Экономическая наука в некоторых вопросах тесно перемешана с властью и идеологией.

Технологии и возрастающая отдача, основные источники экономической власти, создают экономические барьеры для доступа. Исключая технологический прогресс и дихотомию возрастающей/убывающей отдачи из теории международной торговли, экономисты выступают в роли полезных и бездумных инструментов для достижения корыстных целей стран. Если не брать эту дихотомию в расчет, то при глобализации одни страны будут стабильно богатеть, а другие стабильно беднеть (Приложение III). В реальном мире богатые страны, которые специализируются на правильных видах экономической деятельности, развивают экономию на масштабах в использовании силы²⁵ и способности к принуждению²⁶.

В конце 1700-х годов английская экономическая мысль разошлась с континентальной европейской теорией. Во время первой индустриальной революции Адам Смит, бывший среди прочего таможенным чиновником, описывал мировую экономику как коммерческое общество, занятое больше покупкой и продажей, чем производством. В это же время экономисты континентальной Европы, например Иоганн Бекман (1739–1811) из Гёттингена, писали о производстве, технологиях и знаниях как об основах для создания богатства. Адам Смит также упоминал изобретения, но в его теории они совершаются вне системы, не являются ее частью. Производство, знания и изобретения исчезают из экономической науки Адама Смита потому, что он сводит производство и торговлю до уровня абстрактных трудовых часов. В 1817 году примеру Смита последовал Рикардо. Он разработал еще более абстрактную теорию, в которой мерилom ценности был «труд» — понятие, лишённое каких-либо качеств. Немного позднее Карл Маркс, продолжая немецкую традицию ставить производство в центр общественных наук, писал о развитии капитализма и о проблемах, которые он порождает в обществе. К сожалению, когда от Маркса потребовалось решение проблем капитализма, он обратился к трудовой теории ценности Рикардо. В немецкой традиции было принято рассматривать в качестве движущих сил экономики знания, новые идеи и технологии, так что теория Рикардо была для нее чуждым элементом. Выбор Маркса имел очень серьезные и долгосрочные последствия: он позволил абстрактному мышлению Рикардо воцариться по всей политической оси, от правого до левого фланга, на протяжении холодной войны и после ее

окончания. Осознав это в 1955 году, Николас Калдор (1908–1986) писал, что «Марксова теория — это на самом деле упрощенная и переодетая версия Рикардо»²⁷.

Получается, что коммунизм и либерализм — это если не родные, то двоюродные братья, два абстрактных теоретических учения, витающих над тривиальными фактами реального мира. В обеих теориях не хватает того, что мы называем капиталом человеческого духа и воли (*нем.* Geist- und Willens-Kapital) — новых знаний, инноваций, предпринимательства, лидерства и организационных способностей. Поскольку процесс производства свелся к применению одинаковых трудовых часов, мировую экономику можно свести к покупке и продаже уже произведенных товаров. Аналогичным образом человеческая деятельность свелась к поставке идентичных трудовых часов, лишенных каких бы то ни было качеств, и к потребительской деятельности. Рассуждая таким образом, коммунисты решили, что можно заменить рынок с его спросом и предложением огромным калькулятором и что результат при этом не изменится. Благодаря Фридриху фон Хайеку (1899–1992) в либеральной теории появился предприниматель, создающий в экономике равновесие. Другой тип предпринимателя, по-настоящему важный, — Шумпетеров предприниматель, который своими инновациями нарушает равновесие и тем самым создает экономический рост — труднее было формализовать, поэтому он остался за пределами системы.

Первая волна популярности Рикардовой экономической теории достигла пика в середине 1840-х годов. Общественные проблемы, которые во всех странах, кроме Англии и России, с 1848 по 1871 год обернулись революциями, показали, что без продуманной политики рынок не способен создать экономическую гармонию. К 1890-м годам стало ясно, что абстрактная система Рикардо, в которой ни одна предпосылка, за исключением уменьшающейся отдачи, не отражала реальности, лежала в основе всех пороков правого и левого политических флангов²⁸. Уважаемые историки экономической мысли, получившие образование в 1890-х годах, американец Уэсли-Клер Митчелл (1874–1948) и немец Отмар Шпанн (1878–1950) одновременно написали книги под названием «Types of Economic Theory» («Типы экономической теории»), в которых оба пришли к выводу, что типов экономической теории существует много, но абстрактная теория Рикардо только одна из них.

Несмотря на это, а также на абсолютное господство не-Рикардовой экономической науки в США и на континенте в первые 40 лет XX века, начавшаяся после Второй мировой войны повальная математизация общественных наук²⁹ в сочетании с холодной войной вернули Рикардо его былую популярность. Рынок вновь, как в 1840-е годы, стали считать механизмом по созданию автоматической гармонии, а революции, зародившиеся в 1840-е годы, объяснять социальным неравенством *внутри* стран. Сегодня мы вновь стоим перед проблемой неравенства, с той разницей, что теперь неравны в большей степени страны, а не граждане одной страны.

Близкое родство между коммунистическим планированием и неолиберализмом позволяет экономистам с легкостью менять одну политическую крайность на другую: из левых рикардианцев становиться правыми рикардианцами. Доктрина Рикардо, распространившись среди политиков разных убеждений, создала прочный фронт против основанной на опыте экономической науки. Этим можно объяснить трудности, с которыми столкнулась Лиссабонская стратегия Европейского союза. Лиссабонская стратегия сочетала необходимость инноваций с необходимостью общественной сплоченности, но поскольку оба этих понятия чужды учебнику по стандартной экономической науке, они были встречены с таким неприятием, что их пришлось переключить во что-то более подходящее. В США ситуация иная: пропасть между риторикой и реальностью позволяет применять на практике активную промышленную политику, относительно не испорченную теориями из учебника.

Если бы мы попытались проанализировать профессию экономиста как ветвь производства, мы вскоре обнаружили бы несколько странностей. Первую можно назвать системой первичных стимулов: как сказал Пол Самуэльсон в интервью журналу «New York Times» много лет назад, «экономисты работают ради признания своих же коллег»³⁰. Другим наукам (например, медицине) вполне удается совмещать признание коллег с реальностью спасения пациентов. Вторая странность в том, что любое развитие (для бедняков оно может быть как прогрессом, так и деградацией) сильно зависит от пути (*англ.* path-dependence), однако вот уже многие поколения экономистов следуют по пути наименьшего математического сопротивления, который не учитывает зависимости от пути. Третью странность

заметили еще Томас Кун и Карл Поппер: нормальные науки, как правило, действуют в рамках одной научной системы, пока она не исчерпает себя; затем происходит радикальная смена парадигмы; в экономической науке два параллельных подхода могут существовать одновременно. Воспользовавшись метафорой американского экономиста Кеннета Эрроу, можно сказать, что традиция Другого канона «действует, как подземная река, появляясь на поверхности только раз в несколько десятилетий». Существование двух параллельных традиций делает возможным оппортунизм и подмену предпосылок, о которой мы уже говорили; на экспорт идет одна теория (заумная), а «дома» используется совсем другая (прагматичная). В целом же разные типы экономического анализа циклически сменяют друг друга в зависимости от моды. В некоторые периоды (в 1760-е годы во Франции, 1840-е Европе и в 1990-е чуть ли не во всем мире) абстрактный тип мышления становился единственно принятым, за это пришлось платить немалую цену.

От выбора инструмента сильно зависит логика действий. Как писал Марк Твен, «человеку с молотком в руках все вокруг кажется гвоздями». Математизация экономической науки только усугубила слабость, присущую системе Риккардо, — неспособность учитывать факторы реальности, от которых во многом зависят богатство и бедность. Немецкая философия называет тип качественного понимания, которое нельзя свести к цифрам и знакам, словом *verstehen* (нем. «понимание») ³¹. Философ Ганс-Георг Гадамер (1900–2002) описывает этот тип понимания как нечто сущностное для человеческой личности. Если мы попытаемся понять, что такое другой человек, исключительно через количественно измеряемые характеристики (высоту, вес, процентную долю воды и минералов в его организме), то упустим из виду многие ключевые аспекты. Можно сказать, что, с точки зрения количественного понимания, вся разница между человеком и крупной медузой заключается в том, что в человеке меньше воды. Нечто похожее происходит с экономической наукой, когда экономисты пытаются изучать общество при помощи только количеств и знаков; математика вытесняет качественное понимание предмета. Во времена Просвещения ученые, чтобы лучше понимать окружающий мир, разрабатывали таксономии (системы классификации). Создав категории «беспозвоночные» и «позвоночные», ученые попытались опре-

делить различия между медузами и людьми. Однако экономическая наука почти лишена систем классификации; ее точность построена на *отсутствии* таксономии, или систематического наблюдения и классификации видимых различий. Как только в экономической теории вводится больше одной категории за раз (к примеру, категории возрастающей и убывающей отдачи), экономическая теория приходит к неравенству и дисгармонии вместо равенства и гармонии. Как утверждал Людвиг Витгенштейн, математика стремится к тому, чтобы замкнуться на себе самой, стать самодостаточной. Альберт Эйнштейн так выражал скептицизм в отношении использования математики: «Если утверждения математики относятся к реальности, они не точны, а если они точны, они не относятся к реальности». В той форме, в которой математика используется в экономической науке, она сообщает ей замкнутый, аутистический характер. Например, можно утверждать, что в теории международной торговли выводы следуют из предпосылок. Если взять систему, в которой все факторы и все вводные данные качественно равны, и применить ее в мире, лишенном контекста, то в результате непременно получим единообразие. Вот почему экономическая наука производит в качестве естественного вывода экономическую гармонию. Выводы заранее встроены в предпосылки. Именно это имели в виду французские студенты-экономисты, когда, протестуя против современной экономической науки, создали движение за постаутистическую экономическую науку³².

Мы видим, что неудовлетворенность состоянием экономической науки нагнетается. Вот мнение известного историка экономической науки Марка Блауга: «Современная экономическая наука больна. Она все больше становится интеллектуальной игрой просто ради игры, а не ради практического применения. Экономисты превратили свой предмет в некую разновидность социальной математики, в которой математическая точность — это все, а эмпирическая релевантность — ничто. Если какая-либо тема не укладывается в формальную модель, она просто приговорена к периферийному существованию»³³.

Эта же самодостаточность и замкнутость — намеренная оторванность от реальности — типична была для схоластов. Каждый ребенок в Дании и Норвегии знает, как первый великий писатель (и экономист) их стран Людвиг Хольберг (1684–1754)

высмеял схоластические черты в науках своего времени. В его книге ученый молодой человек из столицы доказывает бедной напуганной деревенской женщине, что она на самом деле не женщина, а камень: «Камень не может летать. Матушка Нилле не может летать. Следовательно, матушка Нилле должна быть камнем». Аналогичным образом высмеивает науку Джонатан Свифт (1667–1745) в «Путешествии Гулливера». В начале XX века датский экономист Л. В. Бирк, обеспокоенный той же проблемой, написал статью под названием «Современная схоластика»³⁴.

Первыми начали использовать в экономической науке абстрактную математику итальянские экономисты середины 1700-х годов. Однако когда их первоначальный энтузиазм поугас, они отказались от своей попытки, согласившись, что математика скорее осложняет анализ, вместо того чтобы способствовать ему. В 1752 году математик Игнасио Радикати предупредил своих друзей-экономистов: «Вы сделаете с политической экономией то же, что схоласты сделали с философией. Все глубже погружаясь в тонкие материи, вы не умеете вовремя остановиться»³⁵. Сегодняшние экономисты наивно смотрят на математику как на нейтральный инструмент, не признавая, что Марк Твен был прав, когда писал, что выбор инструмента не может не влиять на точку зрения. Однако я пишу это не потому, что хочу, чтобы экономическая наука отказалась от количественных оценок и от математики. Я хочу, чтобы они перестали быть единственной признаваемой формой экономического анализа, чтобы для качественного анализа тоже нашлось место. Два типа понимания мира, количественное и качественное, не конфликтуют, а дополняют друг друга. Проблема в том, что без понимания качественных различий невозможно понять многие факторы, создающие мир поляризованных бедности и богатства.

Экономисты по собственному желанию ограничивают свои возможности. Если бы ученый, пишущий диссертацию о разных типах снега, решил почему-то писать ее на суахили, он выглядел бы странно, потому что очевидно, что для его целей куда лучше подошел бы саамский или инуитский. Подобно схоластам, с которыми боролись философы Просвещения, экономисты выбрали такой язык, который рискует свести экономическую теорию до мудрости, противоречащей здравому смыслу (вроде «матушка Нилле — это камень»).

Как и стандартная экономическая наука, в своей крайней форме схоластика также доказывает утверждения, противоречащие здравому смыслу и интуиции. Изобретенное Самуэльсоном выравнивание цен на производственные факторы, которое должно произойти при свободной торговле, служит примером экономической схоластики. О том, как приверженцы стандартной экономической науки доказывают положения, противоречащие здравому смыслу, пишет американка Дейдра Макклоски. В качестве примера она приводит нобелевского лауреата Роберта Фогеля: тот доказал, что железные дороги ничего не дали для развития США, поскольку они, по сравнению с каналами, увеличили ВВП только на 2,5%. Следуя этой логике, можно доказать, что человеческое сердце — не такой уж важный орган, потому что составляет всего 2,5% общего веса тела. В 1971 году Роберт Хайлбронер спросил: «Применима ли экономическая наука к реальной жизни?» На этот вопрос все чаще хочется ответить «нет».

Возвращаясь к цитате из Томаса Куна, с которой начиналась глава I, приходится признать: правящая экономическая парадигма не располагает инструментами для понимания основных факторов, делающих экономическое развитие таким неравномерным.

ДВА ТИПА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ И ДВЕ ТЕОРИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Два разных типа теории, которые мы обсуждаем, по-разному понимают глобализацию. Настолько по-разному, что два нобелевских лауреата в области экономики выдвинули конфликтующие версии того, что случится с мировым доходом при глобализации.

Один из лауреатов — Пол Самуэльсон, сторонник теории первого типа, т. е. основанной на стандартных предпосылках неоклассической экономической науки. Он математически доказал, что международная торговля без ограничений приведет к выравниванию цен на производственные факторы, что по сути означает, что цены на факторы производства — капитал и труд — будут стремиться к одинаковому уровню во всем мире³⁶.

Другой лауреат — шведский экономист Гуннар Мюрдаль, сторонник теории второго типа, которую мы для удобства ре-

шили называть Другим канонем. Он считал, что мировая торговля только усугубит уже существующие различия между доходами в бедных и богатых странах.

Экономическая политика Вашингтонского консенсуса (а значит, политика Всемирного банка и МВФ) основана на теории первого типа, той, в которую верил Пол Самуэльсон. Экономическое развитие, происходившее в 1990-е годы, жестко противоречит идеям Самуэльсона, но зато подтверждает предположение Мюрдаля: богатые страны стремятся объединиться в сообщество, а бедные страны стремятся к бедности; разрыв между этими группами растет. Теория Пола Самуэльсона объясняет процессы, происходящие внутри группы богатых стран, а теория Гуннара Мюрдаля объясняет развитие относительно богатства между группами богатых и бедных стран. Теория Самуэльсона не может повредить странам, в которых установилось сравнительное преимущество в виде возрастающей отдачи, но чрезвычайно вредит странам, которые не прошли ступени осознанной индустриализации.

Теории, предложенной Мюрдалем, сегодня практически нет: она существует либо фрагментарно, либо в извращенной форме «новой институциональной экономики», ветви неоклассической экономической теории. В своей оригинальной форме эта теория почти не преподается на экономических факультетах ведущих университетов. Поэтому экономисты крайне неохотно признают, что Мюрдаль лучше объясняет отношения между богатыми и бедными странами, чем Самуэльсон.

Теория, которой придерживается Самуэльсон, покрывает только общие контуры мирового развития и может до определенной степени успешно предсказать развитие *внутри* каждой группы стран. Богатые страны стремятся к более однородному богатству, а бедные — к более однородной бедности. Однако стран, находящихся между двумя группами, в этой теории нет, зато конвергентные группы богатых и бедных выделяются отдельными скоплениями на диаграмме рассеивания данных (как и предсказывал Мюрдаль).

Согласно теории, основанной на бартере и обмене, т. е. на стандартной неоклассической теории, экономика — это машина, производящая экономическую гармонию при условии, что в ее работу не вмешиваются. Поэтому сегодня внимание уделяется преимущественно финансовым и денежным пере-

менным. Неоклассическая теория оставляет такие причины экономического роста, как новое знание, новые технологии, синергия и инфраструктура, за скобками, или позволяет им раствориться в абстрактном значении среднего арифметического, таком как репрезентативная фирма. В теории, для которой центральным понятием является «производство», происходит обратное: финансовые и денежные переменные используются как леса, необходимые для постройки здания, т. е. производственных мощностей страны. Именно из-за пренебрежения перечисленными факторами стандартная экономическая наука предлагает вывод: глобализация одинаково выгодна для всех стран, даже тех, которые по уровню знания застряли в каменном веке. Эта теория понимает развитие как *накопление капитала*, вместо того чтобы понимать его как *эмуляцию и накопление знаний*.

Различия между двумя экономическими теориями глубоки, а происходят они из противоположного понимания качеств человека и основного вида его деятельности. Два разных взгляда на природу человека, а значит, на экономическую науку, можно найти у Адама Смита и Авраама Линкольна.

Теория обмена была заложена на страницах «Богатства народов» Адама Смита. «Разделение труда — это следствие определенной склонности человеческой природы... к мене, торговле, к обмену одного предмета на другой... Эта склонность обща всем людям и, с другой стороны, не наблюдается ни у какого другого вида животных, которым, по-видимому, данный вид соглашений, как и все другие, совершенно неизвестен... Никому никогда не приходилось видеть, чтобы собака сознательно менялась костью с другой собакой».

Линкольн описал свою теорию производства и инноваций в предвыборной речи 1860 года. «Бобры строят хатки; однако они строят их сегодня точно такими же, как и пять тысяч лет назад, ничуть не лучше... Человек неединственное животное, которое трудится, но только человек совершенствует свое мастерство. А совершенствует он его благодаря открытиям и изобретениям.»

Эти взгляды на основные экономические характеристики человека легли в основание двух экономических теорий и, соответственно, видов экономической политики. Адам Смит, надо сказать, тоже пишет об изобретениях, но, в его понимании, они зарождаются где-то вне экономической системы (они

экзогенны), считаются бесплатными (*совершенная информация*) и одновременно приходящими в головы всех сообществ и всех людей. У Смита инновации и новые технологии создаются автоматически и бесплатно, невидимой рукой, которую нынешняя экономическая идеология именуется рынком. Интересно, что в своем неприятии Смитова взгляда на человеческую природу Авраам Линкольн был единодушен с Карлом Марксом, который сегодня считается его политическим антагонистом.

Два типа теории по-разному видят происхождение человечества. По Линкольну, «в начале были общественные отношения», по Смиту — «в начале были рынки». В книге «Великая трансформация» (1944 г.) Карл Полян (1886–1964) обсуждает последствия того, что Смит сделал обменивающегося дикаря аксиомой экономической науки. «Целый сонм авторов, писавших по вопросам политической экономии, социальной истории, политической философии и общей социологии, двинулся по стопам Смита, превратив его пример обменивающегося дикаря в аксиому соответствующих наук. На самом же деле гипотеза Адама Смита об экономической психологии первобытного человека была столь же ложной, как и представления Руссо о политической психологии дикаря. Разделение труда, феномен столь же древний, как и само общество, обусловлен различиями, заданными полом, географией и индивидуальными способностями, а пресловутая склонность человека к торгу и обмену почти на сто процентов апокрифична. Истории и этнографии известны разные типы экономик, большинство из которых включает институт рынка, но им неведома какая-либо экономика, предшествующая нашей, которая бы, пусть даже в минимальной степени, регулировалась и управлялась рынком. Беглый обзор истории экономических систем и истории рынков, рассмотренных в отдельности, делает это совершенно очевидным. Он продемонстрирует нам, что роль рынков во внутриэкономической жизни различных стран оставалась вплоть до недавнего времени весьма незначительной, и с тем большей наглядностью покажет, сколь резким был переход к экономике, всецело подчиненной рыночному механизму».³⁷

Эти цитаты из Линкольна и из Смита содержат два типа европейской экономической науки в том виде, в каком они развились в Европе за последние 250 лет. В английской традиции человеческий мозг принято считать пассивной *tabula rasa*; этот

мозг обитает в некоей машине по исчислению ощущений удовольствия и боли, которая стремится избежать боли и получить удовольствие. Такой взгляд ведет к гедонистической и основанной на обмене экономической науке с соответствующей системой ценностей и стимулов. Экономический рост в ней понимается как механическое сложение капитала с трудом. Континентальная же традиция считает, что сущность человека — это его потенциально благородный дух и активный мозг, который постоянно регистрирует и классифицирует окружающий мир. В этом случае экономическая наука строится вокруг производства, а не обмена, а также вокруг производства знаний и инноваций, их ассимиляции и распространения. Движущая сила в континентальном типе экономической науки не капитал как таковой, но дух и воля человека, тот самый *Geist- und Willens-Kapital*, о котором писал Ницше. Для того, кто придерживается английской традиции, континентальная традиция неактуальна, и наоборот. Английская точка зрения позволяет построить простую, поддающуюся качественному и количественному определению, статическую экономическую теорию. Континентальная точка зрения в силу большей сложности требует сложной и динамичной теории, которую нельзя свести к цифрам и символам. Стоит отметить, что основные понятия одной теории могут иметь совершенно иное значение в другой. Так, Джереми Бентам считал любопытство неприятной привычкой, а Торстейн Веблен видел в нем механизм, при помощи которого человечество накапливает знания.

В прошлом веке Торстейн Веблен яростно критиковал основание Рикардовой экономической науки. Как Поланьи после него, Веблен в своей типичной насмешливой манере утверждал, что примитивное экономическое поведение нельзя объяснить теорией Смита и Рикардо. «Предполагается, что орава алеутов-островитян, тычущих граблями в водоросли в полосе прибоя, вооруженных магическими заклинаниями для ловли ракушек, занимались гедонистическим поиском равновесных уровней ренты, зарплаты и процентной ставки». Считалось, что именно этим занимается экономическая наука независимо от времени, пространства и контекста.

В статье «Почему экономика не является эволюционной наукой», написанной в 1898 году, Веблен попытался сформулировать альтернативу английской традиции, т. е. взгляду

на человека как на пассивное гедонистическое существо, которое внешние события швыряют так и эдак, и заменить его континентальной традицией. Как Джонатан Свифт и Людвиг Хольберг за полтора века до него, Веблен обратился к иронии. «Гедонистическая концепция человека уподобляет человека быстродействующей счетной машине для исчисления ощущений наслаждения и страдания, который вибрирует, как некая однородная глобула стремления к счастью, и приходит в движение под воздействием стимулов, оставаясь при этом неизменной. У него нет ни прошлого, ни будущего. Он представлен изолированным субъектом, находящимся в устойчивом равновесии, которое нарушается лишь под ударами внешних сил, перемещающих его то в одном, то в другом направлении. Удерживающий равновесие в пространстве стихии, он симметрично вращается вокруг собственной духовной оси до тех пор, пока не окажется во власти параллелограмма сил и не последует в направлении результирующей. Когда сила толчка исчерпывается, он приходит в состояние покоя, в прежнее состояние глобулы желания. В духовном отношении гедонист не является инициатором перемен. Не на нем держится процесс жизни, он разве что является объектом серии изменений, которые производят с ним обстоятельства, по отношению к нему чужеродные»³⁸. Несмотря на эти резкие слова, Торстену Веблену предложили стать президентом Американской экономической ассоциации, хотя сейчас логику этого решения трудно понять.

Такое утверждение звучит несколько недобро, но главный вклад Смита в понимание богатства и бедности заключается в том, какие именно понятия он вынес за пределы или исключил из экономической науки, ставшей сегодня мейнстримовой. Смит вычеркнул из стандартной экономической модели четыре понятия, необходимых для объяснения экономического развития:

1. Понятие *инноваций*, считавшееся важным в общественной науке Англии более 150 лет, начиная с эссе «О новшествах», написанного Фрэнсисом Бэконом в начале XVII века, и заканчивая «Исследованием принципов политической экономии» Джеймса Стюарта (1767 г.).
2. Идея, что экономическое развитие — это результат синергии и что люди, выходящие на рынок труда в стране, где

действуют инновационные отрасли, будут получать большие зарплаты, чем остальные; эта тема повторялась в европейской экономической мысли еще с XV века.

3. Понимание того, что разные виды экономической деятельности могут качественно различаться как источники экономического развития.
4. Сведение производства и торговли к *трудовым часам*. Именно оно проложило дорогу ныне доминирующей в общественном сознании теории торговли Рикардо. Эта теория понимает мировую экономику как систему, в которой обменивающиеся собаками Адама Смита меняются друг с другом трудовыми часами, лишенными каких-либо свойств.

Первый труд Адама Смита был посвящен астрономии. Метафора Смита и его последователей по сей день остается влиятельной в современной экономической науке: так же, как планеты удерживает на орбите вокруг Солнца невидимая рука, она же автоматически поможет рыночной экономике найти равновесие, если только не мешать ей. Грань между верой в невидимую руку рынка и верой в судьбу и провидение, как мы видим, весьма тонка. Более того, нам известно, что Адам Смит верил, что земля должна распределяться среди людей по воле скорее провидения, чем общества. Он был уверен, что и тут невидимая рука придет на помощь беднякам. «Земля почти всегда питает все то население, которое обрабатывает ее. Одни богатые избирают из общей массы то, что наиболее драгоценно или редко. В сущности они потребляют не более, чем бедные. Несмотря на свою алчность и на свой эгоизм, несмотря на то, что они преследуют только личные выгоды, несмотря на то, что они стараются удовлетворить только свои пустые и ненасытные желания, используя для этого труд тысяч, тем не менее они разделяют с последним бедняком плоды работ, производимых по их приказанию. По-видимому, какая-то невидимая рука заставляет их принимать участие в таком же распределении предметов, необходимых для жизни, какое существовало бы, если бы земля была распределена поровну между всеми населяющими ее людьми. Таким образом, без всякого преднамеренного желания и вовсе того не подозревая, богатый служит общественным интересам и умножению человеческого рода. Провидение, разде-

лив землю между небольшим числом знатных хозяев, не позабыло и о тех, кого оно только с виду лишило наследства, так что они получают свою долю из всего, что производится землей. Что же касается того, что составляет истинное счастье, то они нисколько не стоят ниже тех, кто, казалось, был поставлен значительно выше них. Относительно физического здоровья и душевного счастья все слои общества находятся на одном уровне, и греющийся на солнышке у дороги нищий обычно обладает таким чувством безопасности, к которому короли лишь стремятся»³⁹.

Смит использует невидимую руку, чтобы построить воистину Панглосову теорию. Стандартная экономическая наука по сей день следует его примеру. Включив в свою систему невидимую руку и исключив из нее четыре основных понятия прежней экономической науки, Смит заложил основу идеологии, которая считает экономику некой *Harmonielehre* (нем. «теорией гармонии»), в которой рынок должен автоматически создать повсеместную гармонию и выровнять всеобщее благосостояние. Можно даже не говорить, что последствия современной экономической политики просто катастрофичны.

Экономику можно представить в виде двух соединенных сфер (илл. 4). С одной стороны находится гетерогенный и хаотический мир реальной экономики, к которому принадлежит производство множества товаров и услуг — от шнурков до гостиниц и парикмахерских. С другой стороны находится куда более гомогенная финансовая часть, которая занимается тем, что переводит все виды деятельности реальной экономики в доллары. Сегодняшняя теория глобализации гласит, что все виды деятельности, из которых состоит реальная экономика, качественно равны как носители экономического развития. Из этого делается вывод, что глобализация и свободная торговля автоматически ведут к мировой экономической гармонии. Но в реальной жизни многообразие и сложность того, что скрывается в «черном ящике» реальной экономики, приводит к неравенству.

Помимо того что Фридрих Ницше высмеивал наивную веру тех, кто считают, что свободная торговля может привести к гармонии, он выделил дополнительный элемент, который наряду с изобретательностью и склонностью к обмену отличает человека от животных. Люди — это единственные животные, спо-

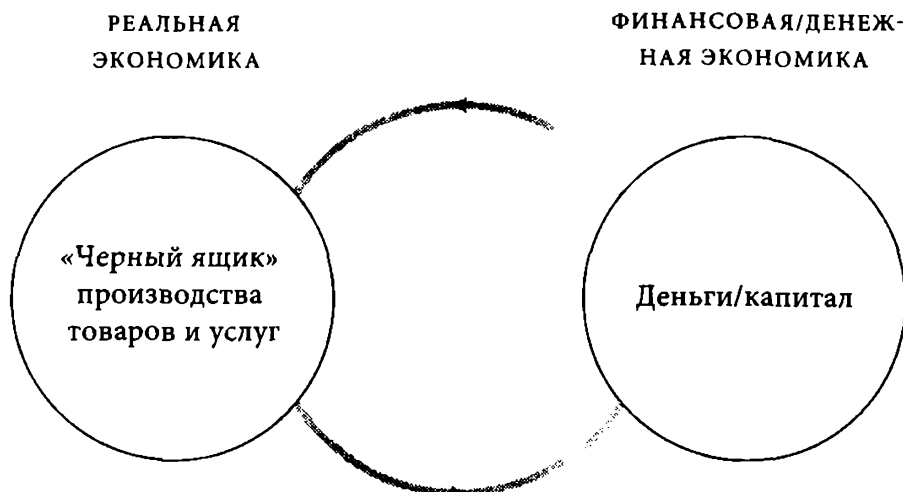

ИЛЛЮСТРАЦИЯ 4. Круговое течение экономической науки

способные сдерживать свои обещания. Это качество породило *институты* и нормы, законы и правила, стимулы и наказания. Институты могут существовать в форме как общественных ожиданий, так и жестких правил и системы наказаний для тех, кто этим правилам не следует. Рынок является одним из таких институтов: работает согласно набору формальных и неформальных правил и ограничен этими же правилами. Современная экономическая наука считает институты чем-то само собой разумеющимся. После Фрэнсиса Бэкона экономисты долгое время верили, что институты отражают способ производства в любом обществе. Сегодня Всемирный банк вооружился этой идеей и хочет доказать, что бедность — это результат отсутствия в некоторых странах необходимых институтов. При этом он игнорирует связи между способом производства, технологиями и институтами.

Впервые о теории обмена узнали французы в 1760-е годы благодаря физиократам, но она недолго владела умами. Вторая волна ее популярности пришла на 1840-е годы и захватила весь мир. Чтобы обеспечить промышленным рабочим дешевый хлеб, Англия перестала защищать свое сельское хозяйство тарифами и одновременно попыталась заставить другие страны прекратить защищать свою промышленность. Как считалось, растущее расслоение общества (то, что еще 100 лет потом име-

новалось общественным вопросом) исчезнет, как только будут сняты все экономические ограничения. Однако такая политика привела только к большим беспорядкам. Современное государство благосостояния строилось из этого хаоса постепенно, по одному кирпичику. Первой зашевелилась Германия. Экономисты самых разных политических убеждений объединились в Союз социальной политики (*нем. Verein für Sozialpolitik*). Канцлер Бисмарк согласился с предложенным решением и их видением проблемы, которое во многом совпадало с анализом Карла Маркса, но решение Маркса перевернуть общественную пирамиду с ног на голову было отклонено. Энтони Гидденс в книге «Третий путь» пишет: «Правящие группы, которые создавали систему социального страхования в имперской Германии в конце XIX века, презирали экономику невмешательства так же сильно, как и социализм»⁴⁰. Тот тип экономической науки, который они уважали, сегодня практически исчез.

С точки зрения экономической политики 1990-е годы близки к 1840-м. Для обоих периодов характерен иррациональный, бесконечный оптимизм, спровоцированный технологической революцией. Стивенсон протестировал первый паровой локомотив «Ракета» в 1829 году, а к 1840 году эра парового двигателя была в разгаре. В 1971 году компания «Intel» разработала первый микропроцессор, в конце 1990-х годов возникла новая технико-экономическая парадигма. Такие всплески производительности в отдельных секторах экономики несут возможность квантовых скачков развития, но одновременно с этим и возможность спекуляций, бесконечного количества проектов и стратегий, направленных на то, чтобы все остальные отрасли производства начали работать так же, как основная отрасль новой парадигмы⁴¹. Сомнительные бухгалтерские методы концерна «Enron» почти не отличались от методов, которые Торстейн Веблен критиковал веком раньше. В конце XIX века корпорация США по производству кожи попыталась увеличить стоимость своих акций так же, как корпорация «United States Steel» — «Microsoft» своего времени. Аналогичным образом в конце XX века многие компании пытались достичь такой же стоимости акций, как у «Microsoft», но им это не удалось. В разные исторические периоды этим попыткам способствовала эйфория на рынке акций. Рынок так хотел верить, что подобный рост акций возможен, что долгое время одной этой веры хва-

тало для действительного роста. Однако производство кожи — не то же самое, что производство стали; у немногих компаний была рыночная власть, как у компании «Microsoft», поэтому большинство из них в итоге плохо кончили.

«Наиболее распространенные заблуждения и безумства толпы» — так называлась книга Чарльза Маккея об обвалах фондового рынка, изданная в 1841 году. Тогда же Фридрих Лист выпустил книгу, в которой писал, что свободную торговлю надо вводить медленно и систематически, иначе бедные страны рискуют еще больше обеднеть. Подобно тому как в подобные периоды люди ждут, что стоимость акций компании взлетит до заоблачных высот, независимо от того, в какой отрасли работает эта компания, в общественном сознании зародилась другая иллюзия — что неограниченный свободный рынок сделает всех богаче. Джон Кеннет Гэлбрейт назвал эту убежденность рыночным тотемизмом. В 1840-е и 1990-е годы вера в то, что рынок — это единственный способ обеспечить миру гармонию и развитие, была непоколебимой. В 1840-е годы это явление называлось свободной торговлей, сегодня оно именуется глобализацией. Долгое время фондовый рынок не осознавал, что есть разница между огромным ростом производительности и лидерством на рынке компаний, несущих новую техно-экономическую парадигму, таких как «United States Steel» и «Microsoft», с одной стороны, и зрелых отраслей промышленности, таких как производство кожи и прочих низкотехнических продуктов, — с другой. По сей день политики в мире убеждены в том, что открытость экономики и свободная торговля, а не технологический прорыв, помогли бизнесменам из Силиконовой долины заработать миллиарды. Это заблуждение обернулось катастрофой для малых инвесторов, которые вложили сбережения в проекты, оказавшиеся мыльными пузырями, и потеряли их. Аналогичное заблуждение относительно свободной торговли так же вредит жителям Перу и Монголии, которые во имя глобализации *потеряли* свою промышленность. Фридрих Лист покончил с собой за несколько месяцев до того, как Англия, казалось, совсем убедила Европу отказаться от использования тарифов на промышленные товары в ответ на отказ самой Англии от тарифов на сельскохозяйственные продукты. Однако после смерти Листа его теория о том, что со свободной торговлей нужно подождать, пока во всех странах не произойдет индустриализация,

была принята и применена на практике в Европе и США. Можно даже утверждать, что теория Листа все еще была правящей в 1980-е годы, когда происходила медленная, но успешная интеграция Испании в Европейский союз.

Исторический парадокс в том, что когда новые технологии кардинально меняют экономику и общество (как это было с паровым двигателем в 1840-е и информационными технологиями в 1990-е годы), экономисты обращаются к теориям, основанным на обмене и торговле, которые не оставляют места технологиям и новым знаниям. В духе Фридриха Листа можно сказать, что экономисты путают носитель прогресса (торговлю) с причиной прогресса (технологией). По иронии, это же можно сказать о теории экономического развития Адама Смита. Смит просто не заметил индустриальной революции, которая происходила вокруг, пока он формулировал свою теорию.

На первой стадии глобализации (с 1840-х годов до начала Первой мировой войны) богатые страны продолжали индустриализоваться, а третий мир оставался технологически недоразвитым. Эта волна глобализации усугубила разрыв между богатыми и бедными странами благодаря тому, что колониям, согласно устоявшейся практике, не позволили индустриализоваться. Пока последняя волна глобализации основывается на тех же принципах, что и первая, т. е. пока бедные страны вынуждены специализироваться на производстве сырьевых товаров, она будет не более успешной, чем первая. Разница между бедными и богатыми странами будет увеличиваться, хотя при этом в мире может появиться еще несколько богатых стран.

Великий немецкий экономист Густав Шмоллер на первом заседании Союза социальной политики в 1872 году сказал: «Общество сегодня подобно лестнице, у которой прогнили средние ступени». Общество стремится расслоиться на бедные и богатые страны, а стран среднего достатка становится все меньше. За 1950–1970-е годы было несколько попыток создать глобальный средний класс, в том числе проведена индустриализация нескольких стран, несмотря на то что их промышленность не была достаточно сильной, чтобы выдержать международную конкуренцию. Однако шок от внезапно введенной свободной торговли каждый раз сводил попытки на нет. В таких странах (далее мы рассмотрим в качестве примера Монголию) произошла деиндустриализация и стремительное возвращение к бедности,

а затем и ухудшение ситуации. Резкая смена торгового режима — недопустимая ошибка, о которой нас предупреждали теоретики прошлого Джеймс Стюарт и Фридрих Лист. Системе производства нужно время, чтобы приспособиться к окружающим условиям. Континентальная Европа в XIX веке не дала себя обмануть Англии, пытавшейся остаться единственной индустриализованной страной мира. По мнению Англии, глобальная экономическая гармония заключалась в том, чтобы остальной мир производил сырьевые материалы в обмен на английские промышленные товары. Однако страны Европы, а также неевропейские страны с большим процентом эмигрантов из Европы среди населения (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южная Африка) приняли политику, которой следовала Англия с конца XV века. Они ввели относительно высокие тарифы, чтобы поощрить национальную индустриализацию. Несмотря на природную защиту в виде транспортных издержек, США начинали строить свою стальную промышленность за 100%-й тарифной стеной. Хотя большинство иммигрантов и были крестьянами, а не промышленниками, в итоге именно крестьяне больше всех выигрывали от наличия промышленного сектора. Авраам Линкольн заметил: «[Я не могу] назвать причины... [но высокие тарифы] делают все то, что фермеры [покупают], дешевле».

Сегодня, так же как в 1840-е годы, доминирующая экономическая теория учит нас, что проблем с распределением богатства не возникнет. Старый миф об обменивающихся собаках хоть и рассказывается сегодня на новый лад, по-прежнему является для мейнстримовых экономистов сутью мировой экономики. Финансовый кризис, потрясший весь мир в 1990-е годы, был примером события, которого, по убеждению экономистов, произойти просто не могло, потому что рынок должен был решить все проблемы. Однако сегодняшняя ситуация отличается от 1840-х годов тем, что тогда общество находилось в кризисе внутри отдельно взятой страны. Разрыв между богатыми и бедными увеличивался в рамках отдельных стран, в Европе эту проблему помогло решить создание государства всеобщего благосостояния. Однако сегодня общественный вопрос стоит уже на другом, международном, уровне; разрыв сегодня разделяет бедные и богатые страны и продолжает увеличиваться⁴².

Даже в моей стране Норвегии раньше считалось само собой разумеющимся, что индустриализация способствует развитию.

В 1814 году, в результате Наполеоновских войн, Дания уступила Норвегию Швеции. В июне 1846 года британский парламент отменил знаменитые Хлебные законы, разрешив свободную торговлю хлебом; сегодня это событие считается великим прорывом в истории свободной торговли. Однако что происходило в это время в реальном мире, как обычно, никого не интересует. В марте 1847, когда еще и года не прошло с «великого прорыва», совместная шведско-норвежская комиссия по тарифам опубликовала доклад, посвященный таможенной политике. Норвежские члены комиссии предлагали увеличить налоги на шведские товары, в то время как шведы, «колониальная власть», стояли за полное таможенное единение. Важным аргументом в пользу увеличения тарифов послужили дополнительные таможенные отчисления в казну Норвегии. Однако, как пишет норвежский историк Юн Саннесс, «главным аргументом было то, что неокрепшая промышленность Норвегии была бы задушена, если бы тарифы перестали защищать ее от более сильной и зрелой шведской промышленности». В конечном счете судьба Норвегии решилась в пользу тарифов, и никто не посчитал, что это ненужная или бесполезная мера. Вообще, основные экономические дебаты того времени были посвящены не защите промышленности как таковой (почти все соглашались, что защитить промышленность необходимо), но тому, как именно это надо делать. Сегодня неокрепшую промышленность стран третьего мира душит та самая свободная торговля, от которой Норвегия защищалась целый век. Тот факт, что Норвегии необходима свободная торговля *сегодня*, не означает, что она была необходима ей 150 лет назад, и ровно так же не означает, что она необходима бедным странам в наши дни.

150 лет назад Норвегия и Швеция были конкурентами, потому что структура их экспорта была почти одинаковой. Не удивительно, что призыв Норвегии к защите своей промышленности вызвал в Швеции яростное неприятие. Норвежская сторона утверждала, что молодую норвежскую промышленность нельзя оставить без тарифной защиты; в то время такой была общепринятая практика, что даже самые сильные страны не отваживались отказаться от тарифов. Тарифный союз со Швецией для Норвегии означал бы уничтожение ее собственной промышленности, а в те времена все твердо знали, что страна без собственной промышленности обречена на бедность. «Ход мысли шел согласно нормальному промышленному протекционизму того

времени, такому, как у Фридриха Листа, — пишет Юн Саннесс. — Новые отрасли промышленности нуждались в тарифной защите, которая со временем упраздняялась за ненадобностью». Сегодня у нас иной ход мысли.

Одновременно с промышленным развитием с 1840-х годов в Европе шла гонка за новыми колониями. Развязка этой гонки произошла на берлинской конференции в 1884 году: территория Африки была поделена между европейскими странами. В это же время началась экспансия Соединенных Штатов. В результате войны с Мексикой между 1845 и 1848 годами США получили во владение обширные земли, раньше принадлежавшие Мексике, — штаты Техас, Калифорнию, Аризону, Нью-Мексико и Колорадо. Чуть позже, все еще продолжая защищать свою промышленность, США и Европа военными угрозами и силовым давлением вынудили Китай и Японию подписать соглашения, в которых те обязались не защищать свою промышленность. На некоторое время Китай и Япония стали экономическими колониями. В китайских и японских учебниках по истории эти «несправедливые соглашения» не забыты и по-прежнему вспоминаются с негодованием. Африканцы также не забыли аналогичного случая из своей истории: в 1888 году Сесил Родс обманом вынудил вождя Лобенгулу передать ему чрезмерные права на африканские земли. Лобенгула впоследствии обращался к королеве Виктории с протестами, но безрезультатно.

С 1990 года торговые соглашения ВТО со странами третьего мира вернули нас во времена «несправедливых соглашений». Слово *империя* вновь перестало считаться ругательным. Когда я слышу рассказы очевидцев о том, как в Африке ведутся переговоры о производстве экологически чистых продуктов, я невольно вспоминаю вождя Лобенгулу и его печальную судьбу.

В 1994 году я познакомился с человеком, который понимал, что опрометчиво отдал в чужие руки права. В составе делегации я приехал во дворец Каронделет в столице Эквадора Кито, чтобы встретиться с президентом Сиксто Дюраном Балленом. Президент, по профессии архитектор, был обаятельным и представительным человеком; кроме того, он был последним президентом Эквадора, которому удалось возглавлять страну все положенные по конституции 4 года. Но в день нашей встречи он был в ярости. Некоторое время назад, в обмен на обещания крупных грантов и займов, мировые финансовые организации убедили его отме-

нить промышленные тарифы в Эквадоре ради того, чтобы специализироваться на поставках бананов в мире. Процесс деиндустриализации привел к безработице и снижению реальных зарплат в стране. Собственно говоря, я как раз приехал в Эквадор с группой специалистов для того, чтобы организовать микрорайоны и помочь в создании новых рабочих мест. Гранты и займы так и остались обещаниями, рассказал президент; кроме того, незадолго до нашего появления ему стало известно, что Европейский союз ввел высокие налоги на импорт эквадорских бананов. Эквадор как производитель бананов был и остается гораздо эффективнее, чем бывшие французские или английские колонии, не говоря уже о производителях бананов на Канарских островах и в Греции. Обложив налогами эквадорские бананы, но не бананы из Европы и ее бывших колоний, Европейский союз по сути возложил издержки по субсидированию неэффективных производителей бананов на самого эффективного их производителя — Эквадор⁴³. Дюран Баллен понимал, что его обманули, но обрабатывающая промышленность, которой пожертвовал он и его предшественники, уже была потеряна безвозвратно. Я с интересом ждал выхода мемуаров Баллена⁴⁴, чтобы узнать, написал ли он правду об этом некрасивом событии. Однако книга была посвящена в основном войне между Эквадором и Перу, пришедшейся на время его президентства. Он предпочел, чтобы его запомнили как президента, воевавшего с Перу, но не как виновника деиндустриализации и падающего уровня реальной зарплаты в стране.

Этическое обоснование колониализма — идею, что у колонизаторов есть моральное право не давать другим странам развиваться выше уровня производителей сырья, мы впервые встречаем в экономической теории Рикардо. До него экономисты сходились во мнении, что колонизаторы сознательно держат колонии в бедности. Английские экономисты иногда оправдывались, что «если все это делают, то и мы вынуждены поступать так же». Немецкий экономист XVIII века Иоганн Генрих Готтлоб фон Юсти считал, что колонии скоро осознают, что их обманывают, и поднимут бунт, чтобы иметь возможность построить собственную промышленность. В случае с Америкой, которая взбунтовалась и освободилась от власти Англии в 1776 году, он оказался прав.

Сегодня мы наблюдаем новую волну глобализации, и она не слишком отличается от старой: то же виденье, основанное на работах тех же экономистов (Смита и Риккардо), сбалансиро-

рованного мира с естественным разделением труда, при котором некоторые страны должны экспортировать сырье и импортировать промышленные товары, а также на сей раз продвинутые услуги. Промышленный строй бедных стран становится все ближе к строю колоний; те же теории, которые когда-то породили колониализм, теперь порождают неоколониализм. В Африке идет процесс разделения континента на сложную систему областей — «тарелку спагетти», в каждой из которых действуют разные торговые соглашения. В ходе этого процесса Евросоюз и США пытаются увеличить свою сферу влияния. Карта этих торговых соглашений немногим отличается от той, которая была утверждена на берлинской конференции 1884 года. В результате же получается, что ЕС и США не разрешают африканским странам торговлю, которая им по-настоящему необходима, т. е. торговлю между собой, которая впоследствии вырастет в свободную международную торговлю в соответствии с теорией Листа. Евросоюз не жалеет усилий, чтобы заставить Египет покупать субсидируемые европейские яблоки, вытеснив с египетского рынка яблоки из Ливана, которые туда традиционно поставлялись. Отношения между центром и периферией, типичные для колониализма, вновь усиливаются не только при помощи прибыльных промышленных товаров, но и путем субсидирования продуктов сельского хозяйства. Небольшие промышленные рынки Африки не могут интегрироваться в один рынок и индустриализовать страну. Вместо этого промышленная Африка все больше дробится, и хотя в одних африканских странах дела идут лучше, чем в других, каждая из них в отдельности беззащитна перед убийственной мощью северных конкурентов. Тот, кто верит, что бедным странам можно помочь, разрешив им экспортировать сельскохозяйственную продукцию в индустриальные страны, находится в плену иллюзий. Ни одной стране без собственного промышленного сектора (хотя сегодня правильней говорить: сектора промышленности и услуг) еще не удавалось поднять зарплату своим крестьянам.

Во время первой волны глобализации было отменено рабство. На Берлинской конференции 1884 года европейские страны смогли поделить Африку, прикрываясь правильными словами. В те времена миссионерам удавалось облегчить физические страдания африканцев, но их главной целью было успокоить людей, пообещав им лучшую жизнь после смерти. Сегод-

ня многие африканцы усматривают в происходящем параллели с тогдашней миссионерской деятельностью. Пока происходит деиндустриализация Африки (даже самые отъявленные сторонники глобализации соглашаются, что большая часть Африки южнее Сахары за последние 25 лет обеднела), многие организации работают (как когда-то миссионеры) над тем, чтобы облегчить симптомы бедности. Индустриальные страны жертвуют миллионы на облегчение страданий африканцев, как когда-то люди жертвовали деньги на организацию миссий. После трех не слишком удачных «десятилетий развития» под руководством ООН мировое сообщество забросило идею развивать беднейшие страны. В «Целях тысячелетия», преемнике проекта «десятилетий развития», задача развивать страны третьего мира уже не звучит; вместо нее появилась задача облегчить худшие симптомы бедности при помощи поставок бесплатных лекарств, москитных сеток и питьевой воды. Так же как раковым больным назначают паллиативное лечение, направленное на облегчение боли, а не на борьбу с самой болезнью, бедным странам назначена *«паллиативная экономика»* вместо экономики развития.

Интересно, что даже Норвегия, которая долго сама была неким подобием колонии, а теперь активно пытается сделать мир лучше, как бы забыла стратегию, за которую сама боролась, — создание обрабатывающей промышленности и достижение тем самым экономического роста. Мы забыли, что наша собственная страна строилась при помощи промышленной политики, принципы которой диаметрально противоположны тем, что мы сегодня навязываем третьему миру. После Второй мировой войны правительство лейбористов при помощи Плана Маршалла крайне успешно реиндустриализовало Норвегию. Сегодня все то же правительство под предводительством все тех же лейбористов предлагает запретить в других странах ту политику, которая сделала нас самих богатыми. Одновременно с этим мы стремимся стать чемпионами в «паллиативной экономике», в облегчении симптомов бедности.

ТЕОРИИ СТАДИЙ РАЗВИТИЯ

Говорят, что история была создана для того, чтобы все события не происходили одновременно. Поэтому экономисты и историки систематизировали историю, поделив ее на последова-

тельные периоды, или стадии развития⁴⁵. Чтобы разбить древнюю историю на периоды, историки обратились к материалам, из которых человечество делало инструменты на разных стадиях развития: каменные инструменты — каменный век (мезолит, неолит), инструменты из бронзы — бронзовый век и т. д. Можно было выбрать любой другой критерий, например тип общественной организации, но историки почему-то выбрали именно уровень технологий.

Для антропологов идея о том, что технологии — это важная детерминанта общества, также не является новостью: взять хотя бы классическую дискуссию о связи между ирригацией и централизованным управлением государством. С появлением политологии и исследования Жаном Боденом (1530–1596) республики родилась идея стадий развития человечества. Если считать, что социология как наука началась с Огюста Конта (1798–1857), то получается, что она всегда признавала идею стадий. В экономической науке теории стадий были центральной идеей для крупного французского экономиста и государственного деятеля Робера-Жака Тюрго (1727–1781), а также для Адама Смита. В книге о ранних (сформированных с 1750 по 1800 год) теориях стадий экономического роста экономист Рональд Мик (1917–1978) предположил, что «в определенном смысле... великие системы классической политической экономики XVIII века по сути произошли от теории четырех стадий»⁴⁶. Несмотря на это, сегодняшние экономисты считают понятие стадий экономического роста чем-то периферийным, почти чуждым их науке. Каждая стадия представляет способ производства; очевидно, что с каждой новой стадией человечество поднималось на новую ступень развития.

Зачатки теории стадий экономического роста существовали еще в Античности — как в Риме, так и в Греции. В «Германии» Тацита (ок. 55–120) можно прочесть, что «относительный уровень цивилизованности разных германских племен зависит от той степени, в которой сельское хозяйство и пастушество преобладает в их способе добычи пропитания над охотой»⁴⁷. Идея стадий выросла из идеи циклов, давно известной политической истории. Теории цикла изучали такие известные ученые, как Ибн Халдун (1332–1406), арабский экономист и историк, и Никколо Макиавелли (1469–1527). У Жана Бодена, одного из первых деятелей Возрождения, впервые прозвучала идея, что историче-

ские циклы могут иметь кумулятивный и направленный в сторону развития характер, т. е. идея прогресса. Наряду с этой идеей Боден обсуждает зачаточное национальное государство (республику) — его институты, законы и систему налогообложения.

Боден считает особенно важными условиями для развития государства климат и географию. Однако Фрэнсис Бэкон в книге «Новый Органон» (1620 г.) иначе объясняет поразительные различия, существующие между условиями жизни в разных частях света. Он утверждает, что «эта разница происходит не от почвы, не от климата, не от телосложения, а от наук»⁴⁸. Как я уже упоминал, Бэкон был важным представителем экономической науки, ориентированной на опыт. Но он был также важным ее исследователем, ориентированным на способ производства. Именно Бэкон сформулировал идею о том, что материальное положение народа определяется его «искусствами», т. е. тем, занимается он охотой и собирательством или пастушеством, сельским хозяйством или промышленностью. Эта идея возникла у самых истоков конфликта, в который в XIX веке вступили экономическая теория и промышленная практика Германии и Северной Америки с теорией и практикой, принятыми в Англии. Во времена Просвещения традицию Бэкона продолжил историк Уильям Робертсон. «Отвечая на любой вопрос касательно деятельности людей, объединенных в общество, нужно прежде всего обратить внимание на способ, которым они обеспечивают себе средства к существованию. В зависимости от этого способа будут меняться и законы, и политика этих людей.» Таким образом, раньше способ производства считался фактором, определяющим институты человеческого общества, а не наоборот. Сегодня же новая институциональная экономическая наука, основанная на стандартной теории из учебника по экономике, меняет причину и следствие местами, говоря, что в бедности виновата нехватка институтов, а не отсталый способ производства.

В годы Просвещения (в частности, с 1750 по 1800 год) теории стадий развития были чрезвычайно популярными, особенно в Англии и Франции. С 1848 года, одновременно с ростом и распространением индустриального общества, а также с отступлением экономической науки Рикардо, экономисты вновь стали пользоваться теорией стадий, на этот раз особенно активно в США и Германии. Фундаментальные перемены, происходив-

шие в мире, не оставляли сомнений в том, что начинается исторический период, качественно отличный от всех предыдущих.

Согласно теории Тюрго и Смита, появившейся в годы первой индустриальной революции, история развития человечества делится на 5 стадий: охотники и собиратели, пастухи одомашненных животных, крестьяне и, наконец, торговцы. С конца XVIII века классические экономисты-англичане занимались анализом именно последней стадии эволюции, *торговли* (в частности, анализом предложения, спроса и цен), но только не *производства*. Однако в XIX веке немецкие и американские экономисты решили, что стадии развития надо понимать совсем по-другому. Они считали, что раз все прежние стадии развития основывались на способе производства продуктов, то будет грубейшей ошибкой классифицировать следующую стадию по какому-то иному признаку. Это разногласие в XIX веке переросло в конфликт, в который вступили экономическая практика Германии и Америки с экономической теорией Англии. Английские экономисты считали, что последняя стадия развития человечества — это век торговли. Немцы же и американцы называли эту стадию веком промышленности.

Именно здесь лежит ключевое различие между наукой из стандартного учебника по экономике, наследницей века торговли Адама Смита, и экономической наукой, которую я называю Другим канонем, дочерью американской и континентальной европейской экономической науки. Поскольку современная теория торговли игнорирует значение технологий и производства, она настаивает, что свободная торговля между племенем каменного века и Силиконовой долиной сделает обоих торговых партнеров одинаково богатыми. Теория Другого канона считает, что свободная торговля выгодна обеим сторонам только в случае, если они находятся на одной стадии развития.

Теории стадий развития помогают нам лучше понять такие важные понятия, как «популяция» и «устойчивое производство». Сегодня считается, что население доколумбовой Северной Америки составляло 2–3 млн людей, в основном охотников и собирателей. Население же доколумбовых Анд, где развитие достигло стадии сельского хозяйства, насчитывало 12 млн. Получается, что плотность населения в неприветливых Андах была в 20–30 раз выше, чем в плодородных прериях.

Таким образом, понятие устойчивости производства имеет смысл рассматривать только в связке с технологической переменной, т. е. со способом производства. Поскольку английские экономисты, а за ними и неоклассическая экономическая наука, сконцентрировались на торговле, а не на производстве, они постепенно начали считать все виды экономической деятельности качественно одинаковыми. Теории производства, позднее присоединенные к этой общей англо-саксонской экономической традиции, стали рассматривать производство как процесс механического прибавления труда к капиталу — нечто вроде добавления воды в горшки с генетически идентичными растениями, растущими в идентичных условиях. В экономической науке развилось, по выражению Шумпетера, «плоское мнение, что двигателем капитализма является капитал». Считая источником роста капитал, а не технологии и новые знания, мы отправляем деньги в Африку, где еще нет обрабатывающей промышленности; при этом мы упускаем из виду, что этот капитал просто некуда инвестировать. 100 лет назад немецкие и американские экономисты поняли бы, что источник бедности Африки — это ее способ производства, т. е. неразвитость промышленности, а не нехватка капитала как такового. Как соглашались и консерватор Шумпетер, и радикал Маркс, капитал бесплоден без инвестиционных возможностей, а их создают только новые технологии и инновации. Кроме того, американские и немецкие экономисты 100 лет назад понимали эффект синергии: они знали, что только обрабатывающая промышленность позволяет стране модернизировать свое сельское хозяйство.

Стандартный учебник по экономике не учитывает того, что разные технологические возможности приводят к разнообразию видов экономической деятельности, а следовательно, не знает, что есть множество способов прибавлять капитал к труду так, чтобы получать прибыль. Первая промышленная революция произошла по сути в хлопковой промышленности. В странах, где не было хлопковой промышленности (т. е. в колониях), не было и промышленной революции. Важность промышленной революции признают все. Но теория торговли Рикардо пытается убедить нас, что если бы племена каменного века занялись свободной торговлей, они стали бы такими же богатыми, как промышленные страны. И я вовсе не пытаюсь сгустить краски. Как очевидно из слов генерального секретаря

ВТО Ренато Руджеро, процитированных во введении, мировой экономической порядок после окончания холодной войны был сформирован именно по такой логике.

В попытке (неудачной) защитить свободную торговлю журнал «Foreign Policy»⁴⁹ опубликовал статью под названием «Торгуй или умри», где говорилось, что неандертальцы вымерли, потому что не занимались свободной торговлей. Когда неандертальцы существовали на Земле, люди еще не занимались торговлей. В лучшем случае она существовала на уровне ритуального обмена подарками между племенами⁵⁰. Несмотря на это, экономисты настаивают, что нашим предком был обменивающийся дикарь, изобретение Адама Смита. Интересно, что в том же номере «Foreign Policy», в материале о ценах на билеты в кино, тон журнала резко меняется с возвышенного на буднич- ный. В этой статье важность промышленного производства для благосостояния государства считается чем-то очевидным: «Вечерний поход в кино обойдется сравнительно недорого жителям стран, в которых развита промышленность» (р. 31).

Продолжая аналогию с поливом растения (труда) водой (капиталом), можно сказать, что стандартная экономическая наука совершенно игнорирует почву — среду, в которую надо добав- лять воду для роста растения. Иными словами, она игнорирует контекст развития — исторический, политический и институ- циональный. Стандартная экономическая наука не учитывает ни очевидной сконцентрированности технического прогресса в любой момент времени, ни крайне неравномерного распреде- ления «окон возможностей»⁵¹ между разными видами экономи- ческой деятельности вследствие этой сконцентрированности, ни контекста, в котором происходит этот процесс.

С тех пор как немецкая историческая традиция и американ- ская институциональная школа сошли со сцены, взгляд на про- изводство как на истинный источник богатства, так называе- мый индустриализм, начал исчезать. Шведский экономист- институционалист Юхан Окерман объясняет, как было утрачено понятие производства экономистами любой полити- ческой ориентации — правыми, левыми и центристами. «Ка- питализм, право собственности, распределение доходов ста- ли считаться основным содержанием индустриализма, а его не- отъемлемые черты — технологический прогресс, механизация, массовое производство и их экономические и социальные по-

следствия — были отодвинуты на второй план. Это произошло, вероятно, по трем причинам. *Во-первых*, экономическая наука Рикардо... стала теорией „естественных“ отношений, установленных раз и навсегда между экономическими понятиями (цена, прибыль, капитал и т. д.). *Во-вторых*, сыграли свою роль периодические экономические кризисы, потому что непосредственные причины кризисов можно было найти в денежной сфере. Технологический прогресс, первоисточник роста и преобразования общества, потерялся за теоретическими связями между денежной политикой и экономическими колебаниями. *В-третьих* (и это, возможно, самая главная причина), Маркс и его доктрина сыграли на неудовлетворенности промышленного пролетариата. Учение Маркса дало людям надежду на природный закон, ведущий к „последней схватке“, в ходе которой пирамида распределения доходов будет перевернута и нижние классы станут сильными и богатыми. В свете этого технологический прогресс стал считаться не более чем одной из предпосылок для классовой борьбы»⁵².

Короче, политики любой направленности перестали считать *производство* основой экономической деятельности человека. Доклад «Развитие производственных мощностей — 2006»⁵³ ЮНКТАД (Конференции ООН по торговле и развитию), посвященный наименее развитым странам, — одна из попыток вернуть производству его центральную позицию в теории экономического развития. В этом докладе звучат некоторые идеи, которые изложены в книге.

III. Эмуляция: как разбогатели богатые страны

Примерно в XIII веке флорентийцы, пизанцы, амальфитяне, венецианцы и генуэзцы изменили политику накопления богатства и власти. Это произошло, когда они заметили, что науки, возделывание земли, применение искусств и промышленности, а также ведение обширной торговли способны, объединившись, обеспечить большое население всем необходимым, поддерживать высокий уровень жизни и накапливать громадные богатства без того, чтобы постоянно присоединять новые и новые земли к своим владениям.

*Себастьяно Франчи, миланский реформатор
времен Просвещения. 1764*

НОВОЕ ВИДЕНИЕ МИРА: ОТ ИГРЫ С НУЛЕВОЙ СУММОЙ К ИННОВАЦИЯМ И РОСТУ

С незапамятных времен обитатели Земли в большинстве своем жили простой жизнью, в относительной бедности, с трудом выдерживая баланс между размером населения и доступными природными ресурсами. По словам Альфреда Маршалла, одного из основателей неоклассической экономической науки, все случаи переселения народов, известные истории, произошли в результате убывающей отдачи: плотность населения возрастала, а количество доступных природных ресурсов оставалось неизменным, как и уровень технологий. Такой случай описан, в частности, в Библии (Книга Бытия 13:6); племенам Израиля пришлось разделиться, потому что «непоместительна была земля для них, чтобы жить вместе, ибо имущество их было так велико, что они не могли жить вместе». Со временем в мире появлялись предметы роскоши, но они предназначались лишь для немногих избранных, а богатство добывалось преимущественно путем завоевания новых территорий.

В таком мире богатство и бедность были «игрой с нулевой суммой»; чтобы стать богатым, нужно было присвоить чужое, уже существующее богатство. Такой взгляд на мир, присущий людям с древности, был закреплен Аристотелем и сформировал мировоззрение схоластов, европейских философов периода позднего Средневековья. «Выигрыш одного человека есть потеря для другого», — писал Святой Иероним (ок. 341–420). Еще в 1643 году англичанин сэр Томас Браун (1605–1682) утверждал, что «все не могут быть счастливы одновременно, поскольку слава одного государства строится на развалинах другого». Исторический процесс был циклическим, как писал арабский историк и экономист XIV века Ибн Халдун. Он считал, что общества, создающиеся путем сплочения людей, можно разделить на пустынные и городские. Исторический цикл, в глазах Ибн Халдуна, выглядел так: племя, живущее в пустыне, завоевывало город, но от городской жизни постепенно становилось все более изнеженным и слабым, так что через несколько поколений его в свою очередь завоевывало следующее племя жителей пустыни.

Перемены, которые Себастьяно Франчи подметил в жизни итальянских городов, произошли благодаря кардинальным изменениям в традиционном мировоззрении. Эта смена менталитета, проявившаяся во многих сферах жизни, была продуктом Позднего Возрождения. Несколько факторов привели к тому, что «игра с нулевой суммой» постепенно исчезла, а в циклической истории человечества появился элемент прогресса. Некоторые из этих факторов существовали давно, но только во времена Возрождения накопили критическую массу, чтобы традиционное мировоззрение изменилось и родилась новая космология. Благодаря этим факторам в истории человечества впервые появились географические области, где все люди были богатыми. Сегодня эти факторы напрочь исчезли из экономического мышления. Одна из причин того, что мы никак не можем победить бедность, заключается в том, что эти открытия периода Возрождения, а также более поздние открытия периода Просвещения, трудно сформулировать на языке, на котором изъясняются современные экономисты.

Люди очень рано поняли, что богатство чаще всего встречается в городах (точнее, в определенных городах)¹. В городах жили свободные люди; в деревнях — серфы, навсегда прикре-

пленные к земле и к местному лорду. Люди начали задумываться, почему города настолько богаче, чем деревни. Постепенно они пришли к тому, что богатство городов — это результат *синергии*: люди разных ремесел и профессий живут вместе в одном сообществе. Флорентийский ученый и государственный деятель Брунетто Латини (ок. 1220–1294) описал эту ситуацию как *il ben comune*, или «общее благо». Первые экономисты — меркантилисты и немецкие камералисты — объясняли богатство и бедность именно такой синергией. «Только всеобщее богатство делает города великими», — повторил Никколо Макиавелли (1469–1527) за Брунетто Латини почти 300 лет спустя.

В эпоху, когда богатство понималось всеми исключительно как коллективное явление, Возрождение вернуло былую значимость личности человека и его созидательному потенциалу. Необходимо учитывать оба фактора — общее благо и роль личности, чтобы понять взгляд на общество, а также явление экономического роста. Как раз такой амбивалентный теоретический подход, признание, что интересы общества и интересы отдельной личности в одинаковой степени служат мерой экономического анализа, был типичен для экономистов континентальной Европы (особенно Германии) до начала Второй мировой войны. Сегодня, однако же, теоретическая амбивалентность почти не встречается у экономистов. В XX веке проблема столкновения интересов индивида и общества свелась к дискуссиям о соотношении разных форм свобод (например, к обсуждению компромисса между правом индивида носить оружие и правом остальных членов общества не быть застреленными). Утрата дуальной теоретической точки зрения, которую продемонстрировала Маргарет Тетчер, сказав, что «такого понятия, как общество, не существует», всерьез ограничивает нашу способность понять явление бедности. Методологии стандартной экономической науки слишком часто не хватает для того, чтобы заметить синергию.

Аристотелев взгляд на мир как «игру с нулевой суммой» постепенно уступил место пониманию, что новое богатство можно не только завоевывать, но и *создавать* при помощи инноваций и созидания. Одновременно с этим весьма показательно менялось и значение слова *новшество*. В 1277 году Роджер Бэкон (ок. 1214–1294) был арестован в Оксфорде за «подозрительные новшества» — ересь, состоявшую в поиске знаний за пределами Библии и трудов Аристотеля. Когда 300 лет спустя

Фрэнсис Бэкон (1561–1626) написал эссе «О новшествах», они понимались уже как способ приумножения богатства и счастья человека. В утопии «Новая Атлантида» Бэкон описывает государство, в котором инновации почитаются и люди изобрели самодвижущиеся экипажи, подводные лодки, микрофоны и лекарства, продлевающие жизнь. Бэкон также описывает первый в мире национальный научно-исследовательский совет, дом Соломона. Видов деятельности, связанных с обрабатывающей промышленностью, становилось все больше, они разорвали порочный круг убывающей отдачи, создав то, что долгое время было привилегией лишь городов, — *растущую отдачу*. Напомним: растущая отдача означает, что при росте производства стоимость производства единицы продукции падает, даже если технологии в это время не меняются. Антонио Серра в 1613 году сформулировал рецепт богатства страны так: богатство состоит из растущей отдачи и максимального разделения труда, т. е. из увеличения количества профессий и видов деятельности. Англия — хрестоматийный пример бедной страны, сумевшей стать богатой. В случае Англии практика предшествовала теории, но еще в 1581 году Джон Хейлс писал о важности промышленного производства для богатства страны: «Какой же недалекий нужно иметь ум... чтобы позволять нашему собственному сырью быть отправленным на обработку чужаками, а потом выкупать получившееся назад у этих чужаков!»² Эта же мысль звучала во всех тех странах, которые, одна за другой, решили индустриализоваться. Эти же принципы были во второй половине XX века применены в Японии и Корее.

В условиях падающих издержек при росте производства, т. е. в условиях растущей отдачи или экономии на масштабах производства, большое население уже не казалось экономистам XVII века проблемой. Напротив, для экономии на масштабе, с ее разделением труда и многочисленными новыми ремеслами, большое население стало важным условием экономического роста³. Более того, для роста богатства было необходимо не просто увеличивающееся население, но и его концентрация. Именно поэтому английский экономист Уильям Петти (1623–1687) предлагал переселить жителей Шотландии и других периферийных районов в Лондон, где они могли бы приносить экономике страны большую пользу, чем на пустынных окраинах острова. И только в 1798 году, когда Томас Мальтус

(1766–1834) вернул к жизни экономическую науку, основанную на убывающей отдаче от сельского хозяйства (а не на инновациях и экономии на масштабе в обрабатывающей промышленности), рост населения, как в Книге Бытия, снова начал считаться проблемой. Когда Мальтус и его друг Рикардо вернули убывающей отдаче центральную позицию в экономической науке, одновременно упразднив растущую отдачу и инновации, последствия оказались трагическими: было потеряно прежнее понимание богатства как совместного продукта синергии, возрастающей отдачи и инноваций. Концентрация на убывающей отдаче завоевала Рикардовой экономике титул «мрачная наука». Его теория торговли по сей день остается главным оправданием колониализма и неоколониализма, а также основой механизма, который не дает бедным странам разбогатеть. Еще одной важной потерей стала черта, типичная для науки периода Просвещения, — понимание различий при помощи разработки квалификационных систем (таксономий).

Европа периода ранней современности также видела связь между открытиями (географическими и научными) и инновациями, между развитием теории и практики. Понимание того, что Вселенная бесконечна и постоянно расширяется, было условием меркантилистского мировоззрения: если космос может бесконечно расширяться, значит, экономика может то же самое. Джордано Бруно (1548–1600), ученый и маг-алхимик, сожженный у столба в Риме 1 июля 1600 года за то, что, помимо прочего, считал Вселенную бесконечной, внес важный вклад в развитие экономической космологии Европы.

В самом сердце процесса экономического роста находится сочетание синергии и инноваций в условиях существенной специализации и разделения труда. Экономисты отчетливо понимали это еще в XVII веке. Мы увидим, как эта система экономического роста успешно функционировала в голландском городе Дельфте.

Религия постепенно освобождала общество из своих железных тисков и одновременно открывалась инновациям. Благодаря этому значение термина «инновации» и отношение к нему в обществе радикально изменились, как мы видим на примере отношения к Роджеру Бэкону в XIII и Фрэнсису Бэкону в начале XVI века⁴. Когда Константинополь, столица Западной Римской империи, Византии, пал под натиском турок в 1453 году, многие

философы перебрались в Италию. В результате этого западная философия и западная Церковь попали под сильное влияние восточной Церкви. В ходе этого процесса в обществе утвердилась более динамичная версия Книги Бытия — история Сотворения мира. Люди стали рассуждать так: если человек создан по образу Божьему, его долг — стремиться сравниться с Богом. Каков же тогда самый типичный признак Бога? Должно быть, Его созидательная способность и склонность к инновациям: ведь Он создал и небо, и землю. Постепенно стало очевидным то, что человек на Земле — это не просто садовник и подсобный рабочий при созданном Богом мире. Бог создавал мир 6 дней, а оставшуюся созидательную работу оставил человечеству. Следовательно, создавать и внедрять инновации — это наша приятная обязанность. Наша обязанность — населить Землю; как и в случае размножения, Бог предусмотрел для человека стимул к инновациям в виде радости от новых открытий. Александр Койре (1892–1964) так писал об этом: «Человечество выросло из наблюдателя в хозяина и повелителя природы»⁵. Человечество отправилось в экспедицию за новыми знаниями, и сколько бы мудрости оно ни накопило, мы продолжаем расширять бесконечные границы знания.

Так развивалось понимание экономического роста как совместного продукта синергии, разделения труда, растущей отдачи и новых знаний. Кроме того, как мы увидим, потенциал для развития всегда считался свойственным только некоторым видам экономической деятельности, т. е. признавалось, что экономический рост зависит от вида экономической деятельности. В распространенной сегодня экономической науке такой всесторонний подход, к тому же еще учитывающий качественные различия видов экономической деятельности, можно найти разве что по частям. Элементы этого подхода (к примеру, понятие растущей отдачи) иногда встречаются в некоторых теориях, но никогда не бывает так, чтобы все элементы объединились достаточно убедительно, чтобы повлиять на экономическую политику, которую мы позволяем применять бедным странам. Сегодня бедны именно те страны, в которых эти элементы плохо развиты. В колониях между этими элементами *не должно* было произойти синергического взаимодействия, а теория торговли Рикардо была первой, позволившей оправдать колониализм с точки зрения этики. Несмотря на то что запрет промышлен-

ного производства, явный или косвенный, по факту является ключевым элементом любой колониальной и неоколониальной политики, теория Рикардо учит нас, что это неважно. Весь мировой экономический порядок основывается на этой теории, той самой, которая предсказывает, что экономическая интеграция племени амазонских туземцев и Силиконовой долины должна привести к одинаковому богатству обеих сторон.

ЭМУЛЯЦИЯ: РОЖДЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПРИ ГЕНРИХЕ VII, КОРОЛЕ АНГЛИИ (1485 г.)

От внимания ранних экономистов не ускользнуло то, что «островки богатства» в Европе часто были расположены именно на островах. Парадоксальным образом получалось, что богатство страны обратно пропорционально ее богатству природными ресурсами. Самые богатые области, такие как Голландия и Венеция, почти не имели земель, пригодных для обработки. Из-за этого население было вынуждено специализироваться на промышленном производстве и международной торговле. Во Флоренции, главном европейском городе-государстве, не расположенном на побережье, крупные землевладельцы веками не допускались к политической власти. Благодаря этому, как и в прибрежных государствах, жизнь города определяли интересы ремесленников, промышленников и торговцев. Флоренция очень рано поняла основные механизмы происхождения богатства и бедности. Веками землевладельцы были для флорентийцев постоянной угрозой, потенциальными союзниками вражеских государств. Не давая землевладельцам власти, горожане Флоренции убивали двух зайцев: обеспечивали городу одновременно экономическую власть и богатство при помощи промышленного производства и политической власти. Чтобы избежать спекуляций провизией и нехватки продовольствия, во Флоренции строго запрещали вывозить продукты питания из городских хранилищ. Экономическая власть и покровительство способствовали тому, что в нефеодалных сообществах процветали ремесла. Эта важнейшая связь между политическим и экономическим строем, между демократией и экономикой, диверсифицированной до состояния независимости от сельского хозяйства и сырьевых товаров, сегодня утрачена.

Вместо того чтобы делать выводы из исторических примеров, мы затрачиваем невероятные усилия и огромные средства, чтобы установить демократию в странах, где экономический строй находится на феодальном, докапиталистическом уровне.

Бедные страны Европы поняли, что между *промышленной структурой* немногих богатых городов-государств и их богатством есть явная связь. Самый богатый город-государство Венеция и несколько городов Голландии имели рыночное преимущество в трех областях. В экономическом плане они пользовались типом рент, о котором мы уже говорили, что он обеспечивает рост прибыли, реальной заработной платы и налогооблагаемого дохода. И в Венеции, и в Голландии обрабатывающая промышленность была развита и диверсифицирована, так же как и ремесленный сектор. В начале 1500-х годов в промышленном производстве было занято 30% трудоспособного населения Голландии. В Венеции 40 тыс. человек работали только на судостроительных верфях. Венеция и Голландия контролировали важные сырьевые рынки (Венеция — соли, а Голландия — рыбы). Даже на ранней стадии развития, будучи относительно бедной, Венеция отчаянно боролась за свою власть на солевых рынках. В Голландии же в начале XIV века была изобретена соленая и маринованная сельдь и был создан ее большой рынок, контролируемый, естественно, Голландией. Кроме того, Венеция и Голландия наладили крайне выгодную международную торговлю. Таким образом, первое богатство в Европе было основано на тройной ренте — тройной рыночной власти в таких видах экономической деятельности, которые явно отсутствовали в бедных европейских странах. Это были промышленное производство, почти полная монополия в одном виде важного сырья, а также прибыльная международная торговля. Созданное богатство сохранялось при помощи высоких входных барьеров, а именно при помощи знаний, разнообразия промышленного производства, систематически создающего эффект синергии, при помощи рыночной власти, издержек, сниженных за счет инноваций и растущей отдачи, при помощи самого масштаба деятельности, а также при помощи экономии на масштабах в использовании военной силы. После 1485 года Англия воспроизвела структуру тройной ренты, изобретенную городами-государствами. Прибегнув к массивному государственному вмешательству в экономику, Англия

выстроила собственную систему тройной ренты в промышленном производстве, внешней торговле и производстве сырья (шерсти). Успех Англии постепенно привел к закату городов-государств и к росту национальных государств: синергия городов-государств распространилась на большие территории. Такова была суть меркантилистского проекта в Европе⁶.

Ненадолго вернемся к экономической науке. До Адама Смита считалось, что экономическое развитие основывается на коллективном соискании ренты, которое происходит от синергии растущей отдачи, инноваций и разделения труда, вместе встречавшихся только в городах. Эта мысль противоположна идее совершенной конкуренции, которую мы находим в стандартной экономической науке сегодня. С появлением книг Рикардо, со взлета индустриализации в Англии в 1817 году мы наблюдаем одно и то же: богатые страны не дают бедным странам разбогатеть, цитируя теории, которые отрицают существование тех самых факторов, при помощи которых эти богатые страны разбогатели. Как мы еще убедимся, все страны, которые разбогатели после 1485 года, действовали вопреки экономическим теориям Рикардо.

Первая в истории человечества масштабная промышленная политика использовала вывод о том, что именно сделало богатые области Европы богатыми, — идею, что технологическое развитие всего в одной сфере в пределах одной географической области может сделать богатым целую страну. Король Англии Генрих VII, взошедший на трон в 1485 году, вырос в Бургундии. Там он обратил внимание, как богата область, занимавшаяся производством шерстяной ткани. И шерсть, и химикат для ее очищения (фуллерова земля, или силикат алюминия) импортировались из Англии. Когда Генрих вступил во власть своим неимущим королевством, где производство шерсти было на несколько лет вперед заложено итальянским банкирам, он вспомнил свое детство на континенте. В Бургундии хорошо жили не только производители тканей, но и пекари, прочие ремесленники. Король понял, что Англия занимается не тем, чем надо, и решил сделать из нее производителя тканей, а не экспортера сырья⁷.

Генрих VII разработал обширный инструментарий экономической политики. Первым и главным инструментом стали налоги на экспорт, благодаря которым зарубежным производителям тканей невымытая шерсть доставалась дороже, чем английским. Кро-

ме того, начинающие производители шерстяной ткани на время освобождались от налогов, а также на ограниченный срок получали монополию на торговлю в определенных географических областях. Для того чтобы привлечь ремесленников и предпринимателей из других стран, особенно из Голландии и Италии, также применялась особая политика. По мере роста английской шерстяной промышленности росли и налоги на экспорт, пока у Англии не появилось достаточно производственных мощностей для того, чтобы обрабатывать всю производимую в стране шерсть. 100 лет спустя Елизавета I смогла ввести эмбарго на экспорт необработанной шерсти из Англии. В XVIII веке Даниэль Дефо и другие историки посчитали эту стратегию мудрой и назвали ее *планом Тюдоров* — в честь королевских особ из рода Тюдоров. Используя те же методы, что Венеция и Голландия до нее, Англия достигла такой же ситуации тройной ренты, как и они; она использовала сильный промышленный сектор, монополию на один вид сырья (шерсть) и международную торговлю.

Некоторые историки утверждают, что план промышленной политики Тюдоров был основой будущего величия Англии. На континенте этому плану суждено было иметь важные последствия. Конкуренция с Англией сильно пошатнула положение Флоренции. Флорентийцы попытались переключиться на испанскую шерсть, а также попробовали диверсифицировать свое производство, начав производить шелк, но политика Англии была настолько успешной, что положила конец золотому веку Флоренции. Главными конкурентами англичан на сырьевом рынке были испанские производители шерсти. В 1695 году английский экономист Джон Кэри предложил Англии скупить всю испанскую шерсть, чтобы сжечь ее. У Англии не хватило бы мощности для обработки всей испанской шерсти, но, удалив сырье с рынка, она усилила бы свою рыночную власть. «Мы могли бы заключить договор с испанцами на покупку всей шерсти, которая у них имеется; в случае же, если этой шерсти будет слишком много, следует сжечь избытки за общественный счет (как это делают голландцы со своими специями), чтобы только не допустить ее прядения в других странах, чего иным способом мы никак не можем предотвратить».⁸ Торговая война была сражением за возможность заниматься деятельностью, приносящей наибольшую прибыль, наибольшие зарплаты и/или наибольшую налоговую отдачу. Всем

участникам было понятно, что стратегическая торговая политика — это по сути альтернативный способ ведения войны.

Европа веками в своей торговой политике использовала принцип максимального увеличения промышленного сектора каждой из своих стран. Часто при этом промышленности других стран наносился урон. Немецкий экономист Фридрих Лист в 1841 году писал, что в течение нескольких сотен лет экономическая политика Англии руководствовалась простым правилом: импортировать сырье и экспортировать промышленные товары. Чтобы быть богатыми, таким странам, как Англия и Франция, нужно было эмулировать Венецию и Голландию и копировать их экономический строй, но не обязательно было копировать их экономическую политику. Разбогатевшие страны могли позволить себе иную политику, чем бедные страны. Как только страна оказывалась в достаточной степени индустриализованной, те же факторы, которые раньше требовали защиты (достижение растущей доходности и развитие новых технологий), начинали требовать для роста и процветания больших международных рынков. Мы видим, что успешная политика протекционизма несет в себе зерно своего же уничтожения: в случае успеха защита, которая изначально была столь необходима промышленности, начинает мешать ее производительности. Вот что писал итальянский путешественник, посетивший Голландию в 1786 году: «Насколько тарифы полезны для изначального развития промышленного производства страны, насколько же они становятся вредны, когда промышленное производство уже возникло»⁹. Эта фраза — ключ к пониманию того, когда должна вводиться свободная торговля. И вновь мы не встречаем эту идею в экономической науке, которая принята сегодня в большинстве стран мира.

С тех пор как Генрих VII сформировал набор инструментов для экономической политики Англии, их использовали все страны, которые сумели перейти от бедности к богатству. Исключений история знает немного. Гонконг — маленький город-государство, лишенный природных ресурсов, но с сильным тылом, может разбогатеть таким же «естественным» способом, как Венеция и Голландия. Однако если изучить механизмы работы такого города в деталях, от стоимости лицензии на вождение такси до устройства крупнейших корпораций, становится понятно, что богатство в нем создается при помощи

не совершенной конкуренции, а соискания ренты. Получается, что и здесь успех — следствие скорее несовершенной, чем совершенной конкуренции.

Первый министр финансов США Александр Гамильтон в 1791 году подал правительству Отчет об обрабатывающей промышленности Соединенных Штатов, в котором предложил инструментарий, подобранный к тому, что использовал Генрих VII. Гамильтон поставил перед Америкой те же цели: усилить разделение труда и увеличить сектор обрабатывающей промышленности. Этими же инструментами воспользовались почти все страны континентальной Европы в XIX веке, включая мою Норвегию. Главным источником вдохновения для европейских стран, которые последовали за Англией по пути индустриализации, стали теории немецкого экономиста Фридриха Листа, прожившего в Америке долго для того, чтобы получить американское гражданство. Труды Листа были переведены на многие языки, а предложенный им инструментарий использовали Япония, начиная с реставрации Мейдзи в 1860-е годы, а также Южная Корея — страна, которая в 1950 году была беднее Танзании, начиная с 1960-х годов. Бедные страны — это страны, которые либо не воспользовались этими инструментами, либо применяли их недостаточно долго и/или гибко, не дав возможности укорениться конкурентной динамике. В Приложении IV приведено сравнение «хорошего» и «плохого» протекционизма, из которого становятся понятными качественные различия между возможными видами протекционизма.

ПРАВИЛА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭМУЛЯЦИИ И РАЗВИТИЯ

...the fundamental things apply, as time goes by.*

Песня из фильма «Касабланка»

1. Наблюдение за тем, как богатство образуется вокруг видов деятельности с растущей отдачей и вокруг постоянной механизации в целом. Осознание того, что «мы занимаемся не тем, чем нужно». Сознательное *стремление*

* Время идет, а вечные ценности остаются.

к видам деятельности, для которых характерна растущая отдача; их *поддержка и защита*.

2. Введение в рамках определенной географической области временных монополий/патентов защиты видов деятельности, которые принято решение развивать (целевых).
  3. Признание того, что развитие — это явление синергическое, а значит, сектор обрабатывающей промышленности должен быть диверсифицирован (максимизация разделения труда, о которой писал Серра в 1613 году).
  4. Сектор обрабатывающей промышленности решает стратегические проблемы, типичные для стран третьего мира, — возрастает национальная добавочная стоимость (ВВП), увеличивается количество рабочих мест и решается проблема платежного баланса.
  5. Привлечение иностранцев для работы в целевых видах деятельности (исторически этому весьма способствовали религиозные преследования).
  6. Относительное подавление богатых землевладельцев и прочих групп, заинтересованных в производстве сырьевых товаров. (Это правило применялось разными странами — от Англии в 1480-х годах и до Кореи в 1960-х.)
- Физиократы, предки современной неоклассической экономической теории, воплощали как раз бунт землевладельцев против применения правил, перечисленных в этом списке, в предреволюционной Франции. Гражданская война в США — это типичный конфликт между свободно торгующими экспортерами сырья, т.е. Югом, и индустриализующимся классом, т.е. Севером. Бедные страны нашего времени — это страны, где «Юг» победил в политических конфликтах и гражданских войнах. Если экономика страны слишком рано открывается для свободной торговли, «Юг» выигрывает политическую борьбу. Стандартная экономическая наука и условия международных финансовых организаций *de facto* оказывают безоговорочную поддержку «южанам» во всех бедных странах.
7. Освобождение целевых видов деятельности от налогов.
  8. Предоставление целевым видам деятельности дешевых кредитов.
  9. Экспортные субсидии для целевых видов деятельности.

10. Оказание мощной поддержки сельскохозяйственному сектору, несмотря на понимание того, что сам по себе этот сектор не способен вывести страну из бедности.
11. Признание важности обучения/образования (система подмастерьев в Англии при Елизавете I, «Новая Атлантида» Фрэнсиса Бэкона, научные академии в Англии и на континенте).
12. Продвижение ценных знаний при помощи патентов. (Практика введена в Венеции в 1490-х годах.)
13. Возможное введение налога или полного запрета на экспорт сырья с тем, чтобы странам-конкурентам сырье доставалось по более высоким ценам. (Эту политику первым ввел Генрих VII в конце 1400-х годов, нанеся ущерб шерстяной промышленности Флоренции времен герцогов Медичи.)

ИСПАНИЯ: ПРИМЕР ТОГО, КАК ПОСТУПАТЬ НЕЛЬЗЯ

В истории Европы с 1500-х годов можно найти примеры экономической политики, которой нельзя следовать. Испания когда-то была развитым промышленным государством. «В Европе, чтобы описать самый лучший шелк, люди раньше говорили: качество Гранады. Чтобы описать лучшие ткани, говорили: качество Сеговии», — писал португальский экономист 1700-х годов. К этому времени испанская обрабатывающая промышленность давно перестала существовать и экономисты пытались понять, что могло уничтожить одним махом и промышленную мощь Испании, и ее богатство. Они пришли к одному выводу.

После открытия Америки в Испанию рекой хлынули потоки золота и серебра. Однако это богатство не было инвестировано в производство, а привело к деиндустриализации страны. Произошло это так: землевладельцы наживались на потоке золота из Америки благодаря монополии на экспорт вина и оливкового масла на растущие рынки Нового Света. Производство масла и вина — крайне негибкие виды экономической деятельности, для которых характерна скорее убывающая, чем возрастающая отдача¹⁰. Для того чтобы увеличить производство (в частности, чтобы новые оливковые деревья начали плодоносить так же ак-

тивно, как старые), требуется время. Такое расширение производства приводит к отдаче не возрастающей, а убывающей, из-за которой затраты на производство единицы товара увеличиваются, а не уменьшаются. Поэтому результатом возросшего спроса стал резкий скачок цен на сельскохозяйственные продукты. Знатные землевладельцы были освобождены практически ото всех налогов, так что налоговое бремя легло на плечи ремесленников и промышленников. Рост цен на сельскохозяйственные товары в Испании и без того пошатнул конкурентоспособность испанских промышленников и ремесленников, так что синергия и разделение труда в стране отсутствовали. Произошла деиндустриализация, оправиться от которой Испании удалось только в XIX веке. Успешные страны защищали свою обрабатывающую промышленность, а неуспешная Испания защищала свое сельское хозяйство, пока оно не уничтожило ее обрабатывающую промышленность.

В политическом смысле война между современными городскими и традиционными сельскими видами деятельности была частично проиграна в Испании во время и после так называемого восстания городских коммун (комунерос) в 1520–1521 гг. Этот прототип современной европейской революции в долгосрочной перспективе оказал разрушительное действие на промышленные города Испании. Испанская организация овцеводов «Места», ссужавшая деньгами испанский трон, обладала немалой политической мощью, которую использовала, чтобы поддержать сырьевую экономическую политику в стране. «Места» сумела получить разрешение на выпас овец на сельскохозяйственных землях, так что часть возделываемой земли в Испании вновь деградировала до уровня пастбищ. Сравнивая Испанию и Англию периода 1500-х годов, мы видим, как важно, в чьих руках находится политическая власть — у тех, кто заинтересован в производстве сырьевых товаров, как в Испании, или у тех, кто заинтересован в развитии обрабатывающей промышленности, как в Англии. Я не хочу сказать, что вторые люди лучше первых; те и другие одинаково стремятся к собственной выгоде. Однако мы по-прежнему понимаем капитализм как систему непреднамеренных последствий, а таковые в странах, где деньги делаются при помощи обрабатывающей промышленности, совсем другие, чем в странах, где заработать можно только на сырье. Если понять, как и почему это происхо-

дит, то можно добиться желаемого результата при помощи мудрой экономической политики, как это сделал Генрих VII; однако сегодня эта политика запрещена Вашингтонским консенсусом.

В отличие от Венеции и Голландии — примеров для подражания, Испания в XVI веке показала миру плохой пример. Стало понятно, что богатства колоний не обогатили Испанию, но подавили ее способность производить товары и услуги. В отличие от Англии, которая с 1485 года активно защищала и поощряла свою промышленность, Испания защищала от зарубежной конкуренции свое сельскохозяйственное производство, а именно производство масла и вина. К концу XVI века Испания, когда-то обладавшая довольно мощным промышленным производством, была почти полностью деиндустриализована.

Тем, кто наблюдал за происходившим в Испании, было очевидно, что все огромное богатство, которое текло в Испанию, в ней не задерживалось, а вытекало дальше и оседало в двух местах — в Венеции и Голландии. Как за медленно движущимся цунами, можно проследить за гигантской волной инфляции, начавшейся в южной Испании и прокатившейся по Европе. Но почему этот поток золота и серебра осел в двух небольших географических областях? Что отличало Венецию и Голландию от остальной Европы? В этих областях было сконцентрировано обширное и диверсифицированное производство и почти не было сельского хозяйства. Европа поняла, что истинные золотые рудники — это не физические золотые копи, а *обрабатывающая промышленность*. В труде Джованни Ботеро о причинах богатства городов мы читаем: «Такова сила промышленности, что никакой рудник по добыче золота или серебра в Новой Испании или Перу не может с ней сравниться, и облагая налогами промышленные предприятия Милана, католический король получает больше, чем приносят ему рудники Потоси или Халиско¹¹. Италия — это страна, где... нет крупных золотых или серебряных рудников, как нет их и во Франции; однако обе страны богаты деньгами и сокровищами благодаря своей промышленности»¹².

Идея о том, что обрабатывающая промышленность — это *настоящее* золотое дно, встречается в трудах экономистов по всей Европе с конца 1500 до 1700-х. После Ботеро эту же мысль мы находим у итальянцев Томмазо Кампанеллы (1602 г.) и Антонио Дженовези (1750-е гг.), у испанца Херонимо де Уста-

рис (1724–1751), а также у шведа Андерса Берка (1747 г.), первого профессора экономической науки за пределами Германии: «Истинные золотые рудники — это обрабатывающая промышленность»¹³.

До Смита развитие обрабатывающей промышленности в экономической науке считалось частью прогресса цивилизации. Капитализм рассматривался как возможность обуздать страсти человечества и направить его энергию в созидательное русло¹⁴. Итальянский экономист Фердинандо Галиани (1728–1787) утверждал, что «обрабатывающая промышленность способна излечить два величайших заболевания человечества — суеверия и рабство»¹⁵. Этот принцип стал основой европейской экономической политики, и страны Европы одна за другой индустриализовались. Создание сектора обрабатывающей промышленности, а за ними и демократии считалось частью одного процесса — цивилизации. Эту общепринятую мудрость в 1855 году повторил французский государственный деятель и политический писатель Алексис де Токвиль (1805–1859). «Я не знаю, можно ли назвать народ, от тирийцев до флорентийцев и англичан, который занимался бы обрабатывающей промышленностью и торговлей и не был при этом свободен. Значит, существует близкая связь и необходимая зависимость между двумя этими явлениями — свободой и обрабатывающей промышленностью»¹⁶.

К 1550 году многие испанские экономисты начали понимать, что происходит с их страной, и в результате сумели сделать адекватный анализ ситуации и разработать полезные рекомендации. Американский историк Эрл Гамильтон, эксперт по экономике того времени и экономике Испании, в частности, пишет об этом так: «История знает немного примеров, когда группе моральных философов настолько точно удавалось диагностировать фатальную общественную болезнь, а государственные деятели настолько решительно пренебрегли бы их полезнейшим советом»¹⁷. В 1558 году министр финансов Испании Луис Ортис так описал текущую ситуацию в меморандуме королю Филиппу II: «Из сырьевых материалов Испании и Вест-Индии, в частности, шелка, железа и кочиниллы (красной краски), которые они покупают всего за один флорин, иностранцы производят готовые товары, которые затем продают назад, в Испанию, по цене от десяти до ста флоринов. Таким образом, Испания подверга-

ется со стороны остальной Европы еще большим унижением, чем те унижения, которым мы сами подвергаем индейцев. В обмен на золото и серебро испанцы предлагают индейцам безделушки большей или меньшей ценности; но выкупая свои собственные сырьевые товары у иностранцев по заоблачной цене, испанцы становятся посмешищем всей Европы»¹⁸.

Основная идея меморандума Ортиса — готовый продукт может стоить в десять или даже сто раз дороже, чем необходимое для его производства сырье — веками звучала в европейской экономической литературе. Между сырьем и готовым продуктом находится мультипликатор — производственный процесс, который требует знаний, механизации, технологий, разделения труда, возрастающей отдачи и одновременно сам создает их. Но главное, что создается в ходе производственного процесса, — это рабочие места для безработных, которых в бедных странах всегда великое множество. Сегодня Всемирный банк строит экономические модели так, как будто в развивающихся странах вообще нет безработицы, хотя в некоторых из них только у 20–30% работоспособного населения есть некое подобие работы в нашем понимании. Люди, в прежние времена разрабатывавшие экономическую политику, разделяли понятия безработицы, частичной безработицы и бродяжничества и знали, что труд, который потребуется для создания из сырьевых материалов конечного продукта, сам по себе и сам собой увеличит богатство городов и стран. Однако еще более важным они считали то, что виды экономической деятельности, появившиеся в ходе превращения сырьевых материалов в конечный продукт, подчинялись совсем другим экономическим законам, чем те, которым подчинялось производство сырьевых товаров. Мультипликатор обрабатывающей промышленности был ключом одновременно к прогрессу и к политической свободе.

Вот почему с конца XV века до окончания Второй мировой войны лейтмотивом экономической политики (хотя и не всегда экономической науки) был культ обрабатывающей промышленности. В рамках этого культа велись разговоры о «насаждении» промышленности в странах примерно так, как насаждаются полезные растения из дальних стран. В конце 1400-х годов появились два института, служащих одной цели, — *патенты*, защищавшие новые знания, и *тарифная защита*, позволявшая передавать это знание в новые географические области. Оба ин-

ститута основаны на одной экономической идее: новое знание должно создаваться и распространяться по миру, побуждаемое несовершенной конкуренцией. Необходимой частью этого процесса стали институты, которые «портили» цены, которые установил бы свободный рынок, — патенты создавали временную монополию на новые изобретения, а тарифы, искажавшие цены на промышленные товары, позволяли новым технологиям и производствам укорениться вдали от тех стран, где они были изобретены.

Изобретения и инновации никогда не могли быть воссозданы на свободных рынках без вмешательства государства. Сегодня экономическая политика и мировые финансовые организации защищают только патенты — постоянный источник растущего дохода для очень немногих и очень богатых стран. Однако эти же организации с пеной у рта запрещают применять инструменты, которые позволяют распространять несовершенную конкуренцию в форме новых производств в других странах. Защита несовершенной конкуренции считается нормальной в богатых странах, но только не в бедных. Вот пример того, что я называю подменой предпосылок в экономической науке: у себя дома богатые страны используют совсем другие теории, чем те, которые они применяют в странах третьего мира, совсем как в старые добрые колониальные времена. Соотношение сил в экономике всегда находит свое отражение в золотом правиле: у кого золото, тот и устанавливает правила.

В начале 1700-х годов в экономической практике двусторонней торговли появилось железное правило, которое быстро распространилось в Европе. Если страна экспортирует сырьевые товары и импортирует промышленные, то она ведет *невыгодную торговлю*, если страна импортирует сырьевые товары и экспортирует промышленные, то *выгодную*¹⁹. Интересно, что если страна экспортировала промышленные товары в обмен на другие промышленные товары, торговля считалась выгодной для обеих сторон. Как когда-то выразилась ЮНКТАД, *симметричная торговля* выгодна обеим сторонам, а *несимметричная* невыгодна бедным странам.

Вот почему главные сторонники индустриализации и тарифной защиты, такие как Фридрих Лист, были и главными сторонниками свободной торговли и глобализации, но только после того как все страны будут в достаточной степени ин-

дустриализованы. Еще в 1840-е годы Фридрих Лист разработал рецепт «правильной глобализации»²⁰: свободная торговля должна вводиться после того, как все страны мира будут индустриализованы; только тогда она будет выгодна всем странам без исключения. Как мы видим, Лист только в одном расходится с принятой сегодня теорией — в вопросе выбора времени для введения свободной торговли, а также выбора географической и отраслевой последовательности, в которой должно идти развитие свободной торговли.

Даже в период восстановления Европы после Второй мировой войны подобный тип экономического мышления был в ходу. После войны промышленность США превосходила промышленность Европы. Однако никто почему-то не предлагал Европе следовать собственному конкурентному преимуществу в сельском хозяйстве; напротив, делалось все возможное, чтобы реиндустриализовать Европу при помощи Плана Маршалла. План Маршалла состоял из традиционного набора стратегических инструментов, среди которых была и мощная защита обрабатывающей промышленности. Новой в этом наборе была только необходимость защищать сельское хозяйство послевоенной Европы. Однако в XX веке сельское хозяйство надо было защищать совсем по иным причинам, чем промышленное производство. Развитие производственной базы было агрессивной протекционистской мерой с целью добиться индустриализации и повышения реальной зарплаты в стране. Защита же сельского хозяйства была оборонительной протекционистской мерой с целью не дать доходам отрасли отстать от уровня зарплат в промышленном секторе, стремительно развивающемся под защитой агрессивного протекционизма. Другими словами, защита обрабатывающей промышленности, т. е. источника новых рабочих мест и роста заработной платы в стране, применяется по совсем иным причинам, чем защита занятости в сельском хозяйстве от конкурентов в бедных странах. Первый тип протекционизма агрессивный, он способствует росту зарплат во всей стране при помощи синергии. Второй тип протекционизма помогает крестьянам и регионам, где преобладает сельское хозяйство. Понять необходимость этих разных типов протекционизма можно, осознав качественные различия между обрабатывающей промышленностью и сельским хозяйством, о которых мы поговорим в следующей главе.

ГЕРМАНИЯ СЛЕДУЕТ ПРИМЕРУ АНГЛИИ (1648 г.)

Франция и другие страны взяли на вооружение стратегию, которую Тюдоры с таким успехом использовали в Англии. Помимо прочего эта стратегия способствовала созданию национальных государств: отдельные маленькие города-государства безвозвратно канули в прошлое, вместо них появились государства, которым удалось укрепить «общее благо» и распространить его на географические области с обширными рынками. Во Франции знаменитый государственный деятель Жан-Батист Кольбер (1619–1683) развил промышленность и инфраструктуру такого масштаба, что они объединили всю страну. Его целью было объединить страну, создав в ней совершенную конкуренцию, и защищать возрастающую отдачу и трудоемкую промышленность от иностранных конкурентов. В XVIII веке в Европе Кольбера называли не иначе как «великий Кольбер».

Вспомним теперь, что происходило в этот момент в Германии, самой отстающей европейской стране того времени. Основателем немецкой экономической науки был Фейт Людвиг фон Зекендорф (1626–1692). Он жил во времена войны и разрухи. Тридцатилетняя война (1618–1648) уничтожила 70% гражданского населения. Начиналась эта война как внутренний конфликт на религиозной почве, но постепенно в нее оказались вовлечены многие страны Европы, такие как Испания, Франция, Дания и Швеция. Победителей в Тридцатилетней войне не было, но многие немцы поняли, что проиграла цивилизация в целом. Когда Зекендорфу было 16 лет, его отца, немецкого солдата, служившего в шведской армии, казнили по подозрению в шпионаже. Перед самой смертью Зекендорфа в возрасте 66 лет французская армия Людовика XIV стерла с лица Земли немецкий штат Ринеланд-Палатинат. В промежутке между этими событиями Германия вела войну с турками, которые осадили и захватили Вену, и дважды воевала с Францией. В результате одной из этих войн Страсбург, где учился Зекендорф, был захвачен Францией. Одним из результатов Вестфальского мира (1648 г.), который положил конец Тридцатилетней войне, стал раздел Германии на 300 малых штатов. Эти подробности я привожу здесь потому, что считаю, что странам, которые сегодня терпят неудачу, полезно вспомнить, как Германия сумела

выбраться из глубочайшего послевоенного кризиса. Германию спасла *производственная стратегия*, сознательное развитие торговли и промышленности, отделенных от сельского хозяйства и производства сырьевых материалов. Чтобы преуспеть, Германия решила эмулировать экономический строй страны, в которой царили мир и достаток; в качестве примера для подражания была выбрана Голландия²¹.

Сослуживцы отца помогли Зекендорфу устроиться на работу к бывшему офицеру шведской армии, герцогу Эрнсту Саксен-Готскому, известному как Эрнст Благочестивый. Обязанностью Зекендорфа было следить за огромной библиотекой герцога, состоявшей в основном из военных трофеев²². Эту библиотеку и сегодня можно увидеть во внушительном замке, построенном герцогом в Готе. Так молодой Зекендорф получил доступ к важнейшим трудам по экономической и политической науке своего времени. Многие из них он должен был кратко пересказывать своему работодателю. В 1656 году, в возрасте 30 лет, он издал свой главный труд «*Der Teutsche Fürstenstaat*» («Германское княжество»), соединив в нем два традиционных жанра. Во-первых, как это было принято еще в Италии в XIII веке, дал подробное описание страны — ее истории, народа, правления, институтов и природных ресурсов. Во-вторых, дополнил это описание традиционно немецким *Fürstenspiegel* (букв. *зеркало короля*) — учебником по управлению страной для королей и принцев. Книга Зекендорфа оставалась в печати следующие 98 лет, что для учебника очень серьезный срок.

Несколько лет спустя Зекендорф отправился с герцогом Эрнстом в поездку по Голландии. Как и многие путешественники того времени, он был потрясен изобилием, миром, свободой и толерантностью, которые увидел в Голландии. Вернувшись в Германию, Зекендорф решил дополнить свои советы немецким принцам еще одной частью, «*Additiones*», которая вышла в 1664 году и с тех пор всегда издавалась вместе с основной книгой. В этом приложении Зекендорф изложил главные экономические идеи. То, что он увидел в Голландии, подтвердило теорию, которую он сформулировал еще в библиотеке Готы, — города и промышленность играют важнейшую роль в создании богатства. Работы итальянского экономиста Джованни Ботеро, автора знаменитой книги 1588 года «О величии городов», сегодня представлены в библиотеке Готы в 30 различных изданиях;

все они были опубликованы до 1655 года. Можно предположить, что эти книги уже имелись в библиотеке герцога.

Зекендорф понимал, как важно иметь в городе представителей разных профессий, и понимал, что ремесленники перебираются из деревень в города, чтобы заработать. Он с беспокойством писал о недостаточной конкуренции среди ремесленников. Герцог Эрнст с готовностью вкладывал деньги в инфраструктуру своих земель и даже предпринял попытку сделать реки княжества такими же судоходными, как голландские каналы. Зекендорф упразднил налоги и пошлины, дал людям свободу перемещения. Можно сказать, что он положил начало государству всеобщего благосостояния, первым внедрив ответственность штата за старых и больных.

Что же поразило Зекендорфа вместе с другими экономистами его времени в Голландии? Нам довольно много известно о том, как были устроены промышленность и торговля в голландском городе Дельфте. Мы не знаем, был ли там Зекендорф, можно взять этот город в качестве примера. Теории немецкого экономиста Вернера Зомбарта о войне²³ и роскоши²⁴ в Дельфте нашли воплощение во флоте и искусстве живописи — двух мощных стимулах к развитию капитализма. Однако одновременно с этим опыт Дельфта, с его изготовителями микроскопов, которые превратились в ученых, подтверждает и мнение норвежско-американского экономиста Торстена Веблена о том, что праздное любопытство, свободное от мотива получения прибыли, также является движущей силой капитализма. Дельфт XVII века был примером того, как мощный флот и искусство (как продукт роскоши и научное любопытство) могут создать инновации и достаток в пределах нескольких производственных кластеров. Важность диверсифицированности производства как таковой — это еще один фактор, забытый сегодня экономической наукой, но именно диверсифицированность производила наибольшее впечатление на иностранцев, попавших в Голландию в XVII веке. В центре производственного кластера Дельфта находились производители увеличительных стекол, использовавшихся для контроля тканей в текстильном производстве.

В XV веке фламандские и голландские художники рисовали масляными красками на холсте, в то время как итальянские художники использовали краски на водной основе по свежей

штукатурке. Голландские художники покупали масло льняного семени, а также льняные и конопляные холсты у военного и торгового флота. Кораблестроители традиционно использовали масло для обработки древесины, а холсты — для изготовления парусов. В 1600-х годах Дельфт сменил Флоренцию в роли главного европейского производителя стекол для научных целей. Производители линз нашли другие способы их применения. Флоту были нужны бинокли и телескопы; кроме того, некоторые производители стеклянных линз начинали делать микроскопы и сами становились учеными, описывая новый мир, который открывал глазу микроскоп. Великий дельфтский производитель микроскопов и ученый Антони ван Левенгук (1632–1723) создал синергию, объединив текстильную промышленность, производство микроскопов и естественные науки вокруг изготовления стеклянных линз. Чтобы задокументировать свои открытия, он нанял художников-иллюстраторов. Художник Ян Вермеер (1632–1675), живший на одной улице с Левенгуком, начал использовать в живописи примитивную фотокамеру со стеклянной линзой — камеру обскура. В недавно снятом фильме про Вермеера²⁵ можно увидеть, как он это делал. Связь между искусством и наукой окрепла еще сильнее, когда Вермеер перед смертью назначил Левенгука своим душеприказчиком.

Кроме биноклей и телескопов флоту нужны были карты. На многих картинах Вермеера картам отводится почетное место; один из его биографов даже пишет о картомании Вермеера. В Италии карты традиционно выполняли в технике гравюры по дереву, голландцы начали производить гравюры на меди. И медь, и латунь применялись в производстве биноклей для флота и микроскопов для ученых, так что появилась дополнительная связь между наукой, искусством и флотом. Другим голландцем, также рожденным в 1632 году и занимавшимся производством линз, был знаменитый философ Барух Спиноза. Иллюстрация 5 демонстрирует национальную инновационную систему, которую наблюдали все, кто приезжал в Голландию после Тридцатилетней войны. Знание, разработанное в одной области, неожиданно переходило в другие, не связанные с первой, доказывая, что новое знание создается путем соединения фактов или событий, которые раньше считались несвязанными. Диверсифицированность стала ключевой составляющей экономического роста, а в сельскохозяйственных сообществах, где

III. ЭМУЛЯЦИЯ: КАК РАЗБОГАТЕЛИ БОГАТЫЕ СТРАНЫ

ИЛЛЮСТРАЦИЯ 5. Дельфт, Голландия, 1650-е годы:
инновационная система на основании разнообразия

люди производили одни и те же продукты, этой диверсифицированности не было²⁶. Отсутствие многообразия стало считаться одной из типичных проблем областей, производящих сырьевые товары. Им почти нечем было обмениваться между собой.

Нидерланды того времени была страной, в которой можно было наблюдать за действием механизма экономического развития. Современникам было очевидно, что инновации и процветание — это результат многочисленных возможностей для изобретений за пределами сельскохозяйственного сектора, падающих затрат на единицу продукции и возрастающей отдачи, типичных для городских видов деятельности, разделения труда и множества профессий, создающих благосостояние как результат синергии. Изучив аналогичное явление в Венеции, Серра четко описал эти принципы в 1613 году, добавив при этом, что «один фактор придает силы другому»; т. е. Серра описал систе-

му самоускоряющегося экономического роста. Он также посвятил отдельную главу экономической политике, которой должно придерживаться государство, чтобы разбогатеть. Он мог бы сказать просто: если хотите оценить богатство города, сосчитайте, сколько в нем разных профессий; чем больше профессий, тем богаче город. Диверсификация видов экономической позволяла новому знанию «скакать» из одного сектора в другой, как показано на илл. 5. Эта теория была продолжением традиции *ben commune* (общего блага) Брунетто Латини времен XIII века.

Целью экономической политики, таким образом, становилась эмуляция экономического строя Венеции и Голландии, сведение воедино как можно большего количества профессий, для которых типичными были возрастающая отдача и технологический прогресс. Вариант копирования экономической политики Венеции и Голландии никогда не рассматривался. Экономисты понимали, что экономический строй этих стран сформировался в результате географического расположения на морском берегу и нехватки пахотных земель. Другими словами, Европа избрала стратегией развития сравнительный анализ и эмуляцию. В Приложении V приведена стратегия, разработанная немецким экономистом Филиппом Вильгельмом фон Хорнигом (1638–1712), современником Зекендорфа. Хорниг считал, что отсталые немецкие земли должны следовать этим принципам, чтобы эмулировать экономические структуры богатых европейских стран. Интересно, что эта стратегия была разработана прежде всего для Австрии и впервые была опубликована в 1684 году, всего через год после осады Вены турками. Книга Хорнига переиздавалась 16 раз, продержавшись в печати более 100 лет. В 1784 году она была в очередной раз переиздана, что подтвердило ее важность для создания экономического успеха Австрии. Что характерно, в стандартной истории экономической мысли эта книга вообще не упоминается.

Наблюдение, что близость к городам стимулирует сельское хозяйство, можно встретить у ранних экономистов. Вот что пишет Ботеро: «Голландские овцы приносят по три или четыре ягненка за раз, а коровы часто приносят по два теленка; коровы дают столько молока, что тот, кто не видел этого своими глазами, не поверит, что такое возможно»²⁷. Однако по-настоящему достоинства синергии между городом и деревней — понимание, что только крестьяне, работающие на одном рынке с промыш-

ленниками, могут разбогатеть — были осознаны только во времена Просвещения.

Джосайя Чайлд (1630–1699), управляющий британской Вест-Индской компанией, так сформулировал свое отношение к мировой экономической политике эмуляции: «Если мы намерены достичь успеха в мировой торговле, то должны имитировать голландцев, которые по максимуму используют все возможности обрабатывающей промышленности; тогда у нас появится возможность удовлетворить любой рынок и любой настрой». Развивая тему, Чайлд начал свой труд 1668 года «Brief Observations Concerning Trade and Interest of Money» («Краткие замечания относительно торговли и процента») замечанием об «удивительном прогрессе голландцев», который «является предметом зависти сегодняшних и, возможно, будущих поколений». «Однако, — добавляет он, — средства, при помощи которых они так продвинулись, очевидны и доступны для использования большинству других народов... что я и намерен продемонстрировать в своей книге». К сожалению, то, что казалось очевидным Джосае Чайлду, не кажется очевидным стандартной экономической науке наших дней.

Немцы понимали, что не смогут эмулировать демократичную политическую систему Нидерландов или Венеции. Было очевидно, что экономический строй государства неразрывно связан с его политическим строем²⁹. Однако Германии надо было как-то жить со своими правителями. Чтобы страна могла развиваться, надо было убедить их изменить экономическую политику и ждать, что со временем форма правления сама собой станет более демократичной. Деспотизм правителей со временем должен был перерасти в то, что Вильгельм Рошер в 1868 году называл просвещенным деспотизмом. Начиная с 1648 года философы и экономисты не жалели сил, чтобы изменить представление правителей о том, что такое успешное королевство.

Зекендорф был первым экономистом и политологом, пытавшимся внушить европейским правителям, что они унаследовали не только право властвовать над людьми, но и обязанность их развивать. В следующем веке появились первые развивающиеся страны, предшественники Кореи и Тайваня конца XX века. Просвещенный правитель — «философокороль», как называл его Христиан Вольф, управлял «развивающейся диктатурой», а экономисты советовали, помогали, направляли, поправляли, а кроме

этого увещевали правителей и льстили им, чтобы те как следует выполняли свою работу. Многие экономисты представляли собой целый научный совет в одном лице, а также были предпринимателями в последней инстанции, что часто приводило их к финансовым трудностям. В обществе культивировали понимание того, что чем лучше правитель, тем богаче народ. Вместо того чтобы оценивать свой успех по величине собственного богатства, правитель измерял его материальным достатком своего народа.

Первым в мире профессором экономической науки стал Симон Петер Гассер, возглавивший кафедру экономической теории, политики и камеральных наук Галльского университета в 1727 году. Только через 100 лет появился первый профессор экономической науки в Англии. (Адам Смит был профессором нравственной философии.) Первый учебник по экономической науке, написанный первым в мире профессором-экономистом, назывался «Введение в экономические, политические и камеральные науки» и открывался стихотворением Зекендорфа. В нем сначала описывался прежний идеал короля — ловкого охотника, наездника и фехтовальщика, а затем образ современного короля, успех которого зависит от достатка и спокойствия его подданных³⁰.

ИРЛАНДИЯ УЧИТСЯ НА СОБСТВЕННЫХ ОШИБКАХ

В июле 1980 года мне вспомнился «просвещенный деспотизм» Вильгельма Рошера. Закончив аспирантуру, я начал работать на американскую консультационную фирму «Телесис». Выполняя первое же задание, я неожиданно оказался в кабинете премьер-министра Ирландии Чарльза Хоги. В кабинете нас было только трое — я, Чарльз Хоги и генеральный директор «Телесиса». Мы должны были оценить промышленную политику, которую вела Ирландия после Второй мировой войны, и составить рекомендации на будущее; докладывая о результатах мы должны были непосредственно премьер-министру.

Хоги (по образованию бухгалтер) произнес следующую речь, выступая перед ирландским народом 9 января того же года: «Сегодня я хочу поговорить с вами о состоянии дел нашей страны; к сожалению, это разговор не слишком веселый. Цифры, которые мы получили только что, ясно подтверждают одно. Наше общество живет не по средствам... мы живем несоразмерно тому, сколько товаров и услуг мы производим. Чтобы воспол-

нить разницу, мы многократно занимали деньги под процент, но дальше мы занимать просто не можем. Нам придется реорганизовать государственные расходы так, чтобы брать на себя только те обязательства, которые мы можем себе позволить».

Ирландия вошла в Европейское экономическое сообщество в 1973 году, и в ее сельскохозяйственный сектор тут же потекли деньги. Однако это привело только к переизбытку мощностей и к тому, что крестьяне оказались по уши в долгах и на чрезвычайно сложном рынке. Я помню, что на встрече с нами Хоги сказал: «Скоро появятся новые технологии, и я хочу, чтобы вы помогли Ирландии стать в этих технологиях лучшей». Хоги говорил об информационных технологиях. Он хотел, чтобы Ирландия эмулировала богатые страны, догнала их и вырвалась вперед. Я был единственным экономистом в ирландской команде. В итоге мы разработали практические рекомендации на основании бизнес-анализа³¹.

Хоги принадлежит заслуга чрезвычайно успешной трансформации экономики Ирландии, которая стала возможна благодаря тому, что она рано вошла в сектор информационных технологий. Довольно быстро уровень реальной зарплаты в Ирландии стал выше, чем в Англии, ее бывшей колониальной хозяйке. Идеи Хоги и его лидерство сыграли в Ирландии ту же роль, какую играли в Европе XVIII века просвещенные деспоты.

После первой встречи с Хоги я почти год провел в Дублине. Благодаря своим коллегам из библиотеки «Тринити колледжа» я изучил промышленное прошлое Ирландии. В конце 1600-х годов Ирландия — британская колония — чуть не стала лидером в производстве шерстяных тканей, ведущей отрасли того времени. Этому способствовали искусные ремесленники-католики с континента. Английские производители шерстяных тканей, которые в это время были заняты борьбой с флорентийским шерстяным производством, не могли позволить себе уступить конкурентное преимущество Ирландии. Они направили петицию английскому королю с просьбой запретить экспорт шерстяных тканей из Ирландии, и тот удовлетворил их просьбу в 1699 году.

Это случилось еще до появления теории торговли Рикардо, так что всем было ясно, что, уничтожив промышленный сектор Ирландии и тем самым вынудив ее посылать в Англию необработанную шерсть, Англия обрекала Ирландию на бедность. Оправдывая свой поступок, Англия ссылалась на то, что

европейские страны аналогичным образом поступали со своими колониями. Помните английского экономиста Джона Кэри, который предлагал ввести смертную казнь за экспорт сырьевых товаров? Он был одним из тех, кто способствовал запрету на экспорт ирландских шерстяных тканей. При этом он использовал экономическую метафору, принятую в то время, — человеческое тело. Кэри утверждал, что Англия — это голова тела Содружества, а Ирландия — всего лишь его конечность. В случае если конфликт возникает между частями тела общего блага, как считал он, интересы головы должны ставиться выше интересов конечностей. Это решение, конечно, было встречено в Ирландии с пессимизмом. Декан «Тринити колледжа» Джон Хели-Хатчинсон (1724–1794) даже написал книгу о том, как коммерческие ограничения 1600-х годов ввергли Ирландию в бедность. Книга называлась «Коммерческие ограничения Ирландии, описанные в письмах благородному лорду». Она была опубликована анонимно и сразу же приговорена к сожжению. Это была последняя книга, которая пострадала за крамольные идеи.

В Америке XIX века ирландские иммигранты с готовностью поддерживали «американскую систему мануфактур», систему защиты, которая позволяла США индустриализоваться. Они помнили, как у Ирландии была отнята ее промышленность, и не хотели, чтобы Англия проделала то же с их новой страной. Надо сказать, что в те времена Англия действительно более 100 лет выступала против индустриализации Америки, но это было все равно, что запрещать Силиконовой долине экспортировать электронику в 1990-е годы. В 1699 году Ирландии запретили эмулировать Англию; в 1980 она отомстила, освоив то, чему суждено было стать ведущей мировой технологией на несколько десятилетий вперед, — информационные технологии. Благодаря этому в стране произошел бум производительности, поднявший зарплаты в стране выше английских. Возможно, я придаю этому событию слишком большое значение, но мне видится нечто героическое в истории о том, как колониальной Ирландии в 1699 году не дали использовать важнейшую технологию того времени (производство шерстяной ткани) и как 300 лет спустя она отомстила, преуспев в главных технологиях нашего времени — информационных.

IV. Глобализация: аргументы «за», они же «против»

Известно, что не сначала примитивные народы улучшают свои обычаи, а потом открывают **полезные виды хозяйственной деятельности**, а наоборот.

Иоганн Якоб Мейен, немецкий экономист. 1769

Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские нации.

Карл Маркс, Фридрих Энгельс. «Манифест коммунистической партии». 1848

Глобализация, в понимании мировых финансовых организаций, Всемирного банка и МВФ, — это стремительная интеграция богатых и бедных стран в плане торговли и инвестиций. Существует множество аргументов в защиту глобальной свободной торговли и интеграции. Некоторые из этих аргументов касаются культуры (например, что свободная торговля создает контакты и понимание между разными народами и культурами), но большая их часть относится к сфере экономики. Споры нет, если проводить экономическую интеграцию правильным путем и с правильной скоростью, она поможет бедным и богатым странам улучшить экономическое и социальное положение. Проблема только в том, как выбрать время для проведения глобализации.

Лучшие аргументы как в пользу глобализации, так и против нее, лежат в области производства. Производство товаров и услуг часто происходит в условиях существенной *возрастающей отдачи от масштаба производства* (экономии на масштабах производства): чем больше рынок и чем больше товаров и услуг мы потребляем, тем дешевле обходится производство

единицы этих товаров и услуг. В этом явлении содержится огромный потенциал, способный увеличить благосостояние всего человечества. Чтобы построить завод по производству жизненно необходимого лекарства, нужны сотни миллионов долларов. Чем большим будет объем продаж, по которому в итоге распределяются фиксированные издержки, тем дешевле обойдется это лекарство каждому отдельному человеку.

Другой мощный аргумент в защиту свободной торговли — это *технологический прогресс и инновации*, продукты новых знаний. На большем рынке издержки по производству инноваций и по техническому прогрессу распределяются между большим количеством потребителей, так что инновации и технические улучшения способны достичь каждого отдельного гражданина мира быстрее и дешевле. Чем больше рынок, тем больше он может породить инноваций. Если бы Томас Эдисон и Билл Гейтс работали на маленьких рынках (например, в Исландии, где меньше 300 тыс. жителей), эта книга, вероятно, печаталась бы на машинке и при свете керосиновой лампы.

Третий аргумент — это *синергия и кластерные эффекты*. Новые знания не только растут, как грибы после дождя, там, где несколько компаний, не обязательно конкурирующих друг с другом, работают в едином комплексе; как мы видели на примере Нидерландов, мощная синергия рождается также между компаниями, работающими в разных сферах. Один из важнейших случаев синергии в истории человечества — между обрабатывающей промышленностью и сельским хозяйством. При глобальной экономике каждая страна могла бы развить собственные кластеры (их также называют блоками развития и полюсами роста), в которых компании росли и процветали так, как не могли бы расти и процветать по отдельности. Опять же, чем больший рынок складывается в результате экономической интеграции, тем он обеспечит большее разделение труда, специализацию и большие знания.

Все эти факторы способны принести выгоду каждому из нас, причем в роли как производителя, так и потребителя. Объединившись, эти факторы могут обеспечить рост зарплат, появление новых и /или дешевых товаров и услуг; именно им обязаны своим богатством некоторые страны.

Эти факторы — масштаб, технический прогресс и синергия — работают вместе, в тесной связи друг с другом, усили-

вая друг друга. Хотя в теории это совершенно разные явления; на практике возрастающую отдачу и технологический прогресс зачастую трудно разделить¹. Технологии, которые сегодня используются при создании автомобилей, невозможно было использовать на небольших автомобильных заводах столетней давности. Огромная производительность, которой добился Генри Форд, была результатом большого объема его производства. Форд понимал: чтобы заработать, надо собрать столько машин, чтобы простые люди — такие как его собственные работники — смогли их покупать. Он нашел простое решение. Однажды январским днем 1914 года он удвоил зарплаты работникам своего завода: они стали получать 5 долл. в день. Таким образом, он не просто повысил покупательную способность работников, учитывая монотонность работы на конвейере, он обеспечил завод стабильной рабочей силой. Однако ключевой момент заключается в том, что барьеры на входе, созданные сочетанием технического прогресса (инноваций) и экономии на масштабах (возрастающей отдачи), сделали возможным огромный скачок в номинальных зарплатах конкретной индустрии, в то время как цены на автомобили продолжали падать.

Зачастую для технологического прогресса и роста отдачи бывает необходима стандартизация: от той, которую средневековые города-государства провели в отношении мер и весов, до той, которая сегодня применяется в отношении железнодорожных путей или мобильных телефонов. Стандартизация — необходимое условие для создания сетевых эффектов, благодаря которым рождается разновидность возрастающей отдачи (чем больше пользователей у сети, тем больше потенциальных преимуществ каждого отдельного пользователя). Возьмем для примера телефон. Если телефонной связью владеет только один человек, она бесполезна, ведь чтобы с кем-то разговаривать, нужен хотя бы еще один пользователь сети. Поэтому чем больше сеть, тем она полезней. Любая экономия на масштабах (включая экономию от диверсификации производства и сетевые эффекты) зависит от синергии, которая создается в таких сетевых системах. Университеты — также важная часть новаторских систем. Учебные процессы, происходящие там, где инновации, растущая отдача и синергический/кластерный эффект встречаются и работают вместе, составляют суть экономического развития, которое сделало обширные части мира богатыми и бла-

гополучными. Сегодня эта идея нашла выражение в понятии тройной спирали, т. е. связи между промышленностью, государством и университетским сектором.

Эти факторы давно работают вместе и признаны важными. Развитию человечества сопутствует растущая производительность, а высокий уровень жизни требует постоянного роста рынков. Идею системно возрастающей отдачи мы распознаем еще в трудах философа Ксенофона, жившего в 400 году до н. э. В 1613 году итальянский экономист Антонио Серра, о котором мы уже говорили, выделил возрастающую отдачу, эффект синергии и просвещенную государственную политику в группу основных качеств, отличающих немногие богатые города-государства Европы от нищего большинства. Согласно его теории, что богатство зависит от выбора вида экономической деятельности, долгое время строилась экономическая политика Европы. Выбор профессии предопределяет богатство общества примерно так же, как он предопределяет богатство отдельного человека.

Ближе к концу XIX века американские и немецкие экономисты описали историю человечества как процесс развития в сторону укрупнения экономических единиц. Такое виденье было естественным выводом из теории стадий, которую мы обсуждали выше. Какова же краткая версия истории человечества в изложении этих экономистов? Вначале люди жили в семейных *кланах*, основой которых была взаимопомощь. Распределение доходов в клане происходило примерно так же, как распределяется содержимое холодильника в современной семье — соответственно аппетиту каждого. Когда один из членов клана женился и ему нужен был новый дом, все работали бесплатно. Каждый знал, что когда наступит его черед прибегнуть к помощи, все будут бесплатно работать на него. В группе людей, живущих вместе всю жизнь, такая взаимность обеспечивала удовлетворительное распределение доходов и без рынка. В этих условиях идея рыночных сделок была бы так же чужда людям, как нас сегодня удивила бы молодая мать, продающая молоко собственному младенцу.

Торговля между разными населенными пунктами и укрепление деревень привели к тому, что в человеческом обществе появились *города-государства*, а с ними и качественные изменения в образе жизни. Большие расстояния, растущая профес-

сиональная специализация (разделение труда) и большая географическая мобильность — все это привело к распаду старой системы взаимной помощи. Появились рынки — вначале, вероятно, как места, где члены племен обменивались подарками, затем как механизмы обмена с установленными натуральными соотношениями («одна овца за один мешок картошки»), а затем и в виде денежного эквивалента. Экономические антропологи подчеркивают, что торговля возникла вначале не между отдельными людьми, но между кланами и племенами. Как я уже говорил, в Европе XIII века считалось очевидным, что богатство городов, в противоположность бедности деревень, было результатом синергического эффекта. Общее благо — *il ben commune* — вот что создавало богатство.

Следующей ступенью стало появление *национальных государств*. Основатели стремились к тому, чтобы распространить эффект синергии, который они наблюдали в городах, на большие географические области. Ключевыми объектами инвестиций при создании национальных государств были элементы инфраструктуры — дороги, каналы, порты, а позднее железные дороги и телефонные линии. Совместный экономико-политический проект по созданию национальных государств назывался *меркантилизмом*².

Национальные государства развивались, а некогда успешные города-государства, такие как Венеция или Дельфт, постепенно отставали от них и приходили в упадок; в них воцарялась бедность — как относительная, так и абсолютная. Экономисты наблюдали, как политические объединения, не участвовавшие в гонке за большими внутренними рынками, теряли ведущие экономические позиции. Гораздо позже — всего около 100 лет назад — экономистам, изучавшим историческую связь между технологиями и географией, стало понятно, что следующей ступенью технико-экономического развития станет глобальная экономика. Как и в предыдущие переходные периоды, заметили экономисты, финансовый сектор первым начнет оперировать в крупных географических единицах.

Если такова суть истории человечества в географическом и технологическом отношении, если существуют экономические механизмы, которые позволяют большим географическим единицам достигать высот благосостояния, если есть некое железное правило, по которому человеческие сообщества не-

уклонно растут, то как может человек, находясь в здравом уме, возражать против свободной торговли и глобализации?

Все дело в том, что сторонники глобализации рассуждают иначе. Их анализ и рекомендации основаны на статических теоретических аргументах, никак не связанных с историческими фактами; понятиями технологического прогресса, возрастающей отдачи и синергии они не оперируют. Их анализ основан на теории торговли Рикардо (Приложение I), которая рекомендует стране специализироваться на том виде деятельности, в котором она наиболее эффективна по сравнению с другими странами. Такая специализация приведет к улучшению всеобщего благосостояния. Адам Смит сделал первый шаг, позволивший Рикардо выстроить свою теорию торговли, когда свел всю экономическую деятельность человека (будь то производство или торговля) к трудочасам, напрочь лишенным качественных аспектов. Теория Рикардо использует идеи обменивающегося общества — Смитову метафору собак, обменивающихся трудочасами. Ключевые экономические факторы, перечисленные выше, являются эндогенными. Им нет места в мейнстримовой теории торговли, на которой основан сегодня весь мировой экономический порядок, и нет места в тех идеях, на которых МВФ и Всемирный банк строят свои теории. Их используют только сложные модели, но на практическую экономическую политику эти модели никак не влияют.

Теоретические построения Рикардо не позволяют нам отличить трудочас доисторического дикаря от трудочаса работника Силиконовой долины. Поскольку теория международной торговли в ее сегодняшнем виде игнорирует безработицу, она объявляет, что свободная торговля между Силиконовой долиной и только что открытым неолитическим племенем с Амазонки приведет к экономической гармонии — выравниванию зарплат (цен на производственные факторы). Международная торговля действительно чрезвычайно важна для создания богатства, но не по тем причинам, которые приводит Рикардо. Его статические преимущества (Приложение I) теряются на фоне динамических преимуществ, которые дает международная торговля. Однако она несет в себе также возможность крупных динамических потерь богатства. В богатых и развитых странах теория Рикардо оказывается верной при неверных причинах. В бедных странах, где нет факторов, создающих богатство,

теория Рикардо не только не работает, но и держит эти страны в бедности.

Интересно, что сегодняшнее капиталистическое общество использует торговую теорию, основанную на трудовой теории ценности, которая не сохранилась нигде, кроме в коммунистической идеологии. Капиталистическая теория торговли описывает производство, происходящее в отсутствие капитала. Это наблюдение возвращает нас к путанице, возникшей между капитализмом и коммунизмом времен холодной войны, и виноваты в этой путанице их общие корни из экономической теории Рикардо. В полном противоречии с тем, как капиталистическое общество объясняет экономический рост, оно применяет теорию торговли, в которой капитал не играет никакой роли. Это пример подмены предпосылок с целью достижения политических целей, и это же основная черта мейнстримовой экономической науки. Одно предположение, что разные виды экономической деятельности в любое время могут с выгодой поглотить очень разные суммы капитала, способно моментально опровергнуть и уничтожить структуру, на которой покоится сегодняшний мировой порядок. Становится понятно, насколько важна для экономической науки предпосылка о равенстве, о которой говорил Джеймс Бьюкенен³. Это самая важная и наименее обсуждаемая предпосылка экономической науки. Если виды экономической деятельности качественно различны между собой — стандартной экономической науке конец. В стандартной теории совершенная информация и совершенная конкуренция легко решают проблему, одним махом превращая сообщество каменного века в сообщество Силиконовой долины. Но, выражаясь словами уважаемого эволюционного экономиста Ричарда Нельсона, «так это не работает».

Используя возрастающую отдачу, технологические эффекты, а также эффекты образования и синергии, мы можем разработать действительно мощные аргументы в пользу глобализации. Однако они же будут мощными аргументами против глобализации в том виде, в котором она сегодня воздействует на бедные страны. Факторы, которые мы проанализировали выше, объясняют экономическое развитие, но при этом объясняют, почему это развитие так неравномерно распределяется между странами. Яркие приверженцы глобализации используют аргументы преимущественно статичные и оторванные от реального экономического роста. Приводя динамичные факторы,

мы можем построить теорию, по которой глобализация (если она происходит в неправильной последовательности) приведет к тому, что одни страны будут специализироваться на богатстве, а другие — на бедности.

ВОЗРАСТАЮЩАЯ ОТДАЧА И ЕЕ ОТСУТСТВИЕ

Не все продукты и услуги при увеличении объема производства приводят к возрастающей отдаче. Производство первого диска с новой программой от «Microsoft» может обойтись в 100 млн долл.; производство второго или сотысячного диска может стоить всего несколько центов. Высокие фиксированные издержки создают крупную экономию на масштабе производства, или возрастающую отдачу. Это в свою очередь создает барьеры для доступа конкурентов и приводит к олигополистической структуре рынка, весьма далекой от стандартных предпосылок экономической науки. С компаниями, которые таким образом структурировали свои издержки, конкурировать очень трудно.

Маляр живет в совершенно ином мире. Выучившись красить дома, он будет красить их с одинаковой скоростью, второй дом ничуть не быстрее, чем первый. Его фиксированные издержки — лестница и кисти — невелики. Из-за низких фиксированных издержек он становится легкой добычей для конкурентов. Конкуренты маляра — дешевая рабочая сила, зачастую нелегальная. С этой проблемой компании «Microsoft» и Биллу Гейтсу сталкиваться не приходится. Независимо от используемых технологий отсутствие возрастающей отдачи — важная причина того, что маляр никогда не сможет подняться до уровня Гейтса.

Страны, поставляющие сырье другим странам, рано или поздно окажутся в ситуации, когда отдача от их деятельности станет убывающей. Закон убывающей отдачи гласит, что если один производственный фактор имеет природное происхождение (как в сельском хозяйстве, рыболовстве или добыче полезных ископаемых), то рано или поздно увеличение вложений капитала и /или труда приведет к производству все меньшего количества продукции на единицу труда или капитала. Убывающая отдача бывает двух видов: *экстенсивная* (когда производство расширяется за счет ресурсов худшего качества) и *интенсивная* (когда больше труда вкладывается в один и тот же участок земли или другой фиксированный ресурс). В обоих слу-

чаях, увеличивая производство, страна добьется меньшей продуктивности. Природные ресурсы качественно различны: земля бывает плодородная и не очень, климат благодатный или нет, пастбища богатые или бедные, шахты с большими или меньшими залежами руды, воды богатые или бедные рыбой. Соответственно своим знаниям страна сначала использует лучшую землю, пастбища или самые богатые рудники. Выходя на международный рынок, страна увеличивает производство. Для этого ей приходится осваивать менее плодородные земли и менее богатые рудники. Не будем забывать, что природные ресурсы потенциально не возобновимы: руда в рудниках заканчивается, рыба в водоемах выводится, а пастбища уничтожаются перевыпасом.

В условиях, когда рабочие места есть только в секторе, зависящем от природных ресурсов, население страны вынуждено существовать исключительно за счет природных ресурсов. Наступит момент, когда для производства прежнего объема продукции потребуются больше труда, и зарплаты в стране начнут падать. Представим сейчас, что какая-то страна (к примеру, Норвегия) лучше остального мира приспособлена для того, чтобы выращивать морковь. После того как лучшие сельскохозяйственные земли страны будут заняты под морковь, ей придется задействовать все больше малоплодородных земель. Каждую дополнительную тонну моркови будет все дороже производить, но мировая рыночная цена на морковь не будет компенсировать эту разницу. Таким образом, чем дольше Норвегия будет специализироваться на выращивании моркови для мирового рынка, тем беднее она будет становиться. Австралия, богатая природными ресурсами, рассуждала именно так, создавая промышленный сектор. Она сознавала, что ее промышленность не будет такой эффективной, как у Великобритании и США. Однако наличие сектора обрабатывающей промышленности в стране удерживает ее национальный уровень зарплаты на определенном уровне. Промышленный сектор предохраняет страну от убывающей отдачи, не давая ей погрязнуть в перепроизводстве до полной нищеты и /или извести всю рыбу в океане и руду в шахтах. Экологические проблемы, вызванные тем, что бедные страны специализируются на убывающей отдаче, описаны в моей статье «Diminishing Returns and Economic Sustainability: The Dilemma of Resource-based Economies under a Free Trade Regime» («Убывающая отдача и экономическая

устойчивость: дилемма экономик, основанных на природных ресурсах, в условиях свободной торговли»).

Страна, которая, согласно международному разделению труда, специализируется на поставках сырья, неминуемо придет к тому, что чем больше она увеличивает производство, тем выше становятся издержки производства каждой новой единицы продукции. С этой точки зрения профессия маляра является относительно нейтральной: он работает в условиях постоянной отдачи от масштаба деятельности. Однако форма глобализации и скорость, с которой она проводится в последние 20 лет, привели к деиндустриализации многих стран, и они невольно оказались в ситуации, когда их производство постоянно характеризует убывающая отдача.

Экономисты, которые считают, что возрастающая отдача является ключевой характеристикой мира, и экономисты, считающие, что для мира характерна отдача убывающая, приходят в отношении населения к противоположным выводам. В 1750-е годы экономисты были едины во мнении, что рост происходит за счет возрастающей отдачи и эффекта синергии, типичных для обрабатывающей промышленности. Поэтому они считали, что большое население — это благо, поскольку оно позволяет увеличить национальный рынок. Однако позже, когда Мальтус и Рикардо вернули к жизни экономическую науку, исходящую из убывающей отдачи, их наука заслуженно получила определение «мрачная». Еще в недавнем прошлом людям вешали лапшу на уши, говоря, что в нищете бедных стран виновата их перенаселенность. Многие сделали из этого вывод, который бедные страны справедливо расценивают как расистский. Это произошло потому, что богатые индустриализованные страны с высокой плотностью населения (к примеру, Голландия, где на квадратный километр приходится 477 жителей) с неизменной готовностью соглашались, что бедность, к примеру, Боливии является следствием ее перенаселенности, хотя в Боливии на квадратный километр приходится всего 7 жителей. На связь между способом производства и плотностью населения почти никогда не обращают внимания, так же как на связь между способом производства и политическим строем. Не замечая связи между этими явлениями, невозможно понять истинную причину бедности. Современное общество движется все дальше по ложному следу (см. главу VI), пока не оказывается в ситуа-

ции, когда все силы направлены на борьбу с симптомами бедности, а не с ее причинами (см. главу VII).

Печальные примеры убывающей отдачи в действии — это Монголия и Руанда. В Монголии почти вся промышленность была уничтожена внезапным внедрением свободной торговли в начале 1990-х годов. В условиях, когда глобализация несимметрична (когда одни страны специализируются на видах деятельности с возрастающей отдачей, а другие — с убывающей), страны, специализирующиеся на видах деятельности с убывающей отдачей, начинают «специализироваться» на бедности. В Приложении III этот процесс в цифрах демонстрирует Фрэнк Грэм, бывший президент Американской экономической ассоциации. Богатые страны специализируются на сравнительных преимуществах, созданных руками человека, в то время как бедные страны — на сравнительных преимуществах природного происхождения. Сравнительное превосходство в экспорте природного происхождения рано или поздно приведет страну к убывающей отдаче, потому что мать-природа предоставляет этой стране один из факторов производства, качественно неоднородный, и вначале, как правило, используется та его часть, что качественно лучше⁴. В бедных странах, как правило, нет социальной страховки или пенсии по достижению преклонного возраста. Поэтому единственной доступной формой страхования становятся дети; чем их больше, тем лучше. В результате население растет и вскоре натывается на «гибкую стену» возрастающей отдачи, как это произошло в Монголии и Руанде. Таким образом, для устойчивого глобального развития необходимо, чтобы в бедных странах рабочие места создавались и в других секторах, а не только в сырьевом — секторе с убывающей отдачей. В отсутствие сектора с возрастающей отдачей Мальтусовы порочные круги бедности и насилия над природой невозможно разорвать.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ЕГО ОТСУТСТВИЕ

Возможности для инноваций и технического прогресса всегда очень неравномерно распределяются между видами экономической деятельности. Когда-то в производстве керосиновых ламп наблюдался медленный технологический прогресс, а в производстве электрических светильников — быстрый.

Как мы увидим, всегда может случиться так, что ни в одном виде экономической деятельности капитал не способен создать инноваций или роста производительности. Это заставляет страну специализироваться на бедности. Важным элементом общей социальной проблемы, которая занимала европейские умы в XIX веке, было существование так называемых надомных работников (*Heimarbeiter*). Они занимались производством, которое промышленность не научилась механизировать, и были частью производственного процесса, напроочь лишенной возрастающей отдачи и потенциала для инноваций. Они производили в домашних условиях товары, которые потом распространялись как промышленные. Сегодня роль надомных работников XIX века выполняют мексиканцы и другие соседи США, которых Америка привлекает для работы на производствах, не поддающихся механизации. В Мексике такой вид промышленности (*макиладорас* — предприятия, расположенные возле американской границы) растет за счет традиционных промыслов. Поскольку зарплаты работников на *макиладорас* меньше, чем зарплаты работников, занятых в традиционных промыслах, такое развитие снижает средние зарплаты. Аналогичный эффект мы видим и в сельском хозяйстве: культуры, выращивание которых можно механизировать, выращивают в Соединенных Штатах, а Мексика специализируется на клубнике, цитрусовых, огурцах и помидорах. Тем самым Мексика снижает свои возможности на введение инноваций, загоняя себя в технологический тупик и соглашаясь на трудоемкие виды деятельности.

Лучшие в мире изготовители мячей для бейсбола, национального американского вида спорта, живут на Гаити, в Гондурасе и Коста-Рике. Мячи для бейсбола шьют вручную, так как механизировать их производство невозможно. Зарплата у рабочих крошечная: на Гаити она равна 30 центам в час. Чтобы изготовить один мяч, надо сделать 108 стежков; каждый работник способен изготовить 4 мяча за час. Мячи продаются в США по цене 15 долл. После обострения политической ситуации на Гаити — одной из причин, по которой президент Жан-Бертран Аристид был свергнут, была его попытка поднять минимальный уровень заработной платы с 33 до 50 центов в час — большая часть производства была перенесена в Гондурас и Коста-Рику. В этих странах зарплата

выше, чем на Гаити. На Коста-Рике он составляет чуть более одного доллара в час.

Мячи для гольфа, напротив, являются технологичным продуктом, и один из главных их производителей расположился в старом городе китобоев Нью-Бедфорде, штат Массачусетс. Один нью-бедфордский завод производит 40% мячей для гольфа, производимых в США. Здесь важную роль играет научно-исследовательская работа, и хотя в округе у всех зарплаты высокие, отчисления на зарплату составляют только 15% общих издержек производства. Как и на нефтеперерабатывающем заводе, затраты на оплату труда здесь невелики, и тот факт, что их доля в общем производстве незначительна, вкупе с необходимостью привлечения квалифицированной рабочей силы, инженеров и поставщиков, не дает переместить производство мячей для гольфа в страны с низким уровнем зарплат, такие как Гаити. Зарплаты на производстве в Нью-Бедфорде составляют 14–16 долл. в час. Разные зарплаты в этих промышленных секторах — производстве мячей для бейсбола и для гольфа — это прямое следствие неравномерного технологического развития. Бедность Гаити и богатство Соединенных Штатов — это одновременно и причина, и результат выбранного ими продукта производства.

Рынок, вознаграждает лучших в мире производителей мячей для гольфа доходом, который в 12–36 раз выше дохода лучших в мире производителей бейсбольных мячей: соответственно 0,3–1 долл. в час и 14–16 долл. в час. Разница в покупательной способности сгладит это различие, но несоответствие реальных зарплат остается огромным. Вдобавок бедные производители мячей для бейсбола подвержены профессиональным заболеваниям, таким как карпальный туннельный синдром. В Коста-Рике, где условия труда заметно лучше, чем на Гаити, 90% работников фабрики по производству бейсбольных мячей страдают тем или иным профессиональным заболеванием. Я равнодушен к промышленным объектам и всегда мечтал попасть на завод по производству бейсбольных мячей. Когда я работал в городе Сан-Педро-Сула, что в Гондурасе, сестра моего коллеги, работавшая управляющей на фабрике бейсбольных мячей, пригласила меня осмотреть фабрику, однако в последний момент отказалась, явно по указу иностранных владельцев фабрики.

В Приложении VI показано, как развитие технологического прогресса влияет на неравномерность роста реальных зарплат; перечисляются факторы, сочетание которых к этому приводит. Приведена классификация (таксономия) разных видов экономической деятельности, обеспечивающей высокий доход и уровень жизни. Новые технологии и инновации требуют знаний. В таких отраслях производства преобладают Шумпетерова динамическая несовершенная конкуренция, высокие входные барьеры, высокие риски — и высокие зарплаты. Напротив, для рынков сырьевых товаров характерна несовершенная, или товарная, конкуренция. По мере того как инновации, продукты и процессы устаревают, их рейтинг понижается. Эта схема позволяет объяснить, какие характеристики делают производство бейсбольных мячей невыгодным занятием, с точки зрения обогащения, и почему производство мячей для гольфа, с этой же точки зрения, — занятие выгодное.

Как только устанавливается существенная разница в зарплатах, мировой рынок сразу перепоручает все виды экономической деятельности, которые в технологическом плане являются тупиковыми, а следовательно, требуют только неквалифицированного труда, странам, в которых низкий уровень зарплат. Даже если в производстве мячей для бейсбола и случится когда-нибудь технологический прорыв, их бедным производителям это не поможет. Почему? Рассмотрим исторический пример. В 1980-е годы на пижамах, продающихся в Соединенных Штатах, был пришит ярлык: «Ткань произведена в США, скроено и сшито в Гватемале». Текстильное производство — механизированная отрасль, поэтому ткань производится в США. Кройка тоже была механизированным процессом, но требовала небольших партий, иначе страдали точность кроя и качество изделия. Поэтому кройкой деталей и шитьем пижам занимались те же низкооплачиваемые рабочие. В 1990-е годы на пижамах появились новые ярлыки: «Ткань произведена и скроена в США, сшито в Гватемале». Лазерные технологии позволили кроить ткань большими партиями с большой точностью, и нужда в дешевом труде отпала.

Итак, мы обсудили важный и часто забываемый механизм, согласно которому рынок, предоставленный сам себе, стремится к увеличению существующего разрыва в зарплатах в разных странах. «Волшебство» рынка только увеличивает существующую асимметрию между богатыми и бедными странами.

СИНЕРГИЯ И КЛАСТЕРНЫЙ ЭФФЕКТ, А ТАКЖЕ ИХ ОТСУТСТВИЕ

Кластерный эффект и синергия очень важны, но экономическая деятельность происходит и там, где их нет или почти нет. Производство бейсбольных мячей в соседних с Соединенными Штатами странах не имеет кластерного эффекта: все материалы для сборки приходят из США. Резиновое основание мячей производит завод в Миссури, нитки делают в Вермонте, а кожу — в Теннесси.

Третий фактор, необходимый для создания богатства, — эффект синергии — зачастую отсутствует в тех производствах, которые мы препоручаем бедным странам. Более того, его отсутствие часто заранее оговаривают: типичным пунктом договора о беспошлинном экспорте продуктов в США является условие, что все материалы для производства будут из США. Именно так происходит индустриализация, которую Соединенные Штаты спонсируют в Африке согласно Акту об экономическом росте и торговых возможностях в странах Африки (AGOA). Африканцы могут экспортировать продукты своего неквалифицированного труда в США только в случае, если материалы для производства ввозятся из США. Чтобы привлечь производство в свои страны, африканцы должны конкурировать за него с гаитянами, т. е. быть еще беднее, чем они. Конкурентоспособность страны, согласно определению ОЭСР, заключается в том, чтобы *поднимать* уровень реальной зарплаты, оставаясь в то же время конкурентоспособной на мировых рынках. В большинстве стран третьего мира все наоборот: для того чтобы оставаться конкурентоспособными на международном рынке, страны вынуждены *снижать* уровень зарплат.

Говорят, что образование — это ключ к повышению благосостояния в странах третьего мира. В странах вроде Гаити, которые специализируются на немеханизированном производстве, т. е. находятся в технологическом тупике, повышение образованности населения не поможет увеличить его благосостояние, так как спроса на образованный персонал. Образование будет для гаитян ключом не к повышению благосостояния, а к увеличению потока эмигрантов из страны. Стратегия развития образования может быть успешной только в комплексе с промышленной политикой, при которой образованным людям

предоставляются рабочие места, как это произошло в Восточной Азии. Проблема глобализации в последние 15 лет состоит в том, что экономическая политика, которую, заметим, сегодняшние богатые страны применяли веками, была запрещена Всемирным банком и МВФ. Чтобы получить поддержку богатых стран, бедным пришлось воздержаться от политики, которую продолжают использовать богатые страны.

Эстонские коллеги рассказывали мне, как в разгар триумфа, последовавшего за падением Берлинской стены, первые консультанты из Всемирного банка, прибывшие в Эстонию, порекомендовали ей закрыть свои университеты. В будущем, объяснили они, Эстония будет иметь сравнительное преимущество в таких видах экономической деятельности, для которых университетское образование не потребует. Хотя сегодня вы не услышите ничего подобного ни от одного экономиста из Всемирного банка и эстонцам ситуация вовсе не показалась забавной (их Тартуский университет был построен еще в 1632 году), в этой рекомендации присутствовали реализм и честность, которые были с тех пор утрачены. Поскольку виды экономической деятельности сильно различаются по применимости знаний, нет ничего страшного в том, что какая-то страна будет специализироваться только на видах деятельности, не требующих знаний и образования. Мировые финансовые организации подчеркивают важность образования, но не собираются поддерживать образование промышленной политикой, которая создаст спрос на образованных людей, как это делает Европа последние 500 лет. Они ухудшают финансовое бремя бедных стран, заставляя их финансировать образование людей, которые смогут устроиться на работу только в богатых странах. Развитию образования должна сопутствовать такая промышленная политика, которая гарантирует рабочие места выпускникам образовательных учреждений.

По моему опыту, образованных гаитян легко найти среди франкоговорящего населения Канады, где они работают водителями такси. Около 82% врачей с Ямайки работают за рубежом. 70% жителей Гаяны, имеющих университетское образование, работают за пределами страны. Больницы Северной Америки переманивают медсестер из бедных стран, таких как Тринидад, а значительная часть больниц на Карибах держится на медсестрах с Кубы. Косвенным образом США помогают Фиделю Кастро решать проблемы платежного баланса.

Тот факт, что образованные жители бедных стран востребованы в богатых странах, где они живут гораздо благополучнее, чем дома, является угрозой для социальной ткани бедных стран: самые компетентные, самые образованные граждане бегут из них. И хотя деньги, которые они посылают родным, составляют внушительные суммы (в Сальвадоре, например, «эмигрантские» деньги являются самым большим источником иностранной валюты в стране), обычно тратятся на повседневные нужды. Мои коллеги-экономисты с Гаити утверждают, что деньги, которые присылают домой эмигранты из США и Канады, убивают всякое желание работать за ничтожные 30 центов в час.

Таким образом, аргументы за глобализацию в определенных условиях становятся аргументами *против* нее в том виде, в котором она происходит сегодня. Чем лучше мы понимаем механизмы экономического роста, тем лучше понимаем, почему этот рост так неравномерно распределяется между разными странами и отдельными людьми. По логике, экономическая политика должна строиться с учетом специфической ситуации в каждой стране, как это делалось веками. В медицине лекарства-панацеи — это орудие шарлатанов. В XIX веке один американский экономист обвинил английских экономистов в применении экономической панацеи для любой страны и любой ситуации. Глобализации в том виде, в каком ее практикуют Всемирный банк и МВФ, можно предъявить аналогичное обвинение. Важно осознать, что подобный «универсальный» подход — результат правящей сегодня экономической науки, в которой нет места ни инструментам для распознавания качественных различий между видами экономической деятельности, ни системам классификации.

Внутренняя логика стандартной экономической науки безупречна, однако, как писал Томас Кун, «парадигме не хватает понятийных инструментов для объяснения социально значимых проблем».

Вместо того чтобы привести к выравниванию уровня жизни, т. е. к выравниванию цен на факторы производства, в некоторых странах глобализация приведет к резкой поляризации уровней дохода, т. е. к поляризации цен на факторы производства. Защищая глобализацию, мировые финансовые организации оперируют совсем иными аргументами, чем те, которые мы обсудили выше. Их аргументы включают теорию торговли, кото-

рая не учитывает роль капитала (основанную на трудовой теории ценности), а также теорию роста, в которой капитал как таковой, а не знания и инновации, является двигателем роста капитализма. Можно подумать, что капитал (деньги) автоматически воплощает человеческие знания. Стандартная экономика предполагает, что все люди обладают одними и теми же знаниями (совершенной информацией), что экономии на масштабе производства не существует (и не существует фиксированных издержек), а также что новые знания появляются бесплатно и одновременно у всех людей на Земле. Главный парадокс этой теории, который подчеркивает схоластическую природу современной экономической науки, в том, что предпосылки, из которых она выводит гармоничный результат, т. е. выравнивание цен на факторы производства, способны создать ситуацию, в которой не будет иной торговли, кроме торговли сырьевыми товарами. В самом деле, если бы все люди обладали одними и теми же знаниями, а фиксированных издержек не существовало, то не было бы нужды ни в специализации, ни в торговле. Вот что пишет нобелевский лауреат Джеймс Бьюкенен: «В модели, в которой существует постоянная отдача от масштаба частного производства любого типа, не будет никакого обмена. В таких условиях каждый человек становится полной моделью общества в миниатюре»⁵.

ПАРАДОКСЫ СПОРА О ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Впечатляющее экономическое развитие Китая, Индии и Южной Кореи считается показательным примером успешной глобализации. Однако почему-то никто не задается вопросом: а принимали ли эти страны рекомендованное им лекарство — немедленную экономическую интеграцию? Ответ на этот вопрос — *нет*. И Китай, и Индия, и Южная Корея в течение 50 лет следовали разным вариантам политики, которую Всемирный банк и МВФ теперь запретили в бедных странах. Россия, напротив, применила рекомендованную шоковую терапию, и последствия ее были чудовищными. Множество промышленных компаний в Восточной Европе вымерли быстрее, чем успели рассчитать собственные издержки, как это принято в рыночной экономике.

Спор о глобализации в упрощенном виде является продолжением спора времен холодной войны. Рынок — это хорошо,

а государство и централизованное планирование — плохо. Экономике централизованного планирования потерпели крах, соответственно, можно предположить, что рынок решит все проблемы. С точки зрения Другого канона, перспективы страны зависят от того, что эта страна производит. История доказывает, что симметричная свободная торговля, т. е. между странами, находящимися примерно на одном уровне развития, идет на пользу обеим сторонам. Несимметричная свободная торговля приводит к тому, что бедная страна специализируется на бедности, а богатая — на богатстве. Для того чтобы выигрывать от свободной торговли, бедная страна должна сначала избавиться от своей международной специализации на бедности. За последние 500 лет ни одной стране не удалось это сделать, не прибегая к вмешательству рынка.

Камень преткновения в споре — это *контекст и время* для введения режима свободной торговли. Свободная торговля сегодня может быть необходима Норвегии, но для страны, находящейся в другой ситуации, свободная торговля может оказаться губительной. Мы еще убедимся в том, что на практике яростные противники введения свободной торговли в краткосрочной перспективе были главными сторонниками свободной торговли и глобализации, но в долгосрочной перспективе. Они придерживались мнения, что разные ситуации требуют разных решений. Сегодня экономическая наука настолько абстрактна, что не может отслеживать меняющиеся обстоятельства в разных странах.

Мы уже обсуждали, что сегодняшняя волна эйфорического отношения к рынкам (и глобализации) уже третья: первая случилась во Франции 1760-х годов с движением физиократов, а пик второй пришелся на 1840-е годы. Франсуа Кенэ (1694–1744) считается важнейшим из авторов-физиократов, отцом-основателем сегодняшней экономической науки. Кенэ был врачом при дворе Людовика XV, а любимым приемом ученых в то время было сравнение экономики с человеческим телом. Таким образом, сменив предмет изучения, Кенэ был не так уж нелогичен. Его первая значительная книга (736 страниц), опубликованная в 1730 году, была посвящена практике кровопускания⁶, которое тогда считалось средством от многих болезней. В теории кровопускания Кенэ и в его экономической теории есть как минимум два общих элемента. Во-первых, предполагается, что то и дру-

гое излечивает большое количество заболеваний, причиняемых целым набором факторов и элементов, которые Кенэ игнорирует. Во-вторых, как внезапная свободная торговля (глобализация), так и кровопускание, как правило, безвредны для здоровых людей, но представляют потенциальную опасность для ослабленных. Развитая страна с устойчивой промышленностью не пострадает от «естественных» сил рынка. Но сегодняшним бедным странам «естественные» силы рынка приносят деиндустриализацию и растущую бедность.

ПРОПАСТЬ МЕЖДУ БОГАТЫМИ И БЕДНЫМИ СТРАНАМИ ОТРАЖАЕТ УСПЕХ СТРАН, ПРИНЯВШИХ КАПИТАЛИЗМ, И ПОРАЖЕНИЕ СТРАН, ЕГО НЕ ПРИНЯВШИХ

Название этого раздела я взял из статьи Мартина Вольфа, главного комментатора по экономическим вопросам газеты «Financial Times»; статья была написана в 2003 году для влиятельного американского журнала «Foreign Policy». Эта цитата четко отражает стандартное понимание причин богатства и бедности в нынешнем поляризованном мире. Одни страны выбрали капитализм и разбогатели, другие его не выбрали и остались бедными. С нашей точки зрения, Вольф в сущности прав, если дать капитализму другое определение, а не то, которое он имеет в виду. Капитализм как *система производства*, собственно говоря, так и не затронул колониальные страны или сельскохозяйственный сектор.

В период холодной войны сформировались два определения понятия «капитализм». В «свободном мире» капитализм понимается как система частной собственности на средства производства, в которой координация за пределами фирм происходит за счет рынка. Это понимание развилось в определение, никак не связанное с понятием производства; даже племя из каменного века, если только оно обменивалось и не прибегало к центральному планированию, можно считать капиталистическим. Благодаря марксизму капитализм стал системой, определяемой через отношения между двумя классами общества: собственниками средств производства и рабочими. Однако существует и третье определение капитализма, сформулированное еще до холодной войны, но забытое, потому что оно не со-

четалось с разделением мира на левый и правый политические фланги. Если мы примем определение, данное капитализму немецким экономистом Вернером Зомбартом, то поймем, почему капитализм в его сегодняшнем понимании позволяет странам специализироваться на бедности или на богатстве.

Вернер Зомбарт считает капитализм неким историческим совпадением, при котором разные факторы совпадают во времени и пространстве благодаря набору обстоятельств. Однако экономическое богатство — это следствие стремления к этому богатству, результат сознательной политики. Вот что Зомбарт считает движущей силой капитализма, его основой и одновременно условиями для его существования⁷:

1. *Предприниматель*, олицетворяющий то, что Ницше называет капиталом человеческого ума и воли; человек, от которого исходит инициатива что-либо производить или чем-либо торговать.
2. *Современное государство*, которое создает институты, позволяющие улучшать производство и распространение благ, а также систему стимулов, при которой корыстный интерес предпринимателя совпадает с интересами всего общества. Институты включают как законодательную систему, так и инфраструктуру, патенты, защищающие новые идеи, школы, университеты, стандартизацию единиц измерения и т. д.
3. *Механический процесс*, то, что называют *индустриализмом*: механизация производства, которая приводит к высокой производительности и технологическому прогрессу благодаря экономии на масштабах производства и синергическому эффекту. Это понятие близко к тому, что мы сегодня называем национальной инновационной системой.

Согласно Зомбартову определению капитализма, богатые страны — это те, которые, эмулируя ведущие промышленные нации, последовали за ними в «промышленный век». При таком определении капитализма Мартин Вольф оказывается прав, когда говорит, что богатые страны — это те, которые присоединились к капиталистическому способу производства. Однако Вольф скорее всего имел в виду капитализм в том смысле, в каком его стали понимать в период холодной войны.

Итак, при наличии трех необходимых элементов, продолжает Зомбарт, для того чтобы капитализм функционировал, требуется, чтобы еще три вспомогательных элемента — капитал, труд и рынки — имели возможность для развития. Эти три кита стандартной экономической науки, по мнению Зомбарта, вовсе не являются движущей силой капитализма. Они лишь дополняют основные движущие силы. В отсутствие основных сил капитал, труды и рынки ничто. И консерватор Шумпетер, и радикал Маркс соглашались, что сам по себе, без инноваций и без предпринимательства капитал бессилён. Обменивающиеся собаки Адама Смита не смогли бы построить капитализм, даже имей они капитал, трудочасы и рынки. В отсутствие человеческой воли и инициативы капитал, труд и рынки — бессмысленные понятия.

К несчастью для бедных стран, история сложилась так, что экономическая наука утратила Зомбартово понимание капитализма. Смит лишил экономическую науку понятия производства, объединив торговлю и производство в общее понятие трудочасов. Поэтому когда мировую экономику стали понимать как систему, в которой все обмениваются неопределёнными трудочасами в отсутствие технологий, экономии на масштабах производства и синергии, т. е. работой, которую все выполняют одинаковым образом, ничто не помешало экономистам сделать вывод, что свободная торговля принесет выгоду всем. Капитализм невозможно создать, даже добавив к трудочасам капитал. И тем не менее долгое время американским и континентальным экономистам, таким как Зомбарт, удавалось поддерживать альтернативную экономическую традицию с центральным понятием производства.

Форма, которую экономическая наука приняла после Второй мировой войны, обнаружила слабости теории Адама Смита. По мере того как в послевоенный период экономисты отказывались от непредвзятого здравого смысла ради самоотносимых моделей, экономическая наука все более обращалась на себя. Поскольку движущие силы капитализма, в понимании Зомбарта, плохо укладывались в новую форму, т. е. с трудом сводились к цифрам и знакам, они были просто отброшены. Экономическая наука в очередной раз пошла путем наименьшего математического сопротивления, удаляясь от релевантности. Как и в случае с кровопусканием, от упрощенных

моделей пострадали бедные и слабые. Вместо того чтобы изъясняться на родных языках, экономисты перешли на математический язык и утратили ключевые качественные элементы своей науки. Экономическая наука отделилась от гуманитарных дисциплин (таких как социология) и приблизилась к физике, считая, что это повысит ее престиж. Однако экономисты продолжали-таки пользоваться моделью равновесия, от которой сами физики отказались еще в 1930-е годы. Постепенно экономисты утратили прежнюю свободу владения теоретическими моделями и реальным миром, которая позволяла им корректировать очевидные ошибки в моделях⁸. Жертвами перемен стали дальние страны и расы, лишённые политической власти; в США политики зорко следили за тем, чтобы ни одна теория, идущая против интересов их страны, не претворялась в жизнь. Прагматизм царствовал «дома», а высокая теория — за границей.

Добавив к этому общее незнание истории, мы получим явление, которое Торстейн Веблен называл *порчей инстинктов*: полученное экономистами не применимое к реальной жизни образование приводит к невозможности принять то, что называется здравым смыслом. В 1991 году комиссия Американской экономической ассоциации пожаловалась⁹, что университеты выпускают из своих стен слишком много «ученых идиотов». «Учебные программы по экономической науке воспитывают поколение *idiots savants*, подкованных в методологическом плане, но не искушенных в отношении реальных экономических проблем»¹⁰. Согласно докладу комиссии, выпускники одного из неназванных ведущих университетов не смогли объяснить, почему зарплата парикмахера с годами возросла, но с легкостью решали двухсекторную модель общего равновесия с абстрактным техническим прогрессом в одном из секторов. Речь в докладе шла как раз о том поколении экономистов, которому мировые финансовые организации поручили курировать развивающиеся страны.

Оказалось, что самые основные элементы экономического инструментария — предпринимательство и инициативу, государственную политику и промышленную систему, состоящую из технологического развития и инноваций, синергии и экономии на масштабах производства — невозможно свести к цифрам и символам. Количественно можно выразить только факторы, которые Зомбарт считал дополнительными, — капитал,

рынки и человеческий труд. Тогда неоклассические экономисты, как строгие формалисты, перестали изучать движущие силы капитализма и сосредоточились на дополнительных факторах. Как обычно, прошло некоторое время, прежде чем изменения в теории отразились в практической политике. Это произошло вскоре после падения Берлинской стены. Интересно, что в книге, написанной в защиту глобализации, Мартин Вольф упоминает Вернера Зомбарта, но только ради того, чтобы заклеить его как марксиста и фашиста одновременно¹¹.

Итак, теория пришла к тому, что Шумпетер назвал «плоским мнением, что двигателем капитализма является капитал». Запад посчитал, что, направляя капитал в бедную страну, где нет ни предпринимательства, ни государственной политики, ни промышленной системы, он сможет построить капитализм. Сегодня мы заваливаем деньгами страны, в которых нет производственной структуры, пригодной для инвестирования, потому что им запрещено проводить промышленную политику, которую в свое время использовали все богатые страны. Развивающиеся страны получают займы, которые они не могут выгодно употребить. Процесс кредитования развития становится похожим на рассылку «писем счастья» или на построение пирамидки из кубиков¹². Рано или поздно система рухнет, и те, кто ее придумал, неплохо на этом зарабатывают, а сами бедные страны оказываются в проигрыше. Это выходная часть механизма: мощный денежный поток течет из бедных стран в богатые — один из эффектов «обратной волны» бедности, о которых писал Гуннар Мюрдаль.

Стоит обратить внимание на то, что, по определению Зомбарта, сельское хозяйство не являлось частью капитализма. В колонии капитализм не допускали (основной признак колонии — отсутствие в ней обрабатывающей промышленности), поэтому они были обречены на бедность. Исходя из Зомбартова определения капитализма, мы можем так сформулировать проблему бедности: Африка и другие бедные страны бедны, потому что им отрезаны либо не даны возможности развивать капитализм как систему производства.

Ни в одном из двух определений, данных капитализму в период холодной войны, нет факторов, которые Зомбарт считает его движущей силой. В либеральном определении нет ни предпринимателя, ни государства, ни динамичных государственных институтов, ни технологического прогресса, т. е. механизации.

Это определение, наследуя ошибку Адама Смита, описывает капитализм как систему торговли, а не как систему производства, и концентрируется на том, как рынок координирует уже произведенные продукты на обмене, а не на производстве. Марксово определение концентрирует внимание на том, кто владеет средствами производства. Получается, что враждующие стороны (и либералы, и марксисты) одинаково не включают в понятие капитализма ни предпринимателя, ни государство, ни производственный процесс. У древней (куда более древней, чем либерализм Адама Смита и Давида Рикардо) экономической традиции Другого канона, которой принадлежит Зомбарт, не осталось сторонников после Второй мировой войны.

РАЗВИТИЕ ТЕХНОЛОГИЙ, ИННОВАЦИИ И НЕРАВНОМЕРНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

Все согласны, что новые знания — это основной фактор, благодаря которому растет уровень жизни. Однако уже при попытке смоделировать процесс роста начинаются разногласия. Возьмем объяснение экономического роста, сформулированное Йозефом Шумпетером: основные движущие силы экономического роста — это *изобретения*, а также *инновации*, рождающиеся, когда изобретения появляются на рынке в виде новых продуктов или процессов; инновации создают спрос на инвестиционный капитал и наполняют капитал, который без них бесплоден, жизнью и ценностью. Теперь вернемся к метафоре Адама Смита — обменивающимся собакам: для собак капитал — кости, которые они закапывают в землю, чтобы съесть позже. Этот капитал не может произвести ни больше костей, ни инновационных продуктов (жестянок с собачьим кормом и консервных ножей). Эти инновации, будь то консервированный корм или консервные ножи, а также знания, необходимые для того чтобы их использовать, были вынесены за пределы теории; теория даже не пытается объяснить, откуда они берутся. Задача в том, чтобы вернуть инновации и новые знания в теорию и при этом отказаться от предпосылки о равенстве, допустив возможность существования гетерогенности и ключевых переменных, о которых эта книга.

Инновации бывают разного масштаба. Пример маленькой инновации — выход фильма «Челюсти 4» через некоторое вре-

мя после выхода фильма «Челюсти 3». Бывают инновации по-больше — такие как транзистор, изобретение которого уничтожило рынок радиоламп, изменило цепочку увеличения стоимости в целой отрасли промышленности, привело к появлению новых продуктов. Очень редко по-настоящему крупные инновационные волны прокатываются по обществу и нарушают однородность технологического развития — создают технологические прорывы. В начале 1980-х годов Карлота Перес и Кристофер Фримен назвали такие волны *сменой технико-экономической парадигмы*.

Смена парадигмы имеет громадное значение, потому что с ней меняется универсальная технология, на которой основано производство; пример — появление парового двигателя или компьютера. В этом смысле смена парадигмы напоминает смену технологии, которую мы обсуждали, когда говорили о том, как человек начал делать инструменты не из камня, а из меди и бронзы, положив конец каменному веку. Смена базовой технологии, как правило, влечет изменение цепочек увеличения стоимости почти во всех отраслях промышленности, как это произошло с появлением парового двигателя и компьютера. Инновации приводят к тому, что Шумпетер называл созидательным разрушением: появляются новые отрасли промышленности, а старые исчезают, потому что структура спроса полностью изменилась. Кроме того, инновации приводят к радикальной замене производственных процессов во всех отраслях промышленности. Экономическое развитие переходит от создания одного вида продукта (например, конных экипажей) к созданию нового продукта (например, автомобилей). Способ производства меняется, как это случилось при переходе от кустарного производства к заводскому. Однако до XX века смены парадигмы почти не касались сельского хозяйства: рост продуктивности был медленным. Как замечает Карлота Перес, радикальная смена технологий неминуемо влечет смену образа мыслей. Вскоре после того как мужчины и женщины перестали работать дома, приходили на огромные фабрики, отношение даже к здравоохранению резко изменилось: люди рождались, лечились и умирали в больницах, таких же огромных, как фабрики.

Иными стали экологические проблемы. В конце XIX века здоровье горожан отравляли горы конского навоза. сегодня ему угрожают выхлопные газы. Инновации вначале являются чуж-

дым элементом в старой системе; старые институты и потребности не соответствуют новым технологиям, несоответствие между знаниями нового и старого поколений людей способствует тому, что радикальная смена технологий идет медленно. Фридрих Ницше приводит поэтичное описание инертности институтов, когда идеи и мнения намного опережают медленную действительность. «За переворотом мнений не тотчас следует переворот учреждений; напротив, новые мнения еще долго живут в опустевшем и неуютном доме своих предшественников и даже сохраняют его из нужды в жилище»¹³.

Технико-экономические парадигмы можно рассматривать как принципиально новый способ повышения качества жизни. Ближе к концу каждой эпохи становится явно, что прежняя технологическая траектория отработала свое, отдав человечеству все, что могла. После того как произведен совершенный каменный топор, наступает конец каменного века, который можно принять за конец истории, если не произойдет радикальных перемен.

В современной истории можно выделить способы повышения качества жизни, каждый из которых преобладал в течение определенного периода времени. Ниже приведена их краткая схема, разработанная Кристофером Фрименом и Карлотой Перес¹⁴.

Основная черта любой технико-экономической парадигмы — новый дешевый ресурс, доступный в неограниченном количестве. Сегодня этот ресурс — микроэлектроника (см. табл. 1). Смену технико-экономической парадигмы отличает от особо крупной инновации то, что смена парадигмы меняет общество вне той области, которую мы называем экономикой. Эти периодические смены меняют наши взгляды на географию или, скажем, на человеческие поселения. Индустриализм изменил политический строй, а сейчас его аналогичным образом меняет закат массового производства в обрабатывающей промышленности. Смена парадигмы меняет расстановку сил в мире, экономические лидеры одной парадигмы совсем не обязательно останутся лидерами после ее смены. Великобритания достигла пика власти в эпоху парового двигателя и железных дорог, в эпоху электричества и тяжелой индустрии вперед вырвались Германия и Соединенные Штаты, а благодаря системе Форда бесспорным лидером стала Америка.

ТАБЛИЦА 1. Техничко-экономические парадигмы в истории человечества

<i>Период</i>	<i>Название периода</i>	<i>Важные отрасли</i>	<i>Недорогой ресурс</i>	<i>Инфра-структура</i>
1770–1840	Ранняя механизация	Ткани. Шерсть	Водная энергия. Хлопок	Каналы. Дороги
1830–1890	Паровые двигатели и железные дороги	Железо. Транспортные перевозки	Пар. Уголь	Железные дороги. Пароходы
1880–1940	Электричество и тяжелая промышленность	Электрические машины. Химическая промышленность	Электричество. Сталь	Корабли. Дороги
1930–1990	Массовое производство (фордизм)	Автомобили. Синтетические материалы	Нефть	Дороги, самолеты, кабельные линии
1990–	Информация и коммуникации	Цифровые технологии/ компьютерные программы. Биотехнологии	Микроэлектроника	Цифровая связь. Спутники

Важнейший фактор, предшествующий смене парадигм, — взрыв производительности в ключевой отрасли промышленности. На илл. 6 показана ситуация, характерная для первой технико-экономической парадигмы. Суть колониальной политики в том, что колониям запрещено иметь отрасли промышленности, в которых возможны такие взрывы. Аргументов в пользу того, чтобы развить в каждой стране такую отрасль — носитель парадигмы, защитив ее тарифами, всегда было множество. Развитие промышленности сопровождалось созданием рабочих мест для растущего населения, повышением зарплат, ре-

МЕХАНИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА ХЛОПКОВОЙ ТКАНИ
ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ ПАРАДИГМЫ

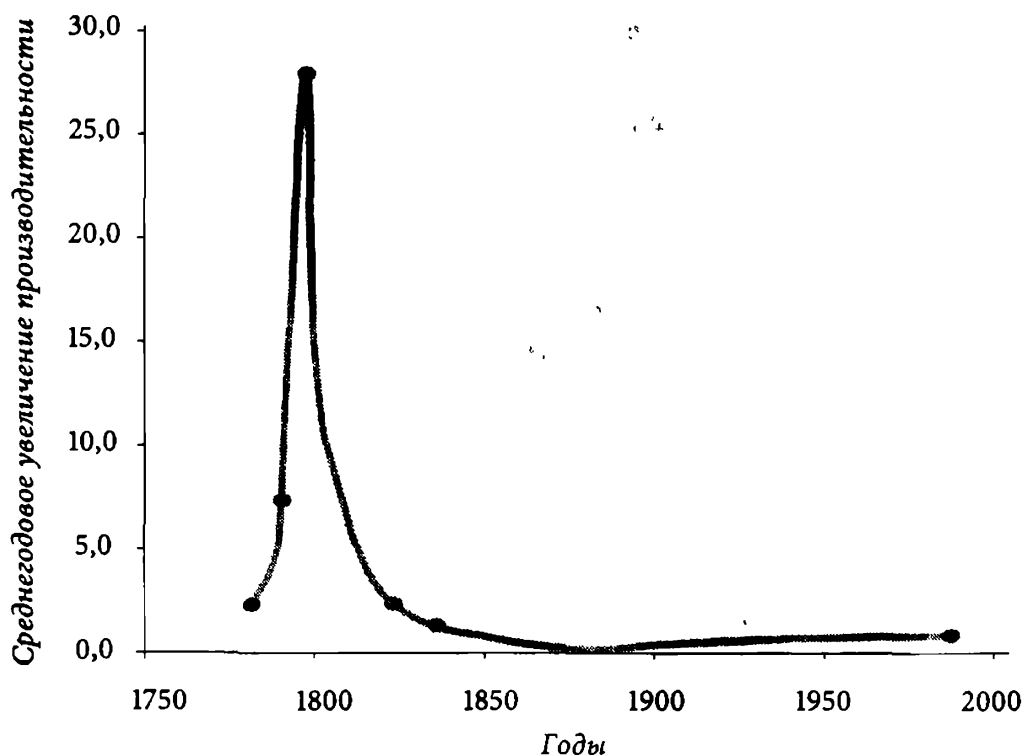

ИЛЛЮСТРАЦИЯ 6. Ранний взрыв производительности
ИСТОЧНИК: *Carlota Perez. Technological Revolutions and Financial Capital. The Dynamics of Bubbles and Golden Ages*, Cheltenham, 2002; расчеты сделаны по *David Jenkins. The Textile Industries*, vol. 8 of *The Industrial Revolution*, Oxford, 1994.

шением проблем платежного баланса, увеличением денежного оборота. Кроме того, ремесленников и владельцев фабрик можно было обложить куда более высокими налогами, чем бедных крестьян, что было особенно важно для правителей. Президенты Соединенных Штатов (от Бенджамина Франклина до Авраама Линкольна) нередко говорили, что наличие в стране обрабатывающей промышленности обеспечивает крестьян дешевыми ресурсами. Понятно, что повышение производительности влияет на рынок труда таким образом, что зарплаты растут, цены падают, а общий эффект имеет потрясающую силу.

Влияние смены парадигмы на зарплаты можно проиллюстрировать примером того, как Норвегия переходила от парусного судоходства к пароходному. Вот что сообщает статистиче-

ский ежегодник Норвегии за 1900 год о зарплатах работников в 1895 году:

старший помощник на парусном судне — 69 крон в месяц;
старший помощник на пароходе — 91 крона в месяц;
инженер на пароходе — 142 кроны в месяц.

Хотя управлять парусным судном труднее, чем пароходом, зарплата старпома на пароходе была более чем на треть выше, чем на паруснике, а зарплата инженера на пароходе — в два раза. Таким образом, судовладелец, который делал ставку на паровой двигатель и выигрывал, способствовал повышению уровня зарплат в своем городе. Моряки с его судна и их семьи тратили деньги в том же городе, повышая уровень потребления. Так, более высокий уровень зарплат распространялся за пределы видов деятельности, связанных с новыми технологиями (в нашем случае мореплавания), на булочников, плотников и прочих ремесленников в городе, включая парикмахеров, так что те в свою очередь могли позволить себе вложить средства в новую технологию с увеличенной производительностью. Выигрыш, который получает общество от предпринимательской деятельности, — на самом деле побочный эффект того, как предприниматель зарабатывает деньги. Судовладелец, который использует новые технологии, для страны гораздо важнее, чем судовладелец, поддерживающий парусный флот, хотя при этом, возможно, зарабатывающий куда больше. Это понял не только Генрих VII, взошедя на английский трон в 1485 году, но и современные Ирландия и Финляндия.

Стремительный рост производительности в какой-либо отрасли промышленности действует как катапульта, резко поднимая уровень жизни. Однако поднять уровень жизни людей можно, если повысить им зарплаты либо понизить цены. Схему, при которой цены понижаются, а люди богатеют, я называю классической моделью, потому что неоклассические экономисты предполагают, что богатство — это единственное следствие понижения цен, однако в реальности все сложнее¹⁵. Альтернативную модель можно назвать моделью сговора, потому что в ней плоды технологического развития делятся между: а) предпринимателями и инвесторами, б) работниками, в) остальным местным рынком труда и г) государством в форме

большей налогооблагаемой основы. Рассмотрим все пункты внимательно.

1. Поскольку именно желание заработать побуждает инвесторов делать вложения, которые в итоге приводят к увеличению производительности, нам придется предположить, что в результате успешных инвестиций часть увеличенного производства пойдет на оплату труда инвесторов. То, что первые успешные предприниматели получают большую прибыль, которая потом становится меньше, потому что их начинают эмулировать другие предприниматели, объяснять не надо.
2. Как мы убедились на примере перехода от паруса к паровому двигателю, часть увеличения производства пойдет на повышение зарплаты людей, занятых в отрасли. Это может произойти потому, что потребуются стимулировать новые, редкие умения, или благодаря усилиям профсоюзов. Иногда (как это произошло с Генри Фордом, который в 1914 году удвоил зарплаты своим рабочим) просвещенный предприниматель понимает, что его собственные рабочие нужны ему в качестве покупателей, так что в его интересах поднять им зарплату. Конечно, только в исключительных обстоятельствах (таких как взрыв производительности) промышленная фирма может удвоить работникам зарплаты и при этом не разориться.
3. Как заметил еще король Англии Генрих VII, новая технология распространяется по всему местному (и национальному) рынку труда благодаря большей покупательной способности, создающейся в отраслях, в которых происходит технологический прогресс, а также тому, что зарплаты на одном рынке труда не могут слишком сильно различаться. Повышение зарплат в секторе, где происходит взрыв производительности, автоматически приводит к повышению всех зарплат. Парикмахеры имеют ту же производительность, что и во времена Аристотеля, однако в индустриальных странах их зарплаты растут одновременно с зарплатами работников, занятых в промышленности. Парикмахеры в странах, где взрывов нет,

остаются такими же бедными, как их сограждане. Симфонический оркестр сегодня играет «Вальс-минутку» так же, как и во времена Шопена, однако зарплаты музыкантов с тех пор многократно выросли. Условия обмена парикмахерского и исполнительского искусств на промышленные товары сильно улучшились: за ту же стрижку или тот же «Вальс-минутку» парикмахер или музыкант в богатых странах сегодня может приобрести гораздо больше промышленных товаров, чем 200 лет назад. В то же время парикмахеры и музыканты в бедных странах, даже ничем не уступая парикмахерам и музыкантам из богатых стран, остаются бедными. Так происходит со всеми профессиями, особенно в секторе услуг: в бедных странах люди работают не хуже, чем в богатых, а зарплаты получают гораздо меньшие. То, что мы называем экономическим развитием, есть не что иное, как монопольная рента от производства продвинутых товаров и услуг, при которой богатые страны эмулируют друг друга, скачком увеличивая производительность.

4. В мультфильме про Робин Гуда шериф Ноттингема, чтобы получить с бедных крестьян больше налогов, применяет такую стратегию: подвешивает их за ноги и буквально вытрясает из их карманов последние пенни. Однако европейские министры финансов быстро обнаружили, что есть куда более эффективный способ повысить налоговые отчисления, а именно увеличить основу для налогообложения. Для этого необходимо задействовать обрабатывающую промышленность. Работая на станках, люди многократно увеличивали производительность и могли платить гораздо больше налогов, чем люди, работающие в поле. Кроме того, министрам финансов оказалось выгодно эмулировать производственные структуры богатых стран, т. е. вслед за ними принять индустриализм. Обеспечив стабильный рост налогооблагаемого основания, можно развивать сеть социального обеспечения, инфраструктуру и здравоохранение.

Перечисленные факторы способствуют созданию модели сговора. Они объясняют, почему зарплаты в промышленных стра-

нах, где часто происходят взрывы продуктивности, стабильно растут, в отличие от зарплат в бедных странах (колониях). Хотя колонии и считаются себя независимыми странами, мировые финансовые организации запрещают им использовать стратегию эмуляции богатых стран, точно так же как когда они были колониями. После маленьких городов-государств без сельского хозяйства, но «естественно» богатых — Венеции, Голландии — ни одной стране не удалось развить собственный сектор обрабатывающей промышленности без того, чтобы его пришлось долго строить, поддерживать и/или защищать. «Невидимая рука» Адама Смита упоминается в работе «Богатство народов» всего один раз: сразу после того как он хвалит Англию за высокие тарифы навигационных актов, а затем указывает, что после введения этой успешной защитной политики «невидимая рука» заставила английских потребителей покупать английские промышленные товары. Она и в самом деле пришла на смену высоким тарифам, когда спустя долгое время обрабатывающая промышленность Англии стала конкурентоспособной на международном уровне. Если так понимать написанное Адамом Смитом, то можно утверждать, что он недопонятый меркантилист. Смит считал крайне важным *выбор времени* для введения свободной торговли. Стоит напомнить, что Генриха VII и Адама Смита разделяли 300 лет интенсивной тарифной защиты.

Колониализм — это прежде всего экономическая система, разновидность тесной экономической интеграции между странами. Не так уж важно, под каким политическим соусом происходит эта интеграция — в условиях номинальной независимости страны, свободной торговли или как-то иначе. Важно то, в каком направлении идет поток определенных товаров. Вернемся к классификации, которую мы обсуждали чуть выше. Колонии — это страны, которые специализируются на *невыгодной торговле*, на экспорте сырьевых товаров и импорте высокотехнологичных продуктов, будь то промышленные товары или услуги наукоемкого сектора. Дойдя до главы, которая расскажет, почему страны, производящие только сырье, не могут разбогатеть, мы убедимся, что в сельском хозяйстве также есть продукты, типичные для богатых стран (производство которых поддается механизации), и продукты, типичные для колоний (производство которых механизировать нельзя).

В богатых странах уровень зарплат в промышленности и в сельском хозяйстве различается. Во времена Маркса и ранних социалистов большая часть населения Европы занималась сельским хозяйством, однако в их книгах почти ничего не говорится о крестьянах. Самыми бедными людьми того времени были именно промышленные рабочие. Бедность в городе зачастую выглядит ужасней, чем в деревне. Однако по мере того как рабочие при растущей политической поддержке добивались повышения зарплат и выигрывали от роста производительности в промышленности, крестьяне отставали от них в экономическом плане. Промышленность, а с ней и промышленные рабочие защищены рыночной властью, они могли удерживать цены на высоком уровне и избегать совершенной конкуренции. Индустриализм достиг баланса уравновешивающих друг друга сил Джона Кеннета Гэлбрейта, системы, в которой основа богатства — это крайне несовершенная конкуренция на рынке труда и на рынке товаров. Индустриализм был системой, основанной на тройном соискании ренты: со стороны капиталистов, рабочих и государства. Совершенная конкуренция, о которой пишут в учебниках по экономике, существовала только в странах третьего мира.

К 1900 году система социального обеспечения в Европе и тройная сбалансированная власть промышленности заметно улучшили жизнь промышленных рабочих. Постепенно общество пришло к пониманию того, что не только промышленные рабочие могут страдать от эксплуатации: крестьян точно так же эксплуатирует город. Доход крестьян надо защищать от конкурентов — крестьян из бедных стран или из стран с лучшим климатом. Однако защита сельскохозяйственного производства была введена из иных соображений, чем когда-то промышленного. Тарифы на промышленные товары были частью агрессивной стратегии по созданию выгодной торговли, направлены на эмуляцию ведущих стран, на то, чтобы каждая страна занималась деятельностью, в которой бывают взрывы производительности, будь то изготовление ткани, рельсов или автомобилей. Введение тарифов на сельскохозяйственные товары было, наоборот, частью оборонительной стратегии с целью защитить крестьян индустриальных стран от таких же бедных крестьян из аграрных стран.

Разница между реальными зарплатами в сельскохозяйственном и промышленном секторах до того, как сельскохозяйственное производство начало получать государственные субсидии

показана в табл. 2. В Японии зарплата крестьянина составляла только 15% зарплаты промышленного рабочего, в Норвегии — 24%. Очевидно, что не будь в Японии или Норвегии промышленного сектора, средняя национальная зарплата упала бы катастрофическим образом. Даже в США — стране с самым эффективным в мире сельским хозяйством зарплаты сельскохозяйственных рабочих отстают от зарплат работников промышленного сектора. Только в Австралии и Новой Зеландии, где климатический цикл находится в противофазе с европейским и где действуют выгодные соглашения с Англией и другими странами Содружества, уровень зарплат в сельском хозяйстве приближается к промышленному сектору. Однако с первых лет основания Австралия и Новая Зеландия вели крайне протекционистскую промышленную политику, защищаясь от своей «родительницы» Англии. Проведя индустриализацию, эти страны сумели прийти к модели сговора в экономическом развитии.

В табл. 2 показано, как присутствие сектора обрабатывающей промышленности увеличивает уровень дохода целых стран, как действует синергический эффект исторически возрастающей отдачи и технического прогресса.

Заметных успехов добились при помощи выгодной торговли и эмуляции не только Англия, но и все страны, решившиеся на эмуляцию промышленной структуры Англии. Однако многим бедным странам этот путь был заказан — вначале из-за колонизации, а теперь из-за табу Всемирного банка и МВФ. В табл. 2 не показаны синергические эффекты 3-го и 4-го порядка, однако распространение знаний и высокий уровень издержек из сектора промышленности в другие сферы жизни — это очень важный эффект. Практический опыт, зародившийся в промышленности, влияет на сельское хозяйство. Одновременно с этим растущий уровень зарплат в стране делает выгодным вложение средств в сельскохозяйственные машины, позволяющие экономить на рабочей силе. Благодаря географической близости к промышленному сектору у крестьян возрастает покупательная способность. Только так сельское хозяйство выходит из экономической замкнутости и вводит разделение труда. Общий рынок рабочей силы привлекает излишки рабочей силы из деревни на работу в городе, в секторе обрабатывающей промышленности.

Даже в 1700-е годы связь между близостью к промышленной индустрии и процветанием сельского хозяйства была оче-

ТАБЛИЦА 2. Зарплаты в промышленности задают уровень зарплатам во всей экономике. Покупательная способность средней заработной платы в сельскохозяйственной отрасли по сравнению с промышленным сектором в десяти странах, 1928–1936 гг. Вторичный (= промышленный) сектор = 100

	Первичный сектор	Вторичный сектор
Англия, 1930	72	100
США, 1935	40	100
Франция, 1930	36	100
Норвегия, 1934	24	100
Япония, 1934	15	100
Италия, 1928	70	100
Швеция, 1930	25	100
Австралия, 1935–1936	96	100
Германия, 1928	54	100
Новая Зеландия, 1936	113	100

ИСТОЧНИК: *Clark Colin. The Conditions of Economic Progress. London, 1940.*

видна всем, кто об этом задумывался. В Мадриде и Неаполе сельское хозяйство было совсем неэффективным, потому что в них не было промышленности. Напротив, как заметили экономисты Просвещения, вокруг Милана, где промышленность процветала, сельское хозяйство было эффективным. Близость к промышленности создает в сельском хозяйстве кумулятивную спираль богатства — эффект, которого лишено сельское хозяйство в бедных странах. Сельское хозяйство, если оно не работает на одном рынке рабочей силы с производственным сектором, никогда не узнает синергического эффекта. Эти аргументы использовались (особенно после 1820 года), чтобы убедить фер-

меров США, что им выгодна индустриализация в условиях протекционизма. Да, убеждали экономисты, в ближайшее время придется платить за местные промышленные товары больше, чем раньше приходилось платить за английские, но в будущем развернется спираль богатства. Помимо Александра Гамильтона эту идею сумели успешно донести до американских крестьян экономисты Мэтью Кэри (1820 г.) и Дэниел Реймонд (1820 г.), а также политик Генри Клэй (1887 г.)¹⁷. Кэри и Реймонд сегодня почти забыты.

Есть еще один способ повлиять на рост и развитие — при помощи кривой производительности. Она отражает изменение производительности труда за определенный период времени. Поскольку нас интересует прежде всего уровень зарплаты и поскольку мы считаем, что производительность труда человека неразрывно связана с размером его зарплаты, то изучаем именно производительность труда. Глядя на кривую производительности, мы видим те же взрывы, что и на илл. 6, но под другим углом. Для кривой производительности характерны резкие падения в течение сравнительно короткого времени, как и для взрывов производительности. В любую временную эпоху случалось так, что определенные товары начинали производиться в огромном количестве в связи с ростом спроса на них. Согласно закону Вердорна, названному так в честь голландского экономиста Петруса Вердорна, рост объема производства увеличивает производительность благодаря возрастающей отдаче и техническому прогрессу, порожденному увеличением производственных мощностей.

На илл. 7 показано развитие производительности мужской обуви, которое наблюдалось в США с 1850 по 1936 год. В 1850 году на изготовление одной пары нужно было затратить 15,5 рабочих часа. Когда в производстве обуви случился взрыв производительности и благодаря механизации в 1900 году на изготовление такой же пары ботинок требовалось затратить всего 1,7 рабочих часа. В это время город Сент-Луис, штат Миссури, стал одним из богатейших в США благодаря производству обуви и пива. «Первый по пиву и ботинкам, последний в бейсболе», — говорили тогда о Сент-Луисе, в котором в 1904 году были проведены Олимпийские игры и всемирная ярмарка. После 1900 года кривая производительности ботинок выровнялась, в 1923 году на производство все той же пары требовалось

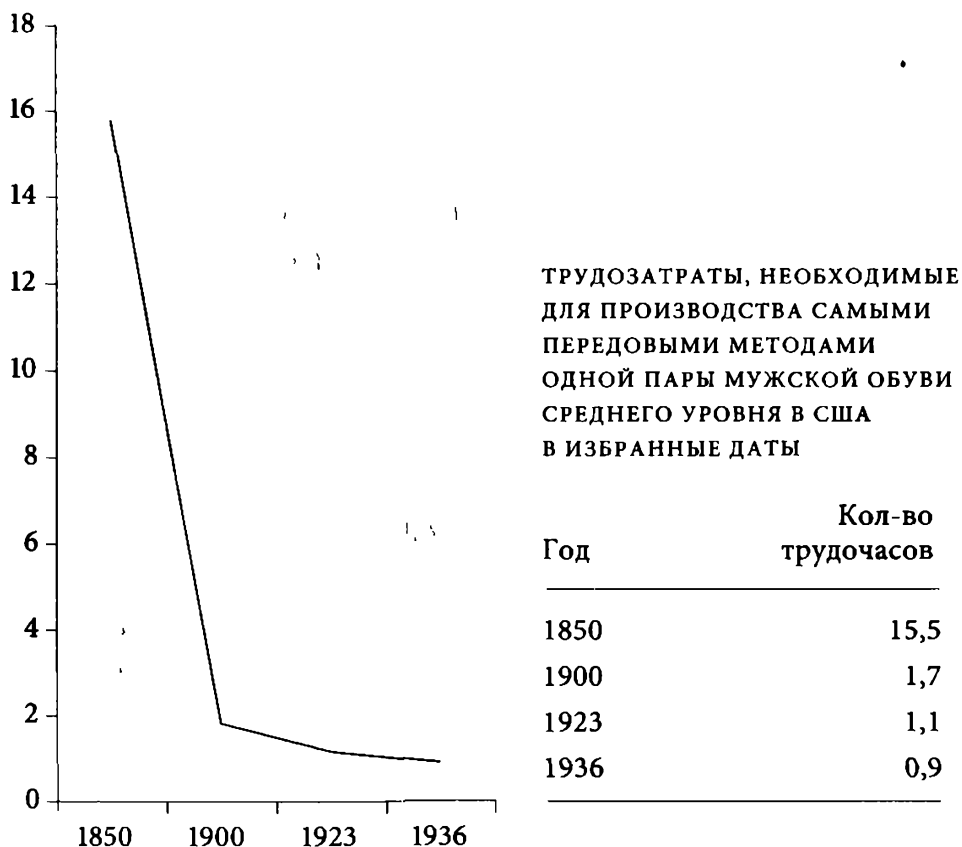

ИЛЛЮСТРАЦИЯ 7. Кривая производительности в производстве мужской обуви среднего уровня самыми передовыми методами. Соединенные Штаты Америки, 1850–1936 гг.
ИСТОЧНИК: диссертация Эрика Райнерта, 1980 г. (*Erik Reinert. International Trade and the Economic Mechanisms of Underdevelopment. Ph. D. thesis, Cornell University, 1980.*)

1,1 рабочих часа, в 1936 году — 0,9. По мере того как кривая производительности выравнивалась, давление на зарплаты возрастало. Понемногу производство обуви было перенесено в бедные регионы. США долгое время экспортировали обувь, теперь страна импортирует почти всю обувь, которая в ней продается. Богатые страны, как правило, экспортируют продукты отраслей, в которых происходит быстрое технологическое развитие, и импортируют продукты пассивных отраслей. Это явление связано с тем, что в 1970-е годы получило название «жизненный цикл товара»; изучили и описали его профессора Гарвардской школы бизнеса Рэймонд Вернон (1913–1999) и Луис Т. Уэллс¹⁸.

На илл. 7 мы видим типичную схему технологического развития. Новая технология рождается, стремительно развива-

ется, затем ее потенциал понемногу снижается, и рост производительности выравнивается. Эта схема отражена и в схеме мировой торговли. Богатые страны, в которых рождаются технологические инновации, производят и экспортируют товары, пока кривая производительности крутая. В это время работают механизмы, которые мы описали выше под названием «модель сговора» в создании богатства.

Пока этот цикл не связан с упомянутой моделью, он может показаться безобидным. Стандартная экономическая наука концентрируется на торговле вместо промышленности, исходя из совершенной конкуренции (люди во всем мире могут производить обувь так же, как промышленники в Сент-Луисе в 1900 году), а также предполагая, что плоды технологического прогресса распространяются классическим методом, в форме дешевой обуви. Инструментарий стандартной экономической науки не позволяет зафиксировать тот факт, что в конкретный момент времени существует только несколько отраслей промышленности, в которых происходят те же процессы, что в производстве обуви в конце 1800-х, автомобилей 75 лет спустя или мобильных телефонов сегодня. Стандартная экономическая наука не обращает внимания на то, что рост происходит только в определенных областях деятельности — в нескольких отраслях промышленности в конкретный период времени. Она не замечает, как между отраслями промышленности действуют синергические эффекты, что высокие зарплаты в обувном производстве помогли поднять в городе здравоохранение и пивное производство, а также что этот процветающий городской рынок создал высокий спрос на продукцию американских фермеров. Короче говоря, она не замечает основных причин происходящего, спирали богатства кумулятивной каузации.

Когда кривая производительности выравнивается, это значит, что использован практически весь потенциал по увеличению богатства (до тех пор, разумеется, пока новая технологическая парадигма не коснется того же продукта какое-то время спустя). Когда производство обуви переносится в бедную страну, оно почти не способствует повышению уровня жизни. Собственно говоря, это производство потому и делегируется бедным странам, что производственный процесс больше не прогрессирует.

Известно, что инновации и знания приводят к экономическому росту, но после Адама Смита экономическая наука пе-

рестала изучать этот аспект экономики. Предполагается, что технологический прогресс и инновации, словно манна небесная, нисходят с небес, бесплатные и доступные всем («совершенная информация»). Никто не учитывает того, что знания, особенно новые, дорого стоят и доступны отнюдь не каждому. Знания защищены барьером на вход: экономия на масштабах и накопленный опыт служат главными элементами этого барьера. Чем больший объем производства нарастила компания, тем меньше ее издержки. Чтобы измерять это явление, в промышленности у кривой производительности есть сестра — кривая общей эффективности. Кривая производительности отражает изменение производительности рабочей силы, а кривая общей эффективности — издержек производства. Если несколько фабрик используют одну технологию, то фабрика с самым большим объемом производства, как правило, имеет меньшие издержки на единицу продукции. В погоне за снижением издержек фабрика может стратегически снижать цены на свою продукцию (демпинговать), чтобы увеличить объем производства. Впоследствии, благодаря возросшему объему производства, издержки снизятся и снижение цен будет оправданно.

В гонке по кривой общей эффективности (в погоне за снижением издержек) фабрики в бедных странах с маленькими рынками, незнакомые с новыми технологиями, не имеют шансов на победу. На ранней стадии внедрения новой технологии неважно, высока ли стоимость рабочей силы; производство зависит от уровня подготовки рабочих, а также от близости к научно-исследовательским центрам. Как только объем производства вырастет, издержки снизятся и можно будет получить прибыль. Более 30 лет Бостонская консультативная группа успешно развивалась, объясняя своим клиентам, как работает кривая эффективности, как она, подобно кривой производительности, вначале круто идет вниз, затем выравнивается. Что же мы видим? Бедные страны могут вступить в конкуренцию только тогда, когда кривые производительности и общей эффективности выровняются, а новые знания станут общим достоянием; при этом их конкурентоспособность будет основана на низких зарплатах и относительной бедности.

Со времен промышленной революции, с ее теорией выгодной и невыгодной торговли, богатые страны следили, чтобы в их границах происходили взрывы производительности.

Эмулируя ведущую страну, богатые страны Европы построили собственную текстильную промышленность. В XX веке они позаботились о создании собственной автомобильной промышленности. Единственными странами, в которых не было ни той, ни другой, оставались колонии. Сотни лет повсеместно считалось, что лучше уступать в эффективности стране — носителю новой парадигмы, чем не иметь современной промышленности вообще. Кроме того, новые отрасли промышленности улучшают уровень жизни эффективнее, чем старые; в 1990-е годы стало очевидно, что лучше быть посредственным консультантом по информационным технологиям, чем лучшей в мире посудомойкой. Этот очевидный всем здравый смысл Рикардо положил конец пониманию того, что в мире, где есть множество отраслей промышленности, которые нуждаются как в редких, так и в распространенных ремеслах, и которые используют разные технологии в разные периоды времени, вполне возможна специализация в соответствии со сравнительным преимуществом в бедности.

Бывали, впрочем, случаи, когда кривая производительности использовалась для того, чтобы сделать бедные страны богатыми, поочередно развивая в них высокие технологии. Японский экономист Канаме Акамацу в 1930-е годы назвал такую модель развития *летающими гусями* (см. илл. 8)¹⁹.

Другой японский экономист, Сабуро Окита, ставший в 1980-е годы министром иностранных дел, в развитие этой модели предположил, что бедная страна может повысить свои технологии, перепрыгивая от одного продукта к следующему и при этом повышая наукоемкость. Первый летящий гусь (в данном случае Япония) преодолевает сопротивление воздуха за всех гусей, летящих следом, так что все они по очереди могут воспользоваться благами технологического прогресса. Много лет назад Япония начала производить недорогую одежду и достигла производительности, которая так резко подняла уровень жизни в стране (модель стовора), что ей стало невыгодно производить одежду. Производство переместилось в Южную Корею, а Япония стала развивать производство телевизоров. Когда в Южной Корее вырос уровень жизни, производство одежды переехало в Тайвань, где существовало, пока и там не произошло то же самое — издержки производства стали слишком высокими. Производство переместилось в Тайланд

КАК БОГАТЫЕ СТРАНЫ СТАЛИ БОГАТЫМИ...

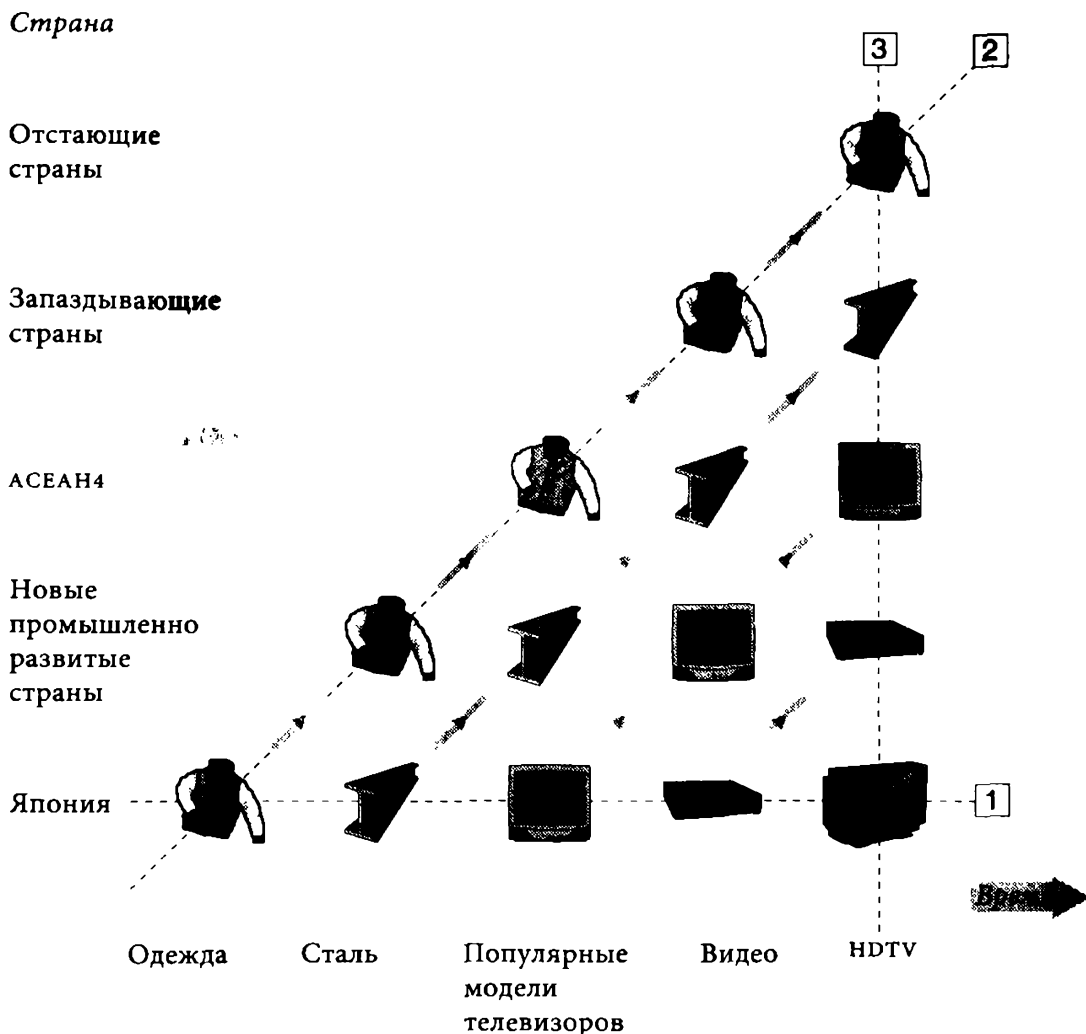

ИЛЛЮСТРАЦИЯ 8. Модель «летающих гусей»: последовательная структурная трансформация стран Восточной Азии
 ИСТОЧНИК: <http://www.grips.ac.jp/module/prsp/FGeese.htm>

и Малайзию, затем во Вьетнам. К тому времени многие страны использовали эту отрасль, чтобы повысить уровень жизни; все они прокатились вниз по крутой кривой производительности и стали богаче. Разумеется, для того чтобы играть в эту игру, необходимо, чтобы первый модельный гусь постоянно совершенствовал технологии.

Такую модель поочередного технологического развития не стоит путать с ее альтернативой — застойной колониальной моделью, которую мы называем *тупиковой*. Как мы видели на примере Гаити с его мячами для бейсбола, страна может остановиться в развитии, если продолжит специализироваться на технологически тупиковой деятельности. В случае техно-

логического прорыва в ее области деятельности, в тупиковой модели бедная страна потеряет производство, как в примере с пижамами. В то время как Восточная Азия в ходе интеграции по большей части следовала принципу летящих гусей, экономические отношения Соединенных Штатов со своими соседями строились по тупиковой модели. Исторически сложилось так, что Канада последовала европейской модели ранней эмуляции, хотя многими фабриками владели американцы. Вопрос иностранной собственности — это всегда вопрос о том, какое производство иностранцы принесут в страну.

Теперь мы можем вернуться к основной теме этой книги. Разница в уровне жизни в богатых и бедных странах 250 лет назад выражалась пропорцией 1:2. Сегодня статистика Всемирного банка такова, что водитель автобуса в Германии получает реальную зарплату в 16 раз выше, чем его коллеги в Нигерии. Факт остается фактом, этот разрыв можно измерить, но пока ни такова теория не может удовлетворительно объяснить механизмы его роста. Мое объяснение следующее: страны, которые сегодня богаты, перепутали причины экономического роста — инновации, новые знания и новые технологии — со свободной торговлей, которая есть не что иное, как свободная транспортировка товаров через границы; здесь-то и кроется корень зла. Как когда-то Адам Смит, богатые страны перепутали век обрабатывающей промышленности с веком торговли.

Экономический рост проявляется в форме новых продуктов, а также в росте производительности согласно нашим потребностям. Этот рост, однако, крайне неравномерно распределяется между разными видами экономической деятельности. Как мы уже видели, производство мячей для бейсбола за последние 150 лет не коснулось технологический прогресс, чего не скажешь о производстве мячей для гольфа. На илл. 9 показано, как богатые страны увеличивают реальные зарплаты своих граждан, успешно снимая сливки с крутой части кривой производительности. Некоторые французские экономисты дали этому принципу название «система Форда», «фордизм»: рост производительности в обрабатывающей промышленности распространяется в виде растущих зарплат сначала по промышленному сектору, а затем по всей экономике. Ежегодный рост производительности на 4% традиционно приводит к тому, что возрастают зарплаты. Эта система построена на балансе уравнивающих друг

но заменять труд капиталом. Повышение зарплат обернулось ростом спроса, а значит, новыми рабочими местами. Одновременно эти же растущие зарплаты побуждали промышленность к механизации, которая приводила к новому увеличению продуктивности и так далее, вверх по спирали растущего благосостояния. Люди, занятые в отраслях, где рост производительности невозможен (такие как парикмахеры), становились богаче, поднимая цены на свои услуги в соответствии с ростом зарплат в промышленности. Парикмахеры в богатых странах значительно увеличили благосостояние, в отличие от своих коллег из бедных стран. Таким образом, зарплаты в секторе услуг поднимаются на волне производительности в промышленном секторе. Реальная зарплата парикмахера стала зависеть от того, с кем он делит рынок труда, а не от его собственной эффективности. Со временем соотношение зарплат в самых богатых и самых бедных странах стало составлять 1:16. Парикмахеры, занятые на рынке труда, где не было обрабатывающей промышленности, оставались бедными.

Фордизм — система, при которой зарплаты растут одновременно с ростом производительности ведущего промышленного сектора — имел интересные последствия. Разделение ВВП между трудом и капиталом оставалось относительно стабильным в течение большей части XX века. Я считаю, что сейчас это движение по спирали благосостояния остановлено, возможно, что только на время. Сегодня реальные зарплаты все больше формируются падающими ценами, а не растущими зарплатами. В некоторой степени это следствие циклической дефляции (снижения уровня цен), которая всегда следует за взрывом производительности, однако сегодня дефляция все больше становится системной. Это происходит потому, что на мировом рынке появились два крупных игрока — Китай и Индия, которые не следуют системе Форда в выплате зарплат, а также профсоюзы которых во многом утратили свою власть. В результате реальные зарплаты во многих странах в процентном отношении к ВВП начали падать. Это непривычное, но заметное явление наблюдается в США, где недавние сокращения налогов пошли на руку в основном богатейшим слоям населения, которые вообще тратят ничтожную часть своего дохода и которые скорее купят на свой доход, оставшийся после вычета налогов, замок во Франции, чем гамбургер в закусочной на углу. Это по-

тенциальное недопотребление — еще одно явление, не учтенное неоклассической экономической наукой, циклически повторяется при капитализме, от него не спасает ни налоговая, ни зарплатная политика. Кроме того, впервые с 1930-х годов Европа столкнулась с растущим давлением, принуждающим ее снижать реальные зарплаты. Периоды наиболее стремительного роста реальных зарплат были периодами Гэлбрейтова «баланса сил», когда власть промышленников и профсоюзов создавала фордистские режимы повышения зарплат (1950-е и 1960-е годы).

Изучая жизненный цикл конкретной технологии, мы видим взаимосвязь нескольких факторов. Я уже говорил о кривой производительности, изображенной на илл. 7. На илл. 10 мы видим, как кривая производительности соотносится с другими переменными. Пока новая отрасль промышленности развивается, количество фирм возрастает, так как барьеры на вход относительно низки, и фирмы еще не имеют преимуществ в виде пониженных издержек при помощи роста производительности и общей эффективности. Появляется много компаний, но многие из них переживут вытеснение мелких фирм, которое обычно происходит в ходе взросления отрасли промышленности. В 1920 году в США было 250 производителей автомобилей, а 40 лет спустя их осталось только 4. Некоторое время в Норвегии стремительно росло количество спичечных фабрик, но все они в итоге объединились в единственную фабрику, которая была затем перенесена в Швецию.

Одновременно с этим спрос на новый продукт растет по классической эпидемической кривой: сначала медленно, потом в геометрической прогрессии, пока не происходит насыщение рынка. Как только почти у каждого появляется автомобиль, посудомоечная машина и телефон, кривая выравнивается, потому что на рынке задействована только замена товаров. Как мы видим на примере рынка мобильных телефонов, кривую роста можно удерживать на высоком уровне при помощи мелких инноваций и новой моды, постоянно прибавляя новые «рюшечки и бантики». Жизненный цикл продукта состоит из трех уровней. На диаграмме область между пунктирными линиями характеризует ситуацию, когда технологический прогресс сильнее всего способен повлиять на уровень жизни в стране. Зарплаты в двух последних внутренних европейских колониях — Ирландии и Финляндии — взлетели благодаря технологическо-

му прогрессу за последние 20 лет. Эти страны вырвались вперед, оседлав необычайно крутую кривую производительности в области информационных и коммуникационных технологий. Нам надо понять и принять тот факт, что достичь такого роста уровня зарплат в областях, где кривая производительности идет ровно, — невозможно. Заявления о том, что какая-то страна — это «Ирландия того или этого региона», не более чем демагогия, пока эта страна не приручит и не подчинит себе крутую кривую производительности, как это сделали Ирландия и Финляндия.

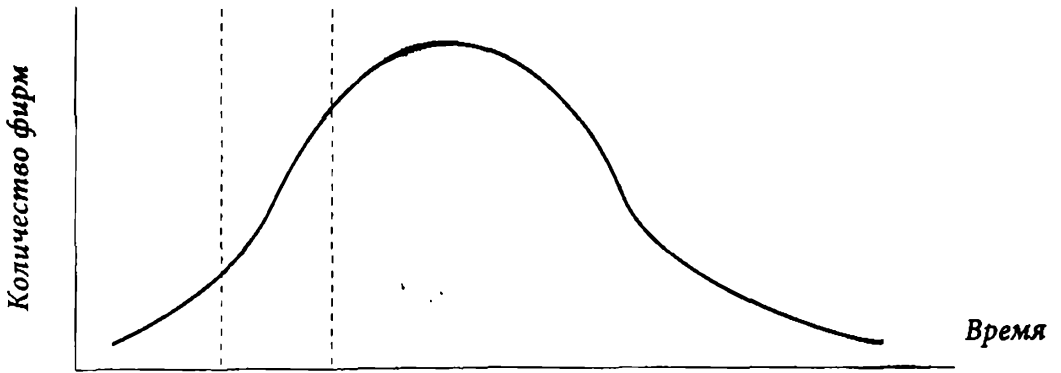
Экономический рост присущ только некоторым видам экономической деятельности. В любой конкретный момент времени всего несколькими видами экономической деятельности присуща крутая кривая производительности. Инновации, а вовсе не сбережения и капитал сам по себе, двигают благосостояние вперед. Непримириемые противники в политическом плане, Карл Маркс и Йозеф Шумпетер соглашались, что сам по себе капитал в качестве источника богатства бесплоден.

Мировая экономика напоминает «Алису в стране чудес», где один из персонажей говорит: «Приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на одном месте!» В глобальной экономике поддерживать стабильный уровень благосостояния можно только постоянными инновациями. Почивать на лаврах производителям парусников удавалось до тех пор, пока их не вытеснили пароходы, после чего вся выстроенная система зарплат и трудовых отношений рухнула. Шумпетер сравнивал капитализм с гостиницей, где в роскошных номерах всегда кто-то живет, но эти постояльцы все время меняются. Лучший в мире производитель керосиновых ламп обеднел, как только появилось электричество. Стремление сохранить status quo в такой ситуации неминуемо приводит к бедности. Этот механизм делает капитализм крайне динамичной системой, но он же создает огромный разрыв между бедными и богатыми странами. Впрочем, чем лучше мы понимаем динамику капитализма, тем больше можем сделать, чтобы помочь бедным странам выбраться из нищеты.

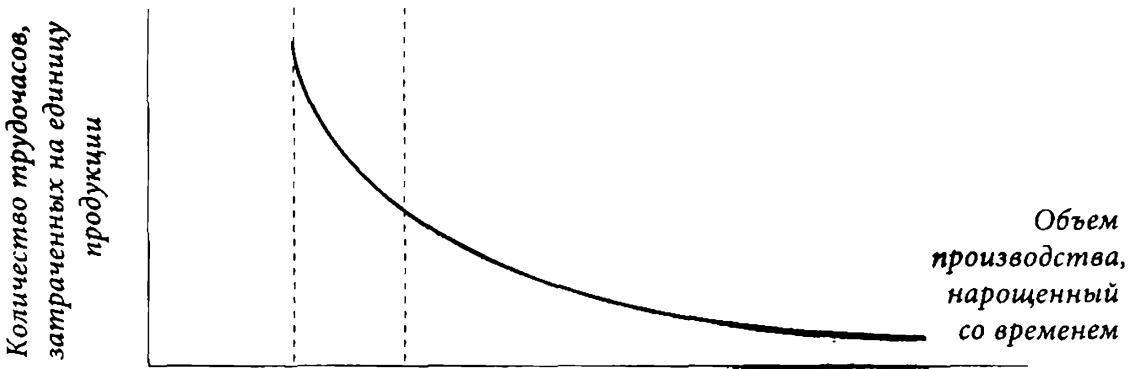
Глобальную экономику можно рассматривать как пирамиду — иерархию знания, в которой те, кто постоянно инвестирует в инновации, остаются на пике благосостояния. Дело явно не в эффективности труда, поскольку очевидно, что даже самый умелый дворник в развивающейся стране зарабатыва-

КАК БОГАТЫЕ СТРАНЫ СТАЛИ БОГАТЫМИ...

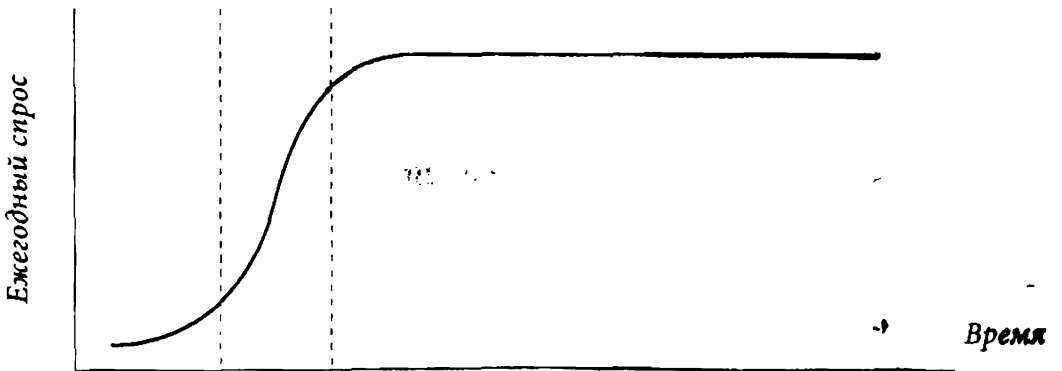
КОЛИЧЕСТВО ФИРМ В ОТРАСЛИ

КРИВАЯ РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ

КРИВАЯ НАСЫЩЕНИЯ РЫНКА (КРИВАЯ S)

Область, в которой
возможен скачок уровня
реальной зарплаты

ИЛЛЮСТРАЦИЯ 10. Промышленность в развитии: три переменные

ет гораздо меньше, чем юрист средней руки в Швеции, и даже меньше, чем любой шведский дворник. В основании пирамиды находятся, к примеру, самые эффективные в мире производители мячей для любимого американцами бейсбола, которые живут на Гаити и в Гондурасе. В Приложении VI мировая экономика изображена как иерархия умений, перечислены факторы, которые характеризуют выгодные виды экономической деятельности — на вершине пирамиды (производство мячей для гольфа) и невыгодные виды экономической деятельности — у ее основания (производство мячей для бейсбола).

Выгодные виды, как правило, рождаются благодаря новым знаниям, полученным в научных разработках. Поэтому многие страны инвестируют в исследования, хотя порой невозможно предсказать, какими будут их результаты. Изобретения часто происходят случайно — непреднамеренно или работе по совсем иной тематике. Пример такой случайности — открытие Александром Флемингом пенициллина. Зачастую дорога от изобретения до инновации — практического использования продукта — очень длинна. Возможность чистого, почти монохромного концентрированного света была установлена Альбертом Эйнштейном еще в 1917 году. Но изобретение лазера не нашло практического применения, т. е. не превратилось в инновацию, до 1950-х годов. В результате длительных исследований лазер прошел путь от научной гипотезы до важнейшего инструмента в хирургии, навигации, баллистике, для слежения за спутниками, при сварке, в проигрывателях компакт-дисков, а также в лазерных принтерах. Невозможно представить себе современные информационные и коммуникационные технологии без лазера.

Инновационные продукты распространяются в экономике иначе, чем инновационные процессы. Продукты создают высокие входные барьеры и высокую прибыль, как это произошло у Генри Форда в начале XX века и у Билла Гейтса сегодня. Однако когда эти инновации просачиваются в другие отрасли промышленности в виде инновационных процессов (когда автомобиль Форда приходит в сельское хозяйство в виде трактора, а технология Гейтса используется для бронирования гостиниц), они приводят к понижению цен, а не к росту зарплат. Использование информационных технологий настолько снизило прибыль в гостиничном бизнесе Венеции и Коста-дель-Соль, что вызвало жалобы работников.

ПОЧЕМУ СТРАНЫ, КОТОРЫЕ ПРОИЗВОДЯТ ТОЛЬКО СЫРЬЕВЫЕ ТОВАРЫ, НЕ БОГАТЕЮТ? НЕОЖИДАННЫЕ ПАРАДОКСЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

1. Известно, что нехватка продовольствия и голод чаще всего происходят в странах, которые специализируются на продовольственных товарах. Чем меньше доля сельского хозяйства в структуре ВВП, тем меньше у страны шансов, что в ней случится голод. Более того, в странах, где почти нет сельского хозяйства, население страдает скорее от переедания, чем от недоедания. Чем объяснить эту странную обратную пропорциональность?
2. Взрывы производительности веками происходили только в промышленности, однако за последние 50 лет в сельском хозяйстве производительность выросла больше, чем в промышленных отраслях. Производительность одного акра пшеницы в США выросла почти в 6 раз по сравнению с 1940 годом. Высокие технологии стали использовать во многих отраслях сельского хозяйства. Американские фермеры теперь пахут при помощи тракторов, управляемых спутниками GPS, и один фермер сегодня может произвести столько же, сколько 75 лет назад производили 10 человек. Парадокс в том, что самое эффективное сельское хозяйство в мире (американское и европейское) не выживет без субсидирования и протекции. На субсидирование каждой швейцарской коровы тратится сумма, в 4 раза превышающая среднедушевой доход жителя Африки к югу от Сахары. Почему так происходит?
3. В 1970 году Норман Борлог получил Нобелевскую премию мира за «зеленую революцию» в сельском хозяйстве: он вывел катализаторы для растений, которые многократно увеличивали урожайность. Однако этот взрыв производительности почти не повлиял на количество бедных и голодающих людей в мире. Почему?

Я уверен, что эти кажущиеся парадоксы тесно связаны друг с другом. Как только мы это поймем, мы увидим, почему ни одной стране не удалось разбогатеть без промышленного сектора и сектора продвинутых услуг. Нам станет ясно, что развиваю-

ТАБЛИЦА 3. Шумпетеровы и Мальтусовы виды экономической деятельности в сравнении

Типичные черты Шумпетеровых видов деятельности (выгодных для экспорта)	Типичные черты Мальтусовых видов деятельности (невыгодных для экспорта в отсутствие Шумпетерова сектора)
Возрастающая отдача	Убывающая отдача
Динамичная несовершенная конкуренция	Совершенная (товарная) конкуренция
Стабильные цены	Крайне нестабильные цены
В основном квалифицированный труд	В основном неквалифицированный труд
Создание среднего класса	Создание феодального (классового) строя
Нереверсивные зарплаты	Реверсивные зарплаты
Технический прогресс приводит к повышению зарплат производителей («Фордов режим зарплат»)	Технический прогресс приводит к снижению цен для потребителя
Создание крупных синергических эффектов (связей, кластеров)	Создание малого количества синергических эффектов

щиеся страны никогда не разбогатеют, экспортируя в богатые страны продовольственные товары. Разные экономические секторы (их три: сельское хозяйство, промышленность и сектор услуг) по-разному отражают экономику страны и следуют разным экономическим законам, когда развиваются в разной последовательности. Не обращая внимания на качественные различия между видами экономической деятельности, мы никогда не поймем, почему мировая экономика развивается так неравномерно.

В табл. 3 показаны два идеальных типа экономической деятельности. Первый тип — Шумпетеровы виды деятельности; в них постоянные инновации приводят к росту зарплат, спо-

собствуя благосостоянию и развитию. Второй тип — Мальтусовы виды деятельности; они удерживают зарплату на уровне прожиточного минимума. Первый тип мы встречаем в основном в обрабатывающей промышленности, второй — там, где сельским хозяйством и производством сырья управляет рынок. Депрессия 1930-х годов показала, в чем разница между этими типами экономической деятельности. В секторе обрабатывающей промышленности депрессия проявилась в виде безработицы; те рабочие, которые удержались на своих рабочих местах, сохранили прежний уровень зарплаты. В результате процентная часть зарплат в структуре ВВП США даже выросла во время кризиса. В сельском хозяйстве депрессия проявилась в виде падения цен на продукты производства, а также снижения доходов. Соотношение между ценами на сельскохозяйственные товары и затратами на их производство, известное как паритетная цена, отражало зарботки фермеров относительно их затрат на факторы производства. В 1918 году она равнялась 200. Падение этого показателя отражает рост бедности американского фермерства по сравнению с остальной экономикой США. В 1929 году показатель упал до 138, а в 1932 году достиг того, что Гэлбрейт называет «трагическим, даже убийственным уровнем — 57»²¹. Цена на сельскохозяйственные продукты упала более чем на 70% по сравнению со стоимостью средств производства, необходимых фермерам. В «Гроздьях гнева» Джона Стейнбека описана ситуация в сельском хозяйстве США того времени.

Чтобы разница между идеальными типами экономической деятельности стала яснее, я привяжу их к двум формам иностранной помощи — к той, которая помогла восстановить Европу и Японию после Второй мировой войны, и той, которая сегодня оказывается бедным странам. Вопреки распространенному мнению План Маршалла не был программой по передаче крупных сумм денег бедным странам. Он был явной (и в конечном итоге успешной) попыткой реиндустриализовать Европу. Основные механизмы, которые были задействованы, чтобы создать спираль богатства, описаны Антонио Серра еще за 300 лет до появления этого плана.

Производственные структуры сегодняшних бедных стран подвергнуты программам, имевшим противоположный эффект. Развивающиеся страны пострадали от Плана Моргентау,

похожего на тот, который применялся в Германии в 1945 году. Когда стало ясно, что союзники выигрывают Вторую мировую войну, встал вопрос: что делать с Германией, за 30 лет дважды развязавшей мировые войны. Генри Моргантау, министр финансов США с 1934 по 1945 год, составил план, позволявший раз и навсегда обезопасить мир от нового немецкого покушения. Он предложил полностью уничтожить промышленность Германии и превратить ее в сельскохозяйственную страну²². Предполагалось вывезти промышленное оборудование и залить водой или цементом все шахты. Союзники одобрили эту программу на совещании в Канаде в конце 1943 года, и она вступила в силу сразу после капитуляции Германии в мае 1945 года.

Однако в 1946–1947 годах стало понятно, что план Моргантау создает в Германии серьезные экономические проблемы: деиндустриализация привела к резкому падению производительности в сельском хозяйстве²³. Это был интересный эксперимент. Механизмы синергии между промышленностью и сельским хозяйством, которые считали такими важными экономисты Просвещения, заработали и в обратную сторону: уничтожение промышленности привело к снижению производительности в сельском хозяйстве. Многие из тех, кто лишился работы в промышленности, вернулись в крестьянство, и в экономике воцарились библейские механизмы убывающей отдачи, которые мы обсуждали в главе II. Бывший президент США Генри Гувер, опытный государственный советник, был отправлен в Германию, чтобы составить мнение о проблемах. Он провел расследование в начале 1947 года и написал три отчета. В последнем, написанном 18 марта 1947 года, Гувер заключил: «Существует заблуждение, что новую Германию, оставшуюся после аннексии территорий, можно превратить в сельскую страну. Это невозможно сделать, не уничтожив или не вывезя из нее 25 млн жителей».

Наблюдая мрачные последствия деиндустриализации, Гувер заново открыл меркантилистскую теорию населения: промышленная страна может кормить и содержать большее население, чем сельскохозяйственная такого же размера. Иными словами, промышленность во много раз увеличивает возможность страны прокормить большое население. Тот факт, что голод случается только в странах, которые специализируются на сельском хозяйстве, подчеркивает власть промышленности, разделения

труда и синергических эффектов, которые создают и сохраняют богатство.

Всего через 3 месяца после того, как Гувер отправил доклад в Вашингтон, План Моргентау был тихо похоронен. Разработан был План Маршалла, имевший противоположную цель — реиндустриализовать Германию и остальную Европу. Немецкая промышленность должна была быть восстановлена до состояния 1936 года, считавшегося последним «нормальным» довоенным годом. Сегодня проблема в том, что доминирующая в обществе экономическая наука не видит различий между Планами Маршалла и Моргентау. Комментируя высказывание Томаса Куна, которым начинается глава I, можно сказать, что концептуальные средства, необходимые для того, чтобы различать эти планы, не являются частью инструментария стандартной теории роста. Страна, которая специализируется на Мальтусовых видах деятельности, останется бедной, в то время как страны, специализирующиеся на Шумпетеровых видах деятельности, медленно, но верно будут повышать уровень зарплат и развивать системы производства, добьются улучшения уровня жизни. Чем же отличаются эти два идеальных типа деятельности?

Как писал Антонио Серра, производство сырьевых материалов и продуктов обрабатывающей промышленности подчиняется разным экономическим законам. Этот аргумент всегда использовался, чтобы объяснить, зачем странам, производящим сырьевые товары, нужен промышленный сектор. Сегодняшняя экономическая наука в виде, в каком она применяется к странам третьего мира, не признает этого, потому глобализация имела разрушительные последствия, особенно в малых странах. Однако не все экономисты отказываются признавать правоту этой идеи. Американец Пол Кругман возродил прежнюю традицию в 1980 году, но практического применения его инновации не имели. В экономической науке идеология и методология сегодня переплелись вокруг несчастливого обстоятельства, что «математизация» неоклассической парадигмы требует предпосылок, изображающих рыночную экономику как некую утопию гармонии и равенства. То, что экономику стали рассматривать сквозь призму математики, имело серьезные идеологические последствия. Экономической науке позволили стать нерелевантной. Кругман изобрел инструменты, при помощи которых можно доказать старую дихотомию возрастающей от-

дачи, создающей богатство, и убывающей отдачи, создающей бедность; но его теории оказались совершенно не востребованы политиками.

Каким бы ни был начальный уровень производительности, производство сырьевых товаров, в том числе сельское хозяйство, рано или поздно придет к *убывающей отдаче*. Повторим, что убывающая отдача бывает двух видов — *интенсивная* и *экстенсивная*. Если вы отправляете работать на одно поле все больше человек, то рано или поздно столкнетесь с тем, что каждый новый рабочий производит меньше, чем предыдущий. Это интенсивная разновидность убывающей отдачи, которую мы рассматривали на примере выращивания моркови. Экономика малых стран зачастую строится вокруг экспорта единственного продукта, будь то кофе или морковь. Если в стране нет альтернативного источника занятости населения, то убывающая отдача приведет к тому, что реальная зарплата начнет падать. Чем дольше страна специализируется на сырьевых товарах, тем она беднее.

Классические английские экономисты хорошо понимали принцип убывающей отдачи. Именно этот принцип заставил поэта, писателя и философа Томаса Карлайла дать экономической теории определение «мрачная». Человеческая деятельность обречена натолкнуться на стену в виде уменьшения количества доступных природных ресурсов. Да, эту стену можно немного отодвинуть, но рано или поздно человечество обречено натолкнуться на другую стену — перенаселенность.

Чтобы пессимистичная английская экономическая наука превратилась в оптимистичную, надо добавить в нее немного технологического прогресса и возрастающей отдачи. Издержки падают с ростом объема продукции — это хорошая новость. Сеть становится все более полезной с каждым новым пользователем; технология дешевеет для каждого, кто ей пользуется, по мере своего распространения. Возрастающая отдача и экономия на масштабах переворачивают мрачную Мальтусову теорию населения вверх ногами: чем больше население страны, тем дешевле обходится в ней производство и продажа товаров. Можно представить себе, что человеческое общество развивается, постоянно раздвигая границы новых знаний и технологий. Тогда экономика становится чрезвычайно оптимистичной наукой. Чем больше людей, тем лучше: больше потенциальных покупателей, больше можно провести исследований и произ-

вести разнообразных товаров. Такое видение мира было распространено во времена меркантилистов, до того как с появлением Мальтуса в 1798 году в экономике воцарился пессимизм. Как мы уже убедились, до Мальтуса страны стремились привлечь как можно больше населения в города. Меркантилисты стремились к развитию промышленности, им были нужны максимально крупные рынки как внутри страны, так и за ее пределами. Экономия на масштабе была важнейшим фактором их теорий и практической политики.

Однако страна, в которой нет промышленности, вынуждена повиноваться железному закону убывающей отдачи. Даже если технологический прогресс отодвинет стену, он не способен уничтожить ее совсем. В этом главное различие экономического строя в развитых и развивающихся странах.

В «Принципах политической экономии», учебнике 1848 года, который определял развитие экономической науки в Англии до конца века, Джон Стюарт Милль так выделяет значение убывающей отдачи: «Опасаюсь, что мнение это [о незначительности убывающей отдачи] является не просто заблуждением, но самым серьезным заблуждением, какое только можно найти в области политической экономии. Данный вопрос имеет более важное и существенное значение, нежели любой другой; он охватывает всю проблему причин существования нищеты в богатых и промышленных обществах; и пока этот предмет не понят вполне, продолжать наше исследование — напрасное дело»²⁴.

Следующая книга, подчинившая себе английскую экономическую науку вплоть до появления Кейнса, была написана Альфредом Маршаллом в 1890 году и называлась «Принципы экономической науки». В духе своего предшественника Милля Маршалл утверждал, что переселение народов в истории человечества происходило в основном из-за убывающей отдачи. Собирая материал для докторской диссертации в 1890 году, я попытался проверить, действительно ли, как утверждали экономисты от Антонио Серра до Альфреда Маршалла, бедность неразрывно связана с убывающей отдачей. Я выяснил, что, действительно, основные экспортные товары Перу (хлопок), Боливии (жест) и Эквадора (бананы) в течение XIX века производились в условиях убывающей отдачи. Когда производство падало, производительность увеличивалась, т. е. происходило обратное процессам, типичным для промышленного сектора.

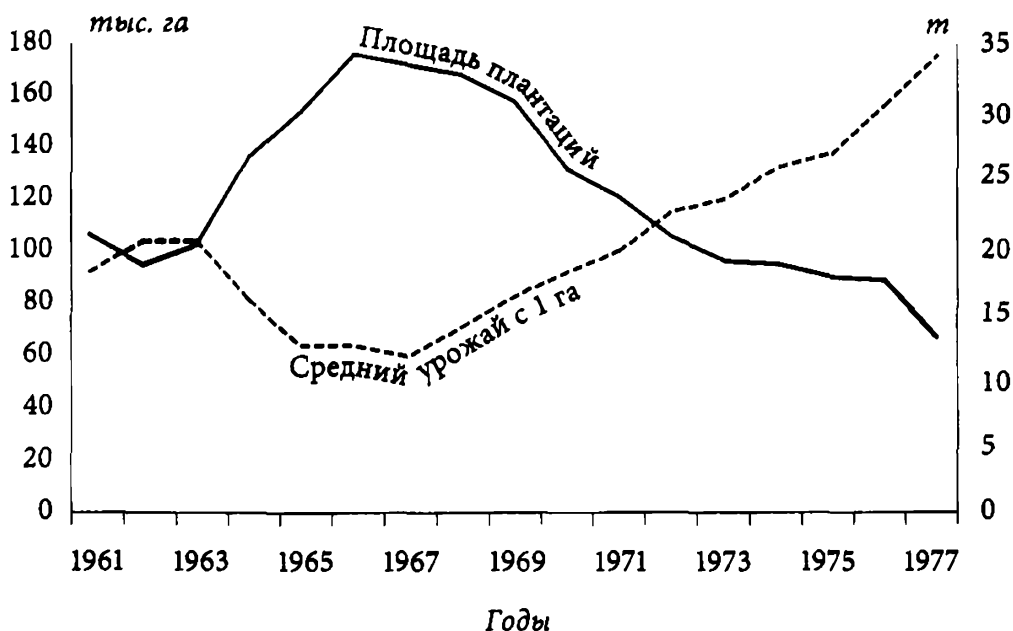

ИЛЛЮСТРАЦИЯ 11. Эквадор. Растущее производство и убывающая отдача в производстве бананов, 1961–1977 гг.

ИСТОЧНИК: диссертация Эрика Райнерта, 1980 г. (*Erik Reinert. International Trade and the Economic Mechanisms of Underdevelopment. Ph. D. thesis, Cornell University, 1980.*)

На илл. 11 отражено производство бананов в Эквадоре с 1961 по 1977 год, когда резкое падение объема производства было спровоцировано событиями, которые на первый взгляд выглядели как благоприятные.

Внимательней рассмотрев этот случай, мы поймем, что имел в виду Гуннар Мюрдаль под эффектом обратной волны в развивающихся странах.

В начале 1960-х годов банановые плантации Центральной Америки поразил церкоспороз. Эквадор, в то время относительно мелкий поставщик, от вспышки не пострадал и решил воспользоваться шансом завоевать свою долю на рынке. С 1962 по 1966 год Эквадор увеличил площадь банановых плантаций на 75%. Несколько лет спустя, потев в жарком Гуаякиле над кипами документов, я обнаружил, что за эти годы производительность одного акра земли упала на 40% — с 19 до менее 12 тонн. Как всегда, свою сыграл роль не только этот фактор, но он стал основной причиной падения производительности. Плантации распространились за пределы области Эль-Оро, где произво-

дилось больше всего бананов, в менее эффективные области. То, что изначально выглядело как улучшение международного положения Эквадора, в реальности обернулось падением производительности и зарплат в отрасли. Экономисты, занимающиеся сельским хозяйством, не удивились бы такому результату; проблема в том, что на макроуровне аналогичные процессы игнорируются. Я не устаю повторять, что с обрабатывающей промышленностью произошло бы обратное: рост производства привел бы к снижению издержек. В обрабатывающей промышленности каждый следующий станок работает не менее эффективно, чем предыдущий; более того, каждый следующий трудочас снижает фиксированные издержки на единицу продукции. Рост производства неизменно приводит к снижению издержек на единицу продукции. Растущая доля на рынке позволяет игроку вырваться вперед в гонке по кривой производительности и первым скатиться по ее крутой части; в сельском хозяйстве она припирает игрока к стене убывающей отдачи.

Геноцид в Руанде 1994 года подается нам как результат этнической ненависти, в то время как остальной мир наблюдал за происходящим со стороны. Однако чтобы понять эту драму, необходимо обратиться к закону убывающей отдачи. В Руанде убывающая отдача стала результатом того, что растущее население все сильнее эксплуатировало пахотные земли, а рабочих мест за пределами первичного сектора почти не было. В ситуации, когда нет условий для создания растущей отдачи, пессимизм Мальтуса вполне оправдан. Рост населения приводит к кризису. Плотность населения Руанды — 281 человек. Это не слишком высокий показатель, если мы сравним его с некоторыми индустриальными странами. В Японии, например, на один квадратный километр приходится 335 человек, а в Голландии 477 (для бедной сельскохозяйственной страны это очень много). Для сравнения: плотность населения в богатой Дании — 125, Танзании — 20, Южной Африке — 36, Намибии — 2, а Норвегии — 14 человек.

Были проведены масштабные исследования, чтобы выявить причины геноцида в Руанде, — одно Всемирным банком в 1997 году, а другое Программой развития Организации Объединенных Наций в 1999 году. Интересно, что ни одно исследование не учло роли, которую убывающая отдача сыграла в руандской трагедии, — эффекта падающей маргиналь-

ной производительности труда в сельскохозяйственной стране с растущим населением. Современный мир (по крайней мере в том виде, в каком он проявляет себя по отношению к странам третьего мира) уже не замечает различий между видами экономической деятельности. Мы даже не пытаемся найти связь, которая должна быть очевидной, — между геноцидом и нехваткой рабочих мест за пределами сельскохозяйственного сектора, страдающего от убывающей отдачи. Конечно, сельское хозяйство Руанды не слишком эффективное, но попытки увеличить его эффективность без одновременной диверсификации экономики страны противоречат всему, чему учит нас история. Только индустриализация может создать эффективный сельскохозяйственный сектор. Государства-неудачники имеют две общие черты: частые перебои с поставками продовольствия и слабый промышленный сектор. Раньше экономисты понимали связь между этими фактами. Сегодня мы изучаем причины банкротства стран и проблему голода так, как будто это два не связанных друг с другом явления, и отдельно от экономического строя, в то время как в реальности они являются дополняющими друг друга следствиями одного набора проблем. В конечном итоге получается, что мировое сообщество пытается лечить симптомы мировой бедности и несчастий, а не их причины.

В книге 2005 года биолог Джаред Даймонд²⁵ блестяще справился с задачей, которую не решили другие исследователи. В традиции Роберта Мальтуса, Джона Стюарта Милля и Альфреда Маршалла он связывает проблему геноцида с явлением убывающей отдачи. За некоторое время до геноцида Руанда начала страдать от падения производства продовольствия на душу населения из-за убывающей отдачи, засухи и истощения почвы, что привело к масштабной вырубке лесов. В результате огромное количество безземельных голодных молодых людей обратились к воровству и насилию. Даймонд цитирует французского ученого, специалиста по Восточной Африке Жерара Прунье: «Решение убивать было, конечно, принято политиками по политическим причинам. Но, как минимум, отчасти причина, по которой это решение с таким рвением было превращено в жизнь обычными рядовыми крестьянами... заключалась в их ощущении, что на недостаточном количестве земли живет слишком много людей, и если сократить число людей, то выжившим достанется больше».

Австралийские экономисты всегда знали, как опасно специализироваться на сырьевых материалах. Они поняли, что если Австралия последует стандартной теории торговли и станет поставлять шерсть, это немедленно приведет к перепроизводству и стремительному падению цен. В отсутствие альтернативного источника занятости населения, овцеводство и производство шерсти распространится в области, непригодные для этих видов деятельности.

Поэтому Австралия настояла на том, чтобы основать собственную обрабатывающую промышленность, несмотря на то что она будет не такой эффективной, как промышленность Англии или Европы, и никогда не сможет с ними конкурировать. Именно так надо поступать, чтобы в мире появились страны со средним доходом. Австралийцы рассудили, что национальный промышленный сектор задаст альтернативный уровень зарплаты, который не позволит производителям сырьевых товаров распространить производство на непригодные для него земли. Уровень зарплат, заданный промышленностью, будет сигнализировать им, что это невыгодно. Промышленный сектор, в котором по определению действует растущая отдача, также должен помочь механизировать производство шерсти. Именно этот аргумент, основанный на дихотомии возрастающей отдачи в промышленности и убывающей отдачи в сельском хозяйстве, был решающим, когда в XIX веке индустриализовались Европа и Америка.

В сельском хозяйстве есть другая проблема — циклические колебания производительности, в которых виновата природа. В отличие от обрабатывающей промышленности, сельское хозяйство не может приостановить производство или сложить полуфабрикаты в хранилище. Кроме того, крестьяне, в отличие от промышленников, не имеют возможности придержать товар, чтобы удержать цены на высоком уровне. Поскольку спрос изменяется несинхронно с производством, цены на сельскохозяйственные товары подвержены значительным колебаниям. Временами эти колебания так велики, что общая стоимость продукции в неурожайный год может оказаться выше ее стоимости в урожайный год. Эти изменения меняют глубинный цикл экономической активности, последствия могут быть непоправимыми. Сельское хозяйство обычно первым из секторов экономики попадает в понижительную фазу экономического цик-

ла и последним из нее выходит. В Норвегии когда-то говорили: «Если богат крестьянин, богаты все». После депрессии 1930-х годов Запад попытался решить проблемы сельскохозяйственного сектора, привнеся в него черты промышленного сектора. И в США, и в Европе крестьянам разрешили создавать рыночные монополии. В США сельское хозяйство и сегодня не освобождено от антитрастового законодательства, так что мы покупаем миндаль и изюм у легализованных американских монополий.

В сельском хозяйстве невозможна мысль о том, чтобы удвоить зарплаты работникам, как это сделал Генри Форд. Более того, у сельских работодателей всегда есть веские причины, чтобы не увеличивать зарплаты. Для производства сырьевых товаров обычно требуется неквалифицированная рабочая сила, а ее избыток в бедных странах. Рост производительности на заводах Форда был постоянным, в то время как прибыль, которую крестьяне получают, повышая цены, обратима. Все дело в цикличности. Если производитель повышает зарплаты в урожайный год, то в неурожайный, который непременно наступит, ему придется их понизить. К тому же в производстве сельскохозяйственных товаров не всегда есть стимулы для увеличения эффективности новых технологий. Успех в сельскохозяйственной отрасли больше зависит от выбора времени для продажи товара и от финансовых возможностей, чем от эффективности производства.

Подводя итог, можно сказать, что производители сырьевых товаров живут в мире совсем ином, чем промышленные производители. В их мире цены колеблются широко и зачастую непредсказуемо. Билл Гейтс сам устанавливает цены на свои продукты, а производитель сырьевых товаров каждый день читает газеты, чтобы знать, какую цену рынок готов заплатить за его товар. Производители сырьевых товаров обитают в мире, описанном стандартной экономической теорией, где царит совершенная конкуренция и низкие барьеры на вход. Глядя на табл. 3, мы видим, что бедные страны, как правило, специализируются на Мальтусовых видах деятельности, в которых совершенная конкуренция вынуждает производителей отдавать увеличение своей производительности покупателям в форме сниженных цен. Тот факт, что увеличение производительности по-разному сказывается на промышленности и на сельском хозяйстве, был основной идеей эпохальной работы английского экономи-

ста Ханса Зингера, написанной в 1950 году²⁶. Зингер, кстати говоря, был учеником Йозефа Шумпетера.

Как и остальные страны Латинской Америки, Перу приступила к амбициозному плану индустриализации после Второй мировой войны. В стране были введены тарифы на импортируемые промышленные товары и основано собственное производство. Появились новые рабочие места, уровень зарплат на которых рос. Как мы видим на илл. 12, все шло прекрасно. Собственно говоря, стратегия Перу мало чем отличалась от той, которую Генрих VII начал в Англии в 1485 году и которую затем позаимствовал у него остальной мир, начиная собственную индустриализацию. Однако ближе к концу 1970-х годов Всемирный банк и МВФ запустили свои программы перестройки развивающихся стран. Перу была вынуждена открыть экономику, и уровень зарплат трагически упал по всей стране; это тоже видно на илл. 12.

Немецкий экономист Фридрих Лист размышлял о выборе времени для введения тарифов и свободной торговли. Он предложил такую последовательность:

1. Всем странам необходим период свободной торговли, чтобы изменить схему потребления, создав спрос на промышленные товары.
2. В течение следующего периода малые страны защищают и строят собственную промышленность (т. е. создают виды деятельности, для которых характерна возрастающая отдача, включая продвинутые услуги), а также создают синергию.
3. Начинается экономическая интеграция все больших географических областей. Тарифные барьеры, которые в 1830-е годы защищали каждый из 30 немецких штатов по отдельности, необходимо снять и установить заново вокруг экономически единой Германии. В каждой стране должен быть развит конкурентоспособный промышленный сектор.
4. Всем странам выгодно открыться для глобальной свободной торговли.

Обратим внимание на то, что Лист был протекционистом или сторонником свободной торговли в зависимости от того, на какой стадии развития находилась конкретная страна. Приняв

IV. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: АРГУМЕНТЫ «ЗА», ОНИ ЖЕ «ПРОТИВ»

ИЛЛЮСТРАЦИЯ 12. Перу. 1960–2000 гг. Расходящиеся траектории реальных зарплат и экспорта

ИСТОЧНИК: Уровень реальных зарплат. *Santiago Roca, Luis Simabuco*. *Natural Resources, Industrialisation and Fluctuating Standards of Living in Peru, 1950–1997: A Case Study of Activity-Specific Economic Growth* // *Erik S. Reinert*. *Globalization, Economic Development and Inequality: An Alternative Perspective*, Cheltenham, 2004. Экспорт: *Richard Webb, Graciela Fernández Vaca*, *Perú en Números*, Lima, 2001.

На этой диаграмме показано, как росли реальные зарплаты в Перу, пока страна делала все «неправильно», по мнению МБ и МВФ. Хотя промышленный сектор Перу не достигал до международного уровня, он поддерживал в стране уровень зарплат в два раза выше, чем сегодня. После холодной войны в мире сложился экономический порядок, направленный на максимизацию мировой торговли, а не благосостояния людей. Цифры экспорта приведены в долларах США, что слегка преувеличивает визуальный эффект.

точку зрения Листа, можно сказать, что такие страны, как Перу, совершили ошибку, когда попытались перескочить через третий этап развития. Промежуточная ступень развития меж-

ду национальным протекционизмом и глобальной свободной торговлей была запланирована в виде Латиноамериканской ассоциации свободной торговли. Она так и не претворилась в жизнь.

Промышленным предпринимателям небольших стран было выгоднее работать в условиях, близких к монополии, чем принять свободную торговлю с соседями. Переход с Листовой второй ступени на четвертую повлиял на Латинскую Америку так же, как влияет на тепличное растение пересадка в открытый грунт в холодном климате. Большая часть обрабатывающей промышленности вымерла, и недостаточный спрос со стороны промышленного сектора не дал латиноамериканцам развить сектор наукоемких услуг, как это делали богатые страны. Между обрабатывающей промышленностью и сектором наукоемких услуг действует синергия сродни той, какую мы наблюдаем между обрабатывающей промышленностью и сельским хозяйством. Понятно, что уровень жизни в Латинской Америке сегодня был бы выше, если бы ее страны последовали советам Листа постепенно вводить глобализацию, чтобы сохранить больше промышленных предприятий.

Таким образом, мы пришли к важнейшему заключению, которое принималось экономистами как должное на протяжении веков, но было забыто многими современными экономистами: лучше иметь в стране неэффективный промышленный сектор, чем не иметь его вообще. На илл. 12 показано, насколько упал уровень реальной заработной платы в Перу после деиндустриализации. Становится понятно, что мы создали такой мировой экономический порядок, который максимизирует мировую торговлю, вместо того чтобы максимизировать мировой доход. На это Всемирный банк, а также экономическая теория, которой он пользуется, возражают: промышленность Перу была неэффективна и неконкурентоспособна. Я же хочу указать на тот факт, что «неэффективный» промышленный сектор, тем не менее, поднял зарплаты в стране на уровень, в два раза превышающий тот, который сумела установить в Перу нынешняя глобализированная экономика. Статистика по заработной плате нам это демонстрирует куда нагляднее, чем статистика по производству ВВП. В то время как зарплаты падали, в структуре ВВП заметно росла процентная доля финансового сектора, страхования и недвижимости. Соответ-

ственно уровень жизни людей упал гораздо ниже, чем следует из цифр ВВП.

Если бы мир проводил экономическую интеграцию и глобализацию так, как рекомендовал Фридрих Лист, т. е. как Европа это сделала на своем внутреннем рынке, глобализация была бы выгодна всем странам. Глобализации в ее сегодняшней форме оставляет многие страны позади, деиндустриализует их, в них катастрофически падает уровень зарплаты. Зарплаты во многих странах Латинской Америки достигли максимального уровня примерно тогда же, когда это произошло в Перу. Получается, что в то время когда, по мнению Всемирного банка, эти страны совершали ошибку, защищая свою неэффективную промышленность, в действительности они были богаче, чем когда-либо до или после этого. То же, что произошло в Латинской Америке, случилось во многих азиатских странах (к примеру, в Монголии) и во многих странах бывшего социалистического лагеря (включая Россию). Никто не хочет об этом говорить, но даже известная своей неэффективностью промышленность коммунистических стран поддерживала уровень жизни населения более высокий, чем сегодня это делает в них капитализм. Эстонию часто приводят в пример как успешно интегрированную страну. Когда в 2005 году Эстония присоединилась к Евросоюзу, работник завода по производству мобильных телефонов получал в час один евро, что составляет меньше 10% заработка дворника во Франкфурте или Париже. Из-за того что Европа на практике применяла экономические теории, которые сегодня лежат в основе глобализации, она переживает внутренние конфликты, подобные тем, которые мы наблюдаем сегодня в глобальной экономике.

Механизмы, которые действовали в Перу и которые мы обсудим на примере Монголии, делают почти невозможным появление в мире стран среднего достатка. Если экономика страны достаточно сильна, чтобы позволить ее промышленному сектору выжить, такая страна попадает в список богатых; в противном случае страна деиндустриализуется и опускается, попадая в группу бедных стран. Это явление похоже на процессы в национальных авиаперевозках. Авиакомпаниям приходится быть либо крупной, либо специализированной; авиакомпаниям среднего размера приходится несладко. Авиакомпания должна быть большой, чтобы заполнить собой авиационный узел

или несколько узлов. Если же уровень ее загрузки невысок, она становится банкротом или региональным перевозчиком, который доставляет пассажиров в аэропорты успешных крупных компаний. «Swissair» и «Swiss» — примеры работы этого механизма. Аналогично тому как авиаперевозчикам среднего масштаба нет места среди глобальных игроков на нерегулируемом рынке, малым и средним индустриальным экономикам трудно выжить в условиях внезапной свободной торговли. В обоих случаях существует минимальный эффективный размер (страны или авиакомпании), ниже уровня которого невозможно выжить с выгодой для себя. В обоих случаях альтернатива банкротству — это объединение с соседями. Если бы мы позволили средним индустриальным странам (вроде Перу или Монголии) развить свою промышленность под защитой тарифов, а затем объединиться с соседями, в один прекрасный день они стали бы сильными, чтобы конкурировать на глобальном свободном рынке. Вместо этого неоклассическая экономическая наука вогнала Монголию «назад, в каменный век», как США — Вьетнам после войны. Роберта Макнамару, бывшего президента Всемирного банка, обвиняли в том, что он придумал выражение «назад, в каменный век», будучи министром обороны США. На самом деле оно было изобретено рядовыми военными. Как мы еще увидим, чтобы вернуть страну каменный век, не обязательно ее бомбить или жечь напалмом; можно применять более мягкие способы.

V. Глобализация и примитивизация: как бедные становятся еще беднее

Всем неграм должно быть запрещено ткать как хлопок, так и шерсть, а также прясть и чесать шерсть, а также работать на любой железной мануфактуре, за исключением производства чугуна в чушках или железа в брусках; им также должно быть запрещено работать на производстве шляп, чулок или кожи любого вида... В самом деле, если они организуют мануфактуры, то правительству придется останавливать их прогресс, и нельзя ожидать, что сделать это будет так же легко, как сейчас.

Джошуа Ги. «Рассуждение о торговле и навигации в Великобритании». 1729

КОЛОНИИ И БЕДНОСТЬ

Приведенная цитата звучит крайне неприятно, но она показательна в отношении веками принятой экономической политики. Я говорю не об абстрактной политике, но о той, которую Европа вела еще совсем недавно, в начале своего экономического подъема. Цитата поражает нас прежде всего своей честностью, потому что в ней открыто признается, что цель принятой политики — удержать колонии на уровне поставщиков сырьевых товаров. Колониям всегда запрещали развивать собственное обрабатывающее производство, чтобы они могли сосредоточиться на поставках сырьевых товаров. Хотя сегодня это звучит политически некорректно, подобная практика продолжает здравствовать.

В предыдущей главе мы вместе с Вернером Зомбартом убедились, что основа капитализма — это индустриализация, так что, запретив колониям индустриализоваться, колонизаторы фактически обрекали их на бедность. В этой главе мы об-

судим, как деиндустриализация может привести к явлению, противоположному развитию, — к регрессу и экономической примитивизации. Среди прочего этому способствует эффект Ванека — Райнерта¹, согласно которому искусственно введенная свободная торговля сразу уничтожает самые развитые экономические секторы самых неразвитых торгующих стран. Когда спираль богатства, основанная на возрастающей отдаче, начинает раскручиваться в обратную сторону, на задворках мира происходит деиндустриализация, развал сельского хозяйства и сокращение населения. Это можно наблюдать сегодня в действии во многих странах — от южной Мексики до Молдавии. Для жителей этих стран эмиграция в страны, где возможна деятельность с возрастающей отдачей, кажется единственным спасением.

Во времена Джошуа Ги экономисты знали, что делать, если колонисты обнаруживали связь между своей бедностью и запретом на промышленность. Надо было запутать их, позволить свободно экспортировать продукты сельского хозяйства. «Поскольку люди на плантациях, соблазнившись возможностью свободно продавать свои продукты по всей Европе, с головой погружаются в их выращивание, чтобы удовлетворить ее громадный спрос, они отвлекутся от мануфактур, а это единственное, в чем наши интересы могут совпадать с их интересами», — писал Мэтью Деккер в «Эссе о причинах упадка международной торговли» в 1744 году. Поразительно, насколько актуально звучит это предложение сегодня. Деиндустриальные бедные страны соблазняются возможностью свободно экспортировать сельскохозяйственную продукцию в Европу и США и забывают об индустриализации. Однако еще ни одной стране мира не удалось разбогатеть на поставках за рубеж продовольственных товаров в отсутствие собственного промышленного сектора. Богатые страны будут покупать продукты, произведенные людьми настолько бедными, что сами они не могут позволить себе их есть.

Испания, которая, как мы видели, была деиндустриализована потоками золота и серебра из Нового мира, сумела в начале XVIII века восстановить промышленность. Однако ей пришлось снизить уровень протекционных тарифов во время мирных переговоров с Нидерландами в Утрехте в 1713 году, после войны за испанское наследство. Сразу после этого в Испании началась

деиндустриализация, и население утонуло в бедности. Когда последствия деиндустриализации стали совсем катастрофическими, испанцы казнили людей, которых сочли виноватыми в уступках свободной торговле. Тем, кого казнили перед этим, еще повезло².

Глядя на пример Испании, немецкий экономист Иоганн Генрих Готтлоб фон Юсти в 1750 году предсказывал, что все страны, вынужденные производить только сырьевые товары, скоро поймут, что их насильно удерживают в бедности. Однако Юсти не мог предсказать, что Адам Смит и классические английские экономисты разработают экономическую теорию, которая этически оправдывает поведение колонизаторов. Труды Смита об экономике и нравственности не защищают колониальный строй напрямую. Однако теоретические абстракции позволяют обоснованно утверждать, что одни страны должны заниматься обрабатывающей промышленностью, а другие — сырьевыми материалами. Поскольку Адам Смит сделал мерой всего труд (ведь трудочасы стали мерой любого труда), то получилось, что странам, которые еще не индустриализованы, нет ни смысла, ни выгоды это делать.

Согласно теории Смита и классических английских экономистов, американские колонии и страны Европы совершили бы ошибку, решив последовать примеру Англии и индустриализоваться. Как и сегодняшние поборники глобализации, Смит и его последователи утверждали, что как только рынок получит полную свободу, в мире сразу воцарится экономическая гармония: Англия сможет импортировать сырье со всего света, а в обмен экспортировать промышленные товары. Ни одна европейская держава не последовала их совету. В Норвегии экономисты, которых считали отъявленными либералами, например Антон-Мартин Швейгаард (1808–1870), утверждали, что страну надо активно индустриализовать. Идеологические дебаты в континентальной Европе XIX века посвящались даже не тому, нужно ли следовать примеру Англии, а как при этом соблюсти баланс между государственной и частной деятельностью.

Глядя на то, как Соединенные Штаты сегодня проповедуют глобализацию, невозможно не заметить сходства с поведением Англии в XIX веке. Особенно интересно то, что в XIX веке Соединенные Штаты долго и ожесточенно сражались против тех самых экономических теорий и политики, которые сегодня они

так активно поддерживают. Первый американский министр финансов Александр Гамильтон (1757–1804) много говорил и писал о важности индустриализации. Более 10 лет в качестве иллюстративных материалов я приносил на свои лекции банкноты разного достоинства с портретами американских политиков, чья экономическая стратегия отвергается сегодня Всемирным банком и МВФ, — Бенджамина Франклина, Джорджа Вашингтона, Александра Гамильтона, Улисса С. Гранта и Авраама Линкольна. Они хотели индустриализовать Соединенные Штаты под защитой тарифов, игнорируя мнение английских экономистов и поток саркастических замечаний, которыми осыпали их английские экономисты и политики более 150 лет подряд. В XIX веке американцы говорили: «Не следуй советам англичан, следуй их примеру». Как я уже писал в главе II, сегодня лучший совет, который я могу дать странам третьего мира, звучит так: «Не следуйте советам американцев, следуйте их примеру».

Превращение американцев из защитников прав бедных стран в сторонников классического империализма произошло сравнительно недавно. Когда в 1941 году Уинстон Черчилль убеждал президента Франклина Д. Рузвельта вступить в войну, Рузвельт не преминул напомнить ему, какой несправедливой была в прошлом экономическая политика Англии. Вот как рассказывает об исторической встрече на военном корабле возле Ньюфаундленда сын Рузвельта Эллиот:

Черчилль заворочался в кресле.

— Торговые соглашения Британской империи... — начал он внушительно.

Отец прервал его:

— Да. Эти имперские торговые соглашения, о них-то и идет речь. Именно из-за них народы Индии и Африки, всего колониального Ближнего и Дальнего Востока так отстали в своем развитии.

Шея Черчилля побагровела, и он подался вперед.

— Господин президент, Англия ни на минуту не намерена отказаться от своего преимущественного положения в Британских доминионах. Торговля, которая принесла Англии величие, будет продолжаться на условиях, устанавливаемых английскими министрами.

— Понимаете, Уинстон, — медленно сказал отец, — вот где-то по этой линии у нас с вами могут возникнуть некото-

рые разногласия. Я твердо убежден в том, что мы не можем добиться прочного мира, если он не повлечет за собой развития отсталых стран, отсталых народов. Но как достигнуть этого? Ясно, что этого нельзя достигнуть методами восемнадцатого века. Так вот...

— Кто говорит о методах восемнадцатого века?

— Всякий ваш министр, рекомендуя политику, при которой из колониальной страны изымается огромное количество сырья без всякой компенсации для народа данной страны. Методы двадцатого века означают развитие промышленности в колониях и рост благосостояния народа путем повышения его жизненного уровня, путем его просвещения, путем его оздоровления, путем обеспечения ему компенсации за его сырьевые ресурсы³.

Итак, всего 60 с небольшим лет назад Соединенные Штаты всеми силами боролись с экономической теорией, которая гласила, что все страны могут разбогатеть независимо от того, что они производят. Самые циничные из моих латиноамериканских друзей утверждают, что эта борьба была частью американского плана, целью которого было сменить Великобританию в роли всемирного гегемона. План Маршалла доказывает, что они неправы. С 1776 года до конца Второй мировой войны экономическая деятельность Америки была бесконечной войной с экономическими теориями, которые она сегодня пытается навязать развивающимся странам. Однако американцы были неединственными противниками этих теорий. Как мы уже убедились, теория, гласившая, что только некоторые виды экономической деятельности создают богатство, жила и здравствовала с конца XV века до момента исторического разговора Рузвельта с Черчиллем. С исторической точки зрения, вера в то, что рынок может автоматически создавать гармонию, родилась не так давно и была распространена в течение всего нескольких коротких исторических периодов.

Один из таких периодов начался, когда в 1840-е годы теория Адама Смита впервые была применена на практике, однако долго он не продлился. В 1904 году кембриджский экономист В. Каннингем написал об этом периоде книгу под названием «The Rise and Decline of the Free Trade Movement» («Взлет и закат движения за свободную торговлю»). Ради блага всех бедных людей на земле я надеюсь, что эта книга вскоре снова начнет

издаваться. Интересно, кстати, отметить тот факт, что все предыдущие попытки глобализации заканчивались тем, что от нее начинал страдать сам гегемон. Описанный Каннингемом период характерен тем, что глобализация уничтожила сельское хозяйство Англии примерно так же, как сегодня она, возможно, уничтожает обрабатывающую промышленность Америки.

С 1990 года началась очередная популяризация свободной торговли. Однако, в отличие от сегодняшней ситуации, в XIX веке с английской теорией торговли постоянно конфликтовала альтернативная, уравнивающая ее теоретическая традиция, успешно применявшаяся на практике в США и континентальной Европе. Благодаря этой уравнивающей силе теория торговли навредила в основном странам третьего мира. Сегодня ситуация куда более опасная, потому что альтернативной экономической науки практически нет. Неоклассическая теория и ее последователи монополизировали общепринятую экономическую науку. Поэтому бедным странам придется, вероятно, еще сильнее обеднеть, прежде чем на них обратят внимание. Возможно, мы дождемся чего-то вроде глобальной версии революций 1848 года. Мировые гегемоны дважды отказывались от свободной торговли и идеологического либерализма, чтобы позволить отсталым странам догнать их, проведя, наконец, индустриализацию. В обоих случаях — после 1848 и после 1947 годов — это было, когда коммунистический режим начинал угрожать всемирной экономической системе. К чему приведет сегодняшний религиозный фундаментализм, мы еще увидим.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРИМИТИВИЗАЦИЯ: ЧТО ЭТО ТАКОЕ И КАК ОНА РАБОТАЕТ

Идея прогресса в том виде, в каком она родилась во времена Возрождения, несет в себе возможность и обратного явления — регресса. Собственно говоря, идея Возрождения, т. е. нового рождения, зародилась при взгляде на овец, пасущихся среди развалин Древнего Рима, и при чтении давно забытых древних текстов. Подъем считался неразрывно связанным со спадом. Прогресс и модернизация, как в 1960-е годы называли развития, направленные в обратную сторону, — это регресс и примитивизация. Экономическая деятельность, технологии и целые эконо-

мические системы временами возвращаются к давно забытым технологиям и способам производства. Для работы систем, основанных на возрастающей отдаче и синергических и системных эффектах, необходим определенный критический уровень производительности. Необходимость в крупном масштабе и объеме производства задает минимальный размер, которого необходимо достигнуть, чтобы система была эффективной. Когда процесс роста запускается в обратную сторону и необходимый масштаб исчезает, система рушится. После 1980 года экономики стран, подвергнутых шоковой терапии, обрушились примерно так же, как обанкротилась бы авиакомпания, за ночь потерявшая половину клиентов. Внезапное падение производства, к которому привела шоковая терапия, уничтожила виды деятельности, в которых присутствовала экономия на масштабах. Выжили только виды деятельности, для которых была характерна либо постоянная, либо убывающая отдача, — сектор традиционных услуг и сельское хозяйство. Все экономические факторы тесно связаны между собой, поэтому экономисты-традиционалисты — от Джеймса Стюарта (1713–1780) до Фридриха Листа — так настаивали на постепенном вводе свободной торговли.

10 лет назад я был приглашенным экзаменатором на защите крайне интересной диссертации о примитивизации⁴. Из-за снижения популяции рыб в Юго-Восточной Азии местным жителям становится невыгодно использовать такую современную технологию, как подвесной лодочный мотор. Рыбаки вернулись к менее затратным примитивным методам. Экономическая примитивизация в своей нормальной форме привязана к убывающей отдаче: к видам экономической деятельности, в которых один из факторов производства имеет природное происхождение и доступен в постоянно уменьшающемся количестве и ухудшающемся качестве. При таких условиях многие технологии современной экономики становятся невыгодными, и стремительно беднеющие люди, если у них нет другого выбора, обращаются к примитивным инструментам, надеясь восстановить падающую производительность. Сегодня шахтеры в боливийском городе Потоси, когда-то втором по величине городе мира (после Лондона), кирками пытаются добыть руду из породы, которая уже как минимум однажды была переплавлена.

Немецкий экономист Иоганн Генрих фон Тюнен (1783–1850) изобразил цивилизованное общество в виде четырех концент-

рических кругов вокруг города — основного источника возрастающей отдачи. Чем дальше от города располагается круг, тем меньшую роль в нем играет капитал и тем большую — природа. Вблизи городов производятся самые скоропортящиеся продукты; молочные продукты, овощи и фрукты, зерно для выпечки хлеба производятся чуть дальше, а совсем далеко люди охотятся за дичью. Сегодня экономисты вновь открыли для себя схему фон Тюнена, однако они упускают его главную мысль: для функционирования системы необходимо защищать городские виды деятельности, для которых характерна возрастающая отдача, тарифами⁵.

Фон Тюнен изобразил теорию стадий экономического роста на карте. Самый современный сектор экономики — обрабатывающая промышленность — находился в центре города, а самый отсталый — охота и собирательство — на периферии; чем дальше вид деятельности находился от города, тем большую роль в нем играла природа и тем меньшую — капитал. Только в самом городе встречалась настоящая возрастающая отдача, не зависящая от капризной природы, которая поставляет производителю то хорошие, то плохие ресурсы. Чем дальше от города, тем меньше сравнительное преимущество зависело от самого человека и тем больше — от прихотей природы.

Примитивизация происходит тогда, когда на рынке труда не остается городских видов экономической деятельности и люди вынуждены возвращаться к деятельности с убывающей отдачей. Вскоре они, выражаясь языком Джона Стюарта Милля, сталкиваются с «гибкой стеной» убывающей отдачи. Убывающую отдачу он сравнивает с «весьма эластичной и растяжимой лентой, которую вряд ли когда-либо растягивали настолько сильно, чтобы ее нельзя было растянуть еще, но сжимающее действие которой ощущается все же задолго до того, как достигнут окончательный предел ее растяжения, и ощущается тем сильнее, чем ближе подходит к этому пределу»⁶.

По мере того как вымирает обрабатывающая промышленность, системные эффекты сходят на нет. В исследовании, посвященном национальной инновационной системе Мексики, Марио Чимоли⁷ демонстрирует результаты интеграции мексиканской и американской экономик в единую североамериканскую зону свободной торговли. Из относительно независимой страны Мексика превратилась в периферийный район

в системе, где действовали североамериканские собственники и мексиканские филиалы. Вспоминаются теории о зависимости периферии от центра, разработанные авторами классической экономики развития. Уничтожить ядро системы фон Тюнена (городские виды деятельности) — значит примитивизировать всю систему. Фон Тюнен и его современники из континентальной Европы и США это понимали. Рикардо и его последователи отказались от подобной логики в своих теоретических построениях. Поэтому Всемирный банк и МВФ и смогли сделать в Монголии то, что сделали.

УТРАТА ВОЗРАСТАЮЩЕЙ ОТДАЧИ И ПАДЕНИЕ УРОВНЯ РЕАЛЬНОЙ ЗАРПЛАТЫ: ПРИМЕР МОНГОЛИИ

Обстановка в столице Монголии Улан-Баторе в марте 2000 года была ужасающей. Я был единственным европейским участником встречи в монгольском парламенте, целью которой было наметить стратегический курс развития экономики страны. В ходе холодной войны промышленный сектор Монголии, когда-то хорошо развитый, был практически искоренен. Статистические данные показывали, как одна за другой, начиная с самой продвинутой, исчезали все отрасли промышленности страны. Даже в областях, в которых импортные товары не вытеснили местные, производство резко сократилось. Производство хлеба снизилось на 71%, а книг и газет — на 79%, и это при том, что население страны не уменьшилось. Иными словами, монголы стали есть и читать меньше, чем раньше. Всего за несколько лет реальные зарплаты сократились почти в половину, повсюду царил безработица. Стоимость импортируемых в страну товаров превышала стоимость экспортируемых в 2 раза, а реальная ставка процента с учетом инфляции составляла 35%⁸.

Секторов, которые, согласно данным национальной промышленной статистики, продолжали расти, было два: производство алкоголя, в котором наблюдался минимальный рост, и сбор птичьего пуха (в некоторой степени это занятие можно считать обрабатывающей промышленностью), производство которого выросло с момента падения Берлинской стены более чем в 2 раза. В стране были закрыты сталелитейные заво-

ды и газеты, а ее население собирало птичий пух; эту ситуацию нельзя назвать иначе, кроме как примитивизацией экономики. В следующие несколько месяцев я усердно изучал Монголию, и чем дольше, тем яснее мне становилось, что эта страна, подавленная холодной войной, была на деле подвергнута действию Плана Моргентау.

В течение 50 лет, предшествовавших реформам 1991 года, Монголия медленно, но верно отстраивала диверсифицированный промышленный сектор. Доля сельскохозяйственного производства в структуре ВВП стабильно снижалась, сократившись с 60% в 1940 году до 16% в середине 1980-х годов. Однако следование Плану Моргентау сумело успешно деиндустриализовать Монголию. Полвека усилий на строительство промышленности было уничтожено всего за четыре года, с 1991 по 1995. Почти во всех промышленных секторах физический объем производства упал на 90% после того, как в 1991 году страна открылась для свободной международной торговли.

Вернемся в март 2000 года. В Монголии погибли или погибали от голода 2–3 млн голов скота. Мировая пресса писала, что в смерти животных виновато глобальное потепление. Однако, глядя на полученные данные, я понимал, что убило этих животных не потепление, а глобальная экономика. То, как Монголия была интегрирована в глобальную экономику, привело в действие древний экономический механизм — закон убывающей отдачи от использования природных ресурсов. Еще много лет назад, когда я преподавал экономику студентам американских университетов, этот закон был одной из первых тем, изучавшихся первокурсниками.

Деиндустриализация и развал государства породили в Монголии высокий уровень безработицы. Многим людям пришлось вернуться к образу жизни своих предков — кочевому пастушесству. Места для этого было достаточно: площадь Монголии больше Франции, Великобритании и Австрии вместе взятых, в ней всего 2,5 млн жителей. Однако климат в Монголии субарктический, а природа хрупкая: след, оставленный трактором, может сохраняться сотни лет. Единственный месяц в году без заморозков — это июль. Многочисленные стада животных питаются в основном кочками мерзлой травы. В 1990 году, до падения Берлинской стены, в Монголии был 21 млн овец, коров, коз и верблюдов. Однако лишившись работы в промышленно-

сти и на государственной службе, многие монголы вернулись к выпасу скота. Как следствие, количество стадных животных в стране выросло за 10 лет в 12 раз и достигло 33 млн. После нескольких мягких зим пришли суровые морозы, и 2–3 млн животных, которые погибли в тот год, составляли только небольшую часть прироста популяции. Таким образом, вступая в XXI век, Монголия столкнулась с механизмом, который упоминается еще в Книге Бытия, но уже давно не работает в индустриальной части мира: «И непоместительна была земля для них, чтобы жить вместе».

Еще не осела пыль, поднявшаяся при падении Берлинской стены, а Монголия стала лучшей «ученицей» Всемирного банка среди бывших коммунистических стран. Она полностью открыла экономику чуть ли не за один день и следовала всем советам Всемирного банка и МВФ: минимизировала роль государства и предоставила рынку возможность позаботиться обо всем остальном. Предполагалось, что Монголия займет место в глобальной экономике, специализируясь в области, где у нее есть сравнительное преимущество. Однако будучи промышленной страной, она деградировала до уровня пастушеской. Оказалось, что кочевничество не может прокормить население, и произошла одновременная экологическая, экономическая и человеческая катастрофа.

О возможности регресса нас предупреждала не только Библия, но и забытые труды неканонических экономистов. Самые страшные предостережения звучали из уст тех самых английских экономистов, которых теперь называют предками экономистов, дающих ценные советы монголам. Как мы уже видели, Джон Стюарт Милль и Альфред Маршалл были прекрасно осведомлены о том, как важны растущая и убывающая отдача для понимания экономических механизмов, которые двигают цивилизацию.

Во время заседания парламента в Улан-Баторе специалисты Всемирного банка представили три возможных сценария развития Монголии. По их мнению, экономика страны могла расти на 3–5–7% в год. 7%-й прогноз был, разумеется, чрезвычайно оптимистичным. Однако речь шла о гипотетическом росте; никто не пытался объяснить, как остановить стремительный упадок экономики и можно ли развить промышленность при процентной ставке 35%. Вместо этого местные представители

Агентства международного развития США (USIAD) пожаловались, что в Монголии низкая культура предпринимательства. Я помню, каким абсурдным показался мне этот аргумент, ведь немногие предприниматели способны зарабатывать деньги при процентной ставке 35%. Процентная ставка поддерживается на высоком уровне для того, чтобы избежать повторения финансового кризиса в Азии, и как обычно, реальная экономика была принесена в жертву банкам и финансовому сектору.

Заседание становилось все более сюрреалистичным. Высокооплачиваемые консультанты из Всемирного банка представляли документы и модели, не связанные с Монголией и ее реалиями. Это были стандарты, которые предлагались всем развивающимся странам, независимо от конкретных обстоятельств. Впоследствии западные коллеги, приближенные к Всемирному банку, объяснили мне схему его работы. Все страны получают стандартные презентации, которые отличаются друг от друга только названием страны. Поскольку стандарт не чувствителен к контексту, это вполне логичное решение. Проблема возникает только тогда, когда представитель Всемирного банка забывает изменить название страны там, где оно встречается в тексте, и потом в презентации вместо «Монголия» где-то вдруг попадает «Эквадор». Тогда сконфуженным представителям государства приходится игнорировать неверное название своей страны в докладе, посвященном развитию этой страны. Если бы члены монгольского парламента понимали, что происходит, ситуация могла бы оказаться нелепой, но они этого не понимали.

Происходящее напоминало «Процесс» Франца Кафки. Как и главный герой и жертва в романе, монголы были ошеломлены решениями, принятыми на основании реальности, которая к ним не имела никакого отношения. Если только они откроют свои границы для глобальной экономики, в их стране автоматически начнется рост экономики на 3–5–7% в год. Однако «суд», в данном случае представленный Всемирным банком, не может даже собственные теории применять правильно, и становится не чем иным, как предлогом для бессмысленной идеологии. Согласно этой идеологии Билл Гейтс вполне мог бы сколотить свое состояние, будучи пастухом овец в Монголии. Если предположить, что виды экономической деятельности качественно различаются как носители экономического развития,

то стандартная экономическая наука рассыпается, как карточный домик.

Через несколько месяцев сюрреализм вырос. Американский экономист Джеффри Д. Сакс, один из ответственных за экономическую политику, которая вдвое снизила уровень реальной зарплаты в Монголии, предложил на страницах журнала «The Economist» Монголии специализироваться на производстве компьютерных программ. Поскольку теории Всемирного банка счастливо обитают в царстве, где контекст не имеет значения, Сакс предложил эту стратегию из самых лучших побуждений. Однако он упустил одну деталь: не считая столицы, только у 4% жителей Монголии было дома электричество. У этих людей не было денег ни на компьютеры, ни на учителей, которые научили бы их с ними работать.

Только кочевые пастухи яков из странного мира учебника по экономике, у которых нет ни телефонов, ни электричества, могут конкурировать с Силиконовой долиной. Только в экономической науке вырастить дерево можно так же быстро, как и срубить его, а именно за одну наносекунду. Выдуманная история о том, как Мария-Антуанетта якобы спросила, почему люди не едят пирожные, если у них нет хлеба, когда-то стала предметом насмешек и топливом, которое разожгло пламя самой мощной революции в современной истории человечества. Сегодняшняя история о том, как Сакс *спросил*, почему монголы не специализируются на продвинутых технологиях, в то время как у них нет даже базовой инфраструктуры и промышленности, к сожалению, совершенно реальна. Одна из причин этой кажущейся абсурдности встроена в структуру экономической науки в том виде, в каком она существует в большинстве учебных заведений и научных институтов. Чтобы заработать профессиональный статус и престиж, современные экономисты должны публиковать статьи в журналах, которые рецензируются их же единомышленниками, а не изучать реальный мир. Как в «Процессе» Кафки, не существует связи между реальностью, о которой докладывается властям, и той, которую можно увидеть в действительности. Как и главный герой Кафки, экономиста Монголии была уничтожена силами, которые людям не дано было понять. Промышленная статистика, которой пользуются Всемирный банк и МВФ, описывает период после уничтожения большей части промышленности страны. При этом

данные, которые у них все-таки имеются, совпадают с тем, что мне предъявили в Монголии, так что проблема не в нехватке данных. Вот она, последняя черта, которая завершает сходство с «Процессом» Кафки, — стратегическое вымарывание исторических фактов. Согласно официальной статистике Всемирного банка и МВФ, в Монголии никогда и не было промышленности. «Министерство правды» Оруэлла уже не за горами.

Судьба Монголии напомнила мне, что еще в конце 1970-х годов, когда я жил в Лиме, плачевные результаты той политики, которую проповедуют Всемирный банк и МВФ, были видны невооруженным глазом. Слишком поспешное введение свободной торговли убивало промышленность, при этом погибали все виды экономической деятельности, которые имели возрастающую отдачу. Массовая безработица, падение реальной зарплаты (см. илл. 12) и все большее недоедание — все это шло рука об руку со слепой верой в то, что именовалось «свободная торговля» и «силы рынка». На деле они сводились к управляемой свободной торговле (вдумайтесь в этот оксюморон), которая приносила людям только бедность и страдания. Происходящее ничего общего не имело с созидательным разрушением Шумпетера, в ходе которого новые, лучшие возможности должны были прийти на смену старым.

В Перу тонны свежего молока выливали в реки, в то время как молоко куда худшего качества, произведенное из субсидированного европейского порошка, заполняло полки магазинов в Лиме, ухудшая и без того нарушенный торговый баланс. Европейские крестьяне вытеснили крестьян Перу с их рынков, и случилось это по воле не свободного рынка, а политиков, которые устанавливали цены на порошковое молоко и транспортировку свежего молока, причем они были чрезвычайно далеки от цен, которые установились бы на свободном рынке. Европа экспортировала избытки молока, произведенного крестьянами, которые не могли конкурировать на мировом рынке, в такие страны, как Перу, по субсидированным ценам. Эти поставки, вероятно, были приняты Перу в качестве гуманитарной помощи, как и продукты из США. Одновременно с этим Всемирный банк и МВФ вынудили Перу поднять цену на бензин. Перу запретили использовать внутреннюю цену на бензин, произведенный из собственной нефти. Во имя рынка национальные производители молока в Перу были вытеснены европейскими

благодаря навязанным стране искусственно завышенным ценам на молоко и искусственно заниженным ценам на бензин. При этом европейцы хвалили себя за то, что помогают голодающим детям.

В те годы происходящее казалось единичным абсурдным случаем: силовая политика имела непредвиденные последствия, от которых пострадали развивающиеся страны. Но единичный случай был частью схемы по торможению развития и модернизации и пуску их в обратном направлении. Как заметил Джеймс К. Гэлбрейт, возможно, самое невероятное в этой истории то, что экономисты, которые несут ответственность за провальную экономическую политику в странах третьего мира, не потеряли ни грамма профессионального авторитета. Мы все равно что поручили гунну Атилле руководить восстановлением Рима. Результат предсказуем. Никто не спрашивает, как Рим оказался разрушен и как это можно было предотвратить. Один из таких «гуннов», Джеффри Сакс, стал известным защитником *паллиативной экономической теории* и теперь работает над тем, чтобы облегчить бедность и страдания людей, которые стали заложниками его экономической политики.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ПЛАН МОРГЕНТАУ ДЛЯ СТРАН ТРЕТЬЕГО МИРА

В конце 1940-х годов было поставлено два важных экономических эксперимента, в ходе которых мир многому научился, — планы Моргентау и Маршалла. И американцы, и остальной мир убедились не только в том, что Рузвельт был прав в своем неприятии имперской экономической политики Англии, но что последствия деиндустриализации настолько разрушительны для страны, настолько масштабны и опустошительны, что эксперимент пришлось прекратить всего через два года после его начала. Однако сегодня мы вновь забываем о так тяжело доставшихся нам уроках — и Плане Моргентау, и Плане Маршалла.

Сегодняшние политики извращают смысл Плана Маршалла, когда называют так любой крупный денежный перевод бедным странам. Суть плана заключалась в *реиндустриализации*; капитал как таковой играл второстепенную роль, главной стратегией было развить промышленную жизнь страны. Для внедрения плана была введена тарифная защита национальной про-

мышленности, а также строгие правила в отношении валютных сделок. Было признано, что рабочие места нуждаются в долгосрочной защите, а также что зарубежная валюта — ценный и редкий ресурс. В моей родной Норвегии, например, План Маршалла привел к полному запрету на импорт одежды вплоть до 1956 года, а также к жестким ограничениям на денежные переводы за рубеж. Ввозить в страну автомобили для частного пользования было запрещено вплоть до 1960 года.

Я считаю, что процесс глобализации, начавшийся в середине 1980-х годов и ставший особенно активным с момента падения Берлинской стены, принял форму Плана Моргентау. Страны «второго» и третьего мира с их слабой, еще развивающейся промышленностью были подвергнуты шоковой терапии, когда согласились на введение неограниченной свободной торговли. В Монголии 90% промышленности было уничтожено всего за 2–3 года, в России и Перу в первые безумные годы после введения свободной торговли была сокращена половина рабочих мест в промышленности, а уровень реальной зарплаты упал вдвое. Между потерей рабочих мест и падением заработной платы, разумеется, существует связь. Глобализация стала современной колонизацией стран, и помогает ей в этом План Моргентау: сегодня колония, как и 5 веков назад, — это страна, которой позволено производить только сырьевые товары.

Сегодня, однако, мы сталкиваемся с тем, что *реиндустриализацию* стало труднее проводить, чем раньше. Рано или поздно даже самые убежденные идеологи будут вынуждены признать страшные экономические преступления, которые творятся на экономической периферии мира под флагом глобализации. Однако запустить обратный процесс будет гораздо трудней, чем в 1947 году. В XX веке бедным странам удавалось нагнать богатые при помощи технологии воспроизведения, или инженерного анализа: они могли, к примеру, разобрать на части американскую машину и создать на ее основе свою, немного отличающуюся модель. Теперь все больше наукоемких отраслей защищены патентами, воспроизведение стало почти невозможным. Кроме того, отрасли промышленности становятся все более невесомыми, их все труднее налаживать на новом месте. Одновременно с этим роль промышленности исполняет новый сектор продвинутых услуг, в котором информационно-технологические центры больше напоминают традиционные

производственные предприятия. Однако этот сектор зависит от спроса, создаваемого старой промышленностью. Он просто не возникает в странах, где население пасет коз, потому что у него нет покупательной способности. В то же время эти отрасли промышленности тяжело защищать, поскольку они, как мы уже сказали, не привязаны к конкретному месту. Как всегда, за развитием и недоразвитостью стоит кумулятивная каузальность, которая создает либо порочный круг бедности, либо спираль богатства.

ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И СМЕРТЕЛЬНЫЙ ДЛЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЭФФЕКТ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ: «ГИБЕЛЬ ЛУЧШИХ»

В стандартной теории торговли используется теорема Рыбчинского, которая гласит: международная торговля укрепляет специализацию страны в том факторе производства (капитале или труде), который наиболее интенсивно используется в экспорте страны. «К примеру, если растет только труд, то увеличивается объем производства трудоемких отраслей, а объем производства капиталоемких отраслей сокращается. Напротив, если растет только капитал, то увеличивается объем производства капиталоемких отраслей, а объем производства трудоемких сокращается»⁹.

Развитием этой теоремы стал эффект Ванека — Райнерта, или эффект «гибель лучших». Если после периода относительной автократии внезапно начинается свободная торговля между относительно развитой и относительно отсталой странами, то наиболее продвинутый и наукоемкий сектор промышленности наименее развитой страны имеет тенденцию к вымиранию. Наиболее продвинутым отраслям больше остальных свойственна возрастающая отдача; следовательно, они больше остальных чувствительны к падению объема производства, которое неминуемо вызывает внезапное появление зарубежной конкуренции. Эффект Ванека — Райнерта можно было наблюдать после объединения Италии в XIX веке; аналогичным образом в 1990-е годы первой жертвой свободной торговли стала компьютерная промышленность Чехии и Бразилии. В стране может даже произойти полная деиндустриализация, как это произошло в Монголии в 1990-е годы.

В то время как международные производственно-сбытовые цепи становятся все более слабыми благодаря аутсорсингу, развитые страны специализируются на производстве капиталоемких и инновационных товаров, по полной извлекая выгоду из экономии на масштабах и из возрастающей отдачи. Менее развитые страны специализируются на производстве низкотехнологичных товаров или занимаются сборкой готовых деталей; в этой деятельности нет возможности экономить на масштабах. В результате свободная торговля уничтожает больше национального богатства, чем приносит. К примеру, уровень реальной зарплаты в Мексике катастрофически упал после того, как соглашение о введении североамериканской зоны свободной торговли истребило в стране промышленные предприятия полного цикла и привело к распространению «макиладорас» — предприятий по сборке из готовых деталей. Производства с растущей отдачей вымерли, уступив место производствам с постоянной отдачей; произошла примитивизация национальной системы производства. Это пример разрушительного разрушения, за которым не следует возрождения.

Деиндустриализация также оказывает влияние на условия торговли страны — это соотношение между экспортными и импортными ценами страны. Если экспортные цены растут по сравнению с импортными, страна богатеет, если наоборот — беднеет.

Изменение условий торговли — это сложное явление, но интересно, что в некоторых малых латиноамериканских странах условия торговли были оптимальными в периоды высшего промышленного развития. Когда промышленность этих стран разрушилась, упали и цены на сырьевые товары, которые они экспортировали. На илл. 13 это явление показано на примере Перу. Деиндустриализация и ухудшающиеся условия торговли связаны так, что страна рискует одновременно пострадать от двух неблагоприятных экономических явлений. Объяснить эту связь можно снижением власти профсоюзов и утратой рабочих мест в промышленности. Эти факторы способствуют снижению минимального уровня зарплаты на рынке труда. После этого давление со стороны международных сырьевых рынков понижает и относительные цены на экспортируемые страной товары, и уровень зарплат в стране. В отсутствие альтернативного источника занятости населения в стране может начаться производство с убывающей отдачей и маргинальная производитель-

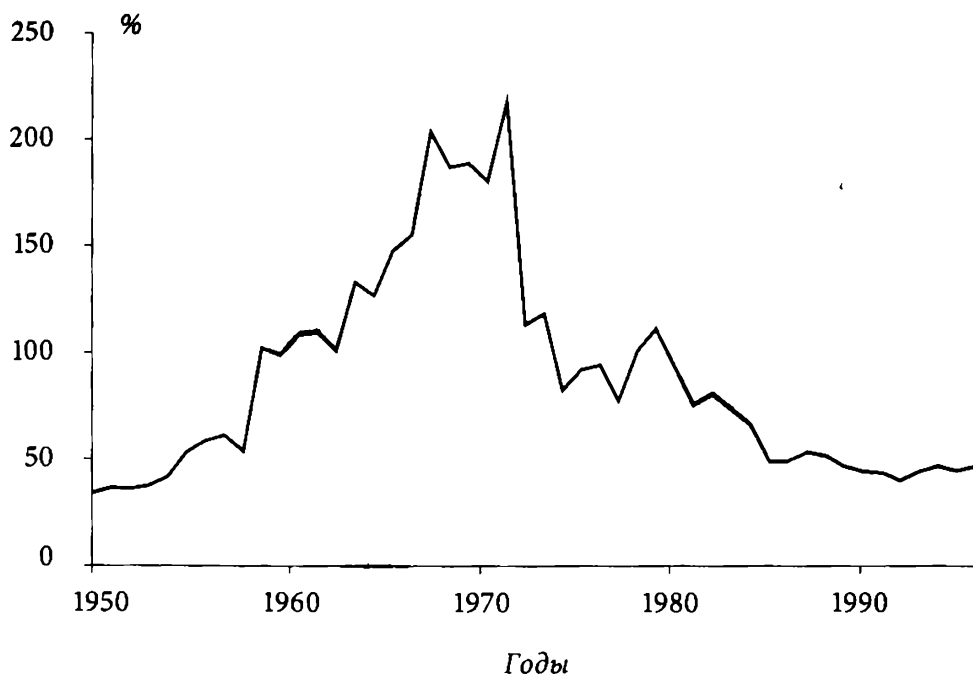

ИЛЛЮСТРАЦИЯ 13. Условия торговли Перу, 1950–2000 гг.
 ИСТОЧНИК: *Santiago Roca, Luis Simabuco. Natural Resources, Industrialization and Fluctuating Standards of Living in Peru, 1950–1997: A Case Study of Activity-Specific Economic Growth // Erik Reinert (ed.). Globalization, Economic Development and Inequality: An Alternative Perspective, Cheltenham, 2004.*

Развитие условий торговли (соотношения экспортных и импортных цен) — это сложное явление, подверженное влиянию таких факторов, как, например, нефтяной шок 1970-х годов. Однако мы видим, как быстро улучшались условия торговли в Перу, пока в стране шла индустриализация, и как деиндустриализация привела к обратному эффекту.

ность труда упадет¹⁰. Так создается самовоспроизводящийся порочный круг, который можно разорвать, только возобновив в стране деятельность с возрастающей отдачей.

Когда в начале XX века австралийцы основали собственный промышленный сектор, зная, что он не будет конкурентоспособным на международном уровне, они стремились избежать именно описанного выше сценария. Существование альтернативного рынка труда не позволило производству шерсти зайти в маргинальные области, установив минимальный уровень, ниже которого зарплаты не опускались даже в сырьевом секторе¹¹.

В некоторых случаях (например, в Мексике) после деиндустриализации страна специализируется на товарах, производство которых является технологическим тупиком и не приносит возрастающей отдачи. В конце 1960 — начале 1970-х годов Рэймонд Вернон и Луис Уэллс, экономисты Гарвардской школы бизнеса, разработали теорию жизненного цикла продукта в международной торговле, о которой мы упоминали в предыдущей главе¹². Они установили, что бедные страны имеют автоматически складывающееся сравнительное преимущество в производстве зрелых продуктов, не требующих использования новых технологий; жизненный цикл таких продуктов минимальный, их инновационный потенциал невелик. Во введении я писал, что глобальные производственно-сбытовые цепи организованы так, что бедные страны, как правило, специализируются на технологически тупиковых продуктах. Их производство потому и делегируют бедным странам, что для него нужны большие трудозатраты.

Если стране удастся использовать сравнительное преимущество в производстве зрелых и технологически простых товаров в качестве платформы для постоянного развития (как это удалось Японии и Китаю), то это временная проблема. Однако опыт стран, расположенных неподалеку от Соединенных Штатов, зажатых в тиски между американской и китайской промышленностью, доказывает, что сравнительное преимущество в деятельности, где невозможны инновации, может стать постоянной характеристикой страны. Жизненный цикл продуктов и технологий — это явление, которое необходимо для понимания феномена «недоразвитость, по Шумпетеру»¹³.

РИСКИ ЛОТЕРЕИ РЕСУРСОВ

Недавно историки экономики ввели в дискурс об экономическом развитии термин «лотерея ресурсов» (*англ.* commodity lottery). Это полезный термин, поскольку характеристики товаров способны оказать мощное влияние на экономику страны: лотерея ресурсов во многом формирует экономику страны и определяет ее потенциал по развитию инноваций и несовершенной конкуренции.

Одни природные ресурсы больше привязаны к наукоемким отраслям промышленности, чем другие. Использование водо-

падов как источников электроэнергии в начале XX века — идеальный пример такой привязки. В те годы большое количество энергии терялось в процессе передачи, поэтому промышленные центры приходилось строить прямо под водопадами. Невозможность транспортировать свое сырье (гидроэлектроэнергию) на большие расстояния вынудило Норвегию индустриализовать периферийные районы, вместо того чтобы транспортировать сырье в другие европейские страны. Обратный пример — плавка боливийского цинка, которую долгое время производила Англия.

Интересный пример приводит кубинский этнограф Фернандо Ортис в книге 1940 года «Cuban Counterpoint» («Кубинский контрапункт») ¹⁴. У Кубы было абсолютное преимущество в двух тропических культурах — сахаре и табаке. Для кубинского общества табак был благом, а сахар — злом. Табак, который в основном выращивали на западе, создал в стране средний класс, свободную буржуазию. Сахар, выращиваемый на остальной территории Кубы, делил общество на два класса — господ и рабов. Выращивание табака требовало умения: собирать табачные листья нужно было по одному, поэтому цена продукта зависела от искусства сборщика. Выращивание табака способствовало развитию мастерства, индивидуальности и умеренного богатства. Сахар был анонимным производством, толпы рабов или наемных работников трудились под присмотром блюстителей капитала. Табак поддерживал в стране частную собственность, а сахар — зависимость от многонациональных корпораций.

Для производства сахара требовалась только грубая сила, необходимая чтобы резать сахарный тростник. Кубинский табак появлялся на свет вместе с несовершенной конкуренцией и носил имя своего производителя — «Партагас» или «Апманн», а сахар, по выражению Ортиса, был товаром, который «приходит в мир без фамилии, словно раб». Цены на табак были стабильными, на сахар сильно колебались. Искусный сборщик табака различает 80 оттенков табачных листьев в зависимости от их возраста, для сбора сахарного тростника выбор времени не имеет значения. Табак аккуратно срезают листик за листиком маленьким острым ножом, чтобы не повредить основное растение; сахарный тростник срубается под корень большим мачете. Работа с сахаром — это ремесло, работа с табаком — ма-

стерство. Богатство западной части Кубы и бедность остальной ее части были следствиями избранного жителями вида деятельности: сама сельскохозяйственная культура несла в себе определенные экономические и социальные последствия.

Как утверждали ученые, исследовавшие во времена Возрождения и Просвещения феномен Голландии и Венеции (сегодня мы расширили бы этот список Японией и Швейцарией), в лотерее ресурсов везет тем, у кого нет ресурсов. Страна вынуждена искать искусственное, созданное человеком сравнительное преимущество, не давая ему пользоваться преимуществом природного происхождения, которое, как правило, несет убывающую отдачу. Великий Монтескье (1689–1755) писал: «Бесплодие земли делает людей изобретательными, воздержанными, закаленными в труде, мужественными, способными к войне; ведь они должны сами добывать себе то, в чем им отказывает почва»¹⁵.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЮ

Мы уже убедились, как важны волны новых технологий, которые периодически меняют мир. Однако эти технико-экономические парадигмы по-разному влияют на центральные и периферийные страны. Их цикличность, с точки зрения распределения доходов, изучает Карлота Перес, она же пишет о географических аспектах финансовых кризисов между центральными и периферийными странами¹⁶.

Страны, которые *производят* новые технологии, подвергаются иному воздействию, чем те, которые их потребляют или поставляют сырье, необходимое для этих технологий. В XIX веке для южных штатов США, где выращивали хлопок, были характерны совсем иные процессы, чем в северных штатах, где из этого хлопка пряли нити. Трения между этими штатами, а также попытки Севера индустриализоваться и прядь хлопок, стали одной из причин гражданской войны. В ходе технологической революции Форда возросший спрос на резину оказал негативное влияние на благосостояние стран, производивших ее. Особенно вопиющий случай жестокого обращения с амазонскими индейцами — сборщиками каучука, известный как дело Путумайо, привел к громкому скандалу в Англии и Европе в 1912–1913 годах. Документы по этому делу в Англии сви-

детельствуют о его масштабе¹⁷. Форд внедрил на севере новую технико-экономическую парадигму, но ее последствия на амазонскую периферию, где не было дорог, по которым могли бы ездить автомобили, оказались негативными. Здание оперы в амазонском городе Манаос по сей день свидетельствует о том, сколько денег было заработано благодаря торговле каучуком, но не благодаря его физическому производству.

Тот факт, что технический прогресс по-разному влияет на разные географические области (для центральных стран он созидателен, а для периферийных наоборот), возвращает нас к понятию *двойственной экономики*. Специалисты по экономике развивающихся стран считали ключевой характеристикой неразвитых стран, когда современный сектор (экономический анклав) не интегрируется в общую экономику страны. В условиях замещения импорта национальным продуктом, индустриализации и диверсификации производства пропасть между современным и отсталым секторами сокращается.

Вследствие деиндустриализации и снижения уровня протекции в конце 1980-х годов во многих средних и малых бедных странах диверсифицированность производственного сектора сошла на нет. Эти страны вплотную подошли к анклавной экономике — монокультурной экономике на основании экспорта сырьевых товаров. Из-за общей деградации им становится все труднее следить за деятельностью анклавов, которыми, как правило, владеют иностранные компании. Свежий пример — засилье в Перу чилийских шахт, куда все необходимое, включая еду и питье, импортируется из Чили, в обход перуанской таможни. Другой пример — распространение в Африке частных армий для защиты горнодобывающих предприятий. Это явление отсылает нас к ранним колониальным временам, когда частные войска обеспечивали порядок в колониях. Таким образом, многие страны третьего мира сегодня рискуют лишиться преимуществ, которые приобрели после Второй мировой войны.

Еще одна особенность технологического прогресса состоит в том, что новые технологии могут как создавать спрос на квалифицированный труд, так и понижать его; это происходит во всех странах — и в центре, и на периферии. С использованием новых технологий можно, например, создать кассовый аппарат с рисунками на кнопках, так что кассиру в закусочной «Бургер кинг» даже не обязательно уметь читать и писать. Од-

нако именно в развивающихся странах нехватка рабочих мест для квалифицированного персонала становится проблемой: выпускник университета в такой стране с трудом найдет работу по специальности. Мало того что эти страны неэффективно используют собственные ресурсы, обеспечивая рабочими местами не больше 30% экономически активного населения; они страдают от того, что с приходом инновационных технологий для квалифицированных работников остается все меньше рабочих мест.

В одном из докладов на Экономической комиссии для Латинской Америки и Карибского бассейна Марио Чимоли и Хорхе Кац демонстрировали, как негативно сказывается развитие автомобильного производства в Аргентине на трудовую занятость инженеров¹⁸. Они утверждали, что технологическое развитие загоняет латиноамериканские страны в ловушку, и показывали, как в регионе укореняется модель медленного развития, которая только расширяет технологическую пропасть между богатыми и бедными странами. Другими словами, бедные специализируются на своей бедности.

Постепенно на страны третьего мира распространяются стратегии, основанные на идее национальных инновационных систем. Однако сторонники таких стратегий, как правило, плохо понимают, как инновации влияют на уровень зарплат в разных деловых отраслях. К примеру, развитие информационных технологий очень по-разному отражается на головном офисе «Microsoft» в Сиэтле и на гостиничном бизнесе. В гостиничном бизнесе, как и в букинистическом деле, использование информационных технологий привело к падению цен и понижению зарплат и доходов. Если мы понимаем слово *конкурентоспособность* как умение создавать высокий уровень реальных зарплат, то в этих конкретных областях инновационные технологии привели к *уменьшению* конкурентоспособности, а не наоборот.

Инновации делятся на две категории. «Microsoft» специализируется на производстве *инновационных продуктов*, для которого характерны возрастающая отдача, высокие барьеры на входе, большие прибыли и возможность платить работникам очень высокие зарплаты. Эти продукты приходят в гостиничный бизнес в Венеции уже в качестве *инновационных процессов*, они влияют на то, каким образом люди бронируют места в гостинице. Доступность совершенной информации в сети

увеличивает ценовую конкуренцию среди гостиниц Венеции, что понижает норму прибыли и возможность выплачивать высокие зарплаты. Использование инновационного процесса в сфере авиаперевозок имеет тот же результат. Информационные технологии приводят к повышению зарплат в головном офисе «Microsoft», но снижают зарплату стюардессы в Европе.

Хотя в экономической теории известно, что инновационные процессы и продукты по-разному влияют на трудовую занятость, почти не придается значения тому факту, что инновации способны снижать добавочную стоимость в определенных сферах деятельности и географических областях.

«СМЕРТЬ РАССТОЯНИЙ» И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ В ПЕРИФЕРИЙНЫХ СТРАНАХ

Удаленность стран друг от друга всегда считали важным фактором, способствующим распространению производства. Воспользовавшись идеей немецкого экономиста Франца Оппенгеймера (1864–1943), мы можем для начала представить мир, в котором нет издержек, помех и задержек, создаваемых расстоянием и временем. Чтобы получить реальную картину, нам надо добавить фактор, который представлял бы эти издержки. Географический фактор в экономике связан с фактором времени; эту связь Альфред Чандлер называет экономией на скорости, а Оппенгеймер — транспортным сопротивлением или сопротивлением времени и расстояния. Исторически сложилось так, что Австралия, благодаря своей географической изоляции, имела большее транспортное сопротивление, чем Ирландия. Иными словами, обрабатывающая промышленность Австралии была под защитой естественных факторов — времени и расстояния.

Однако в прошлом веке технологический прогресс привел к заметному снижению транспортного сопротивления по всему миру; этот феномен иногда называют «смерть расстояний». Благодаря ей периферийным странам стало труднее догнать в развитии центральные, т. е. развивать экономическую деятельность, для которой характерна возрастающая отдача. Можно утверждать, что в мире невозможно стабильное понижение цен на факторы производства по двум причинам: во-первых, высочайшее транспортное сопротивление, присущее секто-

ру традиционных услуг, в котором, включая государственное управление, занята значительная часть населения стран «первого» мира; во-вторых, отсутствие глобализации рынка труда. Только телепортация, как в фантастических фильмах, могла бы полностью отменить транспортное сопротивление и способствовать международной торговле традиционными услугами.

Из-за практически нулевого пространственно-временного сопротивления протекционизм бесполезен для многих новых отраслей производства. Вместе с тем людям с идеями, которые в прежние времена можно было бы успешно развить в пределах национальной инновационной системы, сегодня приходится переезжать в места, где есть инновационная среда и венчурный капитал. Несколько лет назад на ежегодной конференции Ассоциации университетских исследовательских парков в Мэдисоне (штат Висконсин) многие университеты американского Среднего Запада жаловались на утечку мозгов: исследователи с интересными идеями стремятся уехать либо на восточное, либо на западное побережье, поближе к активной промышленной среде и источникам венчурного капитала. В странах третьего мира эта утечка мозгов проявляется еще сильнее. Интересные идеи, изобретаемые под эгидой национальной инновационной системы в периферийных странах, при глобальной экономике скорее всего будут утекать в страны «первого» мира. Тот факт, что инновации зачастую претворяются в жизнь в центре, хотя изобретены на периферии, — это еще одна сторона географии развития, по Шумпетеру.

РАЗРУШИТЕЛЬНОЕ РАЗРУШЕНИЕ И ГЕОГРАФИЯ РАЗВИТИЯ ПО ШУМПЕТЕРУ

«Созидательное разрушение» — важное понятие в экономической теории Шумпетера. Термин был изобретен Фридрихом Ницше¹⁹, который, как и Шумпетер, считал процесс созидательного разрушения позитивным. Однако выдающийся специалист по истории Возрождения Якоб Буркхардт (1818–1897), друг Ницше и его коллега по Базельскому университету, придерживался иного мнения: «Существуют... абсолютно разрушительные силы, под копытами которых никогда не вырастает трава»²⁰. Разрушение и созидание происходят в разных частях планеты, как произошло, например, когда ткацкие фабрики

Манчестера пришли на смену ткачам Бенгалии. Иллюстрируя разрушительное действие этого события, Маркс цитировал английского генерал-губернатора, писавшего домой в Лондон: «Это практически беспрецедентная трагедия в истории торговли. Долины Индии побелели от костей ткачей».

Тот факт, что в ходе глобализации мировой экономики рынок труда остается неглобализованным, приводит именно к разрушительному разрушению. Последствия его могут быть очень серьезными, как в случае Монголии. Вдобавок из-за того что все больше продуктов защищено авторскими правами и патентами, созидание стремится замкнуться в нескольких ограниченных географических областях. Прежняя технико-экономическая парадигма — массовое производство по системе Форда — оставляла бедным странам возможность развиваться при помощи обратной инженерии. В будущем у них скорее всего не будет такой возможности. Мы только начинаем осознавать, какие последствия окажет авторское и патентное право на глобальное неравенство.

По моему мнению, все описанные здесь механизмы примитивизации создают чудовищные преграды для экономического развития стран третьего мира. Такой процесс Гуннар Мюрдаль называет эффектом обратной волны: из бедных стран в богатые течет больше квалифицированного труда и больше капитала, чем из богатых в бедные.

КОРЕННЫЕ ЖИТЕЛИ: ПРИМИТИВИЗАЦИЯ ЧЕРЕЗ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННУЮ ПОЛИТИКУ

Глобализация усиливает экономическое давление, которое коренные жители испытывали еще во времена городов-государств. В XVIII веке аборигены мешали европейскому проекту по созданию национальных государств. В Испании вплоть до падения Франко любой язык этнического меньшинства считался угрозой национальному единству. Как гласит старая поговорка, разница между диалектом и языком в том, что язык — это диалект, у которого есть собственная армия.

В северных государствах всеобщего благосостояния также есть свои коренные народности — эскимосы в Гренландии (независимой части Дании) и саамы в Норвегии, Швеции и Финляндии. В Норвегии до недавнего времени детям саамов за-

прещалось общаться на родном языке. То, что я собираюсь рассказать о саамах-оленеводах, доказывает, что даже самое успешное государство может «примитивизировать» культуру собственного коренного народа. Этот случай особенно интересен тем, что норвежские саамы, в отличие от многих коренных народностей, находятся в благоприятной ситуации: в Норвегии у них национальная монополия на оленеводство, а оленина считается деликатесом и часто подается к королевскому столу в Норвегии и в других странах, к примеру в Княжестве Монако. Несмотря на это, в 1990-х годах экономическое положение саамов стало стремительно ухудшаться по вине правительства, которое в течение 25 лет проводило политику, заставившую оленеводов экономически регрессировать до уровня колонии. В 1999 году я оказался на обширном плато губернии Финнмарк, далеко за полярным кругом, на самом севере Норвегии. Министерство сельского хозяйства поручило мне выяснить, почему саамы-оленеводы, несмотря на монополию на производство национального деликатеса, стремительно беднеют. Я проехал на машине 6100 км, посетил все возможные организации оленеводов, объехал обширную северную часть Норвегии и, вероятно, видел больше оленьих скотобоев, старых и новых, чем кто-либо до меня. Отчету по итогам этой поездки я обязан тем, что стал *persona non grata* в том самом министерстве, которое меня в нее отправило²¹.

Я обнаружил странную аномалию на местном рынке оленины. Большинство оленеводов Норвегии продавали животных нескольким крупным скотобойням («одобренным скотобойням», как выражается правительство) по цене 40 крон (5 евро) за килограмм. Однако несколько оленеводов, забивавших животных у местных мясников и торговавших мясом «на улице», выручали за килограмм (после вычета стоимости забивки) в полтора раза больше. Такие разные цены на один и тот же продукт в пределах небольшого рынка — странное явление. Я еще больше удивился, когда обнаружил, что в государстве всеобщего благосостояния, которым себя именует Норвегия, по высоким ценам торгуют мясом только самые богатые оленеводы. Откуда такая система?

Экономическая деградация саамов началась в 1976 году, когда оленеводство, до того никак не регулировавшееся, стало планироваться при помощи ежегодно утверждаемого Согла-

шения о северных оленях между саамами и правительством. Соглашение регулировало прежде всего цену, которую саамы должны были получать за оленину. Официальная статистика показывает, что в 1976 году каждый килограмм оленины приносил саамам 68 крон, а в 1990 году — только 32 кроны (с учетом инфляции, так что суммы можно сравнивать напрямую). По сравнению со впечатляющей нормой прибыли 48 крон за килограмм в 1976 году, в 1990 году саамы работали себе в убыток.

Падающая норма прибыли была следствием того, что производственной отрасли, крайне зависимой от климатических циклов, была навязана ригидная ценовая структура. Из-за североатлантических колебаний климата, аналогичных колебаниям Эль-Ниньо на западном побережье Америки, поголовье оленей в Арктике постоянно меняется, хотя и не так сильно, как леммингов. В XX веке было зарегистрировано 4 циклические волны, в ходе которых поголовье оленей могло увеличиваться или уменьшаться в 2 раза.

В 1980-е годы популяция оленей сильно выросла и цены на оленину упали. Чтобы исправить ситуацию, Министерство сельского хозяйства назначило крестьянскую мясную монополию (Norsk Kjøtt), которая имела почти полную монополию на производство мяса на закрытом рынке Норвегии, главным игроком на рынке, регулятором цен на оленину. Правительство отдало право устанавливать цену на продукт оленеводов их конкуренту.

В 1990-е годы за резким падением цен последовало падение объема производства, что ухудшило и без того тяжелое экономическое положение оленеводов. Оленина исчезла с рынка, но цены на нее не поднялись, потому что Министерство сельского хозяйства так и не собралось поднять желательную цену. Крестьянская монополия в свою очередь отказалась поднять цены на оленину. Когда в 1980-е годы цены сократились в 2 раза, объем производства продолжал расти. Теперь же объем производства упал вдвое из-за природных циклических колебаний климата, а цена продукта практически не изменилась. Это означало фактически, что доход оленеводов упал в 2 раза.

Правительство Норвегии стало субсидировать их производство, доплачивая пособие за каждый килограмм произведен-

ного мяса. Однако для того чтобы претворить в жизнь эту схему, правительство потребовало, чтобы саамы продавали оленей только рекомендованным скотобойням. В то время как неофициальный уличный рынок платил за мясо цену, близкую к старой, эти скотобойни платили только низкую желательную цену. Таким образом, для того чтобы получать государственное пособие, саамы были вынуждены продавать оленину по искусственно заниженной цене, в то время как несколько относительно богатых оленеводов могли продавать ее гораздо дороже, по старой рыночной цене.

Правительство создало монополию, т. е. монополию на покупку, — тот же механизм, который английское правительство использовало, когда вытесняло с рынка индийских конкурентов манчестерских производителей хлопка. В Индии всего одна компания, покупавшая товар по фиксированной, не подлежащей обсуждению низкой цене, сумела произвести эффект, даже более опустошающий, чем тот, которому подверглись норвежские оленеводы.

Одновременно с этим в Европе были введены очень строгие санитарные нормы, которые требовали проводить забой животных и обработку мяса одинаковым образом как на свежеснежном снегу при температуре воздуха минус 20°C, так и в центре Афин при температуре плюс 40°C. Обязательные ловушки для тараканов при температуре воздуха минус 20°C — только часть истории о том, как было уничтожено традиционное дело саамов. Забой скота, обработка мяса и его продажа были экономической основой их культуры. Теперь же деятельность оленеводов сократилась: грузовики увозили оленей на чужие бойни для того, чтобы потом на продаже оленины богатели конкуренты. Саамы превратились в производителей сырья; это был случай внутреннего колониализма.

Норвежская ассоциация саамских оленеводов в те времена подвергалась сильному давлению не только потому, что ее члены были в тяжелом экономическом положении, но и потому, что в последствиях циклического изменения климата, в которых была виновата природа, обвинялся перевыпас. Чиновники не знали другой реальности, кроме стабильности скотных дворов, о которых им рассказывали в сельскохозяйственном университете на юге Норвегии; климат не входил в число учитываемых факторов. В Министерстве сельского хозяйства, в от-

личие от шведского или финского, считали себя обязанными улучшить древнюю методику оленеводства. Вместо того чтобы понять, что за циклическим производством стоит циклическое изменение климата, норвежское Министерство сельского хозяйства практически обвинило оленеводов в циклической безответственности.

Несколько лет я консультировал саамов во время их ежегодных переговоров с норвежским правительством. Оленеводы — только небольшая группа внутри этого национально-меньшинства, в то время как большая их часть занимается «норвежскими» профессиями. Условия для переговоров были неравными. С одной стороны стола сидели представители всех причастных к истории министерств и саамского парламента (это часть общего парламента); с другой стороны — несколько представителей коренного народа и я сам. Впервые в жизни я чувствовал стыд за свое норвежское происхождение. Правительство отказывалось понимать, что сложившаяся ситуация была результатом его собственной политики, и, не сомневаясь в своей мудрости, постепенно «пересаживало» всех оленеводов на государственное пособие. Антрополог Роберт Пейн назвал аналогичный процесс в Канадской Арктике благотворительным колониализмом. Это был тот редкий случай, когда свободный рынок на самом деле помог бы сильно увеличить доходы производителя сырья. Всего за несколько лет до описываемых событий ассоциация саамов была выставлена с переговоров, причем им предложили выбрать, как они выйдут — через дверь или через окно.

В результате длительных и тяжелых переговоров ситуация саамов немного улучшилась²¹: доход оленеводов вырос более чем вдвое за период с 1999 по 2003 год. Эта история крайне интересна по двум причинам, одна из которых носит общий характер, а другая является типично скандинавской. Причина общего характера такова. Когда происходило описанное выше насилие над экономикой коренного народа, Норвегия слыла яростной защитницей коренных народов других стран, например Бразилии. Всем странам (и Бразилии, и Норвегии) коренные народы других стран кажутся чем-то завораживающим и экзотическим, а собственные всегда немного мешают. Библейская притча о соринке в глазу ближнего и бревне в своем собственном здесь очень к месту.

Вторая причина чисто скандинавская: этот случай предвращает нашу дискуссию о целях тысячелетия. Я изучал народные промыслы в Андах, но до 1999 года почти ничего не знал об оленеводстве. Поэтому я спросил у своих коллег (оба в прошлом были замминистрами, только один придерживался левых взглядов, а другой правых), как, по их мнению, решить проблему. Они ответили немедленно и одинаково: проблема такая запутанная, что единственный способ ее решить — деньги. Именно так ее пытались решить норвежское правительство. В 1999 году правительственные субсидии норвежским саамам-оленоводам достигли размера их дохода. Само же производство ничего не добавляло.

Я придумал для этого подхода название «скандинавское заблуждение». Это образ мышления, при котором сложные проблемы бедности решаются заваливанием их деньгами, вместо того чтобы исправляться изнутри, при помощи улучшения производства. Корни этого заблуждения лежат в коллективной убежденности всех скандинавов, что их богатство происходит прежде всего из готовности поровну делить доходы. Однако при этом коллективная скандинавская память начисто стерла воспоминания о политике крайнего государственного вмешательства в экономику, которая включала протекционизм и субсидии национальной обрабатывающей промышленности. А ведь периоды этой политики характеризовали Скандинавские страны со времен камерализма XVIII века до Плана Маршалла и его аналогов в XX веке.

Всеобщая концентрация на распространении доходов, а не на их росте, началась в конце 1960-х годов. Когда я впервые ехал в Перу, считалось, что проблема перуанцев — это жадные богачи, которые не хотят делиться с бедными. Может быть, но неравномерное распределение доходов, типичное для всех доиндустриальных стран, принималось за причину низкого уровня среднедушевого дохода. В те годы уровень ВВП на душу населения в Перу составлял 300 долл. в год.

В последние десятилетия экономисты теряют интерес к производству, и это только усиливает позицию тех, кто считает бедность проблемой распределения доходов. В 1990-х годах стало ясно, что неолиберальные теории в большинстве малых государств не работают. Благодаря этому скандинавское заблуждение вышло на глобальный уровень в форме целей ты-

сячелетия. Этот подход пытается справиться с бедностью саамов или африканцев не тем, что помогает им самим создавать свое богатство, а тем, что перераспределяет доход, созданный кем-то другим. Скандинавское заблуждение борется с симптомами бедности, а не с ее причинами. Саамы-оленоводы подверглись экономической примитивизации, когда у них отобрали их вид деятельности с возрастающей отдачей, который увеличивал стоимость их сырьевого товара, ради того чтобы посадить их на пособие. Такой внутренний благотворительный колониализм можно наблюдать в большем масштабе на африканском континенте.

ПРИМИТИВИЗАЦИЯ И НАСЛЕДИЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Экономисты работают ради похвалы своих же коллег.

Пол Самуэльсон. «New York Times». 1974

Почему механизмы экономической деградации и примитивизации ускользают от внимания современных экономистов? Теория глобализации сегодня лежит на трех китах: свободных рынках, демократии и свободе. Никто не пытается установить ни взаимозависимость этих факторов, ни, что еще более важно, какие исторические условия были необходимы для появления таких редкостей в истории человечества, как демократия и право на индивидуальное развитие. Мне кажется, что сегодняшнее коллективное понимание мира погрязло в экономических заблуждениях, рожденных холодной войной, когда существовали экономические теории, основанные на иллюзорной системе Давида Рикардо, и каждая рисовала собственную утопию — утопию плановой экономики и утопию свободного рынка. Холодная война оставила в наследство черты, которые не дают нам заметить, что в ходе сегодняшней глобализации многие страны мира специализируются на доисторических способах производства. Двойственная экономика описана ранними специалистами по экономическому развитию.

Итак, мы унаследовали четыре неразрывно связанные черты: теорию торговли, нежелание посмотреть на предпосылки экономической науки с точки зрения здравого смысла, веру

в то, что рынок способен навести в мире немедленный спонтанный порядок, неуважение к тем, кто изучает экономическую реальность.

Когда коммунисты провозгласили принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям», неоклассическая экономическая наука ответила им теорией Самуэльсона, опубликованной в 1945 году. Она доказывала, что исходя из стандартных теоретических предпосылок глобальная свободная торговля приведет к снижению цен на производственные факторы, т. е. цена на труд и капитал станет по всему миру одинаковой²². Рынок будет лучше коммунизма, все станут одинаково богатыми, надо только дать «невидимой руке» полную свободу. Долгое время эта теория считалась такой нелогичной, что никто не пытался применить ее на практике. Хотя в неоклассической традиции есть и куда более сложные дискуссии на тему теории торговли, именно эта пародия на полноценную теорию в итоге легла в основу работы Всемирного банка и МВФ в странах третьего мира. Она привела к последствиям — ни много ни мало — катастрофическим для многих развивающихся стран, однако несмотря на это, продолжает действовать вместе с теми, кто ее проповедует. Этому немало способствует то, что не-Рикардова экономическая традиция, Другой канон, сегодня практически умерла.

Главная проблема теории торговли в том, что настаивает на использовании метафор из физики (взять хотя бы ее центральное понятие — «равновесие»). Впервые они были задействованы в 1880-е годы, вытеснив метафору, которая служила юристам и социологам верой и правдой со времен Аристотеля, если не раньше. Эта метафора сравнивала человеческое общество с телом, разнообразные функции которого основаны на взаимной зависимости органов. Из-за новой метафоры пришлось включить в экономическую науку несколько дополнительных предпосылок, так что вывод теории торговли (идея, что свободная торговля сделает всех одинаково богатыми) заложен в ее предпосылках — совершенной информации, совершенной конкуренции, отсутствии экономии на масштабах и т. д. Перефразируем нобелевского лауреата в области экономики Джеймса Бьюкенена: при таких предпосылках вообще нет нужды развивать какую бы то ни было торговлю. Если все люди владеют одинаковыми знаниями, а фиксированных издержек не суще-

ствуется, т. е. на масштабе производства сэкономить нельзя, каждый человек является самостоятельной моделью производства в миниатюре, и нужда в любой торговле, кроме торговли сырьевыми товарами, отпадает. Рассуждая логически, чтобы теория торговли выполнила свои обещания бедным странам, нужно упразднить торговлю всем, кроме сырья. В 1953 году, в период «охоты на ведьм», которую Маккарти вел, выслеживая в американском обществе сторонников левых взглядов, Милтон Фридмен (1912–2006) положил конец спорам о предпосылках теории торговли. Не смотрите на предпосылки теории торговли, предложил Фридмен; смотрите на то, сколько пользы она приносит Соединенным Штатам²³.

Во время холодной войны стихийный порядок рынка стал ответом экономистов на плановую экономику. Сомали, Афганистан и Ирак — это контрпримеры, образцы стихийного хаоса. Такой хаос происходит, если производственная система страны лишена деятельности с возрастающей отдачей и синергическими эффектами; без них страна становится не интегрированным национальным государством, а родовым сообществом. Эта деятельность стихийно не появляется. История изобилует примерами того, как действенные рынки (да и сам процесс цивилизации) создавались путем сознательной политики поощрения национального производства; при этом иногда цены на продукцию устанавливались, с точки зрения рынка, неправильными, но зато это повышало всеобщее богатство и благо. Немецкий экономист Иоганн Готтфрид Хоффман так сформулировал эту мысль в 1840 году: «Как взрослый человек давно забыл, с каким трудом он выучился говорить, так и народы, государства которых уже достигли зрелости, забывают, чего им стоило вырваться из тисков примитивного brutального дикарства»²⁴. Восстановление Европы из руин после Второй мировой войны осуществлялось при помощи тяжеловесной политики, это было незадолго до того, как сформулировали иллюзорную идею стихийного порядка. Бездна, которая разделяет американскую политику в послевоенной Европе и Японии и политику, которую Америка проводит сегодня в Ираке, не поддается осмыслению. Ирак на себе испытал последствия предпосылок о том, что достаточно убрать все факторы неправильного влияния, всех «плохих парней» и ввести свободную торговлю, чтобы в стране начались стихийный порядок и рост. Эти послед-

ствия оказались столь разрушительными, что случай Ирака ставит жирную точку в истории холодной войны и порожденных ей иллюзий.

Пол Самуэльсон, возможно, самый влиятельный из ныне живущих экономистов, заметил несколько лет назад в журнале «New York Times», что экономисты — это оппортунисты. По понедельникам, средам и пятницам они работают над одной моделью, а по вторникам и четвергам — над моделью с противоположными предпосылками. С учетом этого отношения, которое я называю жонглированием предпосылками, исследовательские проекты могут быть крайне опасными. Слишком легко предпосылки, которые исследователи используют, и выводы, к которым они приходят, приспособляются под любой проект. Такая схема, конечно, имеет преимущество в том смысле, что позволяет построить экономическую модель для обоснования практически чего угодно. Но остается одна небольшая проблема. Выбор теории для применения в развивающихся странах становится вопросом элементарной силы — кто сильнее, тот и прав. Поскольку экономисты в лучших университетах Африки получают 100 долл. в месяц, а Всемирный банк предлагает им 300 долл. в день за работу консультантами по теории торговли, не стоит удивляться, что так мало экономистов в развивающихся странах идут против правящей теории. Просить гранты на исследования за пределами принятой экономической теории и ее инструментария примерно так же бесполезно, как Мартину Лютеру было бы бесполезно рассчитывать на гранты Ватикана.

Наука, которая на первый взгляд кажется незыблемой мудростью, оказывается некой смесью отрывков разных теорий, при помощи которой можно доказать практически все, что угодно. При ближайшем рассмотрении ортодоксальная экономическая наука напоминает систему классификации животных, разработанную аргентинским писателем Хорхе Луи Борхесом для выдуманной им же китайской энциклопедии:

Животные делятся на:
принадлежащих императору;
набальзамированных;
прирученных;
молочных поросят;

сирен;
 сказочных;
 бродячих собак;
 включенных в эту классификацию;
 бегающих, как сумасшедшие;
 бесчисленных;
 нарисованных тончайшей кистью из верблюжьей шерсти;
 прочих;
 разбивших цветочную вазу;
 похожих издали на мух²⁵.

Мишель Фуко использовал эту классификацию для того же, для чего и я сейчас, — чтобы заронить в голову читателя зерно сомнения по поводу научного догматизма. К сожалению, несуразность изобретенной Борхесом классификации гораздо очевиднее, чем несуразность суждений и предпосылок экономической науки, окруженной непроницаемой стеной математики.

Как сказал Кейнс, «люди практики, которые считают себя совершенно не подверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого. Безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, извлекают свои сумасбродные идеи из творений какого-нибудь академического писака, сочинявшего несколько лет назад. Я уверен, что сила корыстных интересов значительно преувеличивается по сравнению с постепенным усилением влияния идей... Но рано или поздно именно идеи, а не корыстные интересы становятся опасными и для добра, и для зла»²⁶.

В этой книге рассказано о плеяде давно умерших экономистов, многие из которых упоминаются на илл. 3 и в Приложении II. Некоторые из них мертвы гораздо дольше, чем те, кто пленил разум сегодняшних экономистов. По сравнению с героями сегодняшнего дня, такими как Адам Смит, эти ученые имеют важнейшее преимущество: они ясно могут объяснить, почему одни страны богаты, а другие — бедны. Тот, кто потратит время на изучение экономических опытов, которые были поставлены в исторической лаборатории человечества за последние 500 лет, увидит, что эти объяснения совершенно верны. Однако наша задача не в том, чтобы упразднить один набор догматических правил и заменить его другим. Напротив,

КАК БОГАТЫЕ СТРАНЫ СТАЛИ БОГАТЫМИ...

мы должны принять все богатство и разнообразие экономической теории и практики, а значит, осознать, что нам нужен куда более обширный экономический инструментарий, чем тот, который используется сегодня. Политика, которая будет благотворна для Великобритании, не будет полностью аналогична той, что благотворна для Швейцарии, и будет иметь совсем мало общего с политикой, благотворной для Экваториальной Гвинеи, Мьянмы или Вануату. В конечном итоге только история может быть нашим проводником в путешествии по новым контекстам.

VI. *Оправдание провала: отвлекающие маневры периода «конца истории»*

Верьте мне, не бойтесь мошенников или злодеев, бойтесь доброго человека, который заблуждается. Этот человек полон благих намерений, всем желает добра и всех заражает своей уверенностью; однако, к несчастью, его методы не пробуждают в людях добра.

Фердинандо Галиани, итальянский экономист. 1770

И какой бы вред ни нанесли злые, вред добрых — самый вредный вред!

Фридрих Ницше. 1885

КОГДА ДОБРОТА ДЕЛАЕТ НАС ЗЛЫМИ

Аруша, Танзания, май 2003 г. Пока я рассеянно перелистывал тезисы предстоящей лекции, к кафедре подошел танзанийский генерал, член парламента. «Я прочел ваш доклад, и у меня только один вопрос, — сказал он серьезно. — Они нарочно не дают нам развиваться?» Я как раз собирался рассказать о своем видении глобализации и свободной торговли членам парламента Восточной Африки (объединенный парламента Кении, Уганды и Танзании), представлявшим страны, где глобализация привела скорее к примитивизации, чем к модернизации. Крепкий веселый генерал завоевал мое уважение еще на утренней сессии как прекрасный председатель. Собрание происходило в большой палатке на бывшей кофейной плантации, которая из-за падения цен на кофе стала неконкурентоспособной даже при тех крошечных деньгах, которые платили ее работникам. Большая часть немногих предприятий, которые развились в регионе после получения независимости, погибли под воздействием перестройки Всемирного банка и МВФ. Нас окружали безработица и бедность.

«Кажется, есть только два варианта, — ответил я генералу. — Либо они делают это по невежеству, либо по злому умыслу. Возможно, конечно, что по обеим причинам. Наверное, можно сказать, что система их заставляет так поступать». «Спасибо, — ответил он. — Мне просто было интересно». Я мог бы добавить, что после Нюрнбергского процесса над фашистскими военными преступниками оправдание «система заставила меня это сделать» больше не считается приемлемым.

Набором рекомендаций, приведших к результатам, о которых говорил танзанийский генерал, был так называемый Вашингтонский консенсус. Эти рекомендации были разработаны в 1990 году, сразу после падения Берлинской стены, и их появление связывают с американским экономистом Джоном Уильямсоном. Заповеди консенсуса требуют среди прочего либерализации торговли, потоков прямых иностранных инвестиций, дерегуляции и приватизации. Возможно, Уильямсон этого и не хотел, но реформы Вашингтонского консенсуса на практике стали синонимичны неолиберализму и рыночному фундаментализму.

Первую рекомендацию консенсуса часто кратко излагают так: «Приведите цены в порядок». Она обещает, что бедные страны достигнут стабильного роста, если откажутся от государственного вмешательства и дадут рынку право устанавливать свои цены. Независимо от экономического строя страны, утверждает эта рекомендация, если предоставить рыночной системе свободу, она будет стремиться к экономическому росту. В этой главе рассказывается, как мейнстримовая риторика развивалась с момента своего наивысшего триумфа, т. е. появления первой рекомендации Вашингтонского консенсуса в 1990 году, по 2007 год. Консенсус постоянно добавлял к изначальному условию «Приведите цены в порядок» все новые факторы и условия, новые заповеди: если мы только приведем цены в порядок, плюс еще этот и вот этот фактор, то в бедных странах начнется развитие. Беда в том, что новые заповеди консенсуса никогда не отступают от исходных рекомендаций 1990 года и не пытаются их изменить, поэтому не вносят значительных корректировок в то, как эти рекомендации применяются на практике.

Когда дело доходит до практических рекомендаций, в ход по-прежнему идут старые заповеди консенсуса. Множество теоретических моделей демонстрировали важность возрастающей

отдачи, однако ни одна не привела к тому, чтобы бедные страны получили рекомендации развивать соответствующие виды деятельности. В рекомендациях по-прежнему царят «сравнительное преимущество» и предложения 1990 года. В главе II я назвал это явление грехом Кругмана; хотя в экономической теории есть модели, которые объясняют, почему бедные страны остаются бедными, мы отказываемся использовать их на практике. Найти лекарство от какой-либо болезни — вполне самостоятельная задача, но применять это лекарство на практике, чтобы спасти пациентов, — задача не менее важная.

С 1990 года прошло много времени, но правила Вашингтонского консенсуса так и не привели к изменениям (особенно росту реальной зарплаты) в бедных странах. Вначале реакция экономистов на этот провал была такой же, как и на провал либерализации в 1760-е и 1840-е годы: «Нам просто не хватает масштаба рынка; как только ограничения будут устранены, система *laissez-faire* покажет свое превосходство»¹. Однако со временем игнорировать ухудшающиеся условия жизни в периферийных странах, как и движение антиглобалистов, становилось все сложнее. Контролировать оба явления почти невозможно. Другие экономисты пытались удариться в чистую теорию: «Никакой реальности, пожалуйста; мы экономисты», — пошутил британский экономист Эдвард Фулбрук, перефразируя название мюзикла «Никакого секса, пожалуйста; мы англичане». Успех Китая и Индии трудно использовать для защиты Вашингтонского консенсуса. Более 50 лет эти страны практиковали протекционизм (возможно, чересчур суровый), чтобы построить собственную промышленность, и наконец созрели для того, чтобы выйти на международный рынок и пожать плоды свободной торговли.

Особое значение приобрела риторика. Итальянский премьер-министр Сильвио Берлускони на удивление успешно использовал стратегию, согласно которой любой, кто был с ним не согласен, объявлялся коммунистом. Мой сокурсник по Гарвардской школе бизнеса, Джордж Буш-младший, длительное время и с неменьшим успехом применял аналогичную стратегию: «либо ты за нас, либо за Талибан». На экономическом уровне это звучит как «либо ты за глобализацию в ее сегодняшней форме, либо ты за плановую экономику». Используя эту же стратегию, Мартин Вольф из газеты «Financial Times» одной фразой расправляется с Вернером Зомбартом, обвинив его одновре-

менно в фашизме и коммунизме. Такова была риторика всего периода конца истории — публичные дебаты на низком уровне в попытке удержаться в рамках экономического миропонимания времен холодной войны. Распад Советского Союза доказал, что рыночная экономика эффективнее плановой, что без вмешательства человека рыночная экономика способна создать утопическую всемирную гармонию. С падением Берлинской стены наступил, как выразился Фрэнсис Фукуяма, «конец истории».

Вся шумиха насчет конца истории стала возможной благодаря экономической теории, которая научно обосновывала мнение, что предоставленный сам себе рынок — это машина по производству гармонии. Некоторые известные разработчики экономических моделей (например, Фрэнк Хан из Кембриджского университета) признают, что их модели не имеют отношения к реальности. Если бы большее количество экономистов открыто признавали этот факт, можно было бы выделить изучение экономической реальности в отдельную академическую дисциплину. Однако в сегодняшней ситуации это почти невозможно.

Бывший старший научный сотрудник Всемирного банка Уильям Истерли с достойной уважением готовностью признает, что 2,3 трлн долл., выделенных за последние 50 лет на развитие бедных стран, были потрачены впустую. Непонятно, впрочем, есть ли у Истерли альтернативные предложения, несмотря на то что он заметил, что денежная помощь бедным странам не способствует их развитию, когда все вокруг считали иначе. Попытка понять, что именно пошло не так, вылилась в расследование, но оно, однако, ни разу не подвергло сомнению каталлактическую (основанную на бартере) суть стандартной экономической науки, ее неспособность понять мировую систему производства, которая по своей природе создает неравномерное экономическое развитие. Не считая признания, что стратегия оказалась провальной, расследование шло по ложному следу. Настоящая суть проблемы — тот факт, что экономическое развитие присуще только некоторым видам деятельности, сегодня так и не понята экономистами, хотя с конца 1400-х годов до появления Плана Маршалла в 1947 году этот факт был общепризнанным.

Вопрос танзанийского генерала поднимает две проблемы. Во-первых, вопрос отношения между благими намерениями и добротой, с одной стороны, и экономическим развитием —

с другой. Как, например, могло случиться, что щедрая денежная помощь Африке не привела к созданию в ней богатства? Во-вторых, как вышло, что 500 лет размышлений о том, как богатство и цивилизация связаны с городскими видами деятельности, так хорошо суммированных Джорджем Маршаллом в 1947 году, когда он объявил о начале плана, названного его именем, были практически единодушно отвергнуты миром? Чтобы ответить на эти вопросы, не нужно быть историком. Многие из тех, кто сегодня находится у власти, были рождены во времена применения Плана Маршалла. Давайте рассмотрим эти вопросы отдельно.

КАПИТАЛИЗМ И ПАРАДОКС НАМЕРЕНИЙ

Капитализм и успешную рыночную экономику можно понять, разобравшись в парадоксах капитализма. Как объясняет Адам Смит, мы получаем хлеб насущный благодаря не доброте булочника, но желанию этого булочника заработать. Наша потребность в хлебе удовлетворяется за счет жадности другого человека? Парадокс. Идея Адама Смита была частью важной полемики XVIII века, начатой Бернардом Мандевилем, который в 1705 году заявил, что пороки отдельных людей можно обратить в общественную выгоду. К тому времени как Адам Смит опубликовал «Богатство народов» (1776), спор почти завершился. Однако то, как Смит пересказал суть этого спора, а также то, как мы сегодня интерпретируем этот пересказ, скрывает от нас некоторые важные черты принципа Мандевилля в его оригинальной форме.

В 1757 году в моей родной стране редактор журнала «Denmark and Norway's Economic Magazine» высказал распространенное неприятие идеи Мандевилля о том, что общественное благо существует благодаря порокам отдельных людей. Этот редактор, Эрик Понтоппидан, в прошлом был епископом Бергена, что отчасти объясняет его негодование: если считать порок движущей силой общественного блага, то человек, который подожжет Лондон, будет героем, ведь его поступок создаст столько рабочих мест для дровосеков, плотников и т. д. Прекрасное решение этой задачи, а также способ консолидации самой идеи с теорией рыночной экономики предложил миланский экономист Пьетро Верри в 1771 году: «Частный интерес каждого индивида, когда он совпадает с общественным интересом, является луч-

шей гарантией общественного счастья» [курсив мой — Э. Р.]³. В то же время очевидно, что при рыночной экономике эти интересы не всегда сосуществуют в идеальной гармонии друг с другом. Создать политику, при которой частные интересы совпадут с общественными, — задача законодателя.

Сегодняшняя экономическая наука построена вокруг интерпретации Мандевиля и Смита, которая отличается от интерпретации экономистов континентальной Европы XVIII века по трем важным пунктам.

- Во-первых, нельзя считать интересы индивида *единственной* движущей силой общества, как это делает стандартная экономика. Добродетель отдельных людей редко оборачивается чем-либо иным, кроме добродетели — частной или общественной. Однако общественная добродетель, как мы еще увидим, может проявляться частными пороками. Чувства более благородные, чем жадность и стремление к прибыли, труднее поддаются моделированию.
- Во-вторых, вследствие факторов, хорошо известных экономистам еще до Адама Смита, — синергии, возрастающей и убывающей отдачи, качественных различий в уровне предпринимательства, лидерства и знаний, а также различий между видами экономической деятельности рыночная экономика, если в нее не вмешиваться, зачастую усиливает, а не уменьшает экономическое неравенство. То, что мы называем экономическим развитием, является непреднамеренными последствиями экономической деятельности только в присутствии таких факторов, как возрастающая отдача, разделение труда, динамическая несовершенная конкуренция, а также возможность для инноваций. Соответственно экономическое развитие — это преднамеренные последствия определенной экономической политики. Бедность колоний стала последствием их колониального положения, потому что в них отсутствовали вышеперечисленные факторы. Однако стандартная экономическая наука (подчеркиваем мы постоянно!) этого не замечает, потому что считает все виды экономической деятельности равноправными⁴.
- В-третьих, вполне возможно зарабатывать деньги способами, которые противоречат общественным интере-

сам. Можно их зарабатывать даже за счет уничтожения экономики, как это делал Джордж Сорос или человек, поджегший Лондон в примере Эрика Понтоппидана. Американский экономист Уильям Баумоль разделяет предпринимательство на *продуктивное, непродуктивное* и *деструктивное*. Стандартная экономическая наука не может этого понять, потому что методологический индивидуализм по определению отказался от понятия национального общественного интереса: такого понятия, как общество, не существует, как красноречиво выразилась Маргарет Тетчер. В противоположность английской экономической науке, экономика континентальной Европы сохранила понятие национального интереса в качестве отдельной категории.

В то время как довод о непреднамеренных последствиях часто звучит в ходе аргументации за *laissez-faire*, в континентальной экономической традиции понимание непреднамеренных последствий стало одним из инструментов просвещенной экономической политики. Можно утверждать, что успешная политика индустриализации, которую начал Генрих VII в Англии в 1485 году, была отчасти следствием роста шерстяной мануфактуры, который в свою очередь был непреднамеренным последствием налогов, что в свое время ввел еще Эдуард III — с целью, разумеется, получения доходов. Уже второй раз то, что изначально было непреднамеренными последствиями, становилось основной целью политики. В самом деле, тот счастливый факт, что налоги играют двойную роль — пополняют казну и помогают строить промышленность, веками был чрезвычайно важным фактором развития. Им пользовались Соединенные Штаты, им и сейчас продолжают пользоваться многие (особенно небольшие) страны.

В начале XX века экономисты континентальной Европы продолжали считать, что экономическое развитие бывает непреднамеренным последствием намерений, которые никак нельзя назвать благородными. Даже в XVI веке инновации и технологический прогресс были востребованы государством в двух сферах: войне (изобретение пороха, металла для мечей и пушек, военных кораблей и их оснащения) и роскоши (шелк, фарфор, стекло, бумага). В 1913 году Вернер Зомбарт издал две кни-

ги (см. главу II), в которых описал эти элементы как движущую силу капитализма, — «Война и капитализм» и «Роскошь и капитализм». Вторая книга, впрочем, была впоследствии переименована в «Любовь, роскошь и капитализм», как автор и хотел назвать ее изначально. Король Дании и Норвегии Кристиан V (1670–1699), например, описал свои главные страсти вполне в духе схемы Зомбарта: «охота, дела любовные, военное дело и мореходство». Благоразумие в денежных вопросах отступало, когда речь шла о войне и любовницах.

Если капитализм понимать как систему несовершенной конкуренции и непреднамеренных последствий, а не как систему совершенных рынков, можно построить мудрую экономическую политику. Ближе к концу XV века (когда Колумб доплыл до Америки) венецианцы, осознавшие, что прогресс — это побочный продукт войн и государственных расходов, создали новый институт — патенты. У изобретателей появился 7-летний период монополии на свои изобретения — стандартный срок для прохождения обучения у мастера. Они смогли воспользоваться преимуществами новых знаний, которые раньше считались побочным продуктом крупных статей государственных расходов. Прогресс создавала динамическая несовершенная конкуренция. Примерно в то же время был основан родственный патентам институт тарифной протекции, придуманный для того, чтобы изобретения могли проникать в новые географические области.

Механизм создания общественного блага за счет частных пороков может работать и в обратную сторону — из общественных пороков создавать частное благо. Пороки правительства — чрезмерный национализм и стремление к войне — часто косвенно приводят в долгосрочной перспективе к благу отдельных людей. Изобретения, полезные в гражданской жизни, которые были рождены как побочные продукты войны: консервы (война с Наполеоном), массовое производство по стандартизованным ценам (производство оружия во время гражданской войны в США), шариковая ручка (ВВС США во время Второй мировой), охранная сигнализация (война во Вьетнаме) и мобильная спутниковая связь (американская программа «Звездные войны»). Осознав это, можно идти к экономическому прогрессу напрямую, а не обходными путями. Если главный фактор экономического развития — это затратная деятельность на грани техноло-

гических возможностей, то можно направлять деньги непосредственно в развитие, допустим, медицины, в обход войны.

Возможен и третий сценарий — превращение общественных добродетелей в частные пороки; то, что на первый взгляд кажется общественными добродетелями, на деле может развиться в системные частные пороки. Как мы увидим в следующей главе, систематическая денежная помощь может обернуться благотворительным колониализмом, при котором происходит дистанционное управление. Создается очень тонкая, незаметная и прочная форма неокOLONиального контроля над страной, которой оказывается помощь. Пример такого сценария — как раз проект целей тысячелетия. Начинается все с благого намерения оказать щедрую поддержку слабой стране. Однако когда правительство страны-получателя оказывается в немилости, как это случилось с Эфиопией, страны-доноры вольны решать, прекратить им поток гуманитарного продовольствия или нет. Преднамеренно или нет, но такая помощь бедным, которая не дала им построить индустриальный капитализм, создала систему, благотворную для развития коррупции и милитаризма. Благотворительный колониализм лишает страну независимости при помощи благонамеренной, щедрой, но, к сожалению, этически неверной политики. Он создает парализующую зависимость периферийной страны от центральной. Центр осуществляет контроль над периферией, поставив ее в положение полной экономической зависимости, что исключает политическую мобилизацию и автономию.

УТРАТА 500-ЛЕТНЕГО ЗАПАСА МУДРОСТИ

Второй вопрос, которым мы задались, звучит так: как удалось эйфории периода конца истории навсегда сбросить со счетов практический опыт по успешному созданию богатства и благополучия? В начале книги мы обсуждали, как холодная война свела экономическую науку к гражданской войне между двумя ветвями экономической теории Рикардо, вытеснив прежнее качественное понимание производственных систем. Однако непонятно, почему дружным современным экономистам не удалось практически реализовать многовековое понимание того, что экономическое развитие страны строится на взаимодействии между видами деятельности с растущей отдачей в го-

родах и с убывающей отдачей в деревнях. Всего 60 лет назад, объявляя План Маршалла, Государственный секретарь США Джордж Маршалл преподносил это взаимодействие как основу западной цивилизации.

Когда надо было защитить Азию и Европу от коммунистической угрозы, Соединенные Штаты прекрасно понимали, что лучший способ укрепить страны, пограничные с коммунистическими (от Норвегии и Германии до Кореи и Японии), — сделать их богатыми при помощи индустриализации, причем на поддержку этого проекта необходимо бросить лучшие экономические, политические и военные силы. Как только коммунистическая угроза отступила, развитые страны немедленно сменили тактику. Экономическая тактика действовала противоположным образом и была похожа на британскую колониальную политику в ее худших проявлениях. Соединенные Штаты когда-то индустриализовались вопреки этой политике преждевременной свободной торговли; именно против этой политики Рузвельт с таким жаром выступил во время Второй мировой войны, когда противостоял Черчиллю и его колониальной политике.

В 1950–1960-е годы, пока шла успешная индустриализация стран, смежных с коммунистическими, Штаты отлично знали, что нужно делать, чтобы сделать бедную страну богатой; они использовали ту же стратегию, которую в XIX веке применяли сами. Почему же сегодня Штаты не видят связи между индустриализацией и цивилизацией, которую так хорошо понимали Джордж Вашингтон и Джордж Маршалл? Почему Запад, вместо того чтобы работать над созданием всемирного благосостояния (как США во время Второй мировой войны), устраивает чудовищные разборки в попытке силой насадить в доиндустриальных странах демократию? Страны не видят ничего, кроме угроз собственной сиюминутной выгоде, а я вспоминаю оппортунистическое невежество Гуннара Мюрдаля. В таком контексте становится актуальным старое европейское определение либерала: «тот, интересам которого в данный момент ничего не угрожает».

«Удивительно, как долго живут экономические теории даже после того, как их научное обоснование перестает существовать», — писал американский экономист Саймон Н. Паттен в 1904 году. Он имел в виду ту же экономическую теорию равновесия, которая живет и здравствует по сей день. Что защищает теории, которые так откровенно и безнадежно неадекватны?

Очевидно, что это среди прочего корыстный интерес. Некоторым странам в краткосрочной перспективе выгодна свободная торговля с отчаянно бедными странами. Однако капитализму как системе никак не может быть выгодно, чтобы половина населения земного шара не имела нормальной покупательной способности. Так что даже корыстный экономический интерес в данном случае будет краткосрочным.

Правящую теорию поддерживает сама человеческая природа. Вместо того чтобы усомниться в любимой теории, люди склонны искать объяснения ее ошибок за ее пределами. Основа Вашингтонского консенсуса не меняется на уровне практической политики. Экономисты рассуждают примерно так: раз *моя* теория в ее математической стройности безупречна (что доказано падением Берлинской стены), то объяснение должно лежать вне ее. Такая логика заводит экономистов в области, где они являются в лучшем случае любителями, — географию, климат и болезни. Напрашивается интересная параллель с последствиями первой волны глобализации, которая закончилась в начале XX века. Антрополог Эрик Росс обращает наше внимание на связь между экономической теорией и евгеникой (расовой гигиеной) в этот период⁵. Первая волна привела к появлению бедных колоний, лишенных промышленности, технологического прогресса, возрастающей отдачи, продвинутого разделения труда и синергии между разными видами экономической деятельности. Поскольку причину проблемы было не принято искать в экономической науке, надо было объяснить это явление иначе. Самый влиятельный американский экономист того времени Ирвинг Фишер (1867–1947) был самым влиятельным членом движения евгенистов в США, а Джон Мейнард Кейнс (1883–1946) — вице-президентом Английского общества евгеники. Расовой принадлежностью было легко объяснять бедность колоний, при этом с колонизаторов, которые запрещали в них промышленное производство, снимались все обвинения и теория торговли Рикардо оставалась незапятнанной. Африканцы были бедны не потому, что им не дали индустриализоваться, а потому, что они чернокожие. Сегодня мы подчеркиваем роль коррупции в создании бедности и выражаемся политически корректно. Африканцы, говорим мы, бедны не потому, что они чернокожие, а потому, что все чернокожие коррумпированы. Поправка, как мы видим, минимальная.

ОПРАВДАНИЕ ПРОВАЛА. ОТВЛЕКАЮЩИЕ МАНЕВРЫ

Идет 1989 год. Уже понятно, что коммунистическая система с ее пренебрежением к рынкам вот-вот рухнет. Представьте, что вы экономист, который должен объяснить, откуда взялась пропасть между очевидным богатством Силиконовой долины и бедностью сельскохозяйственных районов Африки. Экономисты специально обучены игнорировать некоторые явления:

1. Запрещается утверждать, что между разными видами экономической деятельности есть разница; например, что группе людей может быть выгоднее производить платформы для программного обеспечения, чем пасти скот. Рынок, если его оставить в покое, самостоятельно выровняет эти различия.
2. Вследствие этого нельзя рекомендовать стране сменить специализацию. Каждая страна должна специализироваться на том виде деятельности, в котором у нее есть сравнительное преимущество, будь то скотоводство или производство компьютерного обеспечения. Благодаря этому должно произойти выравнивание цен на производственные факторы.
3. Ваш инструментарий не дает вам увидеть синергию. Вам нельзя говорить, что пастухи, живущие среди программистов, богаче пастухов, которые живут среди сородичей⁶.
4. Запрещается прибегать к историческим примерам. Прошлое и будущее сведены к «здесь и сейчас». Аргумент, что страна, в которой расположена Силиконовая долина, в течение полутора веков субсидировала и защищала свои технические и высокотехнологичные отрасли, чтобы уйти от сельского хозяйства, силы не имеет. Из пунктов 1 и 3 понятно, что Соединенные Штаты разбогатели вопреки этой политике, а не благодаря ей⁷.
5. Запрещается использовать факторы безработицы и частичной безработицы, которые принимались во внимание после Второй мировой войны, когда защищаете ту или иную политику. Принятие в расчет безработицы вынудило бы вас принять в расчет явление под названием «теневые цены» — запутанное понятие, которое в любом

случае привело бы к нерыночной политике. Всемирный банк и МВФ исходят при построении своих экономических моделей из полной занятости населения⁸.

6. Запрещается замечать какие-либо причинно-следственные связи между экономическим и политическим строем. Парламентская демократия, да и любой другой институт могут с одинаковой вероятностью развиться в племени охотников и собирателей, при феодализме или и в городском обществе.

Рассмотрим пример: имеются бедный район города, где живут люди, которые зарабатывают на жизнь, моя посуду в ресторанах и чистят ботинки, и богатый район того же города, где живут биржевые брокеры и юристы; надо объяснить разницу в доходах жителей, используя логику международной теории торговли. Это значит, что запрещается упоминать тот факт, что разрыв в уровне доходов — прямое следствие потенциально разной доходности их профессий. Инструментарий торговой теории практически не позволяет видеть качественные различия между разной экономической деятельностью⁹. Поскольку нельзя говорить, что заработки брокера и чистильщика ботинок так сильно различаются, потому что их профессиям присущ разный уровень оплаты, приходится предлагать объяснения, которые в реальности являются скорее следствиями главной причины бедности. Вы говорите, что у бедных недостаточное образование (неважно, что нельзя прибыльно вложиться в образование, которое увеличит заработок чистильщика ботинок или посудомойки), недостаточно сбережений (неважно, что их низкий уровень дохода не позволяет им откладывать деньги), что бедные недостаточно инновативны (неважно, что в деле чистильщика ботинок не так-то много возможностей для инновационной деятельности) и т. д.

Американским экономистам еще в 1820 году было очевидно, что страна, как и отдельный человек, не может разорвать порочного круга бедности, не сменив вид деятельности. Поэтому в Америке начался масштабный индустриализационный проект, который в следующие 100 лет был известен как Американская система обрабатывающей промышленности¹⁰. Однако сегодня экономисты забыли успешные стратегии прошлого, они замечают только симптомы бедности, но не ее основные причины. Эксперименты обычно включают отказ от одной из пред-

посылок, и пока что они никак не повлияли на нашу политику в отношении бедных стран.

Приведенные выше пункты — это вольное изложение памятки, разработанной Всемирным Банком и МВФ во время конца истории в 1989 году. С тех пор, не осознавая того, экономисты каждый день видят перед собой эту памятку на работе, наглухо замурованные в своей убежденности относительно того, как устроен мир. Эта памятка — продукт явных и неявных предпосылок стандартной экономической науки. Она не дает экономистам замечать качественных различий, кроме соотношения капитала и труда на разных фирмах. Для того чтобы не подвергать риску эти принципы, Всемирный банк отказывал в работе экономистам, у которых был опыт работы в богатых странах, а также, как заметил Джозеф Стиглиц, отдавал предпочтение худшим выпускникам лучших университетов. Директор Всемирного банка Джеймс Вулфенсон написал стихотворение «Наша мечта — это мир, свободный от бедности», сегодня оно украшает холл главного офиса. Стихотворение написано красноречиво и наверняка из лучших побуждений, но даже из него очевидно, что инструментарий сотрудников г-на Вулфенсона лишен ключевых факторов для понимания неравномерного развития.

Расследование причин бедности продолжалось, несмотря на запрет упоминать причины неравномерного развития, которые считались основными в течение последних 500 лет. Посмотрим, как это расследование выбирало одну ложную версию за другой, постоянно отвлекая внимание общественности от истинной причины бедности. Итак, поскольку отступить от пунктов, перечисленных выше, было нельзя, Вашингтонский консенсус развивался по следующему пути, причем каждое новое открытие приветствовалось как окончательное решение проблемы бедности¹¹:

- 1) «приведите в порядок цены»;
- 2) «приведите в порядок право собственности»;
- 3) «приведите в порядок институты»;
- 4) «приведите в порядок управление»;
- 5) «приведите в порядок конкурентоспособность»;
- 6) «приведите в порядок инновации»;
- 7) «приведите в порядок предпринимательство»;
- 8) «приведите в порядок образование»;

- 9) «приведите в порядок климат»;
- 10) «приведите в порядок болезни».

Мне кажется, что эти рекомендации — следствие подсознательного стремления их авторов спасти стандартную экономическую науку и ее основные предпосылки. Их последовательное появление — образец того, что Роберт Уэйд из Лондонской школы экономики называет искусством сохранения парадигмы: все внимание направляется на исправление факторов за пределами стандартной экономической модели, а суть теории остается нетронутой¹². Хотя эти факторы очень важны, они не влияют на суть процесса развития, ведь самое главное — это «привести в порядок экономическую деятельность». Если в стандартную экономическую модель не включены факторы, о которых я твержу в этой книге (возрастающая и убывающая отдача, несовершенная конкуренция, синергические и структурные связи, а также разнообразные возможности для инноваций), то подобный список лишь отвлекает внимание от более значительных проблем. Набор упрощенных объяснений уводит нас от понимания развития как единого процесса и заставляет рассматривать его отдельные части. Наше внимание отвлекается от реальных проблем, и мы движемся в сторону мнимых решений; нас ведут по ложному следу.

По мере того как Всемирный банк и МВФ изобретают все новые отвлекающие маневры, правительства из самых лучших побуждений спешат финансировать все новые их проекты. В результате мы наблюдаем то, что Майкл Портер, экономист Гарвардской школы бизнеса, называет «решением проблем по одной»: экономика развития поочередно фокусируется на каком-либо одном факторе; ученый может выжить, только если занимается хитом сезона. Из-за того что модные течения финансируются по очереди, в экономическом подходе нет диверсификации.

1. *«Приведите в порядок цены»*

Как я уже упоминал, первый пункт Вашингтонского консенсуса, утвержденного в 1990 году, можно перефразировать как «Приведите в порядок цены». В мае того же года мой друг Сантьяго Рока стал главным советником по экономическим вопросам

Альберто Фуджимори, кандидата в президенты Перу. Фуджимори гораздо больше, чем его оппонент Марио Варгас Льоса подчеркивал необходимость защитить бедняков от бушующей инфляции. В то время Сантьяго был автором единственной эконометрической модели перуанской экономики и мог продемонстрировать, как надвигающаяся традиционная политика сокрушит бедные слои населения. Я позвонил другу в Перу, чтобы поздравить его с новым заданием, и получил приглашение прилететь в Лиму, чтобы помочь разработать программу партии Фуджимори «Камбио 90»¹³.

В Восточной Европе политические партии появлялись, как грибы, и не имели определенной структуры. В Перу происходило то же самое: партии возникали без организационной структуры. Варгас Льоса пользовался поддержкой нескольких богачей, а «Камбио 90» была организацией бедняков. Главный офис «Камбио 90» располагался в кабинете офтальмолога, который, как и другие перуанские специалисты, отправился в Майами в поисках богатых пациентов. В офисе, расположенном на Авенида Арекипа, улице, ведущей из центра Лимы в пригород, не было электричества и водопровода, но был телефон. Команда экономистов набрасывала планы национального развития на бланках, оставленных добрым доктором.

Нехватку денег мы компенсировали энтузиазмом. Многие работали бесплатно; Сантьяго и я обратились за помощью к преподавателям из Корнельского университета, специалистам по Латинской Америке. Вечерами команда Фуджимори часто встречалась дома у Сантьяго, где (к ужасу его жены Терезы) опустошала холодильник и складывала оружие на Терезины до блеска отполированные столики; нельзя сказать, что подобное времяпрепровождение привычно для перуанских ученых. Когда в адрес Сантьяго и его семьи звучали угрозы, добровольцы организовали дежурство у его дома. Однажды в доме Сантьяго взорвалась бомба, помешав ему посетить конференцию Другого канона в Осло, но, к счастью, никто не пострадал.

В июле 1990 года, незадолго до инаугурации, назначенной на 28-е число, кандидат в президенты Перу Альберто Фуджимори отправился в Вашингтон. Обрато он вернулся другим человеком: общественные проблемы его не волновали. Мы в шутку спрашивали друг друга, каким пыткам американцы подвергли Фуджимори. Было вот что: Фуджимори пообещали, что если

он откажется от государственного вмешательства в экономику, сократит государственный сектор и приведет в порядок цены, то обо всем остальном позаботится рынок. Однако в случае Перу на пути рынка было два серьезных препятствия: инфляция и партизаны (герильяс). Фуджимори приказал избавиться от обоих препятствий, в итоге инфляция упала с уровня 7469% в 1990-м до 6,5% в 1997 году, а партизан в стране почти не стало. Как видно из илл. 12, к 1990 году деиндустриализация съела 50% реальной зарплаты среднестатистического перуанца и в стране прослеживалась явная связь между растущей бедностью и высоким уровнем терроризма. Победа Фуджимори обошлась ему дорого, но зато теперь к обедневшему народу Перу должно было прийти богатство, которое вознаградило бы его за все лишения.

Однако ничего не произошло. Исчезновение промышленности свело реальную зарплату к минимуму, как когда-то предсказывал Давид Рикардо. Бедные крестьяне не стали получать больше денег за свои продукты. В сущности, важной политической задачей стало удержание зарплат и цен на низком уровне — так удавалось контролировать инфляцию. Затем последовал небольшой рост ВВП, который не привел к увеличению реальной зарплаты: деньги пошли на прибыль и на финансовый сектор. Экономическая ортодоксия началась в Перу в 1970-е годы и стоила стране очень дорого: доход среднестатистического перуанца сократился вдвое. Сантьяго Рока был возмущен политикой Фуджимори, не соответствовавшей его обещаниям, и отказался принять пост директора Центрального банка, который был ему неофициально предложен. Он работал на Фуджимори бескорыстно и честно, несмотря на риск, которому подвергалась его семья, но его усилия ни к чему не привели. Привести в порядок цены оказалось недостаточно; исправленные цены только вывели страну на еще худший уровень бедности.

История семейства Рока служит наглядным примером того, как трудно приходится интеллигентным людям в странах третьего мира. Риски очень велики, а сочетать идеализм с содержанием собственной семьи тяжело. Один мой бывший студент сегодня работает в Университете Макерере, лучшем учебном заведении Уганды, и получает 100 долл. в месяц. Если бы он согласился работать во Всемирном банке или МВФ, получал бы несколько сотен долларов в день. За добродетель приходится платить поистине головокружительную цену.

2. «Приведите в порядок право собственности»

Когда стало очевидно, что несмотря на утверждения стандартной теории, рынок не может выравнивать доходы людей, пришлось искать новые объяснения, причем такие, чтобы они не нарушали предпосылки стандартной экономической науки. При капитализме явно необходимы права собственности, а поскольку в бедных странах институт собственности был заметно менее развит, чем в богатых, главной причиной неразвитости была назначена нехватка имущественных прав. Иными словами, не капитализм был причиной бедности периферийных стран; просто бедные страны не были достаточно капиталистическими.

Итак, причиной бедности африканского племени Масаи и их натурального сельского хозяйства была объявлена нехватка прав собственности. Я бы все-таки сказал иначе: в племени нет прав собственности, потому что Масаи бедны и занимаются натуральным сельским хозяйством. Проблема скорее в их способе производства — натуральном хозяйстве, а не промышленном, чем в институциональном устройстве их сообщества в узком смысле слова. Институт, который подходит одной системе производства, может не подойти другой. Можно утверждать, что право последовательного пожизненного пользования, которое встречается в скотоводческих обществах¹⁴, конкретно для этого способа производства подходит лучше, чем капиталистическое право собственности.

Попытка изолировать отдельные черты рыночной экономики, вместо того чтобы взглянуть на картину в целом, т. е. упражнение в решении проблем по одной, сбивает нас с толку, не проливая свет на проблему бедности. В Венецианской республике право собственности существовало еще 1000 лет назад. Первый кадастровый реестр появился в Венеции в период 1148–1156 годов. Производство венецианцев, в отличие от производства охотников и собирателей, принесло с собой необходимость урегулировать права собственности. Эти права собственности не создавали капитализм или экономическое развитие; это был институт, созданный определенной системой производства для удобства функционирования.

Эрнандо де Сото, перуанский экономист, прославился, призывая государство формально защищать право собственности.

Безусловно, де Сото прав, утверждая, что бюрократическая волокита в бедных латиноамериканских странах препятствует развитию. Он прав и в том, что отсутствие у бедняков права собственности не дает им использовать свои дома в качестве обеспечения займа. Однако, как показали исследования, если дать бедным латиноамериканцам право собственности на их дома, многие из них эти дома продадут, чтобы купить на вырученные деньги продукты или лекарства. В этой новой ситуации они часто становятся жертвами мошенников. Право собственности при отсутствии экономического развития может сделать ситуацию хуже, чем она была до капитализма, когда благодаря отсутствию права собственности любой может построить себе дом на общей земле. Право собственности, необходимое в развитой экономике, в бедной стране может привести к появлению бездомных. Кроме того, оно создает больше препятствий для того, чтобы бедняки завели свой дом, чем докапиталистическое общество, к которому принадлежат городские мигранты.

3. «Приведите в порядок институты»

После того как было выделено особое значение права собственности, второй пункт Вашингтонского консенсуса был расширен: были включены другие институты¹⁵. Институциональная экономическая теория, определявшая развитие экономической науки в Америке с конца XVIII века до окончания Второй мировой войны, представляла оппозицию английской неоклассической традиции. Новая школа, появившаяся в период конца истории, была основана на неоклассической экономической теории, а институты были привлечены к ней для объяснения того, что не могла объяснить стандартная экономическая наука.

Термин «институты» крайне широкий: он включает человеческие соглашения — от нравственных норм и традиции праздновать Рождество или Рамадан до создания парламентов или конституций. Ха-Джун Чан и Питер Эванс дали такое определение: «Институты — это систематические паттерны общепринятых ожиданий, само собой разумеющихся предпосылок, принятых норм и привычек взаимодействия, которые оказывают заметное влияние на формирование мотивации и поведения групп взаимосвязанных общественных акторов. В современных обществах они, как правило, воплощаются в форме

управляемых организаций, у которых есть формальные правила и право применять принудительные санкции, таких как правительство или фирмы»¹⁶. Как и право собственности, институты сами по себе, отдельно от структурных изменений, которые создают условия для их появления, не могут считаться источниками экономического развития.

Благодаря торговле с дальними странами, куда надо было отправлять караваны верблюдов или торговые суда, появился институт страхования. Племена охотников и собирателей вряд ли использовали бы страхование; чтобы понять развитие, необходимо по заслугам оценить рост знаний и производительности, который создают новые технологии и новые способы производства. Институциональные изменения, к которым приводят смены форм производства, важны, но вторичны. Институты, как и капитал, сами по себе не имеют ценности. Как и капитал, институты — это строительные леса, которые поддерживают производственную структуру страны в период роста.

В общественных науках понятие «институт» стали использовать очень рано. «Недостаточно задаться вопросом, был ли институт государства основан нашими предками. Скорее необходимо, чтобы мы поняли и объяснили, почему он был основан. Потому что познать какую-либо вещь мы можем, только поняв ее причину». Это методологическое утверждение взято из анализа Конституции Флоренции, написанного в 1413 году по запросу императора Святой Римской империи Сигизмунда. Автор анализа Леонардо Бруни (1369–1444) представляет школу, которая впоследствии получила название *гражданского гуманизма* — идеологию успешных городов-государств периода Возрождения¹⁷.

Идея о том, что способ производства определяет институты, не нова. В 1620 году Фрэнсис Бэкон сформулировал точку зрения, которая превалировала в научном сообществе в течение двух следующих веков: есть огромная разница «между жизнью людей в каком-либо наиболее культурном краю Европы и в какой-нибудь наиболее дикой и варварской области Новой Индии... И это происходит не от почвы, не от климата, не от телосложения, а от наук» [курсив мой — Э. Р.]¹⁸. Бэкон четко понимает причину и следствие: деятельность человека, т. е. его способ производства, определяет его институты. Торстейн Веблен, один из основателей старой институциональной

школы, также подчеркивал, что ежедневная деятельность — это причина создания институтов, а не наоборот.

Именно потому, что институты и способ производства общества рождаются одновременно, институты невозможно изучать отдельно от технологической системы, которая создала в них потребность и породила их. Сегодня значимость одной стороны уравнения — институтов, взятых в изоляции в качестве инструментов создания развития, переоценивается, искажая наше понимание экономического и институционального развития.

В романе 1882 года «*De lycksaligas*» («Остров блаженных») шведский драматург Август Стриндберг пишет о зависимости между способом производства и экономическими институтами. В этом романе группа шведских каторжников XVIII века, среди которых два юных студента, оскорбивших короля, попадают в серию кораблекрушений по пути в отдаленную колонию, куда им не суждено доплыть. Под руководством студентов каторжники, теперь не подчиняющиеся властям, основывают собственное общество и обсуждают необходимость создания или упразднения институтов в их стране. Находясь на тропическом острове, они решают отказаться почти ото всех известных институтов. Кому нужно наследственное право, если можно расхаживать голышом и питаться плодами земли? Когда после второго кораблекрушения они оказываются на острове с более суровым климатом, то обнаруживают, что их новый образ жизни требует введения тех институтов, которые они уже успели упразднить за ненужностью. Стриндберг подтверждает идею Бэкона: способ производства определяет институты, а не наоборот; нет смысла менять местами причину и следствие.

Утратив понимание процесса развития, которое приходит исключительно с пониманием роли производства, а не только обмена и торговли, неоклассические экономисты утратили и понимание связи между производством и институтами. Они забыли, что на протяжении многих веков общественные философы твердили, что развитие институтов зависит от видов деятельности, принятых в обществе¹⁹. Эта потеря нанесла значительный ущерб многим современным развивающимся странам. Я утверждаю, что проблема стран-неудачниц и причины их институциональных провалов не могут плодотворно обсуждаться в отрыве от экономической деятельности, которой занимаются эти страны.

4. «Приведите в порядок управление»

Во время триумфального начала 1990-х годов снижение роли государства было неотъемлемым условием Вашингтонского консенсуса. Слова *государство* и *правительство* стали почти ругательными. Однако чем больше проходило времени, тем больше государство и правительство возвращались в свою прежнюю роль под маской управления. Всемирный банк определяет управление как применение политической власти и использование институциональных ресурсов для решения проблем и задач общества; примерно этим же раньше занимались государство и правительство.

На мировом уровне управление часто приводит страны к банкротству. По данным газеты «Financial Times», Всемирный банк отслеживает 48 стран, которые в любой момент могут стать банкротами. Даже поверхностный анализ экономического строя этих стран покажет нам, что есть прямая связь между типом производственной структуры страны и ее предрасположенностью к банкротству. Страны-банкроты отличают общие экономические факторы, которых нет, к примеру, в Германии, Канаде или Норвегии. Для того чтобы предотвратить банкротство страны, необходимо проанализировать, как можно приблизить производственную структуру этой страны к структуре стран, которые работают без перебоев и где царит демократия. Любая политика, построенная в обход этого анализа, облегчит симптомы, а не причины проблемы.

Для предрасположенных к банкротству стран характерны среди прочих следующие черты: малое количество отраслей с возрастающей отдачей или их полное отсутствие, недостаточное разделение труда, отсутствие среднего класса горожан, а с ним политической стабильности, отсутствие экономически независимого класса ремесленников, экспорт сырьевых товаров; сравнительное преимущество в поставке на мировой рынок дешевой рабочей силы, малый спрос на квалифицированный труд в сочетании с низким уровнем образования, утечка мозгов. В таких странах часто возникает особый вид регионализма, который в Латинской Америке называется словом *caudillismo*, а в Сомали и Афганистане — правлением полевых командиров. Экономические структуры, которые объединяют успешное национальное государство, в таких странах развиты слабо или отсутствуют.

Первые богатые государства, в которых появилось некое подобие республиканской власти, часто либо располагались на островах, как Венеция, либо были приморскими державами с дефицитом земли, как Генуя или Голландская республика. Из-за недостатка пахотной земли феодальный строй был в них невозможен, зато развивалась экономическая деятельность, в частности, с возрастающей отдачей. Случай Флоренции, где был традиционно силен класс богатых землевладельцев, особенно интересен. Во Флоренции *corporazioni* (гильдии) и горожане боролись за власть между собой, однако вместе они очень рано (в XII–XIII веках) вытеснили из политики семьи богатых землевладельцев, которые потом веками тревожили Флоренцию, образуя союзы с другими городами.

Мы уже обращали внимание на связь между экономикой и политическим строем. В ранних демократических государствах классы ремесленников и промышленников получили большую политическую власть, чем знатные землевладельцы. Еще Джованни Ботеро (ок. 1544–1617) и немецкая школа *Staatsraison* (нем. «интересы государства») замечали явную связь между экономическим строем государств и их жизнеспособностью и управляемостью. Книги Ботеро «*Ragion di Stato*» («Интересы государства») и «*Sulle grandezze delle Città*» («О причинах богатства городов») — части одной работы²⁰, посвященной государствам, городам и их экономическому строю. Эта традиция была в XVIII веке продолжена социальными философами, в частности Монтескье.

В главе III мы упоминали труд Фейта Людвига фон Зекендорфа, который обнаружил, что в Германии нет экономической базы для создания такого процветающего общества, как в Голландии. Ученый понимал: чтобы государство функционировало, необходимо изменить его экономическую базу, набор присущих ему профессий и отраслей и их географическое расположение. Зекендорф предлагал сделать из *Fürsten* (нем. «принцев») модернизаторов, утверждая, что их *Recht* (нем. «право») управлять неразрывно связано с *Pflicht* (нем. «обязанностью») постоянно модернизовывать государство и в конечном итоге создать такие условия, при которых *Fürsten* стали бы не нужны и развились бы условия для создания демократии. По мнению Зекендорфа, успешное правление несло в себе зерно самоуничтожения и зарождения нового строя, но путь к демо-

кратии лежал через диверсификацию экономики и непременный отказ от производства одних только сырьевых товаров²¹. Сегодня мощная связь между продвинутой индустриализацией и демократией признается по-прежнему, например, Фрэнсисом Фукуямой²². Однако никто сегодня *не признает*, что, во-первых, от экономического строя (городских ремесел и промышленных отраслей) зависит политический строй, а не наоборот; во-вторых, что промышленность ни в одной стране не появилась без того, чтобы ее осознанно строили, охраняли и стремились к ней. Создание и защита промышленной деятельности есть создание и защита демократии.

5. «Приведите в порядок конкурентоспособность»

Термин «конкурентоспособность» был порожден экономической наукой периода конца истории; в моду он вошел в начале 1990-х годов²³, но вначале считался крайне сомнительным. «Понятие конкурентоспособности страны, — писал Роберт Райх в 1990 году, — это один их редких терминов общественного дискурса, которые из туманных становятся сразу бессмысленными, без какого-либо промежуточного периода». Впоследствии Райху, профессору Гарвардского института государственного управления имени Кеннеди, предстояло стать министром труда США при президенте Билле Клинтоне. На этом посту он отстаивал идею, что Соединенные Штаты должны развивать экономические секторы, обладать повышенным потенциалом по созданию добавочной стоимости (*high-value sectors*), что, заметим, вполне соответствует нашему индексу качественных характеристик видов экономической деятельности. В работе, опубликованной через пару лет после этого, Пол Кругман, профессор Массачусетского технологического института, дважды назвал Райха поповым интернационалистом и несколько ненаучно раскритиковал понятие «*high-value sectors*». Однако в той же работе от Кругмана досталось и термину «конкурентоспособность». «Если мы сумеем научить студентов кривиться, когда они слышат слово *конкурентоспособность*, то мы окажем своей стране огромную услугу». Кругман в то время придерживался идей Давида Рикардо.

Хотя обоим враждующим экономическим лагерям США — и Райху, и Кругману — одинаково не нравилось слово *конку-*

рентоспособность, оно становилось все популярнее. Я считаю, успех этого термина объясняется двумя причинами — его туманностью и гибкостью. Можно убедительно сказать о нищем попрошайке и о целой стране, что они недостаточно конкурентоспособны; это прозвучит значительно и вместе с тем непонятно. Как мы еще увидим, этот термин настолько гибок, что может означать противоположные явления — как более высокие, так и менее высокие зарплаты, в зависимости от обстоятельств.

На уровне фирмы термин «конкурентоспособность» довольно прямолинеен. Это способность фирмы расти, соревноваться и быть прибыльной на рынке. В книге «Конкуренция» Портер пишет, что у слова *конкурентоспособность* нет устоявшегося определения. «Единственная разумная концепция конкурентоспособности на национальном уровне — это производительность», — добавляет он позже, чем, однако, не слишком нам помогает²⁴. Как мы уже видели на примере с мячами для бейсбола и для гольфа, дело не в производительности как таковой, а в выборе продукта, в котором страна производительна. Брюс Скотт, профессор Гарвардской школы бизнеса, сформулировал определение, которое использовала ОЭСР в своей программе «Технологии и экономика»: «Конкурентоспособность страны можно определить как степень, до которой в условиях открытого рынка страна способна производить продукты и услуги, которые могли бы конкурировать с зарубежными, *и при этом сохранять и увеличивать свой внутренний реальный доход*» [курсив мой — Э. Р.]²⁵.

Согласно этому определению конкурентоспособность — это процесс, в ходе которого реальные зарплаты и национальный доход поддерживаются несовершенной конкуренцией и приносят стране ренту. В этом, вероятно, причина того, почему неоклассические экономисты возражали против этого термина. Однако такое понимание конкурентоспособности вполне объясняет нашу версию того, как разбогатели богатые страны, — теорию Другого канона. Традиционно, когда рыночные условия делали такое развитие страны невозможным, для защиты областей, в которых технологический прогресс шел успешно, вводились тарифы; конкуренция при этом сохранялась. Чем более отсталой была страна, тем более высокие тарифы ей требовались для того, чтобы этот способ был эффективным.

Таким образом, конкурентоспособность обозначает процесс, который способствует обогащению людей и стран путем увеличения их реальных зарплат и доходов. И тем не менее несколько лет назад в Уганде я столкнулся с тем, как этот термин используется для защиты противоположной стратегии — снижения зарплат. Текстильные заводы, привлеченные в Уганду Актом об экономическом росте и торговых возможностях в странах Африки (договоренностью между США и Африкой о размещении в Африке заводов по сборке готовых деталей, аналогичных мексиканским «макиладорас»), стали неконкурентными на международном уровне. Тогда президент Мусевени сократил зарплаты рабочим, чтобы Уганда стала конкурентоспособной.

Так что этот гибкий термин отлично подходит нашему веку туманного мышления и объясняет провал ведущих экономических теорий. Он может описывать механизм всеобщего обогащения (как в определении ОЭСР), а может использоваться, чтобы убедить рабочих смириться с еще большей бедностью (как в случае Мусевени). Печально то, что в Европе этот термин все чаще используется во втором значении, на пару с «гибкостью рынка труда» (которая неизменно означает гибкость в сторону понижения). Для того чтобы быть конкурентоспособными, мы должны снизить свой уровень жизни.

6. *«Приведите в порядок инновации»*

Выступая с речами в 2000–2001 годах, Алан Гринспен включил Йозефа Шумпетера в мейнстримовую экономическую науку: только теориями Шумпетера можно было объяснить сочетание быстрого экономического роста и низкой инфляции, которое тогда переживали Соединенные Штаты. Поскольку все, что происходило вокруг новой экономики, временно отменило привычные законы экономической гравитации, Гринспен объявил Шумпетера теоретиком-пророком всего происходящего. Он смог это сделать благодаря понятию созидательного разрушения, которое ассоциировалось с именем Шумпетера. Это понятие оказалось весьма подходящим для описания процесса, в ходе которого информационные и коммуникационные технологии уничтожали прежние технологические решения и разрушали старые компании, чтобы освободить место для новых.

Эти события подсказали экономистам еще одну возможную причину бедности стран третьего мира: в них не происходило таких же инновационных процессов, как в Силиконовой долине. Как в лучших традициях стандартной экономической науки, экономисты упустили из виду важные аспекты происходящего. В периоды стремительного технологического прогресса несколько механизмов работают одновременно, приводя к увеличению, а не к уменьшению экономического разрыва.

Во-первых (см. раздел, посвященный технико-экономическим парадигмам в главе IV), вихри созидательного разрушения закручиваются вокруг специфических производственных кластеров. Они должны быть географически расположены в местах (в Манчестере, Детройте или Силиконовой долине), где действует эффект Клондайка: рост прибыли и зарплаты создает такую мощную покупательную способность, что деньги можно заработать такой деятельностью, которая ни за что не окупилась бы в другом месте. Эти ключевые инновации присущи только некоторым видам деятельности. Иными словами, окна возможностей очень сильно зависят от вида экономической деятельности. Нам понятно на интуитивном уровне, что если бы Билл Гейтс занимался выпасом коз в Монголии, он не смог бы основать «Microsoft». Однако стандартная экономическая наука с нами не согласна.

Во-вторых, два разных типа инноваций распространяются принципиально разными способами. Инновационные продукты, которые производит «Microsoft» или когда-то производил Генри Форд, распространяются в экономике в форме более высоких доходов и зарплат²⁶. Распространение же новых технологий в другие отрасли в виде инновационных процессов приводит к снижению цен. Сегодняшние самолеты принципиально не отличаются от самолетов 20-летней давности, но использование новых технологий в области авиаперевозок привело к снижению цен на авиабилеты (к выгоде всех потребителей). Как мы объясняли в предыдущей главе, в некоторых областях инновации снижают уровень зарплат; гостиницы в Венеции или на Коста-дель-Соль не изменились, но система бронирования номеров через Интернет снизила их прибыльность и цены на комнаты.

Ученик Шумпетера Ханс Зингер внес значительный вклад в экономику развития, продемонстрировав, что инновации, по-

являющиеся в секторе сырьевых товаров стран третьего мира, имеют тенденцию распространяться в странах «первого» мира в виде пониженных цен, в то время как инновации (в основном инновационные продукты), появляющиеся в странах «первого» мира, распространяются в виде более высоких зарплат, получаемых гражданами стран также «первого» мира²⁷. Даже когда бедные страны вводят инновации, они не могут пожинать их плоды.

Мы уже обсуждали, как бедные страны специализируются на экономической деятельности, которая в технологическом плане является тупиковой: у них нет возможности для появления инноваций или экономии на масштабе. Это деятельность (например, производство бейсбольных мячей), в которой даже капитал и инженерная мысль США не смогли создать инноваций или улучшить производительность. Получается, что бедные страны вынуждены специализироваться в видах, в которых инновации невозможны, а потом их же обвиняют в недостаточной инновационности. В рамках всемирного разделения труда эти страны специализируются на бедности.

7. *«Приведите в порядок предпринимательство»*

Предпринимательская деятельность и вообще человеческая инициатива в качестве экономического фактора существуют только за пределами мейнстримовой экономической науки. Однако недавно пассивность стали называть одной из причин бедности. Это объяснение кажется мне несостоятельным. В то время как население богатых стран ежедневно ходит на работу, жители бедных стран вынуждены заниматься предпринимательской деятельностью, чтобы выжить. Разница в том, что для успешного предпринимательства бедные и богатые страны имеют разные возможности. Отсутствие спроса, предложения и капитала, а также тип конкуренции, типичный для сырьевых рынков, — все это приводит к тому, что в бедных странах трудно добиться успеха в предпринимательстве. Вполне логично, что все возрастающая толпа бедняков гонит инициативных предпринимателей из собственной страны в богатые страны, где благодаря мудрой, но запрещенной политике исторически развились возрастающая отдача, синергия и несовершенная конкуренция.

8. «Приведите в порядок образование»

Основные движущие силы капитализма — это человеческие ум и воля, т. е. новые знания и предпринимательство. Поэтому бедные страны нуждаются прежде всего в улучшении системы образования. Это, конечно, так, но примеры успешного экономического развития показывают, что необходимо обеспечивать *одновременно* поток образованных людей и достаточное количество рабочих мест, на которых они могли бы применить свои знания. Такое двойное усилие по удовлетворению одновременно спроса и предложения на образованных людей всегда было отличительным признаком успешного развития, будь то политика США в XIX веке, Кореи после Второй мировой войны или Ирландии в 1980-е годы. Для приведения в жизнь такой стратегии необходимо отступить от правил *laissez-faire*.

Страны, которые занимаются только одной стороной проблемы — предложением, дают образование будущим эмигрантам. Поток образованных людей из бедных стран в богатые сравним с потоком капитала в том же направлении и является эффектом обратной волны в мировой экономике. Во многих бедных странах главной статьей экспорта стали ее граждане, а в некоторых случаях переводы, которые они шлют домой, составляют главную статью платежного баланса. Похоже, эти переводы тратятся в основном на потребительские товары, а не на инвестиции, а это уже расхолаживает инициативу людей, вместо того чтобы ее поощрять. Зачем надрываться за 50 центов в час на Гаити, если твой брат во Флориде зарабатывает как минимум 6,4 долл. в час и регулярно высылает деньги домой?

9. «Приведите в порядок климат»

В ответ на полный провал своей политики в бедных странах мейнстримовая экономическая наука решила вернуться к прежним идеям экономического развития, давно и заслуженно отправленным на периферию науки. «Климат», «географическое положение» и «здоровье» вновь стали центральными понятиями мейнстримовой экономики развития. Вдобавок, когда история переписывалась с уклоном в неокOLONIALИЗМ/неоимпериализм, эти факторы были в нее включены²⁸. Эти факторы действительно важны, однако их основной смысл в том, как

они влияют на человеческие поселения и на интересы местных жителей. Главная каузальная переменная развития — это экономический строй страны, а он сильно зависит от интересов правящей элиты.

Поселения в тропиках изначально существовали для совместного производства сырьевых товаров²⁹, а для этого — будь то в сельском хозяйстве или на рудниках — требовался рабский труд. В то время как Европа избавлялась от феодализма, экономический и общественный строй тропиков строился на разделении людей на господ и рабов. Кроме того, за пределами экспортного сектора форма землевладения тяготела к феодализму. На протяжении веков земли в полосе умеренного климата, в которых не было полезных ископаемых, считались незавидной собственностью. Радости голландцев не было предела, когда в 1667 году по Бредскому договору они получили Суринам (впоследствии ставший Нидерландской Гвианой) в обмен на Нью-Йорк.

Поселения в зонах умеренного климата сильно отличались от тропических колоний. Они привлекали людей, которые занимались крестьянством сами, без использования рабов; местные правительства, как правило, распределяли земли между крестьянами поровну³⁰. Во время зарождения институтов финансирования системы образования в рабовладельческом и феодальном обществах было не таким, как в обществе свободных крестьян. Все знали, что раб, обученный читать и писать, — это бесполезный раб, потому что рано или поздно он сбежит. В зонах умеренного климата крестьяне открывали школы для своих детей и детей соседей, так что они были весьма заинтересованы в этом предприятии. Рабовладельческие колонии в тропиках зарабатывали валюту, чтобы платить за импортируемые промышленные товары, а бедность коренного населения и рабов не позволяла развивать рынок для местной промышленности. В колониях с умеренным климатом было мало источников валюты. Со временем стали привлекать все больше поселенцев со своими европейскими потребительскими привычками и растущей покупательной способностью. Промышленная стратегия, которая применялась в колониях с умеренным климатом, привела к образованию городских конгломератов, таких же, как в богатых странах Европы, а города в тропиках продолжали существовать как административные и торговые центры.

Анонимно изданная книга, автор которой, «новозеландский колонист», рассказывает, как рассуждали поселенцы в зоне умеренного климата в 1897 году. Они отказывались считать дешевый импорт благом, потому что принимать импортные товары значит не дать стране индустриализоваться. «Очень скоро появляются и другие отклонения от кредо индивидуалиста. Едва лишь британский колонист встает на ноги, как начинается его жестокая борьба с одним из самых драгоценных законов индивидуализма. Он отказывается от всех теорий свободной торговли с внешним миром и вводит высокие пошлины на импорт всех товаров, которые его колония способна самостоятельно произвести в достаточном для своих нужд количестве и качестве. Он вводит эти пошлины даже на продукты той страны, под флагом которой живет. Он верит, что только так его новую страну можно сделать процветающей для эмиграции в нее граждан его старой страны и что достичь такого процветания невозможно в условиях конкуренции со столицей, с ее возможностью выдавать безлимитные кредиты и оплачивать труд по более низкой цене. Избыточные товары, произведенные в старом мире, выбрасывают на рынок колониста по низкой цене для того, чтобы только не допустить уменьшения объема производства, который имеет экспортер в родной стране. Когда колонисту говорят, что получать эти товары так дешево — это благо, он отказывается признавать правоту любого, кто соглашается на такие блага в обмен на благополучие собственного народа.

Вдобавок к этим аргументам в защиту протекционистской политики колонист хочет, чтобы дети, растущие рядом с ним, имели возможность обучиться навыкам работы с механизмами и избежали участи вечно рубить дрова и черпать воду ради более богатых стран. Он считает работу с механизмами и продукты этой работы опорой силы и безопасности народа. Он твердо убежден, что в отсутствие разнообразия промышленных отраслей никакая отдельная отрасль процветать не может и что в отсутствие готового местного рынка для сельскохозяйственных продуктов невозможно должным образом устроить сельские поселения его новой страны. Таковы соображения, которые делают почти каждого британского колониста, если только он не торговец импортными товарами, убежденным протекционистом. Он не ждет немедленного результата. Он смотрит в будущее, думая о детях, которые растут рядом. Главный риск, по его

мнению, заключается в том, что протекционизм может сделать богатыми только нескольких работодателей, никак не улучшив условия жизни работников. В этом он отдает себе отчет, но надеется, что всеобщее образование и свобода послужат мощным оружием в руках людей всех классов и позволят им исправить ситуацию, когда в этом возникнет нужда. Чтобы ни случилось, его политика преисполнена надежды, его поддерживает убеждение, что она ни при каких обстоятельствах не может оказаться более вредной и губительной, чем индивидуалистская форма свободной торговли, которой она пришла на смену»³¹.

Автор этих строк, поселенец из молодой страны Новой Зеландии, подытоживает в них многовековую мудрость, которую я надеюсь донести до читателя. В гармонии с континентальной экономической традицией экономическая наука поселенцев требует одновременного уважения к интересам отдельных людей и общества в целом. Колонист видит дальше сиюминутного получения выгоды, он заглядывает в будущее, проявляя то, что Торстейн Веблен позже назовет родительским чувством — заботу о грядущих поколениях, будь то его собственные дети или дети других людей. Современная экономическая наука с ее методологическим индивидуализмом упускает из виду этот аспект, считая, что рынок автоматически приведет к гармонии в любой стране. Точно так же она игнорирует факторы времени, географической удаленности и невежества. Колония стремится защитить «все товары, которые... колония способна самостоятельно произвести». Размер рынка является ключевым фактором. Так, маленькие островные колонии или колонии с небольшим белым населением (например, в тропиках) не имели большого рынка, чтобы позволить себе такую политику.

Итак, колонист замечает, что богатые страны выбрасывают избыток товаров на рынки бедных стран, которые отказываются считать дешевые товары благом. В мировой иерархии страна, которая не защищает свою промышленность, обречена без конца «рубить дрова и черпать воду», как сказано в Библии³². Эта фраза часто использовалась в Соединенных Штатах в качестве довода в пользу обрабатывающей промышленности. Даже Библия признает иерархию профессий — аналог нашего индекса видов экономической деятельности (Приложение VI), в самом конце которой находятся дровосеки и водоносы. Это мнение несовместимо с основами теории международной торговли.

Наш «новозеландский колонист» понимал, как важно уметь обращаться с машинами, чтобы найти себе работу в промышленности. Кроме того, он знал о синергических эффектах, о которых Антонио Серра писал еще в 1613 году: отрасль не может выжить в изоляции. Он осознавал потенциальную проблему соискания ренты, которая сегодня волнует авторов Вашингтонского консенсуса. Однако если люди будут образованными и богатыми, считал он, сформируется демократия, которая сможет решить эту проблему. Я хотел бы добавить, что эту проблему гораздо проще решить, если богатый работодатель иностранец. В любом случае лучше столкнуться с проблемой внутреннего распределения доходов в стране, чем застрять в роли страны — производителя сырьевых товаров, в которой нет большого внутреннего рынка сбыта для продуктов.

Таким образом, климат воздействует на экономическое развитие не столько напрямую, сколько обходным путем — определяя способ производства, схему устройства поселений, а также интересы поселенцев. Сингапур — одна из богатейших стран мира — расположен чуть выше экватора. Богатство Сингапура не определяет место его расположения в некоем аномальном «кармане» умеренного климата на экваторе. Оно скорее следствие того, что в Сингапур было завезено много людей (азиатов и белых) для того, чтобы создать промышленность и следовать просвещенной промышленной политике. Тропическая Малайзия своим успехом обязана успешной политике Сингапура, который откололся от Малайзии в 1965 году.

Еще с 1500-х годов экономистам было известно, что географические и климатические особенности страны влияют на расположение промышленных предприятий, одновременно признавалось, что негативные особенности не просто можно, но нужно компенсировать экономической политикой, которая поддерживала бы промышленный сектор. Чем серьезнее географические и климатические недостатки, тем сильнее промышленность нуждалась в защитных барьерах. Удаленность от других стран и дороговизна транспортных перевозок служили промышленности естественной защитой. Настоящая проблема возникла с началом перестройки, которая преждевременно отменила протекцию в странах, где промышленность (вне всяких сомнений, отчасти из-за неправильной политики) еще не достигла уровня конкурентности на мировом рынке. Те-

перь же климат и географическое положение вернули себе основное значение в экономике развития благодаря попыткам экономистов найти оправдание несчастьям, которые навлек на бедные страны преждевременный отказ от инструментов промышленной политики.

10. «Приведите в порядок болезни»

Страшные тропические болезни сегодня объясняют неудачи, которые потерпели бедные страны при попытке развиться³³. В частности, корнем зла объявлена малярия. Я утверждаю, что и в этом случае стандартная экономическая наука сражается со следствием бедности, а не с ее причиной.

Эпидемия малярии длилась в Европе веками, борьба с этой болезнью упоминается еще в документах времен Римской империи. Вспышки малярии случались в таких областях, которые сегодня никто и не думает ассоциировать с этим заболеванием; долины Швейцарских Альп, расположенные на высоте 1400 м над уровнем моря, в Средние века были поражены малярией, а на севере она дошла до Заполярья, района Кольского полуострова в России. Европа избавилась от малярии при помощи индустриализации и развития. Более продвинутое и интенсивное сельское хозяйство привело к осушению болот, в то время как ирригационные каналы сделали неглубокие водоемы со стоячей водой, в которых процветает малярия, не совместимыми с экономическим развитием. Кроме того, в Европе проводилась активная вакцинация, система здравоохранения работала на полную мощность. (Эта же стратегия развития со временем позволила европейским странам расплатиться с долгами.)

Африке достался колониальный экономический строй. Она выступает сырьевым экспортером с недоразвитым промышленным сектором. Вместо развития, которое позволило Европе выплатить долги, Африка довольствуется списанием долгов. Вместо развития, которое искореняет малярию, Африке предлагают бесплатные москитные сетки. Никто не занимается структурными проблемами, лежащими в основе бедственной ситуации Африки, все внимание направлено на симптомы этих проблем. Мы подробнее поговорим об этом в следующей главе.

Включив географическое положение, климат и здоровье в число экономических факторов, экономисты отвлекают наше

внимание от глобального провала политики, рекомендованной Вашингтонским консенсусом. Поэтому нас не должно удивлять, что главные защитники не удавшейся в прошлом политики (например, Джеффри Сакс) сегодня выступают главными инициаторами этих отвлекающих маневров. Когда «невидимая рука» не приносит ожидаемого развития, экономическая наука деградирует до уровня примитивной веры в то, что причиной бедности в этом мире может быть исключительно судьба, но никак не люди. Факторы, создающие национальное богатство и национальную же бедность, были осознаны еще во времена Возрождения. Затем это понимание было углублено, а политика, разработанная учеными прошлого, была отточена. Соединенные Штаты показали миру превосходный пример успешности «стратегии высоких зарплат», как ее называли в те времена. Страны, которые не успели сменить экономический строй, перейдя к видам деятельности с возрастающей отдачей до того, как Вашингтонский консенсус запретил использование просвещенной экономической политики, теперь зависят от прихотей природы и естественного равновесия бедности. Как и писал Давид Рикардо, естественная зарплата действительно находится на уровне прожиточного минимума.

«Невидимая рука» рынка удерживает множество людей во всем мире на уровне выживания. Экономисты, считающие, что климат, болезни и географическое положение определяют развитие страны, не понимают того, что они оказались в ловушке этих факторов, потому что сами отказались от спасительных инструментов. Акцентируя внимание на чем угодно, кроме ключевой проблемы — необходимости изменить экономический строй в бедных странах, эти экономисты создают систему, олицетворяющую «вред добрых», который, по мнению Ницше, куда вреднее вреда злых.

VII. Паллиативная экономика: чем плох проект Целей тысячелетия

Так же как мы можем предотвратить обширные разрушения, вовремя повернув течение ручья у самого истока, так же и своевременное применение диалектики в фундаментальных идеях социальной философии может уберечь нас от невыразимых общественных бед и разрухи.

Герберт С. Фоксвелл, английский экономист. 1899

Конец истории породил не только тупиковые теоретические построения и отвлекающие маневры, о которых мы говорили в предыдущей главе. Он дал жизнь проекту по искоренению бедности (точнее, излечению ее симптомов) под амбициозным названием «Цели развития тысячелетия» (ЦРТ). На первый взгляд ЦРТ казались вполне благородными задачами в мире, где необходимо срочно принять меры, чтобы решить хотя бы самые острые общественные проблемы. В проект входило снижение вдвое количества людей, живущих на 1 долл. в день, уменьшение количества голодающих, борьба с болезнями и детской смертностью, а также образовательные и экологические задачи. Однако Цели тысячелетия разработаны на основании принципов, долгосрочные эффекты от которых недостаточно продуманы и изучены. В этой главе я попытаюсь объяснить, почему снижение уровня бедности — это неправильная задача, почему проект ЦРТ в конечном итоге не является общественной политикой. Содержание этой главы перекликается с презентацией, которую я делал Экономическом и социальном совете ООН в Нью-Йорке в 2005 году¹.

Новизна подхода заключается в том, что Цели развития выдвинули на первый план иностранное финансирование внутренней общественной политики страны и политики распределения в ней доходов, вместо того чтобы подчеркивать важность

финансирования бедных стран их собственными силами. Помощь при стихийных бедствиях, которая раньше носила временный характер, обрела постоянную форму в виде ЦРТ. В страны, где и без того половину правительственного бюджета составляет иностранная помощь, планируется увеличить денежные вливания из-за рубежа. Невольно задумаешься о том, до какой степени такой подход подсаживает многие страны на постоянное «пособие по безработице», т. е. фактически формирует благотворительный колониализм, о котором мы уже говорили.

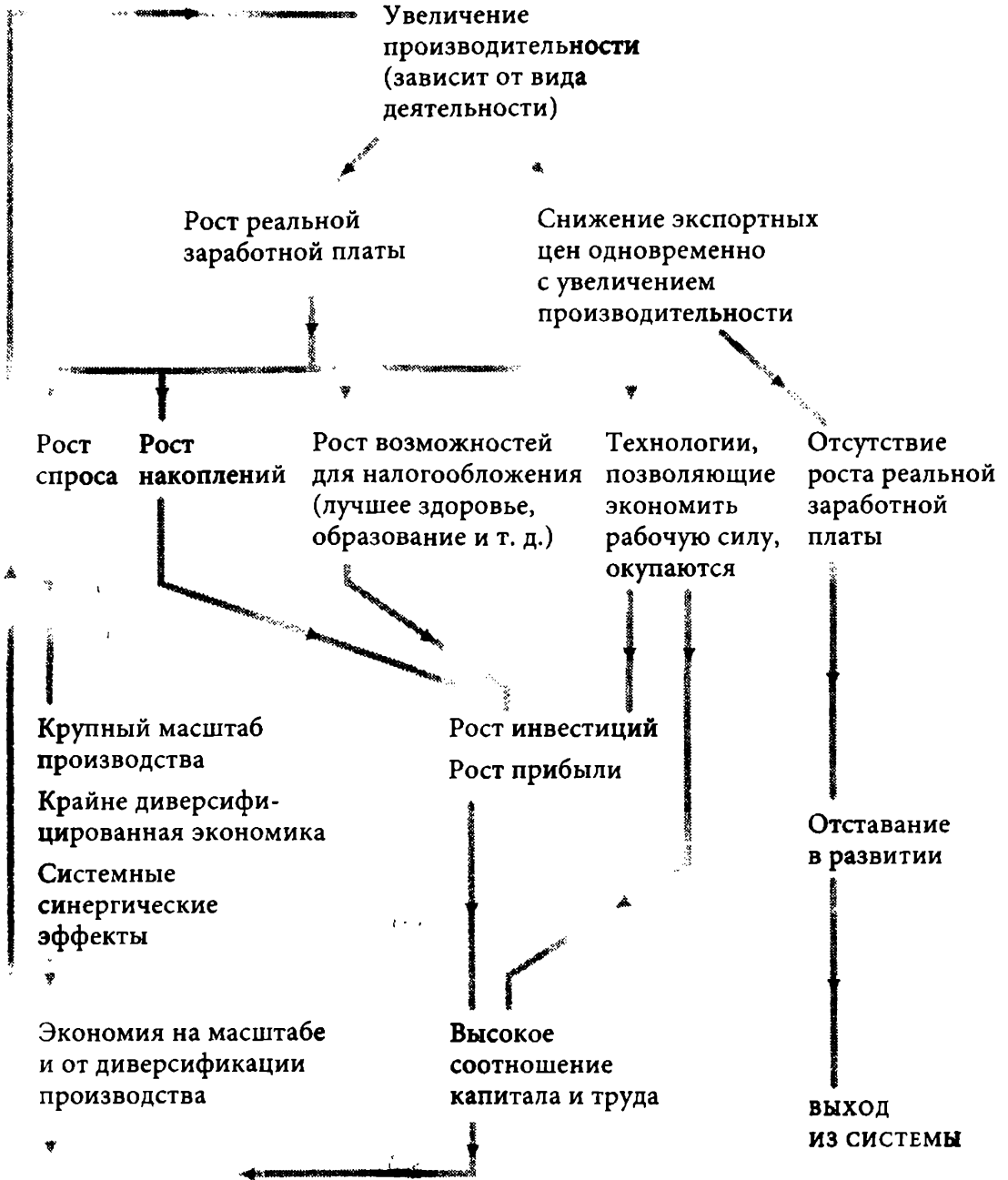
Цели тысячелетия демонстрируют, что ООН после нескольких неудачных десятилетий развития отказалась от попыток справиться с причинами бедности и направила усилия на борьбу с их симптомами. Положение Африки во многом напоминает увеличенную в масштабе ситуацию саамов-оленоводоов, о которой я писал в главе V. Как и оленоводам, африканцам не дают заниматься деятельностью, в ходе которой создаются обрабатывающая промышленность и рабочие места. Как и оленоводы, африканцы страдают от того, что я называю скандинавским заблуждением: вместо того чтобы атаковать источники бедности изнутри, через производственную систему, вместо того чтобы эту систему развивать, внимание концентрируется на симптомах бедности, которые облегчаются денежными вливаниями извне.

Я утверждаю, что паллиативная экономика практически вытеснила экономику развития. Необходимо найти равновесие между экономикой развития (радикальной сменой производственной системы в бедных странах) и паллиативной экономикой (облегчением экономически тяжелого положения), если мы хотим избежать негативных последствий в долгосрочной перспективе. Не надо забывать, что ухудшение экономической ситуации в бедных странах произошло тогда, когда ООН передала ответственность за мировое развитие Всемирному банку и МВФ.

КАК РЕШАЛИСЬ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ В ПРОШЛОМ

Как мы убедились в предыдущей главе, обострился контраст между экономической логикой, породившей План Маршалла, и экономической теорией — сегодняшней идеей многостороннего развития. План Маршалла появился благодаря тому, что были осознаны ошибки Плана Morgентау. В то время как

КАК БОГАТЫЕ СТРАНЫ СТАЛИ БОГАТЫМИ...

ПРИМЕЧАНИЕ: В закрытой системе с постоянным уровнем трудовой занятости населения единственный способ увеличения ВВП — при помощи «спирали богатства». Однако система может быть нарушена в любой момент: например, если спрос будет расти только на зарубежные товары, спираль будет разорвана.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ 14. Спираль богатства в экономическом развитии — План Маршалла

ИСТОЧНИК: диссертация Эрика Райнерта, 1980 г. (*Erik Reinert. International Trade and the Economic Mechanisms of Underdevelopment. Ph. D. thesis, Cornell University, 1980.*) Текст немного изменен.

целью Плана Моргентау была деиндустриализация Германии, по Плану Маршалла необходимо было не просто восстановить немецкую промышленность, но и создать «санитарный кордон» богатых стран, от Норвегии до Японии, вдоль границы с коммунистическими странами Европы и Азии. Самовоспроизводящийся механизм развития по Плану Маршалла показан на илл. 14, а порочные круги Плана Моргентау — на илл. 15.

Судя по количеству стран, которым удалось выбраться из бедности, следуя Плану Маршалла, этот план реиндустриализации — самый успешный проект развития в истории человечества. План Маршалла вырос из идеи, что экономическая деятельность в сельской местности и в городах качественно различаются. Он признал важность экономической политики, которую в прежние века проводили камералисты и меркантилисты. В знаменитой речи, произнесенной в июне 1947 года в Гарварде, Государственный секретарь США Джордж Маршалл (впоследствии награжденный Нобелевской премией мира) подчеркнул, что «крестьянин всегда производил продовольственные продукты, которые выменивал у горожанина на другие необходимые для жизни товары». Разделение труда на виды деятельности с возрастающей отдачей в городах и с убывающей отдачей в сельской местности *«является основой современной цивилизации»*, сказал Маршалл, добавив, что этому укладу грозит разрушение.

Для цивилизации необходима деятельность с возрастающей отдачей. Об этом говорили экономисты и политики, начиная с Антонио Серра (1613 г.) и заканчивая Александром Гамильтоном, Авраамом Линкольном и Фридрихом Листом. Лист подчеркивал связь между городскими видами деятельности и политической свободой. «Городской воздух освобождает», — гласит старая немецкая пословица. В табл. 3 Шумпетеровы (типично городские) виды деятельности противопоставлены Мальтусовым (типично сельским). Попытка навязать цивилизацию и демократию странам, где невозможны Шумпетеровы виды деятельности, приводит к банкротству стран, а также к резне и застою, как в Ираке и Афганистане.

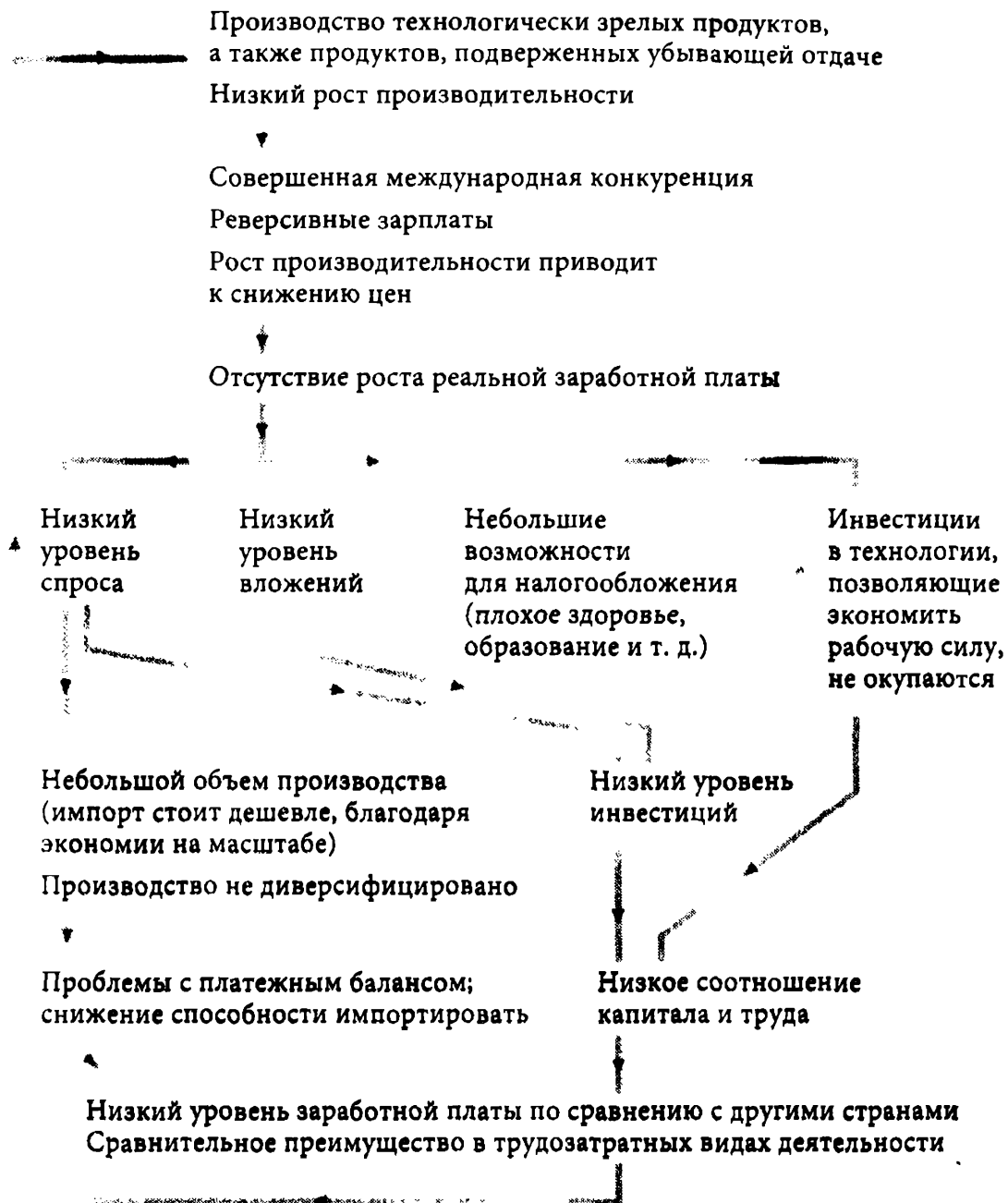
Как мы убедились в главе II, принципы политики, которая помогает странам перейти от бедности к богатству при помощи городских видов деятельности, на удивление мало изменились с момента своего появления при Генрихе VII в 1485 году до при-

менения их в Корею в 1970-е годы. Шумпетеровы виды деятельности с присущими им взрывами производительности (принцип, показанный на илл. 6) сумели резко поднять в последние несколько десятилетий реальные зарплаты в Ирландии и Финляндии — последних европейских колониях. Я утверждаю, что многие сегодняшние проблемы — результат того, что Всемирный банк и МВФ объявили инструменты, которые необходимы для создания деятельности с возрастающей отдачей и которые применялись всеми странами, разбогатевшими после Венеции и Голландии, вне закона.

После Второй мировой войны эти принципы с разной степенью успешности использовали разные страны. Некоторые из наиболее успешных (например, Южная Корея) временно защищали новые технологии от мирового рынка; другие, наименее успешные, защищали уже зрелые технологии при недостаточной емкости внутренних рынков, ограничивая конкуренцию, например, небольшими странами Латинской Америки. Общее сравнение эффективных и неэффективных протекционистских мер приведено в Приложении IV. Однако во многих странах уровень реальной зарплаты был при наличии неэффективного промышленного сектора заметно выше, чем сегодня, когда этот сектор ослаблен (мы видели это на примере Перу; см. илл. 12). Люди понимали, что при наличии в стране промышленного сектора (даже если он не так эффективен, как в богатых странах) реальные зарплаты будут выше, чем если его нет. Так что если промышленный сектор страны слаб, то надо работать над его эффективностью, а не закрывать сектор. Это, вероятно, самое важное правило, которое было забыто после наступления в 1989 году конца истории.

В своей простейшей форме этот довод происходит из спора о роли, которую возрастающая и убывающая отдача играют в теории торговли в качестве отправных точек для создания спирали богатства или порочных кругов бедности. Как мы уже видели в предыдущей главе, невнимание к этим механизмам приводит скорее к поляризации цен на производственные факторы, чем к их выравниванию. В 1613 году Серра первым установил, что возрастающая отдача и диверсификация экономической деятельности — необходимые предпосылки для создания богатства. С тех пор этот принцип использовался практически постоянно, пока с появлением мировых финансовых

VII. ПАЛЛИАТИВНАЯ ЭКОНОМИКА: ЧЕМ ПЛОХ ПРОВКТ...

ПРИМЕЧАНИЕ: Бессмысленно атаковать эту систему с какой-либо одной стороны, например, увеличивать объем инвестиций, в то время как уровень зарплат еще низок, а спрос отсутствует. Примером такого провала может служить неудачное использование капитала и чрезмерные мощности в наименее развитых странах Латинской Америки.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ 15. Порочные круги бедности — План Моргентая
ИСТОЧНИК: диссертация Эрика Райнерта, 1980 г. (*Erik Reinert. International Trade and the Economic Mechanisms of Underdevelopment. Ph. D. thesis, Cornell University, 1980.*) Текст немного изменен.

организаций человечество не решило от него отказаться. Начиная с 1980-х годов перестройка деиндустриализовала множество бедных периферийных стран и привела к падению в них уровня реальной зарплаты². Мейнстримовая теория долго утверждала, что деиндустриализация не имеет значения, даже наоборот. Как сказал первый генеральный директор ВТО Ренато Руджеро, свободная торговля должна дать волю «бесконечному потенциалу экономики по выравниванию отношений между странами и регионами».

В 1930-е годы сохранение золотого стандарта и поддержание равновесия бюджета считали основными экономическими целями. Это заманило мир в ловушку субоптимального равновесия и не дало претвориться в жизнь стратегии Кейнса. Аналогичным образом, когда в 1980-е годы свободная торговля стала центральной идеей стратегии развития, кризис задолженности вновь завлек индустриально менее развитые страны в ловушку субоптимального равновесия.

Вместо того чтобы продолжать политику, основанную на упрощенной версии Мейнстримовой теории торговли, надо как следует подумать о конфликте между свободной торговлей и реальной зарплатой в неиндустриальных странах. Помимо прочего специализация на видах деятельности с убывающей отдачей при росте населения проводит к серьезным экологическим проблемам³. Бедность во многих странах третьего мира и бывшего «второго» мира связана не с переходным периодом, а с устойчивыми характеристиками стран, имеющих разный экономический статус. Когда США начинали индустриализацию, правительство всего лишь хотело воссоздать промышленный строй Англии, а для этого нужны были тарифы. Однако успешная индустриализация в условиях протекционизма обречена. К 1880-м годам американские экономисты, применяя аргументы (масштаб производства и новые технологии), на основании которых была введена защита американской промышленности в 1820-е годы, заговорили о свободной торговле. Те самые тарифы, которые когда-то помогли выстроить сектор обрабатывающей промышленности, теперь ему вредили⁴. Вот почему Фридрих Лист, известный протекционист, был за введение глобальной торговли, но только после того как все страны достигнут сравнительного преимущества в видах деятельности с растущей отдачей⁵. Он возражал не против самой свободной

торговли как таковой, но против неправильного выбора времени для ее введения.

Если вчитаться в то, что пишет Адам Смит — икона свободной торговли и *laissez-faire*, об экономическом развитии на ранней стадии, то можно увидеть, что он во многом согласен с классическими экономистами, защищавшими индустриализацию. В одной из ранних книг, «Теория нравственных чувств»⁶, Смит утверждал, что новые мануфактуры надо поддерживать не для того, чтобы помочь поставщикам или потребителям товаров, но для того, чтобы улучшить «великую систему правления».

Как мы обсуждали в главе IV, вполне можно утверждать, что Смит был неправильно понятым меркантилистом, который решительно приветствовал меркантилистскую политику в Англии в прошлом, но считал, что нужда в ней отпала. Он хвалил навигационные акты, защищавшие обрабатывающую промышленность и судостроение Англии от голландских конкурентов, говоря, что «они отличаются такой мудростью, точно были продиктованы самым зрелым размышлением» и называя их «пожалуй, одним из самых мудрых мероприятий Англии по регулированию торговли»⁷. В конце концов самовоспроизводящееся развитие, которое описывал Смит, стало возможным благодаря применению в прошлом протекционизма. В «Богатстве народов» только один раз упоминается «невидимая рука» — когда она помогла достичь главной цели меркантилистской политики — заставила покупателей предпочесть отечественную промышленность зарубежной⁸. Это могло произойти только после того, как рынок взял на себя роль, которую раньше выполняли протекционистские меры, и отечественной промышленности не нужна была больше защита.

Раньше экономическое развитие шло путем эмуляции экономического строя богатых стран, т. е. при помощи создания менее эффективных копий этого строя. Ключевые качества этого строя — существенное разделение труда (на промышленные отрасли и на специалистов) и наличие сектора с возрастающей отдачей (промышленность и наукоемкие услуги) — были зафиксированы Антонио Серра (1613 г.), Джеймсом Стюартом (1767 г.), Александром Гамильтоном (1791 г.) и Фридрихом Листом (1841 г.). Как мы знаем из главы I, временами эти принципы бывали забыты: во Франции в 1760-е годы, в Европе в 1840-е и во всем мире в 1990-е.

Однако эти периоды забвения неизменно заканчивались, слишком дорого они обходились обществу. Физиократия принесла Франции голод, ставший одной из причин Французской революции⁹. Эйфорическое принятие свободной торговли закончилось в 1848 году революциями во всех крупных европейских державах, кроме Англии и России. Теория Давида Рикардо опровергалась каждый раз, когда несимметрично применялась к отраслям с возрастающей и убывающей отдачей¹⁰. В то же время утверждение Рикардо о том, что естественная зарплата располагается на уровне прожиточного минимума, подтвердилось. Как мы видели в главе V, эйфорическое отношение к свободной торговле в 1990-е годы вновь привело к прогрессирующей бедности в периферийных странах, но в этот раз мы среагировали на это неправильным образом: продолжили концентрироваться на симптомах, а не на причинах проблемы.

КАК РЕШАЮТСЯ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕГОДНЯ

Стандартная экономическая наука считает, что процесс подразумевает накопление вложений в физический и человеческий капитал¹¹. Как мы уже видели, стандартная экономическая теория, на которой основана сегодняшняя стратегия развития, не знает качественных различий между видами экономической деятельности. Ни одно из сегодняшних государств-банкротов (или близких к банкротству) не выдержало бы экзамен Джорджа Маршалла на создание современной цивилизации: в них чрезвычайно слаб промышленный сектор, невозможен благотворный обмен между городской и сельской деятельностью. Кроме того, их экономическая база недостаточно диверсифицирована, в них ограниченное разделение труда, они специализируются на видах деятельности с убывающей отдачей и/или совершенной конкуренцией, при которой у них нет власти над ценами, а технологический прогресс приводит к снижению цен для зарубежных потребителей, а не к повышению зарплат для их граждан.

Исторически современная демократия зародилась в странах, где установился цивилизный обмен между городскими и сельскими видами деятельности, как например, в итальянских городах-государствах. В большинстве успешных городов-государств (включая такие, где было мало пахотной земли, как в Венеции

или Голландской республике) власть не принадлежала землевладельцам. Это сделало возможным кумовство (*cronyism*), о котором писал Шумпетер, когда политические и экономические интересы действуют в сговоре так, чтобы создавать всеобщее богатство. Зависимость от природных ресурсов, напротив, способствовала развитию феодализма и колониализма, для которых не характерна политическая свобода. Аналогичным образом гражданская война в Америке произошла между землевладельцами-южанами, заинтересованными в сельском хозяйстве и дешевой рабочей силе, и северянами, нацеленными на индустриализацию. История Латинской Америки во многом напоминает историю США, какой она могла бы быть, если бы в гражданской войне победил Юг, а не Север.

Согласно альтернативной экономической парадигме Другого канона, которая сочетает элементы исторической и эволюционной теорий, развитие происходит благодаря эмуляции и ассимиляции: менее продвинутые страны учатся у более продвинутых, копируя их экономическую структуру и институты. Ключевые элементы в этой стратегии эмуляции и ассимиляции — патентная защита, научные академии и университеты. Экономическое развитие зависит от вида деятельности, оно привязано к кластерам экономической деятельности, для которой характерна возрастающая отдача, динамическая несовершенная конкуренция и быстрый технологический прогресс. Помимо капитала для развития необходима передача умений и их освоение. Однако больше всего остального для него необходимо создание жизнеспособного рынка для деятельности с возрастающей отдачей в странах, где недостаточная покупательная способность сочетается с массовой безработицей. Благодаря тому что мировые финансовые организации в основном пользуются моделями, которые предполагают отсутствие безработицы, им удастся избежать важнейшего фактора, который не дает странам преодолеть бедность, — отсутствия «белой» отчетности. Со времен Голландии и Венеции в XVI веке только странам со здоровым промышленным сектором удавалось приблизиться к полной занятости населения, избегнув повальной нехватки рабочей силы в деревнях.

Преобладающая сегодня экономическая теория проповедует то, что Шумпетер называл плоским мнением, что двигателем капитализма является капитал: развитие происходит во многом

благодаря накоплению капитала — физического или человеческого. «Неоклассическая теория предполагает, что если инвестиции сделаны, то новые способы делать дела появляются относительно легко, даже автоматически», — писал Ричард Нельсон¹². Что еще более важно, стандартная теория исходит из предпосылки, что экономический строй страны вообще неважен, поскольку капитал поведет страну к экономическому развитию, если в него инвестировать (неважно, при каком это происходит строе). В альтернативной теории Другого канона разная экономическая деятельность очень сильно различается как потенциальный носитель экономического развития. Иными словами, необходимо избавить экономическую науку от того, что Джеймс Бьюкенен называет предпосылкой о равенстве — наиболее важной, но наименее обсуждаемой предпосылки. В основе философии Просвещения лежала идея, что мир можно упорядочить при помощи таксономий (систем классификации), из которых лучше всего известна система Карла Линнея. Неоклассическая экономическая теория еще не доросла до своего Просвещения в том смысле, что она достигает аналитической точности при помощи отказа от таксономии: все виды экономической деятельности она рассматривает как качественно одинаковые. Поэтому ее выводы (например, вывод о выравнивании цен на производственные факторы) по сути встроены в ее предпосылки. Возможность в каждый конкретный момент впитывать инновации и знания, а следовательно, привлекать инвестиции, в разных видах экономической деятельности сильно различается.

Поскольку капитал как таковой считается ключом к развитию, бедным странам выдают кредиты, однако производственный и промышленный строй не способен прибыльно освоить их. Начисленные проценты часто превышают норму прибыли, полученной с инвестиций. Поэтому финансирование развития может быстро приобрести черты финансовой пирамиды, которая приносит прибыль только тем, кто ее основал и находится недалеко от выхода¹³. Вложения в человеческий капитал без внесения одновременных изменений в производственную структуру, с тем чтобы создать спрос на полученные умения, не способствуют ничему, кроме эмиграции. В обоих случаях мы видим эффекты обратной волны экономического развития: больше капитала — денежного и человеческого — будет направляться из бедных стран в богатые, чем наоборот. Объ-

яснить это можно типом экономического строя, характерным для бедных стран, т. е. порочным кругом бедности, который создается нехваткой спроса и предложения, а также отсутствием возрастающей отдачи. Промышленная политика США в 1820–1900 годы — вот лучший пример, которому должны следовать страны третьего мира, пока они не научатся получать выгоду от международной торговли.

ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ?

Денежные вливания должны сопровождаться учреждением промышленного сектора и секторов услуг, способных принять физические и человеческие инвестиции, как это было сделано по Плану Маршалла. Уйти от производства сырьевых товаров необходимо для того, чтобы создать экономическую основу для стабильности и благосостояния, даже если новые сектора не сразу выдержат мировую конкуренцию. Зарождающейся индустриализации понадобятся особые условия (такие как предложенные Планом Маршалла) и такая же интерпретация Бреттонвудского соглашения, какая была принята после окончания Второй мировой войны.

То, что неоклассические экономисты плохо понимают, как работает бизнес, усугубляет проблему. В основе их версии капитализма лежит совершенная конкуренция и равновесие — ситуация потенциально весьма неприбыльная. Любой успешный и прибыльный бизнес основан (почти по определению) на получении ренты. В страдающих от бедности странах третьего мира условия приближаются к ситуации уменьшающейся отдачи и совершенной конкуренции, в то время как богатые страны, экспорт которых соответствует условиям Шумпетеровой динамической конкуренции, получают ренту, которая приводит к росту зарплат и дает основания для налогообложения. Отказ понять, что для развития необходима Шумпетерова несовершенная конкуренция, лежит в основе возражений против промышленной политики. Все, что способствует несовершенной конкуренции, считается способствующим коррупции.

Кейнс считал, что инвестиции являются результатом стихийного оптимизма, который он называл жизнерадостностью (*animal spirits*). В отсутствие такого оптимизма (желания инвестировать в условиях неопределенности) капитал стерилен, как

в мире Йозефа Шумпетера и Карла Маркса. Мотивация, стоящая за *animal spirits*, — желание максимизировать прибыль, нарушив тем самым равновесие совершенной конкуренции. С точки зрения бизнесмена, бедные страны страдают от нехватки инвестиций, потому что в них мало прибыльных инвестиционных возможностей, а мало их из-за низкой покупательной способности и высокого уровня безработицы. Крестьян, едва сводящих концы с концами, не назовешь выгодными потребителями для большинства производимых товаров и услуг. Тарифы могут создать стимулы для переноса производства на рынки труда бедных стран. Исторически это было сознательным компромиссом между интересами получателя зарплаты и производителя. Идея, что индустриализация поможет быстро увеличить количество рабочих мест и повысить уровень зарплат (что оправдывает временно завышенную цену на промышленные товары), лежала в основе импортозамещающей индустриализации латиноамериканских стран, которая долгое время была крайне успешной, а также в основе американской экономической теории в 1820-е годы¹⁴.

Идея, что открытость облегчает судьбу бедных стран, противоречит здравому смыслу и историческому опыту. Много раз быстрая экономическая открытость отсталой страны уничтожала небольшую производственную деятельность, которая в ней существовала, тем самым обостряя ситуацию. Мудрые теоретики развития прошлых времен Джеймс Стюарт и Фридрих Лист подчеркивали, что торговля должна открываться постепенно, чтобы дать производственному сектору бедного торгового партнера время к ней приспособиться. Именно так Евросоюз проводил интеграцию Испании в ЕС в 1980-е годы; интеграция прошла успешно. Однако в результате триумфального настроения, начавшегося в 1989 году, прежняя практика интеграции была забыта, сменившись шоковой терапией.

Начиная с объединения Италии в XIX веке и заканчивая интеграцией Монголии и Перу в 1990-е годы, исторический опыт подсказывает нам, что свободная торговля между странами, находящимися на разных уровнях развития, приводит к уничтожению наиболее эффективных промышленных секторов наименее эффективных стран. Я назвал это явление эффектом Ванека — Райнерта. Его можно было наблюдать во Франции после окончания войн с Наполеоном, во время объединения Ита-

лии и во время конца истории — в странах как «второго», так и третьего мира. Первой вымирала наиболее продвинутая обрабатывающая промышленность, а последним — наименее продвинутое натуральное хозяйство. Последовательность такова: деиндустриализация, затем деагрикультурализация и депопуляция. Это явление характерно для многих стран, например Мексики, Молдавии, периферийной Европы, где живут только люди старше 60 и младше 14 лет, а население трудоспособного возраста работает за рубежом.

В Перу и Монголии реальная зарплата достигла максимальной отметки во время периода «неэффективного» импортозамещения. Мейнстримовая экономическая наука упрямо отказывается замечать реальные порты, аэропорты, дороги, электростанции, школы, больницы и отрасли услуг, появившиеся благодаря «неэффективному» промышленному сектору, а ведь все эти блага были результатом созданного этим сектором спроса на труд и инфраструктуру¹⁵. То же происходило в Англии после 1485-го, в Германии после 1650-го, в Соединенных Штатах после 1820-го и в Корее после 1960 года. Эти страны начинали строить свое богатство, создавая «неэффективные» национальные сектора промышленности. Развитие национальной эффективности начинается с предварительной стадии, которая недалеким умам (но не Адаму Смиту) может показаться относительно неэффективной. Эта стадия была обязательной частью развития, через которую прошли все богатые страны, однако сегодня она запрещена мировыми финансовыми организациями.

Единственная разница между богатыми странами и Перу с Монголией в том, что последние так и не дошли до стадии, на которой их промышленность стала бы конкурентной на международном уровне. Почему? Есть несколько причин: отчасти дело в том, что они применяли недостаточно динамичный протекционизм (Приложение IV), однако несомненным отрицательным фактором стало стремительное открытие экономики этих стран. Во многих бывших коммунистических странах фирмы обанкротились, не успев наладить систему бухгалтерии, которая помогла бы им оценить их издержки. С течением времени станет очевидно, что шоковая терапия конца истории была безумием.

Как я уже говорил, выбор времени для открытия экономики страны имеет огромное значение. Открывшись слишком поздно, страна рискует серьезно задержаться в развитии, а открыв-

шись слишком рано, может пострадать от деиндустриализации, падения зарплат¹⁶ и роста социальных проблем. То, что множество бедных крестьян становятся неконкурентоспособными по сравнению с субсидируемым сельским хозяйством «первого» мира — это относительно новая, но тревожная тенденция, которая может продолжиться даже после того, как страны «первого» мира снимут экспортные субсидии на продовольственные товары. То, что мексиканские крестьяне неконкурентоспособны по сравнению с американскими производителями маиса и пшеницы, — ключевой фактор, провоцирующий эмиграцию из южной Мексики. В Индии 650 млн крестьян, многие из которых так же неконкурентоспособны, как и их мексиканские коллеги. Неконкурентоспособные мексиканцы могут отправиться на поиск работы в США, но куда мы денем 650 млн индийских крестьян, которых свободная торговля поставит в то же положение?

Беднейшие страны поступаются максимизацией благосостояния граждан ради максимизации международной торговли, к которой приводит сегодняшняя политика. Об этой проблеме в XVII веке писал французский экономист Симон Ленге как о результате политики физиократов. Компромиссное решение о выборе между свободой торговать и свободой «от голода» сегодня необходимо пересмотреть, а не пытаться компенсировать постоянным увеличением финансовой помощи, которое только ухудшает зависимое положение бедных стран.

История показывает, что порочный круг бедности и неразвитости можно разорвать, только если качественно изменить производственную структуру бедной страны. Успешная стратегия включает диверсификацию производства, переход от секторов с убывающей отдачей (традиционного производства сырьевых материалов и сельского хозяйства) к секторам с возрастающей отдачей (технологиям, интенсивной обрабатывающей промышленности и услугам), в результате происходит разделение труда¹ и возникает другой общественный строй. Освободив из плена натуральное сельское хозяйство, такая стратегия поможет создать городской рынок для товаров, что способствует специализации и инновациям, развитию новых технологий, альтернативных секторов трудовой занятости и экономической синергии, которые объединяют национальное государство. Ключ к стабильному развитию — это взаимодействие между секторами с убывающей и возрастающей отдачей в пределах одного рынка труда.

НЕПОТИЗМ ПО МАЛЬТУСУ ПРОТИВ НЕПОТИЗМА ПО ШУМПЕТЕРУ

Ничто так не оскорбит экономиста, как назвать его меркантилистом. И это несмотря на то, что самые знаменитые экономисты XX века Джон Мейнард Кейнс и Йозеф Шумпетер защищали как меркантилизм, так и до-Смитову экономическую науку в его контексте. Меркантилистами часто называют тех, кто считает, что определенные виды экономической деятельности активнее способствуют росту экономики и общественного благосостояния, чем другие. Меркантилисты создавали перекос в экономике, чтобы продвигать виды деятельности с возрастающей отдачей. В последнее время, когда вновь зазвучали призывы индустриализовать бедные страны, появились новые возражения против этой идеи: индустриализация приведет к соисканию ренты и nepoтизму.

В главе IV я утверждал, что получение ренты — это основная движущая сила капитализма. Вопрос только в том, распространяется ли эта рента на все общество — в виде более высоких прибылей и зарплат, а также большего основания для налогообложения. Желательная в теории совершенная конкуренция никак не может сделать производителей богатыми. Сегодня к аргументу о получении ренты добавился аргумент о том, что промышленная политика приводит к nepoтизму — заработать можно только благодаря связям или знакомству с «правильными» людьми.

Вспомним основные типы экономической деятельности — Шумпетеров и Мальтусов, описанные на табл. 3, и по аналогии с ними выделим два типа nepoтизма. Возьмем такие примеры:

2005 г.: производитель сахара с Филиппин использует политическое влияние, чтобы затруднить импорт сахара на Филиппины.

2000 г.: мэр Чикаго Ричард Дэйли (игнорируя рекомендации экономистов Чикагского университета) субсидирует и без того богатых инвесторов в сектор высоких технологий при помощи инкубатора.

1950 — 1960-е гг.: шведский индустриалист Маркус Валленберг использует близкое знакомство с лейбористским ми-

нистром финансов Гуннаром Стренгом, чтобы заручиться политической поддержкой по развитию шведских компаний «Volvo» и «Electrolux».

1877 г.: производители стали в Соединенных Штатах используют политический вес, чтобы ввести 100%-й налог на импорт стальных рельс¹⁷.

1485 г.: владельцы шерстяных мануфактур используют связи с королем Генрихом VII, чтобы убедить его дать им субсидии и ввести налог на экспорт необработанной шерсти, который увеличит цены на сырье для их конкурентов с континента. Тем самым они медленно душат всех остальных производителей шерсти, например флорентийских.

Это примеры коррумпированного капитализма и получения ренты, которых не выносит стандартная экономическая теория. Однако между первым примером и остальными есть ключевое различие. Филиппинский коррупционер, в отличие от остальных, добивается субсидий сырьевого товара с убывающей отдачей, который конкурирует на мировом рынке в отрасли, где действует совершенная конкуренция. Иными словами, он практикует непотизм Мальтусова типа, который ведет его страну по пути убывающей отдачи (несмотря на технологический прогресс, который этому препятствует) от такой деятельности, в которой технологический прогресс бессилён поднять реальные зарплаты. Все остальные случаи непотизма Шумпетерова типа; они приводят к тому, что Шумпетер назвал исторически возрастающей отдачей (к сочетанию возрастающей отдачи и быстрого технологического прогресса). Если мы свяжем эти соображения с новой теорией торговли, то увидим, что перекосящий создает в экономике непотизм, по Шумпетеру, приводит к совсем иным результатам, чем непотизм филиппинца из первого примера.

Кейнс как-то сказал, что чем хуже ситуация, тем хуже работает *laissez-faire*. Если мы будем настаивать на отказе от промышленной политики только потому, что уход от совершенной конкуренции позволит нескольким коррупционерам разбогатеть, это значит, что мы неправильно понимаем природу капитализма. Суть капитализма в том, чтобы *уйти* от совершенной конкуренции. Главное, чему учат студентов в хороших шко-

лах бизнеса, — как избежать ситуации совершенной конкуренции, той самой, которую сегодняшние экономисты принимают за предпосылку своих теорий.

Экономическое развитие происходит благодаря структурным переменам, которые нарушают равновесие и создают ренту. Настаивать на отсутствии ренты — то же самое, что требовать от государства полной неподвижности. Однако выбирать, какую деятельность защищать, а какую нет, все же необходимо. Авраам Линкольн защищал коррупционеров-сталелитейщиков; платя немного завышенную цену за сталь¹⁸, США создали мощную стальную промышленность с хорошо оплачиваемыми рабочими местами, которая увеличила базу для налогообложения. Соединенные Штаты также воссоздали структуру тройной ренты, которая, как мы обсуждали в главе III, существовала в Венеции, Голландской республике и Англии. Экономическое развитие происходит там, где общественные интересы страны не противоречат частным корыстным интересам капиталистов. Из-за того что стандартная экономическая наука не понимает динамики, по которой живет мир бизнеса, она не понимает и экономической сути колониализма. Не давая колониям учредить собственный сектор промышленности, колонизаторы удерживали экономическую деятельность с высоким потенциалом для роста и механизации в метрополисе, а колониям оставалась деятельность с убывающей отдачей.

Огромные суммы, которые перечисляются бедным странам в ходе достижения ЦРТ, непременно приведут к nepотизму. Благодаря этим деньгам кто-то обязательно разбогатеет, ведь свободная от коррупции экономика существует только в моделях неоклассических экономистов. Выбрав Шумпетеров nepотизм, а не nepотизм при распределении гуманитарной помощи, мы можем дать шанс бедным странам освободиться от экономической зависимости. Шумпетеров nepотизм увеличивает экономический сектор страны и мира. Nepотизм, основанный на денежной помощи, ничего не увеличивает, кроме зависимости от зарубежных стран, при этом отвлекает внимание бедной страны от создания национальных ценностей.

Мы, похоже, совсем перестали понимать логику, по которой работает инструментарий экономического развития. Патенты и современные тарифы появились примерно в одно время, в конце 1400-х годов. Эти институты по получению ренты

созданы при понимании экономического развития для того, чтобы защищать знания (в случае патентов) и распространять производство в новые географические области (в случае тарифов). Патенты и тарифы представляют узаконенное получение ренты, чтобы добиться целей, не достижимых при совершенной конкуренции.

Почему же тогда возражения о получении ренты и непотизме не применяются к патентам, а только к тарифам и другим стратегическим инструментам, применяющимся в бедных странах? Мы можем в какой-то мере обоснованно сказать, что богатые страны устанавливают правила, которые разрешают им самим конструктивное получение ренты, но запрещают его бедным странам.

РАЗНООБРАЗИЕ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ

Еще одно белое пятно современной экономической науки — неспособность понять, насколько для экономического роста важно разнообразие. Разнообразие — ключевой фактор для развития. Во-первых, разнообразие видов деятельности с возрастающей отдачей (максимизация количества профессий в экономике) — это основа синергических эффектов, которые способствуют экономическому развитию. Это было известно экономистам еще в 1600-е годы. Во-вторых, современная эволюционная экономика считает разнообразие основой для выбора технологий, продуктов и организационных решений, которые являются ключевыми элементами зарождающейся рыночной экономики¹⁹. В-третьих, разнообразием объясняется исключительность Европы, где массовость конкурирующих друг с другом национальных государств привела к толерантности и спросу на разнообразие. Ученый, взгляды которого не нравились какому-то королю или правителю, мог устроиться на работу в другом государстве, способствуя разнообразию идей. Важность четвертой причины — религиозного разнообразия — подчеркивал Иоганн Фридрих фон Пфайффер (1718–1787), один из наиболее влиятельных немецких экономистов XVIII века. Некоторые экономисты считают, что одни религии в большей степени способствуют экономическому развитию, чем другие²⁰, а английский историк Ричард Тауни²¹ (1880–1962) считал, что роль религии в продвижении капитализма снижается. Пример-

но за 150 лет до этого Пфайффер утверждал, что если в стране несколько конфессий, то религия как институт несколько теряет свою власть над населением страны. Существование альтернативной веры устраняет страх и другие факторы, которые способствуют развитию фанатизма, в стране развивается благоприятная толерантность по отношению к разнообразию ремесел и составу населения²². Я дважды был в Малайском университете в Куала-Лумпуре в качестве приглашенного профессора и имел возможность понаблюдать, как мусульманство практикуется в индустриальной стране наряду с другими религиями. Мне кажется, что и Тауни, и Пфайффер были правы, мы смотрим на проблему безопасности Запада не с той стороны.

Мы живем в век невежества, когда аргументы, объясняющие экономическое развитие, забыты. Важность разнообразия — один из этих аргументов. О нашем невежестве свидетельствует банальность сегодняшнего подхода к бедности как к следствию климатических условий и коррупции. Его дополнительно усиливает незнание истории и отсутствие интереса к проверенным принципам, которые в течение 5 веков помогали одной стране за другой преодолеть бедность. В ситуации, аналогичной сегодняшней, группа просвещенных немецких экономистов XIX века добилась внимания канцлера Отто фон Бисмарка и получила разрешение сделать Германию государством всеобщего благосостояния. Аналогичным образом сразу после Второй мировой войны человечество поняло, что экономическое развитие это следствие синергии и возрастающей отдачи. В сочетании с политической угрозой со стороны коммунистических стран это понимание позволило преодолеть идеологию свободной торговли, царившую в Вашингтоне, и реиндустриализовать Европу, а также индустриализовать часть Азии. Для того чтобы развитие возобновилось, надо вернуться к прежней экономической теории.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПОЛНОЙ ТЕОРИИ

Вслед за падением Берлинской стены в экономической науке безраздельно воцарились вариации на тему неоклассической теории. Однако неоклассическая экономическая теория была, выражаясь языком Николаса Кальдора, теорией непроверенной. Хотя во время холодной войны неоклассическая теория

служила эффективным идеологическим щитом, по ее постулатам не была построена ни одна страна. К 1990 году практические рекомендации экономистов строились вокруг Самуэльсона закона выравнивания цен на производственные факторы, а идеи остальных теоретиков игнорировались. Три ключевые идеи отца-основателя неоклассической экономической науки Альфреда Маршалла были утеряны, когда экономика отошла от Маршаллова качественного понимания промышленного производства и занялась математическими формулами, которые он привел в приложениях к «Принципам экономической науки» (1890 г.). Маршалл писал, что вводить налоги на деятельность с убывающей отдачей ради того, чтобы субсидировать деятельность с возрастающей отдачей, — это правильная стратегия. Он подчеркивал, что важно заниматься производством в секторах, где самый быстрый технический прогресс, и обращал внимание на роль синергии (идея промышленных районов).

Сменяющие друг друга модные веяния в экономической политике, описанные в главе VI, так и не исправили важнейшие недостатки неоклассической экономической теории:

- а) неспособность замечать качественные различия, в том числе разные потенциалы видов экономической деятельности в создании экономического роста;
- б) неспособность распознавать синергию и связи;
- в) неспособность справляться с инновациями и тем, как они распределяются по разным видам экономической деятельности.

Эти белые пятна современной мейнстримовой экономической науки помешали развиваться многим бедным странам. Китай и Индия (сегодня самые успешные из развивающихся стран) развились вопреки им, поскольку в течение 50 лет следовали рекомендациям Плана Маршалла, а не Вашингтонского консенсуса.

Точность мейнстримовой экономической науки и ее нерелевантность — продукты одного и того же процесса, когда все больше релевантных факторов исключалось из теории, создавая белые пятна. Основная идея деконструкции французского философа Жака Деррида крайне актуальна для экономики:

любая структура, которая организует наш опыт, будь она литературной, психологической, общественной, экономической, политической или религиозной, создается и поддерживается при помощи актов исключения. В процессе создания чего-либо что-то другое неминуемо отбрасывается. Такие исключаяющие структуры могут стать репрессивными, а репрессия никогда не проходит без последствий. Почти следуя фрейдистской теории, Деррида настаивает на том, что все репрессивное не исчезает, но, напротив, возвращается, чтобы разрушить любую конструкцию, какой бы прочной она ни казалась. Стандартная экономическая наука в том виде, в котором она применяется мировыми финансовыми организациями, репрессировала качественные различия между видами экономической деятельности. Однако, как и предостерегал Деррида, эти различия (то, что составляет качественную разницу между экономикой Афганистана и Силиконовой долины) вернулись и преследуют нас, в то время как мы пытаемся втиснуть Афганистан в рамки своего представления о национальном государстве. Война в Ираке была обоснована экономической моделью холодной войны, той самой, которой предполагала, что рынки и свободная торговля приведут к стихийному порядку. Существует прямая связь между репрессией релевантных экономических факторов и тем, что все больше афганцев и иракцев сегодня воспринимают как репрессии. Новой и улучшенной экономике развития необходимо постоянно помнить о предостережении Дерриды. Вместо того чтобы строить теории методом исключения, надо начать строить их методом включения, как это было принято в исторической экономической школе.

Не так давно инновации были восстановлены в статусе экономического фактора, но этого недостаточно. Обучение и инновации являются ключевыми элементами развития, однако они могут распространяться в экономике в виде снижения цен на товары для иностранных потребителей. Ханс Зингер, ученик Шумпетера, был автором идеи, что обучение и технологический прогресс в производстве сырьевых товаров, особенно в отсутствие сектора обрабатывающей промышленности, приводят к снижению экспортных цен, вместо того чтобы приводить к повышению уровня жизни страны — производителя сырьевых товаров²³. Обучение приводит производителей к богатству только тогда, когда они действуют в рамках системы,

ТАБЛИЦА 4. Качественные различия между обрабатывающей промышленностью и сельским хозяйством (производством сырьевых товаров) как идеальными видами деятельности

ОБРАБАТЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО
<p>Всеобщее богатство встречается только в городах, где есть ремесленники и обрабатывающая промышленность; его причиной считаются системные эффекты: <i>il ben comune</i> (Флоренция, 1200-е гг.)</p>	<p>Традиционно мало системных эффектов, отсутствие <i>ben comune</i> (всеобщего блага)</p>
<p>Опыт, полученный Испанией в 1500-е годы: настоящие золотые рудники — это предприятия обрабатывающей промышленности, потому что золото из Америки оседает в индустриальных городах вне Испании (всеобщее знание, 1600-е гг.)</p>	<p>Опыт, полученный Испанией в 1500-е годы: деиндустриализация и возвращение к сельскому хозяйству способствует росту бедности; стране лучше иметь относительно неэффективный сектор обрабатывающей промышленности, чем никакого вообще (см. аналогичный пример современной Латинской Америки на илл. 12)</p>
<p>Возможности для инноваций сконцентрированы в нескольких видах деятельности (исключительно городских: Ботеро, 1590 г.) (Перес и Суте, 1988 г.)</p>	<p>Мало возможностей для инновации (до недавнего времени)</p>
<p>Всеобщее богатство проистекает из большого разнообразия/большого разделения труда/максимизации количества профессий (Серра, 1613 г.). Разделение труда одновременное</p>	<p>Традиционно минимальный уровень разнообразия. Очень небольшое разделение труда (Адам Смит). Разделение труда последовательное, в зависимости от времени года — от пахоты до сбора урожая</p>
<p>Международная специализация приводит к росту отдачи/экономии на масштабе производства, что способствует снижению издержек, барьерам на входе и повышению прибыли (Серра, 1613 г.)</p>	<p>Специализация наталкивается на гибкую стену убывающей отдачи и растущих издержек/падающей производительности (Книга Бытия — Давид Рикардо и Джон Стюарт Милль)</p>
<p>Рост населения необходим для обеспечения масштаба/рынков для промышленных производителей (европейская домальтусовская теория населения)</p>	<p>Рост населения считается проблемой из-за убывающей отдачи и отсутствия новых земель (Мальтус)</p>
<p>Важная синергия между городом и сельской местностью: только крестьяне вблизи индустриальных городов занимаются эффективным производством (Европа 1700-х гг. — Джордж Маршалл, 1947 г.)</p>	<p>Богаты только крестьяне, которые делят рынок труда с промышленными видами деятельности: рынок продуктов, рынок избыточной рабочей силы, доступ к технологиям (США/Европа, 1800-е гг.)</p>
<p>Экспорт продуктов обрабатывающей промышленности и импорт сырьевых товаров, а также обмен промышленными товарами на другие промышленные товары считается для страны выгодной торговлей (Кинг, 1721 г.)²⁶</p>	<p>Экспорт сырьевых товаров и импорт продуктов обрабатывающей промышленности считается для страны невыгодной торговлей</p>

ОБРАБАТЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО
Динамичная несовершенная конкуренция	Совершенная конкуренция (<i>товарная конкуренция</i>)
Виды деятельности, в которых рост спроса сопутствует росту дохода/закон Вердоруна привязывает рост спроса к росту производительности	Виды деятельности с низкой эластичностью спроса по доходу (становясь богаче, люди начинают использовать все больше тех же самых продуктов)
Подвержена «взрывам производительности» с 1400-х годов	Медленный рост производительности вплоть до окончания Второй мировой войны.
Стабильное производство, которое может адаптироваться под существующий спрос. Перепроизводство предотвращается путем хранения сырья и полуфабрикатов	Цикличность производства/перепроизводства (нет возможности для хранения полуфабрикатов)
Стабильные цены	Мощные колебания цен. Выбор времени для продажи товара часто оказывается важнее для дохода, чем производственное мастерство
Создает средний класс и условия для развития демократии («Городской воздух освобождает»)	Как правило, создает строй феодального типа
Создает силу профсоюзов и нереверсивные зарплаты: «сопротивление» зарплат в денежном выражении	Реверсивные зарплаты и натуральные выплаты
Преобладают инновационные продукты, которые по мере «взросления» продукта становятся инновационными процессами	Преобладают инновационные процессы. Инновационные продукты в сфере сельского хозяйства производятся вне сектора сельского хозяйства (трактор Форда, семена Монсанто, биотехнологии)
Технологический прогресс приводит к росту зарплат, прибыли и налогов в странах-производителях (фордистский режим зарплат)	Технологический прогресс приводит к снижению цен в странах-потребителях (Зингер, 1950 г.)
Условия торговли имеют тенденцию улучшаться со временем по сравнению с сельским хозяйством	Условия торговли имеют тенденцию ухудшаться со временем по сравнению с обрабатывающей промышленностью
Создает больше синергических эффектов (связей, кластеров)	Создает мало синергических эффектов

раньше называвшейся индустриализмом — динамичной системы экономической деятельности с возрастающей производительностью, достигаемой благодаря техническому прогрессу и разделению труда. Отсутствие в сырьевых странах возрастающей отдачи, динамичной несовершенной конкуренции и синергии приводит к тому, что бедность в них становится постоянной чертой. В табл. 4 приведены аргументы, которые когда-либо использовались для объяснения того, почему одни виды экономической деятельности лучше, чем другие; почему страна, которая производит только сырьевые товары, не может выбраться из бедности. Экономика холодной войны и триумфализм 1989 года вычеркнули эти аргументы из инструментария Вашингтонского консенсуса. В табл. 4 промышленность и сельское хозяйство представлены в виде двух идеальных типов. Производство и сбыт цветочных луковиц в Голландии (технически сельскохозяйственная деятельность) характеризуется многими чертами из раздела «Обрабатывающая промышленность». Промышленность типа «макиладорас», наоборот, характеризуют черты, типичные для сельского хозяйства²⁴. В традиции Чарльза Кинга²⁵, бывшего главным экономическим мыслителем периода Просвещения, в левой колонке приведены «хорошие», способствующие развитию виды деятельности, а в правой — «плохие», развитию не способствующие. Важно рассматривать весь список целиком, учитывая кумулятивную синергию, а также положительное и отрицательное взаимодействие разных факторов.

Всего одного «плохого» фактора достаточно, чтобы остановить экономическое развитие. Если покупатели сельскохозяйственной продукции находятся в другой стране, а не в ближайшем городе, на одном рынке труда с крестьянами, то между сельской и городской деятельностью не могут завязаться ключевые синергические и цивилизующие связи, о которых писал Джордж Маршалл в 1947 году. Один этот фактор уже проваливает план развития Африки при помощи экспорта продовольствия в страны первого мира, не говоря уже об остальных факторах с илл. 15.

Начиная со Второй мировой войны акты исключения вычеркнули упомянутые факторы из инструментария, который влиял на политику Вашингтонского консенсуса. В результате этого страны, не успевшие достигнуть порога, за которым

свободная торговля становится выгодной, стали отставать все дальше от развитых стран в плане реальной зарплаты. Как мы обсуждали в главе VI, вместо того чтобы вернуть эти факторы в экономику, с 1990-х годов благонамеренные правительства тратят все большие суммы на бесплодную борьбу с неэкономическими факторами (как отвлекающими маневрами). Одновременно с этим растет объем финансовой помощи, создавая международную социальную политику, которая маскирует отсутствие прогресса. Однако истинная социальная политика — это создание условий для развития, причем не основанием субсидированных резерваций для бедняков, где те обитали бы, безработные и малопродуктивные. Резервации индейцев в Северной Америке — печальный пример того, к чему может привести субсидирование без изменения производственной структуры. Так же как и проект резерваций, Цели развития тысячелетия слишком ориентированы на паллиативную экономику, а не на структурные изменения; на борьбу с симптомами бедности, а не с ее причинами. В сегодняшней критической ситуации такие меры могут быть оправданны, однако если использовать их в качестве долгосрочной стратегии, не борясь с источником проблемы, они нанесут вред социальной политике. Вспомним, какими методами была побеждена малярия, которая в Европе имела эпидемический характер со времен Римской империи; так чем эти методы отличаются от сегодняшней раздачи бесплатных москитных сеток в Африке?

РАЗВИТИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО КОЛОНИАЛИЗМА

Сегодняшняя политика в отношении бедных стран рискует в конечном итоге оказаться вредной для их развития. Мы рискуем создать систему, которую можно назвать «благотворительным колониализмом»; этот термин придумал антрополог Роберт Пейн, описывая экономическую интеграцию коренного населения Северной Канады²⁷. Благотворительный колониализм характеризуется следующими чертами:

1. Смена направления денежного потока по сравнению с колониальными временами: средства идут из центра в колонию.

2. Интеграция коренного населения такими способами, которые радикально подтачивают его прежний источник существования.
3. «Подсаживание» коренного населения на то, что по сути является пособием по безработице.

По мнению Пейна, благотворительность становится средством стабильного управления на расстоянии. Применяется тонкая, недемонстративная и создающая сильную зависимость форма неоколониального контроля за обществом, которая упреждает независимость при помощи благонамеренной и щедрой, но в конечном итоге неэтичной политики. Благотворительный колониализм создает парализующую зависимость периферийной страны от центральной. Центр контролирует периферию системой стимулов, которая создает полную экономическую зависимость, тем самым не давая зависимой стране политически мобилизоваться. Социальные условия, в которых сегодня оказались обитатели североамериканских резерваций, демонстрируют нам, что крупные социальные выплаты привели к дистопии, а не к утопии.

Мы видим, как и в бедных странах денежная помощь приводит к пассивности и убивает мотивацию работать. Исследователи Гаити пишут, что денежные переводы, которые присылают своим родным эмигрировавшие в США гаитяне, убивают в местном населении мотивацию работать. Бразильские исследования достойного похвалы проекта «Нет голоду» («Zero Hunger»), который включает множество программ по борьбе с голодом на разных властных уровнях, показали, что большая часть этих программ оказалась неэффективной. Так произошло, потому что они боролись с симптомами бедности, распространяя бесплатные продукты или субсидируя цены на продовольственные товары, вместо того чтобы создать ситуацию, в которой бедные люди смогли бы сами заработать себе на хлеб²⁸.

Недавние события показали, какие дилеммы неминуемо сопутствуют благотворительному колониализму, когда шло обсуждение, прекратить ли гуманитарную помощь Эфиопии в качестве протеста против политики, проводимой правительством страны. Изначальное желание помогать бедным может быть вполне благородным, но благотворительный колониализм непременно разовьется в систему, в которой богатые страны смо-

гут в любой момент отказать бедным в денежной помощи, пище и источниках заработка, если им не понравится их национальная политика. Пока помощь в развитии бедным странам будет оставаться не стимулирующей настоящее развитие, а паллиативной, эта обманчиво щедрая и благонамеренная помощь непременно в итоге будет оборачиваться мощным контролем богатых стран над бедными. Вместо того чтобы способствовать глобальной демократии, такая политика приведет к глобальной плутократии. Мы получим старый феодализм с новым географическим уклоном: феодальные лорды по-прежнему будут иметь полный политический контроль за бедным населением, производящим сырьевые товары, но феодальные лорды и бедное население будут жить при этом в разных странах.

Политические ситуации в странах, попавших в экономическую зависимость и благотворительный колониализм, очевидны. Выборы в Ираке и Палестине показали, что Запад одобряет демократию только в случае, если бедные страны избирают одобренных Западом политиков. Демократически избранному президенту Боливии некуда обратиться за советом и финансовой поддержкой, альтернативным рекомендациям Вашингтонского консенсуса, поэтому он склоняется к возобновлению союза с Кубой, как во времена холодной войны. Отсутствие альтернативной экономической теории приводит в политические тупики, в которых экономические тупики бесконечно повторяются.

Политические аспекты благотворительного колониализма крайне мрачны. В ситуации, когда мировая экономика растет и многие сырьевые товары становятся стратегическими ресурсами, бедные страны мешают богатым получить доступ к этим сырьевым товарам примерно так же, как коренные североамериканские индейцы когда-то мешали первым поселенцам пользоваться землей. Некоторые американские консерваторы всерьез рассматривают вариант организовать резервации для бедных. Не далее чем 10 лет назад двое американских ученых в своей активно рекламировавшейся книге рекомендовали организовать нечто подобное. «Говоря „государство-изолятор“, мы подразумеваем более высокотехнологичную и дорогостоящую версию индейской резервации, в которой будет содержаться некое существенное меньшинство населения, в то время как вся остальная Америка сможет спокойно заниматься

своими делами»²⁹. Цели тысячелетия неприятно близки к тому, чтобы совместить взгляд на бедность, с точки зрения потребления, с идеей организации резерваций, в которых будут удовлетворяться основные нужды бедных, в то время как остальной мир будет заниматься «своими делами». Вызов, который бросает нам мусульманский мир, можно рассматривать как реакцию на эту ситуацию, в которой мусульманам очевидно, что мировой капитализм их обманывает, предлагая в качестве единственного варианта развития государство-изолятор.

С точки зрения экономической теории, Цели тысячелетия можно рассматривать как систему, в которой страны, занимающиеся производством в условиях стабильно растущей отдачи (индустриальные), платят ежегодную компенсацию странам, производящим в условиях постоянной или убывающей отдачи (производителям сырьевых товаров), за их убытки (Приложение III). Эта идея не нова, она проходит в американских учебниках для высших учебных заведений с 1970-х годов³⁰. До того как Вашингтонский консенсус поборол планы развития, которые строила ООН, бедные страны предполагалось индустриализовать, несмотря на то что их промышленность в течение долгого времени была бы неконкурентной на мировом рынке. Однако когда свободная торговля стала основой мировой экономической системы — аргументом, перед которым все остальные аргументы отступают, благотворительный колониализм оказался единственной возможной опцией. Альтернативный вариант — развить бедные страны — сегодня не рассматривается, потому что слишком много людей не хотят упразднить свободную торговлю в качестве основы мирового порядка.

Дважды политическое давление со стороны коммунистических стран приводило к успешной экономической стратегии. Как после европейских революций, почти беспрестанно продолжавшихся с 1848 по 1871 год, так и во время холодной войны капитализму удавалось приспособиться к ситуации, чтобы решить острые социальные проблемы. В 1947 году сторонникам свободной торговли пришлось уступить политической необходимости ввести политику протекционизма в странах, окружающих коммунистический блок. Это привело к потрясающему успеху Плана Маршалла в Европе и к экономическому чуду в Восточной Азии. Есть надежда, что сегодня Осам Бен-Ладен и угроза терроризма сыграют ту же роль, которую уже дважды

сыграл Карл Маркс. Однако чтобы победить бедность, созданную рыночным фундаментализмом, необходимо несколько вещей: кризис (общественные беспорядки, когда-то положившие конец физиократии), немецкое *Verein für Sozialpolitik*, которое из революций 1848–1871 годов построило сегодняшнее государство всеобщего благосостояния, и наконец, просвещенная политика Плана Маршалла, которая создала богатство, остановившее распространение коммунизма. Эти явления каждое в свое время сумели привести к временному отказу от свободной торговли ради развития, причем развитие каждый раз было политической, а не социальной целью. Одной социальной цели, такой как проект целей тысячелетия, явно недостаточно. В долгосрочной перспективе политические последствия экономической и общественной зависимости, которая развивается согласно этому проекту, станут для бедных стран невыносимыми.

РАСТУЩЕЕ НЕРАВЕНСТВО ВНУТРИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Как мы уже убедились, наше непонимание причин бедности столь многих стран напрямую связано с белыми пятнами современной экономической науки. Поэтому разработать теорию неравномерного развития крайне сложно, но именно на этой теории должно основываться любое долгосрочное решение проблем Африки и других бедных регионов. Сегодня эта теория, которая в течение 5 веков позволяла разрабатывать успешные экономические стратегии, начиная с Генриха VII в Англии в 1485 году и заканчивая интеграцией Испании и Португалии в Европейский союз в 1986 году, практически мертва.

Сегодня мы подходим к беднякам с точки зрения паллиативной экономики, т. е. стремимся облегчить страдания от бедности, вместо того чтобы навсегда искоренить бедность. Сегодняшний подход позволяет продолжать глобализацию и расширять область ее действия (как в случае переговоров с ВТО), не исследуя проблем, которые она создает в периферийных странах. В мире продолжают царить экономические мифы, основанные не на практике, а на идеологии, и построенная на них практическая политика. К сожалению, решение поставить людей, которые когда-то разработали и воплотили в жизнь неоклассическую политику шоковой терапии, во главе

проекта целей тысячелетия было явной ошибкой. Именно это решение во многом привело к ситуации, которую мы сегодня наблюдаем, поскольку оно гарантирует, что мы никогда не увидим основательного обсуждения *ошибок*, допущенных в период конца истории. Однако нам очень нужна теория, которая объяснила бы, почему экономическое развитие по своей природе является неравномерным процессом. Только после этого могут быть приняты действенные стратегические меры.

В 2005 году интеграция в Европе достигла критической точки. Французы и голландцы во время голосования отвергли европейскую конституцию, продемонстрировав недоверие к процессу интеграции. Исследование, недавно проведенной польской газетой «Rzeczpospolita», показало, что подавляющее большинство поляков довольны свободой слова и членством страны в НАТО и ЕС, однако 85% опрошенных обвиняли движение «Солидарность» в том, что оно допустило в страну либерализацию, оставившую многих без работы. Граждане стран, давно входящих в ЕС, чувствуют себя преданными, потому что их благосостояние размывается, как и граждане новых стран — участников Союза, потому что их благосостояние не растет так быстро, как они ожидали. Не удивительно, что многие задаются вопросом, что же пошло не так. Еще удивительнее факт, что резкая смена настроения наступила в течение всего одного года после эйфорических празднований, посвященных расширению Европейского союза.

От проблем, созданных доминирующей сегодня экономической теорией, страдают не только страны третьего мира. Члены Европейского союза испытывают растущее экономическое неравенство в пределах собственных границ. Таким образом, одни и те же проблемы существуют на трех разных уровнях: на глобальном, на уровне Европейского союза и на уровне наиболее развитых стран. Во всех случаях причина одинакова — внезапный отказ от проверенных веками теорий.

Хотя в учебниках по экономике немецкого экономиста Фридрих Листа (1789–1846) почти не упоминают, его экономические принципы не только позволили индустриализовать континентальную Европу в XIX веке, но и упростили интеграцию Европы начиная с 1950-х годов и заканчивая успешной интеграцией Испании и Португалии в 1986 году. Только с заключением в 1997 году Пакта стабильности и роста принципы

Листа были отброшены ради экономической теории, которая сегодня заправляет Вашингтонским консенсусом. В результате этого отказа в старых европейских странах растут безработица и бедность. Начавшаяся полемика привела к отвержению новой европейской конституции³¹. Ниже я привожу ключевые принципы Листа в сравнении с принципами стандартной экономической науки.

ПРИНЦИП ЛИСТА: вначале страна должна индустриализоваться, а затем экономически интегрироваться со странами, находящимися на том же уровне развития.

НЕОКЛАССИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП: свободная торговля является целью сама по себе; не надо ждать, когда отдельные страны достигнут определенного уровня индустриализации. Расширение ЕС в 2004 году произошло вопреки принципу Листа. Сначала бывшие коммунистические страны Восточной Европы (за исключением Венгрии) были подвергнуты трагической деиндустриализации, в них началась безработица. Затем эти страны были внезапно интегрированы в ЕС, что создало экономическое и общественное напряжение. Для Западной Европы выравнивание цен на факторы производства, обещанное теорией международной торговли, обернулось понижением этих цен.

ПРИНЦИП ЛИСТА: для богатства, демократии и политической свободы необходимо одно условие — диверсифицированный сектор обрабатывающей промышленности, для которого характерна возрастающая отдача³² (со временем к обрабатывающей промышленности присоединился сектор наукоемких услуг). Этот принцип проповедовал первый министр финансов США Александр Гамильтон³³, на основе этого принципа построена экономика Соединенных Штатов, он же вновь был открыт Джорджем Маршаллом в 1947 году.

НЕОКЛАССИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП: все виды экономической деятельности качественно одинаковы, поэтому неважно, что производить. Эта идеология основана на теории сравнительного преимущества и не признает, что

страна может специализироваться на бедности и невежестве, заниматься экономической деятельностью, не требующей новых знаний, работать в условиях совершенной конкуренции и убывающей отдачи и/или быть лишенной экономии на масштабах производства и технологического прогресса.

ПРИНЦИП ЛИСТА: экономическое благосостояние является результатом синергии. Флорентийский канцлер XIII века Брунетто Латини (1210–1294) понимал богатство городов как всеобщее благо (*ben commune*).

НЕОКЛАССИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП: «Такого понятия, как общество, не существует» (Маргарет Тетчер. 1987).

Для того чтобы развить Африку и другие бедные страны, следует отказаться от неоклассических экономических принципов и вернуться к принципам Листа. Следует признать качественные различия между видами экономической деятельности, разнообразие, инновации, синергию и историческую последовательность процессов — все то, что игнорирует стандартная экономическая наука.

Поскольку большинство экономистов пользуются инструментами, которые не помогают им понять правоту Листа, им не удастся объяснить, почему бедность не прекращается. Они возвращаются к факторам, которые изучены и признаны нерелевантными в создании бедности, таким как раса или климат. Движение теории по скользкой дорожке отвлекающих маневров описано в гл. 6, на практике же экономическая политика неумолимо движется в сторону благотворительного колониализма.

Цитировать Ницше — рискованное занятие, особенно после того как его сестра, Элизабет Ферстер Ницше, фальсифицировала часть его архива в политических целях. Однако в случае «Целей развития тысячелетия» соблазн слишком велик. Как мы помним, Ницше считает основной движущей силой человеческого прогресса *Geist- und Willens-Kapital* — капитал ума и воли, куда входят все движущие силы развития — знания, технический прогресс и предпринимательство. Как только мир принимает экономическую теорию, в которой отсутствуют эти силы, на сцену выходят нездоровые «спасители» Ницше —

«добрые и справедливые». Они не могут изменить экономический строй Африки и создать в ней богатство, они предлагают свое решение — посадить бедные области Африки на пособие по безработице.

«Добрые и справедливые» возвращают в экономику игру с нулевой суммой, заброшенную со времен Возрождения; они считают, что их экономическая наука распределит уже созданное богатство. Не понимая связи между колониальным экономическим строем и бедностью, «добрые и справедливые» могут придумать только одно решение — распределять богатство, созданное в богатых странах, между бедными странами. Ницше считает «добрых и справедливых» только предшественниками худшего представителя рода человеческого, самого «презренного человека», воплощения стагнации — *letzte Mensch*, «последнего человека», человеческих останков, которые засоряют Землю перед концом света. «Что такое творение?.. — так вопрошает последний человек и моргает»³⁴. Этот псевдочеловек Ницше — бледное подобие сегодняшнего деградировавшего человеческого животного, продукта исторического процесса, в ходе которого человечество обрекает себя на стагнацию и закат, соглашаясь на комфортное существование в своем текущем статусе, вместо того чтобы создавать что-то новое. Последний человек представляет собой финальную стадию вымирания человеческой воли и созидательной силы — человека обменивающегося (*homo economicus neoclassicus*).

VIII. Приведите в порядок экономическую деятельность, или Утраченное искусство создания стран среднего достатка

Экономисты заинтересованы в развитии. Беда в том, что даже по своим собственным стандартам они чудовищно невежественны во всем, что его касается. Глубина этого невежества долгое время была их строжайшим секретом.

The Economist. 1992. 4 января

Возможно, некоторые из вас сейчас думают: «Если мы не знаем, откуда берется 90% экономического роста на душу населения, то куда уж дальше? Может ли невежество быть больше ста процентов?»

В некотором смысле может... Как говорится, «меня волнует не столько то, чего мы не знаем, сколько то, что мы знаем, но неправильно».

Мозес Абрамовиц. «*The Search for the Sources of Growth: Areas of Ignorance, Old and New*. *The Journal of Economic History*». 1993. Июнь

В худшие дни Великой депрессии, летом 1934 года, два молодых экономиста из Колумбийского университета провели шесть недель в походе по Северному Онтарио в Канаде. Их единственным средством передвижения было каноэ. Так зародилась дружба Мозеса Абрамовица (1912–2000) и Милтона Фридмена (1912–2006), которой суждено было продлиться всю их жизнь.

Они стали известными экономистами — один в Стенфорде, другой в Чикаго, удостоились чести быть президентами Американской ассоциации экономистов. Однако не считая этих совпадений, их взгляды на экономическую науку были, на удивление, различными. Милтон Фридмен стал главным защитником того, что я называю экономической теорией холодной войны, — идеи, что рынок магическим образом может навести в эконо-

мике порядок и что чем дальше экономическая наука от реальности, тем она сильнее. В книге, вышедшей в 1953 году, Фридмен пишет: «По-настоящему важные и значительные гипотезы оказываются основаны на „предпосылках“, которые являются крайне неточными описательными изображениями реальности, да и в целом, чем важнее теория, тем более нереалистичны ее предпосылки»¹. Фридмен установил негативные отношения между наукой и реальностью, создав профессию, в которой нереалистичные предпосылки только добавляли их автору научного престижа. Для Фридмена рынок был ответом почти на все вопросы; он страдал от отсутствия сомнений. Напротив, Мозес Абрамовиц, как видно из эпиграфа к этой главе, был поражен тем, как мало мы знаем об экономическом росте. Из двух друзей Фридмен был более убедительным оратором. «Я множество раз побеждал Милтона на дебатах, — сказал мне как-то Мозес Абрамовиц, — но только если сам он при этом не присутствовал».

Я однажды был на лекции Милтона Фридмена в конце 1970-х годов. Он защищал свободный рынок от обвинений в создании монополий. Единственная монополия, которая долго продержалась на свободном рынке, — это бриллиантовая, сказал Фридмен. Однако для объяснения бедности стран третьего мира его слова не годятся. В нескольких книгах Джон Кеннет Гэлбрейт (1908–2006), в свое время также бывший президентом Американской экономической ассоциации, объяснил, чем отличается экономический строй богатых стран от бедных: в богатых странах в отраслях обрабатывающей промышленности возникает олигополистическая конкуренция, в которой власть и рента делятся между уравнивающими друг друга силами большого бизнеса, мощных профсоюзов и активного правительства². При этом экономическая наука продолжает строить свои модели на основании реальности бедных стран — реальности бессильного крестьянина из третьего мира, который противостоит мировой конкуренции.

Всю жизнь я наблюдаю разрыв между красивыми словами о свободном рынке, которые произносят активисты вроде Милтона Фридмена, и фактической экономической политикой. Я вижу, что в реальности активная экономическая политика настойчиво создает структуры, описанные Гэлбрейтом. Началом моей научной карьеры была должность младшего научного сотрудника в Институте Латинской Америки при швейцарском

университете Санкт-Галлена. Выполняя свои обязанности в начале 1970-х годов, будучи очень молодым человеком, я побывал во многих странах Южной Америки как сотрудник Швейцарского фонда технического содействия и ЮНКТАД. Я работал в Чили при Сальвадоре Альенде и при Аугусто Пиночете. Слова о том, что Пиночет дал свободу «магии рынка», — миф. Во-первых, Чили была региональным центром экономической и промышленной силы — региональным офисом империи — с момента победы над северными соседями в Тихоокеанской войне (1879–1883). Во-вторых, дело даже не в том, что после 1973 года в Чили перестала существовать промышленная политика, а в том, что эта политика стала более агрессивной, сложной и ориентированной на внешние экономические связи. Примером такой перемены может послужить переход с экспорта вина в контейнерах на экспорт вина в бутылках, что, вероятно, было против правил ВТО. Еще один миф — то, что Пиночет реприватизировал главное экспортное предприятие Чили, производителя меди CODELCO. В реальности компания осталась в руках правительства. Третий пример — ограничения, введенные Чили на международные потоки капитала.

В главе III я рассказывал о промышленной политике Ирландии в 1980 году. В 1983 году я переехал из Италии в Финляндию, чтобы открыть там промышленную фирму. Обе страны поддерживали политику замещения импорта, аналогичную той, какой следовала Латинская Америка³. Одной из причин, по которым я хотел открыть дело в Финляндии, была тарифная протекция, гарантировавшаяся всем национальным производителям в этой стране. Однако будучи потенциальным иностранным инвестором в финскую обрабатывающую промышленность, я нуждался в разрешении Министерства промышленности. Только после того как финское министерство проконсультировалось с моими потенциальными финскими покупателями, тремя крупными производителями краски, мне было выдано соответствующее разрешение. В нем указывалось, что моей компании запрещены виды деятельности, в которых я мог бы конкурировать с существующими финскими компаниями. Организуя фабрику в отрасли, где не было экономического давления, мне гарантировали ту же поддержку, что и промышленным фирмам, организуемым в это же время в Ирландии. Она заключалась в почти бесплатном праве собственности на здание фаб-

рики, а также в субсидии 30% заработной платы в первый год работы, 20% — во второй и 10% — в третий. Сегодня я наблюдаю, как целая армия высокооплачиваемых экономистов объясняет миру, что успех Ирландии и Финляндии был результатом магии рынка.

Такая политика применялась не только на периферии Европы. Когда в 1990-е годы я работал консультантом Генерального секретариата Совета Европы по делам инноваций и регионов, я видел во многих кабинетах карту Европы, раскрашенную разными цветами, но цветовое выделение не совпадало с границами стран. Интересно, что на этой карте только некоторые крошечные области, окружающие крупнейшие европейские города — Лондон, Париж и Франкфурт, не были закрашены. Эти бесцветные пятнышки на карте были единственными областями Европы, где не применялись экономические стимулы; остальные 95% территории Европейского союза пользовались той или иной субсидией. Политика, с которой я столкнулся в Финляндии в середине 1980-х годов, была такой же, как примененная Генрихом VII в Англии пятью веками раньше, — использование тарифов и субсидий для привлечения обрабатывающей промышленности.

Работы Мозеса Абрамовица помогают понять, почему 500-летний культ обрабатывающей промышленности был обязательной стадией экономического развития. В середине 1950-х годов вооруженный статистическими данными по экономике Америки с 1870 по 1950 год, Абрамовиц решил измерить, какую часть экономического роста можно объяснить факторами, которые традиционно считались ответственными за этот рост, — капиталом и трудом. К своему изумлению, он обнаружил, что эти факторы могут объяснить только 15% роста, зафиксированного за временной период длиной 80 лет. Традиционные факторы экономического роста оставляли необъясненной «погрешность» в размере 85% — «показатель уровня нашего невежества», как назвал его сам Абрамовиц.

Другие экономисты, среди которых был Роберт М. Солоу, впоследствии получивший Нобелевскую премию, приняли вызов Абрамовица и изучили вопрос с разных точек зрения при помощи разных методов. К своему удивлению, все пришли к тому же результату: осталась необъяснимая погрешность в размере примерно 85%⁴. В Соединенных Штатах это приве-

ло к появлению долгосрочного проекта бухгалтерии роста: попытки разбить эту погрешность на части и объяснить ее разными факторами, такими как образование, научные исследования, технологический прогресс.

Ричард Нельсон указал на важность синергии между разными видами вложений. Образование и научные исследования делают возможными инновации и технический прогресс, но если в стране нет инноваций, то ни капитал, ни образование не решат проблему. Процесс, которым объясняется погрешность размером 85%, является системным; впоследствии английский экономист Кристофер Фримен назовет его национальной инновационной системой. В этот момент экономисты вернулись к тому, как еще в XIII веке объяснял богатство флорентийский канцлер Брунетто Латини — как синергическое *ben commune* (общее благо). Абрамовиц подчеркивал, что существуют так называемые непосредственные источники и причины роста на более глубинном уровне. Он считал вложения физического и человеческого капитала, общую факторную производительность и переменные, используемые в моделях роста, непосредственными источниками экономического роста; глубинные же причины скрывались за этими переменными.

Одна из глав моей диссертации, написанной в 1978–1979 годах⁵, открывается цитатой из статьи Абрамовица, вышедшей в 1956 году, когда он только обнаружил погрешность. Вся диссертация предваряется цитатой из Антонио Серра, который в 1613 году объяснил богатство Венеции синергией между разными видами экономической деятельности (большим разделением труда), в каждом из которых наблюдалась возрастающая отдача. В бедности родного города Серра Неаполя, весьма богатого природными ресурсами, было виновато отсутствие экономического разнообразия и возрастающей отдачи.

Время шло. Мне казалось, что идеи Антонио Серра и Мозеса Абрамовица, отстоящие друг от друга на 340 лет, тесно связаны между собой. Погрешность и экономический рост сами по себе зависели от вида экономической деятельности; погрешность оказывалась огромной в тех видах деятельности, которые Серра описывал как типично венецианские, и минимальной в условиях, близких к неапольским. Для стабильного роста и большой погрешности требовались разнообразие видов деятельности и возрастающая отдача, которые питают самовос-

производящийся механизм экономического роста — систему, в которой инновации перетекают из одного сектора экономики в другой, как в Дельфте в 1650 году (см. илл. 5) или в Силиконовой долине и Лондоне в 2000 году. Только в таких условиях зарплата простых людей (например, парикмахеров) могла существенно возрасти.

Я познакомился с Мозесом Абрамовицем и его женой Керри на международной конференции, в организации которой принимал участие. Она проходила в пригороде Осло в мае 1993 года — того самого, когда Абрамовиц вновь вернулся к теме погрешности в статье, цитатой из которой открывается эта глава. Статья показывает, что с 1956 года он несильно продвинулся в понимании этой темы. Конференция была названа в терминах Абрамовица: «Страны догоняющие, вырывающиеся вперед и отстающие». Прошло всего два года после того, как я продал свой бизнес и вернулся к академической карьере. Я был убежден в том, что худшим заблуждением стандартной экономической науки была ее предпосылка о равенстве, т. е. что все виды экономической деятельности качественно равны как носители экономического роста.

В докладе я попытался обсудить проблемы стран третьего мира в терминологии Абрамовица⁶. Я разработал документ, который назвал качественным индексом видов экономической деятельности (Приложение VI): люди и страны, занимающиеся качественными видами экономической деятельности, становятся богатыми, а занимающиеся некачественными остаются бедными. Это была попытка объединить факторы, которые казались мне взаимосвязанными. Индекс позволял объяснить, почему лучшие в мире производители мячей для гольфа зарабатывают в 40 раз больше, чем производители мячей для бейсбола. Я хотел показать, что страна может быть богатой, как и отдельный человек, только практикуя определенные виды экономической деятельности. «Догонять» в данном случае означало взбираться вверх по иерархии видов деятельности; «отставать» означало сползть вниз.

Я прекрасно понимал, что мое предположение не совместимо со стандартной экономической теорией. Я обсуждал свою идею с бывшим профессором по международной торговой теории Ярославом Ванеком, и тот сказал, что считает мое качественное измерение новым, третьим, измерением графического

изображения торговой теории. Теория торговли Рикардо, основа мирового экономического порядка, исходила из обмена трудочасами, лишенными качеств и свойств, в качественно одинаковых видах деятельности, в мире без капитала. Пытаться ввести в нее качественный индекс характеристик видов экономической деятельности было все равно что записаться на участие в международном шахматном турнире с намерением изменить правила игры.

Я не удивился, когда самые молодые из 20 присутствовавших в зале экономистов громко рассмеялись над идеей ранжировать виды экономической деятельности по их качеству. Когда я вернулся на свое место после презентации, сидевший рядом Абрамовиц сказал мне: «Очень хороший доклад». Я так удивился, что решил, что мне это послышалось, но он повторил свою похвалу.

Мозес Абрамовиц был подобен старомодной и крайне щедрой академической культуре, щедрой на время, советы и знания. Я считал, что исторический опыт успешного создания богатства, начавшийся в Англии при Генрихе VII в 1485 году и закончившийся спустя века Планом Маршалла в 1947-м, основан на важнейшем принципе: страна может разбогатеть, только если занимается определенной экономической деятельностью. Я считал экономический рост (особенно на начальной стадии, когда он особенно уязвим) зависимым от экономической деятельности, привязанным к определенным типам экономической деятельности и структур. В письме от 16 августа 1996 года⁷, комментируя один из моих докладов, Абрамовиц писал: «Я согласен со многим из того, что Вы говорите. В частности, я согласен, что „погрешность“ и рост в целом характерны для промышленности». Он прибавил, что в 1930-е годы это было общеизвестно. В свете идеи, что экономическое развитие зависит от вида деятельности (а это основная идея моей книги), теория торговли Рикардо становится очень опасным руководством к действию для бедных стран.

В книге я связал экономический рост и развитие с механизмом действия Плана Маршалла (развитием видов деятельности с возрастающей отдачей), а неразвитость и примитивизацию с противоположным механизмом, Планом Моргентгау (уничтожением видов деятельности с возрастающей отдачей). В 1945 году, перед тем как план министра финансов Генри Мор-

гентау по деиндустриализации Германии должен был вступить в действие, Мозес Абрамовиц был приглашен консультантом по экономическим вопросам представителя США в Комиссии по репарациям. Команда Абрамовица подготовила меморандум, в котором объяснялось, почему План Morgентау уничтожит экспортную мощь Германии и ей нечем будет платить за продовольствие и прочие необходимые статьи импорта. Кроме того, меморандум предупреждал, что в случае исполнения Плана Morgентау в стране начнется массовая безработица, средний уровень дохода опустится ниже жалкого стандарта довоенной Польши. Morgентау был в ярости и вызвал всю группу на ковер. После того как Абрамовиц признал свою ответственность за выводы, Morgентау покинул встречу, сославшись на тяжелую мигрень. Сегодня же Вашингтонский консенсус разработал новый план для периферийных стран; пришло время опять превратить его в План Маршалла, защитив виды деятельности с возрастающей отдачей, как это было сделано в 1947 году.

В 1945 году План Morgентау был исполнен. Как и предсказывали Абрамовиц и его команда, это привело к бедности, безработице и падению уровня жизни в Германии. План действовал до начала 1947 года, когда, проявив умственную и политическую гибкость, Соединенные Штаты отказались от него. Прежний президент США Герберт Гувер был отправлен в Германию, чтобы исследовать причины растущей бедности. Вот что он доложил в марте 1947 года: «Существует заблуждение, что новую Германию, оставшуюся после аннексии территорий, можно превратить в „сельскую страну“. Это невозможно сделать, не уничтожив или не вывезя из нее 25 000 000 жителей»⁸. Всего 3 месяца спустя в своей речи в Гарварде 5 июня 1947 года Государственный секретарь Джордж Маршалл объявил о начале Плана Маршалла, имевшего цель, противоположную цели Плана Morgентау, а именно реиндустриализовать Германию.

Герберт Гувер заметил важнейшую связь между промышленной деятельностью и способностью страны поддерживать жизненный уровень населения. В деиндустриализованной Германии внезапно оказалось 25 млн лишних жителей. Сегодня массовая миграция происходит из областей, где нет обрабатывающей промышленности и погрешности; в области, где есть мощные экономические секторы с возрастающей отдачей,

включая промышленность и услуги, наблюдается большая погрешность. Ханна Арендт писала о сочетании избыточного богатства и избыточного населения, словно говоря о сегодняшнем мире. Перестройка и преждевременная глобализация сначала привели к появлению в деиндустриальных областях мира избыточного механического оборудования (целых кладбищ ржавеющей техники от Лимы до Улан-Батора), а теперь избыточное население этих областей перемещается в области избыточного богатства.

Отец неоклассической экономической теории Альфред Маршалл справедливо указывает на то, что убывающая отдача является причиной «большинства... переселений, о которых нам поведала история»⁹. Однако мы можем дополнить это утверждение: сегодня миграция происходит из областей, где царит деятельность с убывающей отдачей, в области с возрастающей отдачей. В своем первом учебнике по неоклассической экономической теории Маршалл предлагает возможное решение этой проблемы. Стране надо обложить налогом деятельность с убывающей отдачей (производство сырьевых товаров) и выплачивать премии (субсидии) деятельности с возрастающей отдачей. Именно так возникали страны среднего достатка начиная с 1485 года, когда Генрих VII принял бразды правления обнищавшим Английским королевством и обложил налогом экспорт необработанной шерсти ради того, чтобы субсидировать производство шерстяной ткани. Из новой теории торговли Пола Кругмана, появившейся в 1980-е годы, логически следует такой же вывод, но Кругман и его коллеги не довели его до уровня практических рекомендаций.

Страны среднего достатка получают из бедных стран, эмулировавших экономический строй богатых стран, занявшись деятельностью, для которой типичны взрывы производительности (см. илл. 6). Суть этой модификации в том, чтобы достигнуть разнообразия и возрастающей отдачи, которые создают синергическую погрешность — неважно, если вновь созданный сектор останется лишь местным лидером, так и не достигнув мирового лидерства. «Чемпион мирового уровня» нужен стране как источник иностранной валюты. Долгое время стратегия развития Австралии использовала сектор с убывающей отдачей (производство шерсти) в качестве источника валюты, но присутствие в стране обрабатывающей промышленности, пусть

и немирового уровня, обеспечивало необходимые взрывы производительности и баланс между властью промышленности и профсоюзов, так что средняя реальная зарплата продолжала расти. Такой же была ранняя стратегия развития Соединенных Штатов. Сегодня эта стратегия работает так же хорошо, как и раньше.

Как доказало применение Плана Маршалла в Европе, зарплаты, рабочие места, школы, порты и больницы, которые создаются вокруг небольшого и относительно неэффективного сектора обрабатывающей промышленности (европейская промышленность по всем статьям проигрывала тогдашнему лидеру, США), вполне реальны, при условии что процесс остается динамичным. В Европе тарифы и другие барьеры понемногу снижались, происходила постепенная интеграция. Европейский союз следовал этой политике вплоть до интеграции Испании в 1980-е годы, в ходе которой бережная интеграция обеспечила сохранность ключевых испанских отраслей промышленности.

Размер производства по-прежнему имеет значение, и термин Шумпетера «исторически возрастающая отдача» описывает именно сочетание технического прогресса и возрастающей отдачи, которое составляет основу экономического роста. Они разделимы в теории, но не разделимы на практике. Ни автомобильный завод Форда, ни империя «Microsoft» не существуют в уменьшенных копиях, которые можно было бы изучать, поэтому мы не знаем, какая доля роста производительности объясняется техническим прогрессом, а какая масштабом производства. В основе бедности лежит порочный круг отсутствия покупательной силы, а значит и спроса на продукцию и масштабное производство. Как я уже говорил, торговля между странами одного уровня развития всегда взаимовыгодна. Благодаря разнообразию производства, которое сопутствует богатству, малым богатым странам (это Швеция или Норвегия) есть чем торговать друг с другом. Несмотря на размер рынка (4,5 млн человек), Норвегия — третий по величине рынок для экспорта Швеции, она немного отстает от Германии и США. Такие торговые отношения должны создаваться между странами, которые сейчас бедны и которые мало что могут продать друг другу. Как и переговоры ВТО, интеграция сегодня напоминает поезд, идущий в неправильном направлении. Лучшее, что можно сделать прямо сейчас, — это остановить поезд.

Вместо региональной интеграции в Латинской Америке и Африке мы наблюдаем противоположное. Заключая двухсторонние торговые соглашения с Соединенными Штатами, латиноамериканские страны цементируют свое положение, завершающее мировую зарплатную иерархию, соглашаясь на монокультурную экономику, — неважно, специализируется она на сырьевых товарах или на производстве, зашедшем в технологический тупик. Африканская экономика дробится при помощи как минимум 12 торговых договоров. Это происходит в результате конкуренции между Европейским союзом и Соединенными Штатами. Вместо необходимой интеграции регионов в Африке происходит экономическое деление территории, как когда-то произошло ее политическое разделение. Результат этого разделения африканцы называют «тарелка спагетти»: если нарисовать на бумаге пересекающиеся торговые отношения между африканскими странами, будет так много линий, что он станет напоминать тарелку со спагетти. Вместо усиления интеграции регионов в Африке межконтинентальная торговля постепенно вытесняет региональную: Евросоюз вынуждает Египет покупать европейские яблоки, вытесняя Ливан, который веками поставлял их на египетский рынок. Глобализация, которой руководят Всемирный банк и МВФ, ударила по периферийным странам преждевременно и несимметрично и с самого начала была обречена на то, чтобы породить в рамках всемирного разделения труда группу стран, специализирующихся на бедности. Созидательное разрушение Шумпетера часто оказывается географически поделено таким образом, что созидание и разрушение происходят в разных частях мира; в этом суть экономики развития, по Шумпетеру.

В книге я назвал факторы и механизмы, которые приводят к богатству или бедности; они не принадлежат к тем, которые Абрамовиц назвал непосредственными, т. е. капиталу, труду или общей производительности факторов. Я утверждаю, что очевидные и необходимые элементы развития — образование или институты — сами по себе не способны решить проблему мировой бедности. Узконаправленные и неравномерные скачки технологического прогресса, которые мы называли взрывами производительности, приводят к исторически возрастающей отдаче, динамической несовершенной конкуренции и высо-

чайшим барьерам на вход, которых отсталые страны не могут преодолеть. Убывающая отдача приводит к появлению порочного круга, описанного классическими экономистами, писавшими о развитии; слова Антонио Серра, что чем больше в городе разных профессий, тем этот город богаче, сегодня все еще справедливы.

Все это механизмы, способные свергнуть страну в бедность или сделать ее богатой; экономическая политика обязана их учитывать. Абрамовиц назвал эти проблемы термином «организационные возможности». В бедных странах, особенно где отсутствие возрастающей отдачи приводит к экономической игре с нулевой суммой, организационные возможности также минимальны, это важная часть порочного круга бедности. Как правило, чем хуже в стране ситуация, тем меньше шансов, что ветер рынка подует в необходимую сторону.

В книге я утверждаю, что исторически существует только один способ разорвать порочный круг бедности, и для этого необходимо сначала изменить производственный строй. Иногда требуется ввести жесткие политические меры. Странам третьего мира сегодня необходимо вернуться к экономическому диспуту, который велся в европейских странах, от Италии до Норвегии, в XIII веке. Диспут посвящался не тому, должна ли Европа следовать по пути индустриализации, которым уже пошла Англия; все участники были согласны, что должна. Спор шел о том, как в ходе этого процесса должна делиться ответственность между государством и частным сектором.

В книге 1613 года Антонио Серра посвятил главу экономической политике. Он поэтически описал, как трудно сформировать единую политику, когда эта политика по-разному влияет на разные отрасли: «так же как солнце закаляет глину, но размягчает воск, так же как свист успокаивает коня, но возбуждает пса». Нейтральной политики не бывает. Политика, которая поддерживает научно-исследовательская деятельность, считается нормальной и приемлемой, заметно способствует процветанию, например, фармацевтической индустрии, в которой инновации обеспечивает научно-исследовательской деятельности. Однако эта же политика окажется относительно вредной для печатной индустрии, в которой нет научно-исследовательской деятельности, а инновации появляются путем покупки оборудования, произведенного благодаря научно-исследовательской

деятельность разработчика этого оборудования. Есть и другие ловушки. Как обнаружили страны, недавно вошедшие в состав Европейского союза, национальная научная деятельность может быть чрезвычайно слабо связана с национальной производственной структурой; инвестируя в эту деятельность, страна рискует спонсировать производственные сектора других стран. Ситуация аналогична той, которую описывает Ханс Зингер: если весь рост национальной производительности страны отдается ее зарубежным клиентам, инновации не делают эту страну богаче.

В подходе исторической школы и Другого канона вышеописанные механизмы используются как элементы, которые могут применяться в разных комбинациях и контекстах. Задача в том, чтобы использовать механизмы, успешно зарекомендовавшие себя в прошлом, в новых контекстах. Таков же принцип «кейс-стади», который используется в Гарвардской школе бизнеса: исследуемые случаи становятся искусственным опытом, на основании которого принимают решения в новых контекстах. Хотя деканы других школ бизнеса не считают Гарвардскую школу лидером академической иерархии, рынок труда считает иначе и вознаграждает ее выпускников завидной начальной зарплатой. В бизнесе опыт ценится больше, чем в академическом мире. В этой книге утверждается, что экономическая теория холодной войны обесценила опыт до критического уровня, напрочь лишив экономику реальности престижа.

Опыт заставляет нас использовать проходящие международные экономические увлечения так, чтобы они вписывались в контекст собственной страны. В 1990-е годы книга Майкла Е. Портера «Конкуренция» привлекла всемирное внимание к национальным кластерам. Портер описывал Соединенные Штаты; если экономист хотел применить его идеи к промышленному сектору малой страны, например Сан-Марино (у них есть промышленный сектор, у меня был оттуда клиент), ему стоило снять акцент с элемента национальности. Если экономист вовремя не понял, что цель создания национальных кластеров — это создание инноваций, он мог поддерживать успешный кластер Норвегии по экспорту льда — замерзшие озера, опилки для теплоизоляции и международные перевозки. Неважно, что успешный кластер вымер с изобретением холодильника.

Финляндия показала пример умелой адаптации книги Портера. В начале 1990-х годов «Nokia» была компанией, которая только что сменила вид деятельности с производства резиновых сапог и цемента для плиток на выпуск электроники. «Nokia» была национальной компанией, но никак не была кластером. Если бы правительство Финляндии следовало указаниям Портера напрямую, оно не оказало бы ей поддержки. Однако формулируя стратегию финской промышленной политики в начале 1990-х годов, Исследовательский институт финской экономики (ETLA) под руководством Пекки Иля-Антила решил эту проблему, включив в нее третью категорию «одинокая звезда». Одинокой звезде разрешалось оказывать поддержку даже в отсутствие кластера. Эта категория и позволила поддержать компанию «Nokia».

Национализм, несмотря на последствия его крайней формы, был обязательной стадией экономического развития, сопутствующей индустриализации¹⁰. Желание видеть свою страну и потомков богатыми и благополучными веками было основным мотивом, побуждавшим европейские страны соревноваться друг с другом. Многие экономисты были националистами. Взгляды экономистов, как и остальных людей, формирует среда, и если какой-то экономист из Силиконовой долины в 1990-е годы выступал против свободной международной торговли, его справедливо считали выжившим из ума. Однако экономист из Кампалы, что в Уганде, вполне может смотреть на мир другими глазами. Проблема в том, что экономическая наука и ее рекомендации существуют вне контекста, что многие экономисты гордятся экономическими теориями, «не потревоженными фактами реальной жизни», как выразился теоретик торговой теории Виктор Норман.

Я никогда не осмелился бы обвинить Адама Смита и Давида Рикардо в национализме, как это сделал английский экономист Лайонел Роббинс (1898–1984), за свою работу в Лондонской школе экономики удостоившийся пожизненного пэрства: «Мы неправы, если предполагаем, что классические английские экономисты стали бы рекомендовать какую-то политическую меру, выгодную для мира в целом, если бы считали, что эта мера может оказаться вредна для их собственной страны»¹¹. Поэтому так важно, чтобы бедные страны воспитывали собственных экономистов. В самом деле, в Европе XIX века было относитель-

но немного экономистов, которые хотели, чтобы их страна осталась производителем сырьевых товаров и чтобы в ней существовал союз феодального сельскохозяйственного сектора с зарубежными державами. Действуя по этой схеме, во время гражданской войны в Америке Англия поддержала свободную торговлю и рабовладельческий Юг, а не промышленность и антирабовладельческий Север. Первым случаем такой политической борьбы городского ремесленника и промышленного сектора против старого режима было восстание «комунерос» в Испании в 1521–1522 годах. Тогда традиционные секторы (Юг) победили, и эта победа привела к ранней деиндустриализации Сеговии.

Если мы продолжим рассмотрение националистических идей в истории экономической мысли, то увидим, что большинство английских сторонников свободной торговли (в современном смысле слова) либо были голландцами, как Жерар де Малин, которого на самом деле звали Герарт Ван Мехелен¹² (1586–1641), либо учились в Голландии, как Николас Барбон¹³ (ок. 1640–1698). 200 лет спустя предводителем немецкого движения за свободную торговлю стал экономист Джон Принц-Смит (1809–1874). Сын обанкротившегося губернатора британской Гвианы приехал в Германию как учитель английского языка и стал членом рейхстага. В сегодняшнем глобализованном мире многие представители национальной элиты идентифицируются скорее с глобальной элитой, чем с собственной страной. Они успешно играют роль, которую Джон Принц-Смит безуспешно пытался сыграть в Германии.

По-настоящему великие националисты, такие как Фридрих Лист (1789–1846) в Германии и Джузеппе Мадзини (1805–1872) в Италии, были первыми сторонниками создания Соединенных Штатов Европы. Германия и Италия были отсталыми странами, состоявшими из нескольких городов-государств. Лист и Мадзини считали, что объединение Германии и Италии в национальные государства — шаг на пути к объединению Европы, а также, по мнению Листа, и к глобальной свободной торговле. Если бы Соединенные Штаты Европы объединили мощные промышленные страны Европы, с одной стороны, и промышленно слабые города-государства — с другой, Германия и Италия были бы деиндустриализованы. Национализм требовал индустриализации и политической унификации, но этот национализм (как

для Листа, так и для Мадзини) был только шагом к унификации Европы. Этот шаг, тем не менее, был необходимым.

Лист выступал за создание промежуточной зоны континентальной свободной торговли до глобализации. Этот шаг так и не был совершен: Латиноамериканская ассоциация свободной торговли оказалась неудачным проектом. Изначально импортозамещающая стратегия Латинской Америки была чрезвычайно успешной (даже малые страны Центральной Америки долгое время демонстрировали рост на уровне 10%), однако затем она деградировала в поверхностную индустриализацию и монополистическую конкуренцию (образец плохого протекционизма из Приложения IV). Эту проблему Лист осуждающе называл *Kleinstaaterei*: размер страны не достигает минимально эффективного размера. Когда промышленные системы малых латиноамериканских стран внезапно перешли от состояния *Kleinstaaterei* к глобальной экономике, деиндустриализация привела к тем же проблемам, которые Гувер наблюдал в Германии в 1947 году.

Этот пример возвращает нас к теме отношений между теориями истории и выбором времени для глобализации. Ближе к концу XIX века экономисты смотрели на историю как на последовательность качественно различающихся периодов, или стадий¹⁴. Считали, что в эволюции человеческого сообщества экономическая деятельность, географические поселения и политический строй всегда были структурно взаимосвязаны. В долгосрочной перспективе экономическая база человеческого существования продвинулась от охоты и собирательства к приручению и выпасу скота, затем к сельскому хозяйству и к разделению труда, ремеслам и промышленной деятельности. Параллельно этому процессу человеческие поселения развивались от кочевых племен к деревням, затем городам-государствам и национальным государствам. Еще в 1826 году Иоганн Генрих фон Тюнен¹⁵ (1783–1850) изобразил виды экономической деятельности как концентрические круги вокруг города. На его схеме самый примитивный вид экономической деятельности — охота — располагался на самой дальней от города окружности, пастушество находилось к городу чуть ближе, сельское хозяйство еще ближе. В самый центр изолированного государства фон Тюнен поместил город. Он считал, что если городские виды деятельности в стране слишком слабы, чтобы выжить,

их надо поддерживать и защищать. Вспомним Абрамовица и Серра, которые считали, что качественные различия между видами деятельности, типичными для города и для окружающих его концентрических кругов — это клей, который способен создать общее благо страны. Вспомним также слова, которыми Джордж Маршалл объявил о начале Плана в 1947 году (см. главу VII), — обмен между городом и деревней — это основа современной цивилизации.

Через некоторые исторические стадии можно перешагнуть. Корея, например, не знала эру парового двигателя. Страны вполне могут перейти сразу к стадии мобильной телефонии в обход проводной. Но перенести страну из состояния племени охотников и собирателей напрямую в состояние современной экономики услуг нереально. Синергия между разными секторами имеет критическое значение. Развитие городских видов деятельности зависит от сельских рынков так же, как повышение зарплат на сельских рынках зависит от городской покупательной способности, рынка труда и технологий. Сегодняшний сектор услуг зависит от сектора обрабатывающей промышленности. Монгольские пастухи теоретически могли бы использовать высокотехнологичного электронного «пастуха» в комплекте с системой GPS, если бы у них было электричество и если бы стоимость этого оборудования не превышала суммы заработка одного пастуха за всю его жизнь. С другой стороны, в индустриальных странах цены на мясо так высоки, что использование электронного «пастуха» вполне оправданно. История человечества знает только одну успешную формулу, позволяющую разорвать порочный круг низкой производительности и низкой покупательной способности и поднять в стране средний достаток. Эта формула проста: ввести на рынок труда сектор определенного минимального размера с возрастающей отдачей.

Еще большее значение имеют структурные связи между экономическим и политическим строем. К примеру, экономика центрального планирования, какая была в Советском Союзе, не совместима с демократией¹⁶. Демократия зародилась в городах-государствах, где, как мы видели на примере Флоренции, класс землевладельцев не допускался к политике. Из наборов городов-государств появились национальные государства, и Фридрих Лист с Джузеппе Мадзини считали их необходимыми ступенями на пути к наднациональным политическим системам.

Шоковая терапия уничтожила основные городские виды деятельности, отвечавшие за создание синергии и погрешности в странах третьего мира, современная формула глобализации успешно нейтрализовала идеальное государство фон Тюнена. Во многих странах не осталось городов, где существовали бы виды деятельности с возрастающей отдачей, создающие погрешность. Накачивать эти страны деньгами не выход, необходимо создать критическую массу в секторе с возрастающей отдачей. Еще за 100 лет до того, как была написана книга фон Тюнена, экономисты различали паразитирующие административные города, в которых располагалась только администрация, и производительные города с мануфактурами; они же отмечали разный эффект, который эти города оказывают на сельскую местность. 250 лет назад Фердинандо Галиани¹⁷ отмечал, что сельское хозяйство вокруг административного Мадрида сильно отстает от процветающего сельского хозяйства вокруг промышленного Милана.

Сегодняшний экономический курс и параллельный ему политический (политика Вашингтонского консенсуса и война с терроризмом) обречены на провал: тот и другой игнорируют исторический опыт, вернее исторические законы создания богатства и демократии. В Сомали и Афганистане экономический строй еще не дорос до стадии возрастающей отдачи, в нем нет синергического *ben comune* (общего блага), а все еще действуют правила игры с нулевой суммой, которые мы обсуждали в начале главы III. Естественный политический строй такого общества — племенной, а его лидеров мы часто именуем полевыми командирами. Контролировать столицу в таком обществе — значит контролировать ренту с сельской местности; при этом столица не дает взамен этого сельской местности продуктов производства с возрастающей отдачей. Это паразитирующая столица. Чем больше в стране природного богатства (например, нефти), тем больше достается тому, кто контролирует столицу. Тот факт, что колониальные державы провели границы национальных государств без учета племенных территориальных границ, ухудшает ситуацию.

Мусульманский историк и философ Ибн Халдун (1332–1406) описал развитие общества от кочевых пустынных племен, живущих в кланах на основании кровного родства, до крестьян и затем городских жителей¹⁸. Горожане становятся расточи-

тельными, и по мере того как растут желания, им приходится постоянно увеличивать налоги. Они прибегают к услугам иностранцев и игнорируют утверждения соплеменников о равенстве, поскольку последние как воины постепенно деградируют. Так государство дряхлеет и со временем становится жертвой новой группы кочевников, которые затем проходят тот же цикл. В доиндустриальном мире, окружавшем Ибн Халдуна, история выглядела как циклическая последовательность войн между племенами с участием иностранных союзников за статичную и непродуктивную ренту, которая начислялась на капитал. Такой же была история Норвегии.

Производство, специализирующееся на сырьевых товарах и не доросшее до возрастающей отдачи и общего блага, способствует созданию феодального политического строя. Однако и без него государство продолжает изымать экономический излишек, как это делалось при колониализме, и почти ничего не давать взамен; так происходит в африканских странах. В таких условиях докапиталистический производственный и политический строй оказывается чрезвычайно живучим, и этому, вероятно, есть причины. Один из консультантов президента Танзании Джулиуса Ньерере, швед Йоран Хюден, когда-то писал о непокорном крестьянстве Африки. НАТО и Запад сегодня стоят перед проблемой «непокорного крестьянства» в Афганистане. Я предполагаю, что социализм Ньерере в Африке провалился по той же причине, по которой провалились действия НАТО и Запада в Афганистане. Все дело в экономическом строе.

Развитие, которое разорвало описанный Ибн Халдуном круг получения ренты, мы в главе III определили как одновременное развитие разделения труда и отраслей промышленности с возрастающей отдачей. В присутствии этих видов деятельности капитал стал активом для сельской местности, и наоборот: национальное государство перестало быть игрой с нулевой суммой. Со времен Жана-Батиста Кольбера известна лишь одна формула создания национальных государств — индустриализация, инвестиции в инфраструктуру и создание свободной торговли в пределах страны. После того как эти условия выполнены, можно делать следующие шаги.

Несколько месяцев назад норвежский Институт стратегических исследований пригласил Эдварда Луттвака, известного воинствующего и консервативного вашингтонского республи-

канца, на семинар в Лиллехаммере — городе, где в 1992 году проводились Олимпийские игры. К моему удивлению, оказалось, что Луттвак всегда был против войны в Ираке. «Знаете, — сказал он мне, — один чиновник из Министерства обороны в 2003 году, как раз перед началом войны в Ираке, назвал меня расистом только потому, что я сказал, что не верю, что уничтожение Саддама поможет продвинуть в Ираке демократию».

Луттвак, прекрасно зная историю, придерживался того же мнения, что и Бэкон с Марксом, — проблема не в расе, а в экономическом строе. Однако из-за того что европейцы запретили развивать обрабатывающую промышленность в колониях, где было мало белых людей, в то время как колонии, где белых было много, индустриализовались и получили независимость, раса кажется значимой в вопросах развития. На второй день пребывания в Перу я встречался с президентом Белаунде (эта встреча описана в главе I). Президент только что вернулся из поездки в изолированную область страны в глубине перуанских лесов. В этой области, куда можно попасть только на вертолете, жили немецкие поселенцы, приехавшие после Первой мировой войны. Хотя они были преимущественно белокожими и голубоглазыми, жили точно так же, как остальные. Много лет спустя я попал в бразильский штат Риу-Гранди-ду-Сул, где немецкие поселенцы, которых было больше, чем в Перу, создали обрабатывающую промышленность и богатство. Вновь цитируя Фрэнсиса Бэкона, скажу: «Есть огромная разница между жизнью людей в каком-либо наиболее культурном краю Европы и в какой-нибудь наиболее дикой и варварской области Новой Индии... И эта разница происходит не от почвы, не от климата, не от телосложения, а от наук (т. е. от профессий, принятых в этих местах)».

И все же у нас есть причины для оптимизма. Менталитет и институты относительно быстро меняются вслед за экономическим строем. Английские путешественники в начале XIX века не увидели в Норвегии, этой отсталой стране пьющих крестьян, никаких возможностей для развития. Однако 50 лет спустя оказалось, что они были неправы. Дэвид Ландес, гарвардский экономист, приводит в качестве примера цитату из газеты «Japan Herald» за 1881 год: «Мы не думаем, что Япония когда-либо разбогатеет: этому препятствуют преимущества, дарованные природой, а также любовь японского народа к праздности и удовольствиям. Японцы — счастливая раса, и, будучи удо-

влетворенными тем немногим, что имеют, они вряд ли многого достигнут»¹⁹. Причина и следствие в процессе развития были расставлены по местам еще Иоганном Якобом Мейеном в 1769 году: «Известно, что не сначала примитивные народы улучшают свои обычаи, а потом открывают полезные виды хозяйственной деятельности, а наоборот». Смена менталитета приходит со сменой способа производства.

У нас есть и причины для пессимизма; в основном они касаются того, что Мозес Абрамовиц называл меняющимся профилем технического прогресса. У разных технологий разные характеристики. Например, информационная технология позволила небольшим компаниям разработать хиты и быстро заработать много денег. Биотехнологии, с другой стороны, развиваются медленно, и получается, что биотехнологический бизнес в целом — это скорее потеря денег, а не их источник. Есть множество причин считать, что дело не просто в разных стадиях технологической зрелости. Несколько лет назад я был приглашен в Кембридж на защиту диссертации молодой американки. Она доказывала, что в то время как информационные технологии вернули мировую экономическую власть Соединенным Штатам, биотехнологии по своей природе лучше подходят Японии с ее экономическим строем больших конгломератов. Японцы могут использовать одну и ту же биотехнологию во многих областях — от ферментации пива до создания лекарств. Используя терминологию Абрамовица, можно сказать, что мы имеем технологические системы с разными профилями в том, что касается масштаба производства; это важная идея, она имеет большое значение для объяснения неравномерности развития.

Одна из причин пессимистического отношения к качественным изменениям технологических периодов заключается в том, что уникальные элементы национальной парадигмы Форда сложно воспроизвести сегодня. Механизмы, которые позволяли создать такую большую погрешность на национальных рынках труда, сегодня ослаблены или их нет. Подтверждается факт, что заработная плата достигла максимума в 1970-е годы не только в большинстве латиноамериканских стран, но и в Соединенных Штатах. В США эту проблему можно решить политическими мерами, подняв минимальную зарплату. В бедной стране найти решение будет гораздо сложнее, это должна быть радикальная смена производственного строя страны.

Сочетание массового производства Форда и изначально национально ориентированного сектора обрабатывающей промышленности создало уникальные условия для роста реальной зарплаты. Это связано с факторами, которые экономисты слабо понимают, — экономической и политической властью. Читая анализ, приведенный ниже, необходимо помнить, что для развитых стран первая волна глобализации была преимущественно связана с сырьевыми товарами. По Кейнсу, производственные товары были в основном доморощенными.

Экономисты Американской институциональной школы, начиная с Джона Коммонса (1862–1945) и заканчивая Джоном Кеннетом Гэлбрейтом (1908–2006), прекрасно понимали роль власти: экономический рост требует баланса уравнивающих друг друга сил бизнеса и профсоюзов. Ключевым элементом создания богатства после 1848 года была мощь профсоюзов, которая обеспечивала то, что мы называем основанным на тайном сговоре распространением экономического роста: жители богатых стран разбогатели, выбрав повышение производительности в форме более высоких зарплат, а не в форме более низких цен, как произошло бы в условиях совершенной конкуренции. Парикмахеры разбогатели, поднимая цену стрижки соответственно увеличению производительности промышленных рабочих и росту их зарплат. Условия торговли — соотношение обмена трудовыми часами при покупке промышленным работником стрижки — не изменились. В этом смысле доход парикмахеров в странах «первого» мира вырос чрезвычайно сильно по сравнению с доходом их коллег из стран третьего мира. Парикмахеры получили свою долю национальной ренты (дохода выше нормального уровня).

По целому ряду причин такой путь к богатству страны стал сегодня куда менее целесообразным, чем раньше. Перемены частично объясняют инновационными процессами, появившимися благодаря информационным технологиям. В то время как инновационные (новые) продукты приводят к несовершенной конкуренции и повышению зарплат, инновационные процессы (новые способы производить старые продукты) часто приводят к ценовой конкуренции и давлению на заработную плату. В компании «Microsoft» технология в форме инновационных продуктов создает высокие зарплаты и прибыль. Когда эта же технология используется в гостиничном бизнесе или авиапере-

возках, она приводит к падению маржи в гостиницах Венеции и Коста-дель-Соль и снижению зарплаты стюардесс.

В мировой экономической системе XX века, основанной на национальных государствах, основным носителем парадигмы была автомобильная промышленность. В Японии в 1920-е годы было около 20 компаний — производителей автомобилей, и даже в относительно маленькой Швеции их было две. В XX веке процветала эмуляция при помощи обратной инженерии: японцы могли купить американскую машину, разобрать ее и сделать улучшенную версию. Вместе эти два элемента (то, что в каждой стране независимо от ее размера был национальный источник инновационных продуктов в промышленной отрасли — носителе парадигмы, а также была возможность эмулировать более богатые страны при помощи обратной инженерии) стали основными чертами экономического роста начала XX века, которые сегодня трудно воспроизвести.

Компания «Microsoft» — глобальный поставщик программного обеспечения, ее защищают по всему миру патенты и авторские права, что делает обратную инженерию невозможной. Попытка воспроизвести «Microsoft» в миниатюре в каждой стране (как с автомобильными заводами) будет не только неэффективной, но и нелегальной. Продукты, защищенные патентами, авторским правом и роялти, занимают большое место в мировой торговле. Защита интеллектуальной собственности увеличивает экономический разрыв между странами; страны, в которых баланс торговли такими продуктами положителен, можно пересчитать по пальцам. Возрастающая доля защищенных продуктов в мировой торговле неминуемо приведет к увеличению пропасти между богатыми и бедными странами.

Кроме того, в «профиле» технологического прогресса произошли параллельные изменения, способствовавшие разрушению традиционного способа, который до сегодняшнего дня позволял богатым странам богатеть.

1. В мире наблюдается тенденция перехода от экономии на масштабах производства в рамках одного завода (заводов, объединяющих большое количество рабочих в одном месте) к рассредоточенному производству с экономией на диверсификации.

2. Количество рабочих мест в секторе обрабатывающей промышленности сокращается, а в секторе услуг — растет, так как в обрабатывающей промышленности растет уровень автоматизации²⁰.
3. Работникам сферы традиционных услуг недостает рыночной власти, которую создает мастерство традиционных промышленных рабочих. Их становится все легче заменить «человеком с улицы».
4. Децентрализованная франшиза, заменившая централизованную собственность, размывает власть работников, потому что им приходится иметь дело с большим количеством работодателей.

Перечисленные факторы не дают работникам ресторана «Макдоналдс» добиться такой же рыночной власти, которой работники на заводе Форда пользовались как чем-то само собой разумеющимся. Этому способствует и недостаток политической воли, способной повлиять на размер минимальной заработной платы. В Соединенных Штатах в период высокого роста производительности (такого же, как тот, что мы наблюдаем сегодня) увеличение минимальной заработной платы в большой степени было вопросом политической воли. В Африке для него требуется куда больше, чем принять местное политическое решение, — требуется изменить основные правила глобальной экономики.

В сравнении с национальной экономикой отношения между промышленником и работником в глобальной экономике изменились кардинально. Любой капиталист понимает, что повышение зарплаты работникам — не такая уж проблема, если он уверен, что его конкуренты также поднимают зарплату своим работникам. Просвещенные капиталисты знают, что общий уровень зарплат увеличивает спрос на их же продукты, а следовательно, их потенциальную прибыль. В 1914 году Генри Форд принял решение удвоить зарплату своим работникам. Он сделал это потому, что его производственные мощности требовали, чтобы его собственные рабочие могли позволить себе покупать автомобили²¹.

Отношение типа «мой работник — это еще и мой покупатель» сегодня не встречается, и это очередной отличительный признак способа производства XXI века от фордизма прошедшего века. Китай и Вьетнам вошли на мировой рынок про-

мышленных товаров благодаря тому, что платили работникам чрезвычайно мало. До Китая ни в одной стране не возникало сочетания стремительного технологического прогресса с таким малым ростом реальной зарплаты. Оно создает давление на зарплаты в сторону понижения повсеместно, от Мексики до Италии. Для покупателей из богатых стран это отличная новость, поскольку для них она означает низкие цены на товары. Действительно, пока их собственные зарплаты не начнут падать, новость будет хорошей. Недавно я получил письмо от известного американского историка экономики, работы которого цитирую в этой книге, и в постскриптуме значилось: «Мы когда-нибудь придем к выравниванию цен на производственные факторы, но кто сказал, что это выравнивание будет по верхнему уровню?»

Стратегии, которые успешно помогли разбогатеть странам «первого» мира, могут в условиях третьего мира не сработать. Выигрышной стратегией для производителей сырьевых товаров, в частности для крестьян, может быть обращение к нишевым продуктам высокого качества; успешные примеры использования такой стратегии — это итальянский пармезан и пармская ветчина. Вполне возможно преуспеть и в производстве сельскохозяйственных продуктов. Однако успешное производство сырьевых товаров всегда происходит при успешной промышленной экономике. Итальянские сыр и ветчина производятся в том же регионе (Эмилия-Романья), где автомобили «Феррари», «Ламборгини», «Бугатти» и «Мазерати». Вряд ли бедные страны, даже если они станут производить лучшие сырьевые товары в мире на нишевых рынках, сумеют тем самым поднять зарплаты своим гражданам. Исторически стремительный рост зарплат всегда связывали с профсоюзами, уравновешивающей олигополистической властью, которая возможна только в присутствии еще более олигополистической власти — самой промышленной индустрии. Нишевая стратегия не сработает, потому что в бедных странах нет профсоюзов, которые могла бы надавить на зарплаты в сторону повышения. Лучший в мире производитель брокколи на экспорт, живущий в Эквадоре, не может платить своим работникам достойную зарплату. То, что мы называем экономическим развитием, по сути своей является рентой, которая создается при уравновешивании олигополистических сил промышленности и труда.

Тем не менее в странах, которым удастся поймать взрыв производительности в какой-либо современной отрасли промышленности (как это удалось Ирландии с информационными технологиями и Финляндии с мобильными телефонами), происходит заметный скачок реальной зарплаты. Европа сама создала себе проблему, сначала деиндустриализовав восточноевропейские страны, а затем быстро интегрировавшись с ними. Получилось, что на собственном заднем дворе Европейский союз устроил локальную версию третьего мира с его безработицей и неполным использованием трудовых ресурсов. Однако по-настоящему серьезная проблема стоит перед странами, которые не достигли критического уровня деятельности с возрастающей отдачей, — это крупные области Африки, Латинской Америки и Азии.

Крайне низкие цены на международные перевозки и «смерть расстояний» мешают отстающим странам разбогатеть тем способом, которым страны богатели в 1850–1970-е годы. Скачок в передовую экономику услуг вряд ли сможет им помочь. Бедные люди, которые становятся богаче, прежде всего нуждаются в промышленных товарах. Продвинутая экономика услуг не возникает в обществе охотников и собирателей; для нее необходима синергия, сопутствующая только развитому промышленному сектору. Именно поэтому деиндустриализация — уничтожение сектора с возрастающей отдачей, которую проходят периферийные страны под руководством мировых финансовых организаций, является преступлением против человечества. Теперь эти экономисты создают модели, объясняющие, в чем они ошиблись. Однако пока этим моделям не придумали соответствующих практических рекомендаций, они способны лишь вывести на новый институциональный и наднациональный уровень то, что мы назвали «грехом Кругмана», — обладая необходимым лекарством, они запрещают применять его на практике.

Когда Аргентина пыталась преодолеть последствия масштабного экономического кризиса, аргентинцы попросили: «Пусть те, кто заварил эту кашу, теперь сделают нам одолжение и помолчат». Сейчас миру необходимо то же самое на глобальном уровне. Экономисты и организации, которые своей идеологией (а не экономической теорией) создали катастрофическую ситуацию в периферийных странах, должны отойти

от власти. Однако вместо этого те, кто явно демонстрировал свою неспособность создать богатство, сегодня встают во главе гигантского проекта по перераспределению богатства, созданного в богатых странах, в бедные страны. При этом последние еще меньше способны создать собственное богатство, чем раньше. Проект целей тысячелетия — исторический тупик. Я вынужден повторить: люди и организации, которые создали эту проблему, должны отойти от власти.

Несмотря на свои недостатки, альтернативные организации — организации системы ООН — десятилетиями помогают нам лучше понять, откуда берутся бедность и богатство. Доклад ЮНКТАД о наименее развитых странах²² указывает верное направление действий — в сторону возрождения прежнего значения производства и ухода от торговли и инвестиций как таковых. Возрождение значения производства автоматически означает, что бедность жителей третьего мира перестанет рассматриваться как проблема потребителей («Мы должны передать бедным покупательную силу при помощи финансовой помощи») и станет проблемой производителей («Безработица и недостаточное использование трудовых ресурсов в третьем мире — это огромная трата человеческих ресурсов; надо создать там рабочие места»).

Эта мысль возвращает нас к настроениям, царившим в мире после Второй мировой войны, когда зловещий опыт 1930-х годов ускорил развитие стратегии, обеспечившей странам третьего мира несколько десятилетий здорового роста. Проблемы третьего мира сегодня аналогичны проблемам Соединенных Штатов и Европы в 1930-е годы: высокий уровень безработицы и недостаточное использование трудовых ресурсов, а также наличие технико-экономической парадигмы (в то время это было массовое производство Форда), остановленной недопотреблением задолго до достижения своего полного потенциала. Шумпетер объяснил проблемы 1930-х годов концентрацией инноваций во времени, а Кейнс нашел решение: осуществлять расходы за счет дефицита государственного бюджета. Сегодня, используя проект целей тысячелетия, мы пытаемся превратить временное решение проблем 1930-х годов (бесплатную раздачу супа для бедных и организацию ночлежек для бездомных) в окончательное решение проблем стран третьего мира. Его по-прежнему надо искать в теориях Шумпетера и Кейн-

са. Третьему миру, от работников «макиладорас» в Центральной Америке до угандских женщин, работающих на компании Акта об экономическом росте и торговых возможностях в странах Африки, надо отказаться от продуктов, ведущих в технологический тупик, и ввести в национальные производственные системы конкуренцию Шумпетерова типа. Для того чтобы Шумпетеровы эффекты могли пересекать границы, необходимо возродить стратегии, которые уничтожила глобализация. Если бедные страны участвуют в технологическом развитии только в качестве потребителей, зарплаты и покупательная способность в них не вырастут. Для этого надо возродить в новых условиях инструменты экономической политики, которые позволяют производству переноситься через границы. Глобализация притупила инструменты, предложенные Кейнсом. Раньше при помощи расходов за счет дефицита государственного бюджета национальные правительства могли поднять национальную экономику, увеличивая спрос на местные товары и услуги. В условиях же деиндустриализованной открытой экономики традиционная политика Кейнса приведет скорее к увеличению импорта, чем к оживлению местного производства. Таким образом, инструменты, которые в прошлом были эффективными, сегодня либо запрещены, либо утратили свою силу.

Я уверен, что в будущем *станет* возможным создавать государства среднего достатка, но новые условия жизни в мире потребуют более радикальных политических мер, чем в прошлом. Если мы обратимся к истории, то увидим, что в некоторых случаях шоковая терапия (противоположная той, которую породил Вашингтонский консенсус) оказывалась благотворной. Я говорю об экономических бойкотах, которые в некоторых обстоятельствах блокируют импорт промышленных товаров и приводят к росту сектора обрабатывающей промышленности по схеме Маршалла. Доклад об обрабатывающей промышленности Александра Гамильтона, написанный в 1791 году, стал для Соединенных Штатов одновременно теорией и инструментарием индустриализации. Когда в результате блокады Наполеона и войны с Англией в 1812 году Штаты оказались практически отрезаны от торговли с Европой, американской промышленности это пошло на пользу. Только после этого она набрала критическую массу, чтобы создать Американскую систему промышленности, образец успешной национальной стратегии развития. Вто-

рая мировая война произвела аналогичный эффект на Латинскую Америку. Все силы Европы и США тратились на войну, так что промышленные товары перестали поступать в Латинскую Америку, что в сочетании с высокими ценами на латиноамериканские сырьевые товары спровоцировало индустриализацию региона. Один из моих студентов писал курсовую работу о Родезии/Зимбабве и обнаружил, что международный бойкот режима белого меньшинства привел к индустриализации и стремительному росту реальной зарплаты жителей страны.

Получается, что апартеид в мягкой форме (например, закон, запрещающий белым людям с голубыми глазами ездить в передней части автобуса) может выступать национальной стратегией, которая дает политикам свободу для создания экономической погрешности, образуемой синергией между видами деятельности с возрастающей отдачей. Как только заслуженная экономическая стратегия по созданию критической массы деятельности с возрастающей отдачей восстановится в своих правах, когда, как сказал бы Ницше, исчезнет даже память о тени экономики времен холодной войны, тогда подобные обходные пути можно будет забыть. Эта политика в духе Фридриха Листа будет политикой симметричной экономической интеграции, в ходе которой постепенно объединятся все большие зоны свободной торговли, а поток товаров и идей действительно пойдет всем на пользу. Только зная причины болезни, можно начинать поиск лекарства; только зная механизмы, которые делают торговлю несправедливой, можно создать справедливую торговлю, забыв о благотворительном колониализме.

Сегодня мы стоим на перепутье и можем пойти в любую сторону. Нарастает угроза финансового кризиса, после которого кейнсианство придется возрождать в новых условиях и в глобальном масштабе. Свободная торговля в качестве основы экономического порядка в мире, вероятно, отсрочит решение будущих проблем так же, как упорная вера в золотой стандарт отсрочила приход к кейнсианству в 1930-е годы. Как писал Кристофер Фримен, растущее с 1980-х годов экономическое неравенство (аналогичные всплески неравенства случались в 1820, 1870 и 1920-е годы) связано со сменой технико-экономической парадигмы. Такие смены всегда несут критические структурные изменения, спрос на новые умения, высокую прибыль в новых отраслях промышленности и бум на фондовом рынке.

VIII. Приведите в порядок экономическую деятельность...

Если это так, то можно связать идеологические циклы с технологическими. Вначале правительства, оказывая поддержку бизнесу, способствуют росту неравенства, но рано или поздно это приводит к восстанию против невзгод, к которым ведет такая политика. Американский экономист Брайан Берри пишет о политике президента Джексона в 1830-е годы, когда интересы «крестьян и механиков страны» опережали интересы «богатых и знатных», как о примере политики перераспределения, типичной после роста вышеупомянутого неравенства. Впоследствии политика Джексона была формализована в Законе о фермах и участках 1862 года, антитрастовом законодательстве и прочих реформах 1890-х годов, а также в Новом курсе 1930–1940-х годов. Когда в 1996 году шли дебаты о минимальной зарплате, американские экономисты были решительно против любого увеличения зарплаты. Однако в 2007 году решение об увеличении минимальной зарплаты почти не обсуждалось и было принято сенатом практически единодушно; это признак того, что идеологический ветер дует нынче в другую сторону. Интересы людей вновь стали считать более важными, чем предоставление свободы силам рынка. Однако прагматизм, как обычно, победит сначала только «дома», а в отдаленных местах, вроде Африки, идеологическая ортодоксия продержится еще долго.

Впрочем, даже если сегодняшняя политика продолжится, даже если мы навсегда запретим бедным странам имитировать экономический строй богатых стран, даже если мы превратим бедные африканские страны в резервации для безработных на пособия — я надеюсь, что эта книга выполнила свою изначальную цель, сформулированную мной на свалке в Лиме в 1967 году. Мой труд помог лучше понять, почему простые люди из стран третьего мира, хотя они работают эффективно, остаются бедными.

Приложение I

ТЕОРИЯ ДАВИДА РИКАРДО О СРАВНИТЕЛЬНОМ ПРЕИМУЩЕСТВЕ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛЕ

В книге 1817 года «Принципы политической экономии и налогообложения» Давид Рикардо заложил основу сегодняшнего мирового экономического порядка, сформулировав теорию сравнительного преимущества. В качестве примера он использовал торговлю вином и тканями между Англией и Португалией. Будучи истинным джентльменом, он позволил Португалии быть эффективнее Англии в производстве тканей и вина. Рикардо попытался доказать, что специализация и торговля могут быть взаимно выгодными, если каждая страна специализируется на том, в чем она относительно наиболее эффективна (или наименее неэффективна) по сравнению с другой страной.

Не считая стандартных предпосылок, перечисленных в конце приложения, проблема в том, что теория не допускает возможности, что после специализации продукция одной страны (вино) может попасть в тиски убывающей отдачи и возрастающих издержек производства, а другая страна при этом будет наслаждаться падением издержек при росте производства благодаря возрастающей отдаче (как в производстве тканей). В Приложении III показано, например, как одна страна (промышленная) стала специализироваться на богатстве, а вторая (сельскохозяйственная) — на бедности.

Важно понять, что эта теория представляет мировую экономику в виде процесса обмена трудочасами, лишенными каких-либо характеристик. Один трудочас работника Силиконовой долины в ней равен одному трудочасу работника-беженца в суданском Дарфуре. Парадоксальным образом капиталистическая теория торговли не учитывает роли капитала; она основана на трудовой теории ценности, поэтому не учитывает, что производственный процесс одной страны может быть потенциально более емким в отношении знаний и капитала (как

в случае с «Microsoft»), чем производственный процесс другой страны, который может остаться крайне трудозатратным и невыгодным с точки зрения вложения капитала (как с производством мячей для бейсбола из главы IV).

Ниже приведен пример, который иллюстрирует логику теории Рикардо. Я заменил ткани и вино промышленными товарами и товарами каменного века, чтобы внести в теорию элементы качественного различия, технологического прогресса и развития. Пример описывает ту же ситуацию, что Рикардо: Португалия эффективнее Англии в производстве товаров каменного века и промышленных товаров, но выбирает специализацию на технологии каменного века.

ТАБЛИЦА 1

<i>Страна</i>	<i>Стоимость производства, трудочасы</i>	
	<i>промышленные товары</i>	<i>товары каменного века</i>
Англия	15	30
Португалия	10	15

Из табл. 1 мы видим, что производство единицы товаров каменного века в Англии стоит столько же, сколько производство двух единиц промышленных товаров. Производство дополнительной единицы товаров каменного века означает отказ от производства двух единиц промышленных товаров (экономисты сказали бы: альтернативные издержки единицы товара каменного века равняются двум единицам промышленных товаров). В Португалии производство единицы товаров каменного века стоит столько же, сколько производство 1,5 ед. промышленных товаров (альтернативные издержки единицы товара каменного века равняются полутора единицам промышленных товаров в Португалии). Поскольку относительные (сравнительные) затраты различаются, обеим странам по-прежнему выгодна торговля, несмотря на то что у Португалии абсолютное преимущество в обоих видах товаров.

Португалии выгоднее производить товары каменного века, чем промышленные товары, поэтому сравнительное преимуще-

ство Португалии заключается в производстве товаров каменного века. Англии выгоднее производить промышленные товары, чем товары каменного века, поэтому считается, что у Англии сравнительное преимущество в производстве промышленных товаров.

Таблица 2 показывает, как торговля может быть выгодной. Издержки производства такие же, как в табл. 1. Считается, что Англия располагает 270 свободными человеко-часами на производство. До торговли Англия производит и потребляет 8 ед. промышленных товаров и 5 ед. товаров каменного века. У Португалии трудовые ресурсы меньше, она располагает 180 человеко-часами на производство. До торговли Португалия производит и потребляет 9 ед. промышленных товаров и 6 ед. товаров каменного века. Общее производство в обеих странах составляет 17 ед. промышленных товаров и 11 ед. товаров каменного века.

ТАБЛИЦА 2

Страна	Производство, трудочасы			
	до торговли		после торговли	
	промышленные товары	товары каменного века	промышленные товары	товары каменного века
Англия	8	5	18	0
Португалия	9	6	0	12
Всего	17	11	18	12

Если теперь обе страны специализируются (Португалия станет производить только товары каменного века, а Англия — только промышленные товары), вместе они станут производить 18 ед. промышленных товаров и 12 ед. товаров каменного века. Удерживая Португалию в каменном веке, свободная торговля и специализация сделали мир в целом богаче: мировое производство выросло на одну единицу промышленных товаров и на одну единицу товаров каменного века. Однако я утверждаю, что существуют куда лучшие аргументы в пользу свободной торговли, чем сравнительное преимущество Рикардо. Я также утверждаю,

что теория сравнительного преимущества способна поймать бедные страны в западню бедности и примитивизации.

Как мы видели в главе V, основной экономической политикой времен Рикардо был запрет на обрабатывающую промышленность в колониях. Основным последствием теории сравнительного преимущества стало то, что она этически оправдывала колониализм. До Смита и Рикардо большинство экономистов понимали, что колонии намеренно удерживаются в бедности; многие предсказывали, что колонии взбунтуются и захотят индустриализоваться, как США в 1776 году. В XIX веке страны, которые мы сегодня называем богатыми, поняли, что следовать теории Рикардо не в их интересах, если только они сначала не индустриализуются. В главе V мы видели, как после 1989 года свободная торговля деиндустриализовала Монголию и привела к тому, что единственным развивающимся промышленным сектором стал сбор птичьего пуха. Развитие Монголии после 1989 года на самом деле свелось к деятельности времен каменного века, а не к промышленной деятельности.

У теории сравнительного преимущества есть и другие важные предпосылки:

- отсутствие транспортных издержек;
- наличие только двух экономик, которые производят только два вида товаров;
- гомогенность (идентичность) товаров, покупаемых странами друг у друга;
- совершенная мобильность факторов производства;
- отсутствие тарифов или других торговых барьеров;
- совершенство знания: все покупатели и продавцы знают, в какой стране мира можно найти самые дешевые товары.

Приложение II

ДВА ПОДХОДА К ОБЪЯСНЕНИЮ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ, БОГАТСТВА И БЕДНОСТИ СТРАН

Стандартный канон

Равновесие в условиях совершенной информации и совершенного предвидения

Высокий уровень абстракции

Отсутствие человеческой воли и ума как экономических факторов

Неспособность объяснить инновации в рамках системы

Движущей силой капитализма считается капитал как таковой

Метафоры заимствуются из физики

Способ понимания механистический (*begreifen*)

Материя

Внимание сконцентрировано на человеке-потребителе: «Люди — это животные, научившиеся обмениваться» (Адам Смит)

Другой канон

Обучение и принятие решений в условиях нестабильности (Шумпетер, Кейнс, Джордж Шэкл)

Уровень абстракции выбирается в зависимости от поставленной задачи

Geist- und Willens-Kapital, капитал человеческого ума и воли, а также предпринимательство считаются движущими силами экономики

Инновации считаются центральной движущей силой

Движущей силой капитализма считается новое знание, которое создает спрос на создание капитала в финансовом секторе

Метафоры заимствуются из биологии

Способ понимания качественный (*verstehen*), не сводится к цифрам и символам

Geist (дух) прежде материи

Внимание сконцентрировано на человеке — новаторе и производителе: «Люди — это животные, которые не просто работают, но способны на инновации» (Авраам Линкольн)

Стандартный канон

Другой канон

Внимание сконцентрировано на статических/относительно статических процессах

Внимание сконцентрировано на изменениях/прогрессе

Теория не кумулятивна/исторический опыт не имеет значения

Кумулятивная каузальность/история имеет значение/эффекты обратной волны
(Мюрдаль, Кальдор, Шумпетер, немецкая историческая школа)

Возрастающая отдача от масштаба или ее отсутствие считается несущественным явлением

Возрастающая отдача и ее отсутствие — ключевой фактор в объяснении разницы в доходах фирм, регионов и стран (Кальдор)

Высокая точность (предпочитается точная неверность, чем примерная правильность)

Релевантность важнее точности. Компромисс между релевантностью и точностью признается необходимой чертой науки

Совершенная конкуренция (товарная/ценовая конкуренция) считается идеальной ситуацией и целью для общества

Конкуренция, по Шумпетеру, движимая инновациями и знаниями, считается основой прогресса и идеальной ситуацией. В ситуации совершенной конкуренции, равновесия и отсутствия инноваций капитал обесценивается (Шумпетер, Хайек)

Рынок считается механизмом регулирования цен

Рынок считается местом соперничества и механизмом выбора между разными продуктами и решениями (Шумпетер, Нельсон и Уинтер)

Предпосылка о равенстве I: отсутствие разнообразия

Разнообразие — ключевой фактор (Шумпетер, Шэкл)

Предпосылка о равенстве II: все виды экономической деятельности равны и одинаковы как носители экономического роста и благосостояния

Рост и благосостояние зависят от вида деятельности; разные виды экономической деятельности имеют разные потенциалы для применения новых знаний

Стандартный канон	Другой канон
Теоретические и практические рекомендации даются независимо от контекста (одно лекарство от всех болезней)	Теоретические и практические рекомендации напрямую зависят от контекста
Экономика считается независимой от общества	Экономика считается неразрывно связанной с обществом
Технологии считаются бесплатным благом, манной небесной	Знание и технологии производятся, имеют издержки и защищаются. Их производство стимулирует система, которая включает законы, институты и соответствующую политику
В основе системы и теории лежат уравнивающие силы	Кумулятивные силы считаются важнее уравнивающих и становятся поэтому основой системы
Экономическая наука считается Harmonielehre; экономика рассматривается как саморегулирующаяся система, которая стремится к равновесию и гармонии	Экономическая наука считается нестабильной дисциплиной, в которой часто случаются конфликты. Стабильность экономики достигается при помощи стратегических мер (Кэри, Поланьи, Вебер, Кейнс)
Используется понятие «репрезентативная фирма»	Репрезентативной фирмы не существует. Каждая фирма уникальна (Эдит Пенроуз)
Статический оптимум. Совершенная рациональность	Динамическая оптимизация в условиях нестабильности. Ограниченная рациональность
Реальная экономика и финансовая экономика не различаются	Конфликты между реальной и финансовой экономикой считаются нормальными и требуют регулирования (Хаймен Мински, Кейнс)
Воздержание от потребления приводит к накоплениям, которые считаются причиной роста	К накоплениям приводит прибыль (Шумпетер). Накопления как таковые не способствуют росту и не являются для него желательными (Кейнс)

Приложение III

ТЕОРИЯ НЕРАВНОМЕРНОГО РАЗВИТИЯ

ФРЭНКА ГРЭМА

Возрастающая и убывающая отдача в международной торговле (пример в числах)

СТАДИЯ 1. МИРОВОЙ ДОХОД И ЕГО РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДО ТОРГОВЛИ

Товар	Страна А			Страна Б		
	человеко- дней	производится за 1 человеко- день, ед.	всего	человеко- дней	производится за 1 человеко- день, ед.	всего
Пшеница	200	4	800	200	4	800
Часы	200	4	800	200	3	600

Всемирное производство: 1600 ед. пшеницы + 1400 ед. часов. В пшенице: 3200 ед.

Доход страны А, выраженный в пшенице: 1714 ед.

Доход страны Б, выраженный в пшенице: 1486 ед.

Цена: 4 ед. пшеницы = 3,5 ед. часов

СТАДИЯ 1. МИРОВОЙ ДОХОД И ЕГО РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДО ТОРГОВЛИ

Товар	Страна А			Страна Б		
	человеко- дней	производится за 1 человеко- день, ед.	всего	человеко- дней	производится за 1 человеко- день, ед.	всего
Пшеница	100	4.5	450	300	3.5	1050
Часы	300	4.5	1350	100	2	200

Всемирное производство при торговле: 1500 ед. пшеницы + 1550 ед. часов.

В пшенице: 3271 ед.

Доход страны А, выраженный в пшенице: 1993 ед.

Доход страны Б, выраженный в пшенице: 1278 ед.

Моя диссертация 1980 года была посвящена тому, чтобы эмпирически подтвердить эту модель, т.е. что специализация на сырьевых товарах способна сделать страну беднее. Я проследил, как основная экспортная деятельность трех стран латиноамериканских Анд — Боливии (добыча олова), Эквадора (производство бананов) и Перу (производство хлопка) — развилась до уровня убывающей отдачи. По причинам, которые назвали еще английские экономисты XIX века, когда объем национального производства рос, росли и производственные издержки; наоборот, производственные издержки падали, как только падал объем производства. В секторе обрабатывающей промышленности зависимость обратная.

Как продемонстрировал Ханс Зингер в 1950 году, технологический прогресс не решает проблему дохода в секторе сырьевых товаров, потому что увеличение объема производства в этом секторе приводит скорее к снижению экспортных цен, а не к росту дохода. На илл. 12 показано, как Перу сумела выбраться из этой ловушки, создав сектор обрабатывающей промышленности, но вновь в нее попала, как только Всемирный банк и МВФ начали свою политику деиндустриализации.

Приложение IV

ДВА ИДЕАЛЬНЫХ ТИПА ПРОТЕКЦИОНИЗМА В СРАВНЕНИИ

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: ПРАВИЛЬНЫЙ ПРОТЕКЦИОНИЗМ

Временная защита новых отраслей промышленности/новых продуктов для мирового рынка

Очень крутая кривая производительности по сравнению с остальным миром

Основывается на динамическом (Шумпетеровом) понимании мира как созидательного разрушения, спровоцированного рынком

Сохраняется конкуренция на внутреннем рынке

Основная технология контролируется внутри страны

Крупные инвестиции в образование/промышленная политика создает большой спрос на образование. Предложение образованных кадров совпадает со спросом на них в промышленности

Меритократия — капитал, рабочие места и привилегии распределяются согласно квалификации работников

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: НЕПРАВИЛЬНЫЙ ПРОТЕКЦИОНИЗМ

Постоянная защита зрелых отраслей промышленности/продуктов для внутреннего рынка (зачастую совсем небольшого)

Рост производительности отстает от остального мира

Основывается на статическом понимании мира: плановая экономика

Низкий уровень конкуренции на внутреннем рынке

Основная технология импортируется из-за границы/сборка готовых импортируемых деталей/поверхностная индустриализация

Меньшее внимание образованию/построенный тип промышленности не приводит к высокому (как в Восточной Азии) спросу на образованные кадры. Инвестиции в образование способствуют эмиграции

Непотизм (кумовство) при распределении капитала, рабочих мест и привилегий

**ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ:
ПРАВИЛЬНЫЙ ПРОТЕКЦИОНИЗМ**

Земля распределяется поровну
(Корея)

Равномерное распределение дохо-
дов увеличивает внутренний ры-
нок продвинутых промышленных
товаров

Прибыль создается при помощи ди-
намического (Шумпетерова) соиска-
ния ренты

Активное сотрудничество между
производителями и местными по-
ставщиками

Распространение технологий регу-
лируется так, чтобы максимизиро-
вать количество переданных знаний

**ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА:
НЕПРАВИЛЬНЫЙ ПРОТЕКЦИОНИЗМ**

(Противоречивая информация
о распределении земли)

Неравномерное распределение до-
ходов ограничивает размер внут-
реннего рынка и уменьшает конку-
рентоспособность промышленности
страны

Прибыль создается при помощи ста-
тического соискания ренты

Противостояние производителей
и местных поставщиков

Распространение технологий регу-
лируется так, чтобы избежать ло-
вушек

Приложение V

ДЕВЯТЬ ПРАВИЛ ЭМУЛЯЦИИ БОГАТЫХ СТРАН

ФИЛИППА ФОН ХОРНИГКА (1684 г.)

1. Внимательнейшим образом изучить землю страны и не оставить без внимания ни одного клочка без обработки. Экспериментировать с каждым существующим на свете растением, проверить, можно ли адаптировать его для выращивания в стране, поскольку близость или удаленность от солнца — это еще не все. Не жалеть сил и средств на поиск золота и серебра.
2. Все ресурсы, существующие в стране, которые нельзя использовать в их естественном состоянии, обрабатывать в пределах страны; поскольку промышленные товары обычно стоят в 2–3–10–100 раз дороже, чем сырье, разумный управляющий считает пренебрежение этим правилом кощунством.
3. Для выполнения первых двух правил понадобятся люди — как для производства и выращивания сырьевых товаров, так и для их обработки. Поэтому уделять внимание населению: оно должно быть настолько велико, насколько страна может себе позволить. Это главная забота хорошо организованного государства, но, к сожалению, именно она часто игнорируется. Кроме того, в людях всеми силами поощрять желание заниматься доходными профессиями; направлять и поддерживать их в создании всевозможных изобретений, искусств и ремесел; если необходимо, наставников для направления приглашать из других стран.
4. Когда в стране имеется золото и серебро, добытое из собственных шахт или заработанное у других стран при помощи промышленности, оно ни в коем случае не должно покидать ее границ, насколько это осуществимо. Оно не должно храниться в ящиках или под матрасами,

но должно оставаться в обращении; нельзя позволять использовать значительное количество золота и серебра для таких целей, для которых они уничтожаются и не могут использоваться вновь. Если следовать этим правилам, то страна, однажды заработавшая значительное количество наличных средств, особенно если в ней есть золотые или серебряные рудники, никогда не обеднеет; более того, такая страна непременно будет постоянно увеличивать свое богатство и имущество.

5. Жители страны должны прилагать все усилия, чтобы обходиться отечественными продуктами, ограничить свою потребность в роскоши их употреблением и, насколько возможно, обходиться без иностранных продуктов (не считая случаев, когда необходимость не оставляет другого выбора или когда продукт является случаем повсеместного непреодолимого злоупотребления, как индийские специи).
6. В случае если покупки заграничных товаров неизбежны из-за необходимости или непреодолимого злоупотребления, приобретать у иностранцев из первых рук, насколько это возможно, и не за золото или серебро, но в обмен на другие отечественные товары.
7. Иностранные товары должны импортироваться в незавершенном виде и доводиться внутри страны, тем самым позволяя заработать работникам обрабатывающей промышленности.
8. Днем и ночью страна должна искать возможность продать лишние товары иностранцам в завершенном виде, насколько это возможно, причем за золото и серебро; для этой цели потребление, если можно так сказать, искать на самом дальнем краю земли и развивать всеми силами.
9. Не считая исключительных случаев, нельзя допускать импорта в страну товаров, которые существуют в стране в приемлемом качестве; в этом вопросе нельзя показывать ни симпатии, ни сострадания по отношению к иностранцам, будь они друзьями, родными, союзниками или врагами. Потому что любая дружба кончается там, где начинает приносить мне слабость и разорение. Это правило должно применяться даже тогда, когда отечественный продукт хуже качеством, чем импортный, или стоит доро-

же. Потому что лучше переплатить за товар 2 долл., которые останутся в стране, чем 1, который ее покинет, как бы странно это ни показалось несведущим.

(Отрывок переведен по тексту Артура Эли Монро «Early Economic Thought, Selection from Economic Literature prior to Adam Smith». Cambridge. Mass., 1930.)

Книга Хорнигга «*Österreich über alles*» («Австрия превыше всего») вышла всего через год после последней осады Вены турками. В ней излагалась стратегия экономического развития для Австрии. Книга пережила 16 изданий, постоянно оставаясь в печати на протяжении более 100 лет. Приведенные выше пункты суммируют стратегию, предложенную Хорниггом. К своему столетнему юбилею, в 1784 году, книга была переиздана Бенедиктом Херманном, который написал в комментариях, что богатство, которое развилось в Австрии за последние 100 лет, — это результат стратегии Хорнигга.

В пунктах Хорнигга содержится несколько важнейших идей. В книге я утверждаю, что культ мануфактуры был ключевым фактором успешного развития Европы, начиная с Англии времен Генриха VII и заканчивая Ирландией и Финляндией в 1980-е годы, 500 лет спустя. Правила Хорнигга — образец этой же стратегии. Часто ее считают дискриминирующей по отношению к сельскому хозяйству, однако первое же правило говорит о необходимости инноваций в сельском хозяйстве — поиске новых растений для культивации. В третьем правиле Хорнигг пишет о благоприятной для населения политике, которая проистекает из нужды в увеличении производительности и разделении труда, о необходимости использовать умения иностранцев, а не их деньги. Сегодня эта идея особенно важна для нас, как и для экономической стратегии Англии времен династии Тюдоров.

Правило 2 содержит, возможно, самую важную идею Хорнигга, которую мы могли бы назвать мультипликатором обрабатывающей промышленности, — мысль, что промышленные товары обычно стоят в 2–3–10–100 раз дороже, чем сырье. В главе III я процитировал письмо испанского министра финансов, в котором тот описывает этот же мультипликатор за 100 лет

до Хорнига, в 1558 году. Несколько лет назад я обнаружил для себя этот мультипликатор, когда работал с саамскими оленеводами в Северной Норвегии. Оленеводы продают шкуры на кожевенные заводы в Швеции по цене 50 крон, а готовый продукт в виде выделанной кожи покупают по цене 500 крон: мультипликатор поднял цену в 10 раз.

Как в Африке сегодня, в Испании в 1558 году и Австрии в 1683 году, уровень безработицы был весьма существенным. Между сырьем и готовым продуктом лежало множество рабочих мест, стабильная прибыль в условиях растущей отдачи и доход, который правительство могло обложить налогом. Обрабатывающая промышленность приносила выгоду в форме тройной ренты: во-первых, предпринимателю в виде прибыли; во-вторых, работнику в виде рабочего места; в-третьих, правительству в виде роста налоговых доходов.

Приложение VI

КАЧЕСТВЕННЫЙ ИНДЕКС ВИДОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Новшества

Новые технологии

ДИНАМИЧЕСКАЯ
НЕСОВЕРШЕННАЯ
КОНКУРЕНЦИЯ
(качественные ви-
ды деятельности):

ботинки
(1850–1900)

мячи для гольфа

автомобильные
краски

бытовые краски

ботинки (2000)

мячи для
бейсбола

СОВЕРШЕННАЯ
КОНКУРЕНЦИЯ
(некачественные
виды деятельно-
сти)

ХАРАКТЕРИСТИКИ КАЧЕСТВЕННЫХ ВИДОВ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:

- новые знания с высокой рыночной ценностью;
- крутая кривая производительности;
- быстрый рост объема производства;
- стремительный технологический прогресс;
- активная научно-исследовательская деятельность;
- поощряется обучение на практике;
- несовершенная информация;
- инвестиции поступают в крупном объеме/неделимы (лекарства);
- конкуренция несовершенная, но динамичная;
- высокий уровень заработной платы;
- возможности для экономии на масштабе и диверсификации производства;
- высокая концентрация отраслей;
- высокие ставки: высокие барьеры на вход и выход;
- связи и синергия;
- инновационные продукты;
- стандартные предпосылки неоклассической теории неприменимы

ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕКАЧЕСТВЕННЫХ ВИДОВ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:

- знания старые, не имеющие рыночной ценности;
- кривая производительности пологая;
- рост производительности низкий;
- уровень технологического прогресса низкий;
- научно-исследовательская деятельность на низком уровне;
- требуется невысокий уровень мастерства или образования;
- совершенная информация;
- инвестиции можно делить (инструменты для изготовления бейсбольных мячей);
- совершенная конкуренция;
- низкий уровень заработной платы;
- низкий уровень экономии на масштабах или его отсутствие/риск убывающей отдачи;
- слабоконцентрированная отрасль промышленности;
- низкие ставки: низкий барьер на вход и выход;
- природное сырье;
- небольшое количество связей и синергических эффектов;
- инновационные процессы или отсутствие инноваций;
- предпосылки неоклассической теории применимы

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1. Давид Рикардо (1772–1823) был английским политическим экономистом, который защищал международную теорию торговли на основании сравнительного преимущества: по ней страна должна была специализироваться в том, в чем она относительно наиболее эффективна (наименее неэффективна) по сравнению со своим торговым партнером. Его книга «Принципы политической экономии и налогообложения» вышла в 1817 году.
2. О важности эмуляции см.: *Hont Istvan. Jealousy of Trade: International Competition and the Nation-State in Historical Perspective. Cambridge, Mass., 2005.*
3. Ее первыми авторами были Торстейн Веблен (1857–1929) и Йозеф Шумпетер (1883–1950); авторы ее современной версии — Ричард Нельсон и Сидни Уинтер (*An Evolutionary Theory of Economic Change. Cambridge, Mass., 1982*), а также Джованни Доси с соавторами (*Technical Change and Economic Theory. London, 1988*).
4. *Шумпетер Й.А. История экономического анализа. Т. 2. СПб.: Экономическая школа, 2001. С. 620.*

I. ДВА ТИПА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

1. См. *Heaton Herbert. A Scholar in Action. Edwin F. Gay, Cambridge, Mass., 1952*; *Cruikshank Jeffrey. A Delicate Experiment. The Harvard Business School 1908–1945, Boston, 1987*; *Reinert Erik. Schumpeter in the Context of Two Canons of Economic Thought // Industry and Innovation, 2002.*
2. *Intellectual Innovation at the Harvard Business School. A Strategy. Division of Research, Harvard Business School, 1991. P. viii.*
3. Это выражение употребляет сам Пол Кругман.
4. *Serra Antonio. Breve trattato delle cause che possono far abbondare l'oro e l'argento dove non sono miniere. Naples, 1613.* Фонд Другого ядра профинансировал перевод этой книги на английский язык, который скоро должен выйти.
5. В 1848 году Маркс даже выступал в защиту свободной торговли, потому что она должна была ускорить начало революции (сделав бедные страны еще беднее).
6. *Carpenter Kenneth. The Economic Bestsellers Before 1850. Kress Library of Business and Economics, Boston, 1975,* текст доступен в электронном виде по адресу <http://www.othercanon.org>
7. Этот процесс беспокоит многих библиотекарей в США.
8. *Grundriss der Staatswirtschaft zur Belehrung und Warnung angehender Staatswirte. Frankfurt, 1782.*
9. Непереплетенные книги объемом до 90 страниц.

10. Это означает, что Соединенным Штатам было суждено разбогатеть, несмотря на такие «ошибки», как поддержка индустриализации. Ранние обзорные статьи на эту тему см.: *Catching-up From Way Behind — A Third World Perspective on First World History // Fagerberg Jan, Verspagen Bart, Tunzelmann Nick von* (eds). *The Dynamics of Technology, Trade, and Growth*, Aldershot, 1994; *Competitiveness and Its Predecessors — a 500-Year Cross-National Perspective' // Structural Change and Economic Dynamics*. 1995. Vol. 6; *The Role of the State in Economic Growth // Journal of Economic Studies*. 1999. Часть этих вопросов затрагивает мой коллега Чан Ха-Джун в своей книге «*Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective* (London, 2002).
11. Смитис также написал некролог на смерть Шумпетера в журнале «*Quarterly Journal of Economics*».
12. Эта теория не исключила бы Марксова понимания экономического развития. Мой подход к Марксу развился, как я обнаружил, до уровня подхода к нему большинства немецких экономистов сто лет назад: анализ прекрасный, но практические рекомендации никуда не годятся. В предисловии в японском издании «Теории экономического развития» ярый консерватор Шумпетер писал, что его анализ весьма похож на анализ Маркса.
13. Письмо процитировано по: *Niccolò Machiavelli. Tutte le opere storiche e letterarie*. Florence, 1929.
14. *Hobson John*. *The Eastern Origins of Western Civilisation*. Cambridge, 2004; *Bernal Martin*. *Black Athena: The Afroasiatic Roots of Classical Civilization*. New Brunswick, NJ, 1991.
15. *Pommeranz Kenneth*. *The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy*. Princeton, 2000.
16. *Edward Said*. *Orientalism*, New York, 1978.
17. *Даймонд Джаред*. *Ружья, микробы и сталь*. М.: АСТ, 2004.
18. Эти вопросы обсуждаются в статье Патрика О'Брайена «*Historiographical Traditions and Modern Imperatives for the Restoration of Global History*» в журнале «*Journal of Global History*». 2006. Vol. 1. Issue 1.
19. О важности географического и климатического разнообразия для развития цивилизации в Андах см.: *Murra John*. *La organización económica del estado inca*. México, 1978; and subsequent works.
20. Слово *emulation* в нашу семью принес мой сын Софус. Эмуляции посвящена диссертация, которую он пишет в Кембриджском университете об истории экономической мысли и политики. Это слово прекрасно описывает все то, что я раньше называл бенчмаркингом (benchmarking).
21. *Hont Istvan*. *Jealousy of Trade: International Competition and the Nation State in Historical Perspective*. Cambridge, Mass., 2005.
22. *Wolff Christian*. *The Real Happiness of a People under a Philosophical King Demonstrated; Not only from the Nature of Things, but from the undoubted Experience of the Chinese under their first Founder Fohi, and his Illustrious Successors, Hoam Ti, and Xin Num*. London, 1750; *Johann Heinrich Gottlob von Justi*. *Vergleichungen der Europäischen mit den Asiatischen und andern vermeintlich Barbarischen Regierungen*. Berlin, 1762.

23. В то время валютой служили золотые и серебряные монеты, и нехватка валюты — которая в том числе исчезала из обращения, потому что оседала дома у граждан в виде накоплений — считалась серьезной проблемой.
24. *Galiani Ferdinando*. Dialogues sur le Commerce des Bleds. Milan, 1770/1959.
25. Об этом хорошо написано в статье *Cimoli Mario, Dosi Giovanni, Nelson Richard, Stiglitz Joseph*. Institutions and Policies Shaping Industrial Development: An Introductory Note, Working Paper, Initiative for Policy Dialogue. Columbia University, 2006.
26. Речь идет о типично колониальной экономической политике. Иногда центральная страна нестандартно относится к территориям, являющимся ее политическими колониями, и пытается стимулировать в них рост. Пример такого отношения — отношение Норвегии к Пуэрто-Рико, начавшееся при политическом лидере Луисе Муньосе Марине и губернаторе Рексфорде Тагвелле (1941–1946).
27. *Paul Krugman*. Ricardo's Difficult Idea. Why Intellectuals Don't Understand Comparative Advantage // *Gary Cook* (ed.). The Economics and Politics of International Trade. Vol. 2. Freedom and Trade, London, 1998. P. 22–36.

II. ЭВОЛЮЦИЯ ДВУХ РАЗНЫХ ПОДХОДОВ

1. *William Ashworth*. Customs and Excise. Trade, Production and Consumption in England 1640–1845. Oxford, 2003. P. 382.
2. См.: Let States be Entrepreneurs // *Newsweek*. 2006. 13 March. P. 72.
3. Крутман процитирован по: *Melvin Reder*. Economics. The Culture of a Controversial Science. Chicago, 1999.
4. *Antonio Genovesi*. Storia del commercio della Gran Bretagna. 3 vols. Naples, 1757–1758. Vol. 1. P. 249.
5. Стоит отметить, что до Адама Смита практически вся экономическая наука была основана на метафорах из биологии. Дискуссию о метафорах см.: *Philip Mirowski*. More Heat Than Light: Economics as Social Physics, Physics as Nature's Economics, Historical Perspectives on Modern Economics. Cambridge, 1989; Non-Natural Social Science: Reflecting on the Enterprise of More Heat than Light / *Neil de Marchi* (ed.). Durham, 1993; *Sophus Reinert*. Darwin and the Body Politic: Schäffle, Veblen, and the Shift of Biological Metaphor in Economics // The Other Canon Foundation and Tallinn University of Technology. Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics. 2006. No. 82. URL: <http://hum.ttu.ee/tg>
6. *Jones Richard*. An Essay on the Distribution of Wealth. London, 1831.
7. *Rae John*. Statement of Some New Principles on the Subject of Political Economy, Exposing the Fallacies of the System of Free Trade, and of Some Other Doctrines Maintained in the 'Wealth of Nations'. Boston, 1834.
8. Альфред Маршалл был основателем неоклассической экономической науки, развившейся в сегодняшнюю стандартную теорию.
9. Другой канон был задуман как исходная точка экономики реальности и профессиональная сеть инакомыслящих экономистов.
10. Разумеется, марксистская экономическая теория включала и многое другое, в частности тонкий анализ технического прогресса и экономи-

ческого развития. Однако метод переворачивания социальной пирамиды оказался слишком простым решением для общественных проблем, описанных Марксом. Можно также утверждать, что ошибочные идеи Маркс почерпнул у Давида Рикардо; см.: *Foxwell Herbert. Foreword to Anton Menger, The Right of the Whole Produce of Labour. London, 1899.*

11. В конце Второй мировой войны традицию Другого канона продолжали два течения: институциональная экономика в США и разнообразные исторические школы в Европе, самая известная из которых — немецкая школа.
12. Интервью в газете: *Dagens Næringsliv. 1994. 31 December.*
13. Цит. по: *Ferguson John M. Landmarks of Economic Thought. New York, 1939. P. 142.*
14. Обсуждение экономической науки как зарождающейся религии см.: *Nelson Robert H. Economics as Religion: From Samuelson to Chicago and Beyond. University Park, 2001.*
15. Можно утверждать, что убывающая отдача — единственный элемент стандартной экономической теории, основанный на факте реальной жизни. Далее мы увидим, однако, как невнимание к этому фундаментальному механизму привело к экономической катастрофе в Монголии.
16. Стандартная экономическая наука различает виды экономической деятельности в том смысле, что они могут быть более или менее капиталозатратными. Если бы эта мысль прозвучала в теории международной торговли, можно было бы показать, как страны, специализирующиеся на экономической деятельности, потребляющей меньше капитала, окажутся беднее остальных стран (исходя из того, что капитал — это основной источник роста). Однако это невозможно, поскольку теория международной торговли основана на трудовой теории ценности и не учитывает капитальных инвестиций. Такое жонглирование разными наборами предпосылок в разных частях теории — главная черта стандартной экономической науки. То, что выдается за связную теорию, на деле является сборной солянкой из разрозненных подходов.
17. Эту идею я почерпнул на конференции, проходившей в Нотр-Дамском университете в 1991 году.
18. Единственное исключение — статья Роберта Лукаса. *Lucas Robert. On the Mechanics of Economic Development // Journal of Monetary Economics. 1988. Vol. 22. P. 3–42.*
19. *Шумпетер Йозеф. История экономического анализа: в 2 т. СПб., 2001. Т. 1. С. 250.*
20. *Ernst Ludwig Carl. Traité de la Richesse des Princes, et de leurs Etats: et des Moyens Simples et Naturels Pur y Parvenir. Paris, 1722–3.*
21. См., в частности: *Маршалл Альфред. Принципы экономической науки. М.: Прогресс, 1993.*
22. *Bhagwati Jagdish. Free Trade Today. Princeton, 2002. P. 22.*
23. См. особенно приукрашенную версию истории в: *David Warsh. Knowledge and the Wealth of Nations. A Story of Economic Discovery. New York, 2006.*
24. *Babbage Charles. On the Economy of Machinery and Manufactures. London, 1832. P. 84.*

25. *Lane Frederick*. Profits from Power. Readings in Protection-Rent and Violence-Controlling Enterprises. Albany, 1979.
26. *Tilly Charles*. Coercion, Capital and European States AD 990–1992. Cambridge, 1990.
27. *Kaldor Nicholas*. Alternative Theories of Distribution // Review of Economic Studies. 1955–1956. Vol. XXIII. No. 2. Reprinted in Essays on Value and Distribution. Glencoe, Ill. 1960. P. 211.
28. Об этом пишет кембриджский экономист Герберт Фоксвелл в работе, которую я уже цитировал. См. также некролог, написанный Кейнсом, о Фоксвелле в журнале «Economic Journal» в 1936 г. Немецкое изложение этого же анти-Рикардового Zeitgeist см. в речи Густава Шмоллера при вступлении в должность ректора Берлинского университета. *Schmoller Gustav*. Wechselnde Theorien und feststehende Wahrheiten im Gebiete der Staats- und Socialwissenschaftlichen und die heutige deutsche Volkswirtschaftslehre. 1897.
29. Рассказ об этом процессе и о роли в нем комиссии Коулза см.: *Mirowsk Philip*. Machine Dreams: Economics becomes a Cyborg Science. Cambridge, 2001. Об утрате исторического измерения см.: *Hodgson Geoffrey*. How Economics Forgot History: The Problem of Historical Specificity in Social Science. London, 2001; о закате американской институциональной экономики: *Yivoal Yonay*. The Struggle over the Soul of Economics. Princeton, 1998.
30. Цит. по: *Reinert Erik*. International Trade and the Economic Mechanisms of Underdevelopment, Ph. D. thesis. Cornell University, 1980.
31. Дискуссия основана на: *Wolfgang Drechsler* // Natural versus Social Sciences: on Understanding in Economics // Globalization, Economic Development and Inequality: An Alternative Perspective / *Erik Reinert* (ed.). Cheltenham, 2004. P. 71–87.
32. URL: <http://www.peason.net> Этим крайне информативным сайтом руководит Эдвард Фулбрук.
33. *Blaug Mark*. The Problem with Formalism: An Interview with Mark Blaug // Challenge. 1998. May/June. URL: http://www.btinternet.com/~pae_news/Blaug1.htm
34. Это обсуждается в: *Reinert Erik*. Full Circle: Economics from Scholasticism through Innovation and back into Mathematical Scholasticism. Reflections around a 1769 Price Essay: «Why is it that Economics so Far has Gained so Few Advantages from Physics and Mathematics?» // Journal of Economic Studies. 2000. Vol. 27. No. 4/5.
35. *Tubaro Paula*. Un'esperienza peculiare del Settecento italiano: «la scuola milanese» di economia matematica // Studi Settecenteschi. 2000. Vol. 20. P. 215.
36. *Samuelson Paul*. International Trade and the Equalisation of Factor Prices // Economic Journal. 1948. Vol. 58, и его же статья: International Factor-Price Equalisation Once Again // Economic Journal. 1949. Vol. 59. Как и в случае с Давидом Рикардо, важно не то, что Самуэльсон утверждает в этих статьях, но то, как его теории были использованы для создания картины мира, в котором немедленная свободная торговля пойдет всем и каждому на благо.
37. *Поланьи К*. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2004. С. 56.

38. Веблен Т. Почему экономика не является эволюционной наукой? // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. С. 25.
39. Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997.
40. Anthony Giddens. The Third Way. The Renewal of Social Democracy. Cambridge, 1998. P. 111.
41. Анализ основан на книге Карлоты Перес «Technological Revolutions and Financial Capital. The Dynamics of Bubbles and Golden Ages» (Cheltenham, 2002) и ее статье «Technological Revolutions, Paradigm Shift and Socio-Institutional Change» (Globalization, Economic Development and Inequality: An Alternative Perspective. Cheltenham, 2004).
42. Этот эффект становится заметным, если исключить Китай и Индию — страны, которые последовательно применяли стратегию промышленного протекционизма в течение более 50 лет и не подвергались шок-терапии (из группы бедных стран). Как группа, все остальные страны обеднели.
43. Из этого случая выросла внутренняя «банановая война» в Европейском союзе, в которой Германия стала главной защитницей Эквадора.
44. Sixto Durán Ballén. A mi manera: Los años de Carondelet. Quito, 2005.
45. Более подробное обсуждение теории стадий развития см.: Erik Reinert. Karl Bücher and the Geographical Dimensions of Techno-Economic Change // Karl Bücher: Theory — History — Anthropology — Non-Market Economies / Jürgen Backhaus (ed.). Marburg, 2000. P. 177–222.
46. Meek Ronald. Social Science and the Ignoble Savage. Cambridge, 1976. P. 219.
47. Там же. С. 12.
48. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 78.
49. 2005. Июль/август. С. 21.
50. Обсуждение этого вопроса см. у Поланьи в указанном сочинении.
51. Насколько мне известно, автором этого крайне полезного термина является Карлота Перес.
52. Johan Åkerman. Politik och Ekonomi i Atomålderns Värld. Stockholm, 1954. P. 26–27.
53. UNCTAD, United Nations Conference on Trade and Development (2006). The Least Developed Countries Report 2006. Developing Productive Capacities, Geneva. URL: http://www.unctad.org/en/docs/ldc2006_en.pdf

III. ЭМУЛЯЦИЯ: КАК РАЗБОГАТЕЛИ БОГАТЫЕ СТРАНЫ

1. Труды Джейн Джейкобс (1916–2006) подтверждают важность роли городов в мировой истории.
2. Hales John. A Compendious or Briefe Examination of Certayn Ordinary Complaints of Divers of Our Countrymen in These Our Dayes: Which Although... in Some Partes Unjust and Frivolous, Yet Are All, by Way of Dialogue, Thoroughly Debated and Discussed. London, 1561/1751.

3. См. интересное обсуждение этого вопроса в: *Charles Emil Stangeland. Pre-Malthusian Doctrines of Population. A Study in the History of Economic Theory.* New York, 1904/1966.
4. См.: *Reinert Erik, Daastøl Arno. Exploring the Genesis of Economic Innovations: The Religious Gestalt-Switch and the Duty to Invent as Preconditions for Economic Growth // European Journal of Law and Economics.* 1997. Vol. 4. No. 2/3. P. 233–83.
5. *Koyré Alexandre. From the Closed World to the Infinite Universe.* Baltimore, 1957.
6. Краткое введение в теорию меркантилизма хорошо изложено в: *Schmoller Gustav. The Mercantile System and its Historical Significance.* New York, 1967.
7. Впервые это событие описывается в: *Catching-up From Way Behind — A Third World Perspective on First World History // The Dynamics of Technology, Trade, and Growth / Jan Fagerberg, Bart Verspagen, Nick von Tunzelmann (eds).* Aldershot, 1994. P. 168–97.
8. Это заявление Джона Кэри впервые было опубликовано в 1696. Оно взято из третьего издания «A Discourse on Trade and Other Matters Relative to it» (London, 1745. P. 84).
9. Автор неизвестен: *Relazione di una scorsa per varie provincie d'Europa del M. M... a Madama G... in Parigi.* Pavia, 1786.
10. Я исхожу из стандартной предпосылки о том, что в странах, существующих на одном и том же месте несколько веков, лучшая земля уже истощена, что вынуждает население расширять производство за счет худших земель или климатических зон.
11. Это были главные центры добычи полезных ископаемых, сегодняшние Боливия и Мексика. В какой-то момент Потоси, расположенный на высоте 4 тыс. м над уровнем моря, был самым крупным городом мира.
12. См. англ. пер. труда Ботеро: *Botero Giovanni. The Reason of State.* New Haven, 1956. P. 152. Отрывок об Италии написан под влиянием *Reinert Sophus. The Italian Tradition of Political Economy. Theories and Policies of Development in the Semi-Periphery of the Enlightenment // Origins of Development Economics / Jomo K. S., Erik S. Reinert (eds).* London and New Delhi, 2005. P. 24–47.
13. *Berch Anders. Innledning til Almänna Hushälningen, innefattande Grunden til Politie, Oeconomie och Cameral Wetenskaparne.* Stockholm, 1747. P. 217.
14. Об этом см.: *Hirschman Albert. The Passions and the Interests. Political Arguments for Capitalism before its Triumph.* Princeton, 1977.
15. *Galiani Ferdinando. Dialogues sur le Commerce des Bleds.* Milan, 1770/1959. P. 116.
16. *Tocqueville Alexis de. Democracy in America.* Chicago, 1855/2000. P. 515.
17. *Hamilton Earl. Spanish Mercantilism before 1700 // Edwin Francis Gay, Facts and Factors in Economic History — Articles by Former Students.* Cambridge, Mass., 1932. P. 237.
18. *Ortiz Luis. Memorandum to the King to Prevent Money from Leaving the Kingdom.* Madrid, 1558. Цитируется в указанном сочинении Эрла Гамильтона. С. 230–231.

19. Подробней об этой влиятельной теории см.: *King Charles. The British Merchant; or, Commerce Preserv'd.* 3 vols. London, 1721.
20. *List Friedrich. The National System of Political Economy.* Kelly. New Jersey, 1991. Оригинальное немецкое издание опубликовано в 1841 г.
21. Об этом см.: *Reinert Erik. Benchmarking Success: The Dutch Republic (1500–1750) as seen by Contemporary European Economists // How Rich Nations Got Rich. Essays in the History of Economic Policy.* Oslo, 2004. P. 1–24. URL: <http://www.sum.uio.no/publications>, готовится к печати в: *The Political Economy of the Dutch Republic / Oscar Gelderblom (ed.).* Aldershot, 2007.
22. Любому, кто интересуется книгами, интересно будет узнать, что в те времена библиотеки часто брались в заложники, как сегодня берутся люди. Особенно распространена была эта практика у шведов. См.: *Walde Otto. Storhetstidens litterära krigsbyten. En kulturhistorisk-bibliografisk studie.* Uppsala, 1920.
23. *Sombart Werner. Krieg und Kapitalismus.* Munich and Leipzig, 1913.
24. *Ibid.*
25. «Девушка с жемчужной сережкой» (2003).
26. Также см.: *Murra John. La organización económica del estado inca.* México, 1978; и его дальнейшие труды о роли географического и климатического разнообразия в создании цивилизации в Андах и империи инков.
27. *Botero Giovanni. Le Relationi Universali, diviso in sette parti.* Venice, 1622. P. 48.
28. *Child Joshua. A Treatise Concerning the East-India Trade.* London, 1681. P. 90.
29. Пример Исландии, в которой парламент существует с 930 года, доказывает, что независимые крестьяне в отсутствие феодализма также могут прийти к демократии.
30. См.: *Reinert Erik. A Brief Introduction to Veit Ludwig von Seckendorff (1626–1692) // European Journal of Law and Economics.* 2005. 19. P. 221–230.
31. «Телесис» была дочерней компанией Бостонской консультативной группы. Мы использовали в работе инструменты, о которых рассказывает следующая глава.

IV. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: АРГУМЕНТЫ «ЗА», ОНИ ЖЕ «ПРОТИВ»

1. Поэтому Шумпетер, чтобы охватить эти явления, ввел понятие «исторически возрастающая отдача».
2. См.: *Schmoller Gustav. The Mercantile System and its Historical Significance.* New York, 1967; *Reinert Erik, Reinert Sophus. Mercantilism and Economic Development: Schumpeterian Dynamics, Institution Building and International Benchmarking // Origins of Development Economics / Jomo K. S., Erik S. Reinert (eds).* London and New Delhi, 2005. P. 1–23.

3. См. главу «Equality as Fact and Norm» в: *Buchanan James. What Should Economists Do? Indianapolis, 1979. P. 231 ff.*
4. Исключение могут составить земли, которые Лига наций называла областями недавних поселений. В Соединенных Штатах вначале использовалась земля восточного побережья, которая, как выяснилось позже, была не лучшей в стране. В Бразилии то же произошло с кофейными плантациями: земля, которая первой начала использоваться для выращивания кофе, потом оказалась не самой для этого подходящей. Однако в целом правило убывающей отдачи работает.
5. *Buchanan James. What Should Economists Do? Indianapolis, 1979. P. 236.*
6. *Quesnay François. Traité des Effets et de l'Usage de la Saignée. Paris, 1750.*
7. Основной труд Вернера Зомбарта о капитализме — это двухтомник «Der moderne Kapitalismus», впервые изданный в Мюнхене и Лейпциге в 1902 году; последнее издание вышло в 1928 году в 6 томах. Перевод на французский, итальянский и немецкий языки см. в библиографии последних двух томов. Профессор Юрген Бакхаус из Эрфуртского университета и автор книги работают над тем, чтобы издать перевод этой книги на английский язык, сделанный перед Второй мировой войной для Принстонского университета, но так и не опубликованный. Профессор Бакхаус в настоящее время заканчивает этот проект. Хороший краткий обзор последних двух томов см.: *Mitchell Wesley Claire. Sombart's Hochkapitalismus // The Quarterly Journal of Economics. 1929. Vol. 43. No. 2. P. 303–323.*
8. Этот переход хорошо объясняют в: *From Interwar Pluralism to Postwar Neoclassicism / Mary S. Morgan, Malcolm Rutherford (eds). Durham, 1998.*
9. *Report on the Commission on Graduate Education in Economics // Journal of Economic Literature. 1991. September.*
10. Я не хочу сказать, что такие люди встречаются только среди экономистов. «Мир полон идиотов с высоким коэффициентом интеллекта», — пишет антрополог Клиффорд Гирц, цитируя Сола Беллоу (*Geertz. Local Knowledge. Further Essays in Interpretive Anthropology. Basic Books. New York, 1983. P. 76*). Однако только в экономической науке система стимулов и вознаграждений устроена так, что фактические знания в ней имеют крайне низкий престиж.
11. *Wolf Martin. Why Globalization Works. New Haven, 2004. P. 125.*
12. *Kregel Jan. External Financing for Development and International Financial Stability. Geneva, 2004.*
13. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. О влиянии Ницше на шумпетерианскую экономическую теорию через Вернера Зомбарта см.: *Reinert Erik, Reinert Hugo. Creative Destruction in Economics: Nietzsche, Sombart, Schumpeter // Friedrich Nietzsche 1844–2000: Economy and Society / Jürgen Backhaus, Wolfgang Drechsler (eds). Boston, 2006.*
14. См.: *Perez Carlota. Technological Revolutions and Financial Capital. The Dynamics of Bubbles and Golden Ages. Cheltenham, 2002*; а также написанную ею главу «Technological Revolutions, Paradigm Shift and Socio-Institutional Change» в: *Globalization, Economic Development and Inequality: An Alternative Perspective / Erik Reinert (ed.). Cheltenham, 2004.*

15. Более подробную дискуссию о том, как технический прогресс влияет на экономику страны, см.: *Reinert Erik. Catching-up From Way Behind — A Third World Perspective on First World History // The Dynamics of Technology, Trade, and Growth / Jan Fagerberg, Bart Verspagen, Nick von Tunzelmann (eds). Aldershot, 1994. P. 168–197.*
16. Об этом явлении часто говорят как о зависимости от пути, см.: *W. Brian Arthur. Increasing Returns and Path Dependency in the Economy. Ann Arbor, 1994.* Однако мы еще убедимся в том, что убывающая отдача создает зависимость от пути в форме порочного круга классической экономики развития.
17. См. в библиографии труды Дениела Рэймонда и Мэтью Кэри; о Генри Клэе см. у Шутца (1887). О том, как одинаковые аргументы использовались в защиту индустриализации по обе стороны Атлантического океана см.: *Neill Charles Patrick, Raymond Daniel. An Early Chapter in the History of Economic Theory in the United States. Baltimore, 1897.*
18. *Vernon Raymond. International Investment and International Trade in the Product Cycle // Quarterly Journal of Economics. 1966. May; A Product Life Cycle for International Trade? / Louis T. Wells (ed.). Boston, 1972.*
19. На Западе эта идея впервые прозвучала в статье Канаме Акамацу: *Akamatsu Kaname. A Theory of Unbalanced Growth in the World Economy // Weltwirtschaftliches Archiv. 1961. No. 86. P. 196–217.*
20. Эта система тогда называлась «scala mobile», или «эскалатор».
21. *John Kenneth Galbraith. The World Economy Since the Wars. London, 1995. P. 83.*
22. *Morgenthau Henry, Jr. Germany is Our Problem. A Plan for Germany. New York, 1945.*
23. *Balabkins Nicholas. Germany Under Direct Controls. Economic Aspects of Industrial Disarmament 1945–1948. New Brunswick, 1964.*
24. *Милль Дж. С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. М.: Эксмо, 2007. С. 245.*
25. *Даймонд Д. Коллапс. М.: АСТ, 2008.*
26. *Hans Singer. The Distribution of Gains between Investing and Borrowing Countries // American Economic Review. 1950. 40. P. 473–85.*

V. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРИМИТИВИЗАЦИЯ: КАК БЕДНЫЕ СТАНОВЯТСЯ ЕЩЕ БЕДНЕЕ

1. В моей диссертации 1980 года «International Trade and the Economic Mechanisms of Underdevelopment» это явление описывается как эффект несимметричной международной торговли, уничтожающий лучшие сектора экономики. На описание этого эффекта меня вдохновил анализ Ярослава Ванека. Наиболее продвинутые сектора работают в условиях возрастающей отдачи и больших инвестиций в технологии. У конкурентов с крупных зарубежных рынков, как правило, имеется ценовое преимущество, и сокращающийся объем продаж легко обанкротит небольшое количество фирм, которое существует в каждой отрасли обрабатывающей промышленности. В других отраслях

- сокращение спроса не приведет к таким печальным последствиям, как в обрабатывающей промышленности. Маляр будет красить меньше домов, но малярство как профессия выживет. Как я утверждал в диссертации в 1980 году, сокращение спроса в производстве сырьевых товаров приведет к падению в стране издержек производства единицы продукции, поскольку менее пригодные земли и рудники перестанут использоваться. Таким образом, сокращение производства приведет к сокращению издержек производства единицы товара. Этот эффект противоположен тому, который мы наблюдаем в обрабатывающей промышленности, где растущая отдача и минимальный эффективный объем производства зачастую приводят к тому, что внезапная свободная торговля уничтожает целый экономический сектор.
2. См.: *Duran Reyes Fernández. Jerónimo de Uztáriz (1670–1732). Una Política Económica para Felipe V. Madrid, 1999. P. 230–233.*
  3. *Рузвельт Э. Его глазами. М.: Изд-во иностранной литературы, 1947.*
  4. *Endresen Sylvi. Modernization Reversed? Technological Change in Four Asian Fishing Villages, Ph. D. thesis. University of Oslo, 1994.*
  5. *Thünen Johann Heinrich von. Der isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie, oder Untersuchungen über den Einfluss, den die Getreidepreise, der Reichtum des Bodens und die Abgaben auf den Ackerbau ausüben. Hamburg, 1826.*
  6. *Милль Дж. С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. М.: Эксмо, 2007. С. 245.*
  7. *Developing Innovation Systems: Mexico in a Global Context / Mario Cimoli (ed.). London, 2000.*
  8. Более подробный рассказ о деиндустриализации Монголии см.: *Reinert Erik. Globalization in the Periphery as a Morgenthau Plan: The Underdevelopment of Mongolia in the 1990s // Globalization, Economic Development and Inequality: An Alternative Perspective / E. Reinert (ed.). Cheltenham, 2004. P. 115–56.*
  9. *Chacholiades Miltiades. International Trade Theory and Policy. New York, 1978. P. 343.*
  10. В моей диссертации 1980 года «International Trade and the Economic Mechanisms of Underdevelopment» приводится несколько таких случаев.
  11. Этот вопрос подробно обсуждается в: *Reinert. International Trade...*
  12. Ссылки на работы Рэймонда Вернона и Луиса Уэллса приведены в примечаниях к предыдущей главе: *Vernon Raymond. International Investment and International Trade in the Product Cycle // Quarterly Journal of Economics. 1966. Vol. 80. May. P. 190–207* и *Wells Louis. The Product Life Cycle and International Trade. Boston, 1972.* Этот вопрос вместе с марксистскими дебатами о неэквивалентном обмене подробно обсуждается в: *Reinert. International Trade...*
  13. *Reinert Erik. The Role of Technology in the Creation of Rich and Poor Nations: Underdevelopment in a Schumpeterian System // Rich Nations — Poor Nations. The Long Run Perspective / Derek Aldcroft, Ross Catterall (eds). Aldershot, 1996. P. 161–188.*
  14. *Ortiz Fernando, Counterpoint Cuban. Tobacco and Sugar. New York, 1947.* Оригинал книги на испанском языке был издан в Гаване в 1940 году.

15. *Монтескье Ш.-Л.* Избранные произведения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.
16. *Perez Carlota.* Technological Revolutions and Financial Capital. The Dynamics of Bubbles and Golden Ages. Cheltenham, 2002.
17. См.: Report by His Majesty's Consul at Iquitos on his Tour in the Putumayo District, Presented to both Houses of Parliament by Command of His Majesty. London, 1913. Согласно «Index and Digest of Evidence to the Report and Special Report from the Select Committee on Putumayo» (London, 1913), объем материалов, собранных по этому делу, превышал 13 тыс. страниц. Сам индекс состоит из 90 страниц и содержит подробную библиографию событий.
18. См.: *Cimoli Mario, Katz Jorge.* Structural Reforms, Technological Gaps and Economic Development: a Latin American Perspective // *Industrial and Corporate Change.* 2003. Vol. 12. No. 2. P. 387 ff.
19. *Reinert Erik, Reinert Hugo.* Creative Destruction in Economics: Nietzsche, Sombart, Schumpeter // *Friedrich Nietzsche 1844–2000: Economy and Society / Jürgen Backhaus, Wolfgang Drechsler (eds).* Boston, 2006.
20. *Burckhardt Jacob.* Reflections on History. London, 1943. P. 214.
21. Краткое изложение на английском языке можно найти в моей статье: *The Economics of Reindeer Herding: Saami Entrepreneurship between Cyclical Sustainability and the Powers of State and Oligopolies* // *British Food Journal.* 2006. Vol. 108. No. 7. P. 522–540.
22. Каковы бы ни были первоначальные намерения Давида Рикардо и Пола Самуэльсона, их теории впоследствии интерпретировались именно так. См. приведенную выше цитату директора ВТО.
23. *Friedman Milton.* The Methodology of Positive Economics // *Essays in Positive Economics.* Chicago, 1953.
24. Процитировано в: *Reinert Erik.* The Role of the State in Economic Growth // *Journal of Economic Studies.* 1999. Vol. 26 (4/5).
25. *Борхес Х-Л.* Аналитический язык Джона Уилкинса. Впервые опубликовано в: *Jorge Luis Borges.* Otras Inquisiciones. Buenos Aires, 1952.
26. Заключительные слова в: *Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег. М.: Эксмо, 2009.

VI. ОПРАВДАНИЕ ПРОВАЛА: ОТВЛЕКАЮЩИЕ МАНЕВРЫ ПЕРИОДА «КОНЦА ИСТОРИИ»

1. Во время первого заседания в 1872 году «Verein für Sozialpolitik», организации, которая создала европейское государство всеобщего благосостояния, Густав Шмоллер так описал стоящую перед ней цель: «Глубокая пропасть, разделяющая в нашем обществе предпринимателей и работников, класс собственников и несобственников, несет в себе угрозу общественной революции. Эта угроза подошла вплотную. В широких кругах появились серьезные сомнения в том, что экономические доктрины, определяющие сегодняшний рынок, — те же, что высказывались на Экономическом конгрессе, навсегда удержат лидирующее положение. Действительно ли введение свободного права на ведение бизне-

са (Gewerbefreiheit) и упразднение средневековых законов о гильдиях приведет к созданию совершенной экономической ситуации, которую предрекают горячие сторонники (Heißsporne) этой традиции?»

См.: Verein für Socialpolitik (sic). Verhandlungen der Eisenacher Versammlung zur Besprechung der Sozialen Frage am 6. und 7. October 1872. Leipzig. 1873. P. 3.

2. *Easterly William*. The Elusive Quest for Growth: Economists' Adventure and Misadventure in the Tropics. Cambridge, Mass., 2001 и The White Man's Burden: Why the West's Efforts to aid the Rest have done so much Ill and so little Good. New York, 2006. Цифра взята с сайта Истерли по адресу <http://www.nyu.edu/fas/institute/dri/Easterly>
3. *Verri Pietro*. Mediazioni sulla Economia Politica. Genoa, 1771. P. 42.
4. Всегда, когда различия вводятся систематически — как возрастающая и убывающая отдача в новой теории торговли Пола Крутмана, результатом становится система, приводящая к развитию одной стороны и недоразвитости другой, как и утверждается в этой книге.
5. *Ross Eric*. The Malthus Factor: Poverty, Politics and Population in Capitalist Development. London, 1998.
6. По мере того как росла важность кластеров Майкла Портера, развивалась неоклассическая версия кластеров, которая допускала, что знание передается от одной отрасли к другой, но не предусматривала синергии между разными видами экономической деятельности.
7. В историографии эта теория называется теорией избранности. Она становится популярной каждый раз, когда США входят в империалистический цикл: период движения за аннексацию всей Мексики (1840-е гг.), аннексация Кубы, Пуэрто-Рико и Филиппин (с 1898 г. по Первую мировую войну) и период империализма конца истории.
8. Мои коллеги с Гаити, где не больше 30% взрослого населения вообще имеют работу, утверждают, что одного этого факта достаточно, чтобы дисквалифицировать идеи Всемирного банка и МВФ.
9. Разные виды экономической деятельности имеют разную капиталоемкость. Если развитие — это прибавление труда к капиталу, то бедным странам выгодно защищать наиболее капиталоемкие виды экономической деятельности. Однако на деле международная экономика следует правилам крайне упрощенной версии теории торговли, в которой капитал отсутствует, а вся аргументация основана на обмене трудочасами.
10. Википедия предлагает весьма информативную статью на эту тему «The American System».
11. Стоит обратить внимание на то, как далеко это резюме ушло от логики, лежащей в основе Плана Маршалла. В результате катастрофических событий 1930-х годов и ожидания обычной послевоенной депрессии все приведенные пункты были неотъемлемой частью анализа.
12. Как я понимаю, новая теория развития пытается спасти базовые предпосылки. Я же говорю о необходимости избавиться от предпосылки о равенстве: надо снизить уровень абстрактности, признав, что технологический прогресс, возрастающая отдача и в целом экономический рост зависят от видов экономической деятельности.
13. Приглашение не предполагало, что мои услуги будут оплачены.

14. Право последовательного пожизненного пользования означает, что разные группы людей пользуются одной и той же землей в разные времена года. Права собственности, в капиталистическом понимании, при таком использовании не существует. Можно сравнить эту систему с системой «тайм-шер» аренды квартир (time-share), которая используется на многих курортах мира.
15. Этот раздел подробно обсуждается в исследовании: Institutionalism Ancient, Old and New: a Historical Perspective on Institutions and Uneven Development // Research Paper. 2006. No. 77. United Nations University. Helsinki, 2006.
16. *Chang Ha-Joon, Evans Peter. The Role of Institutions in Economic Change // Reimagining Growth / Silvana de Paula, Gary Dymski (eds). London, 2005. P.99; URL: http: www.othercanon.org*
17. См.: *Baron Hans. The Crisis of the Early Italian Renaissance. Princeton, 1966. P.207.*
18. *Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т.2. М.: Мысль, 1978. С.78.*
19. Карлота Перес убедительно демонстрирует, как технологический прогресс влияет на «здоровый смысл» институтов в главе: *Technological Revolutions, Paradigm Shift and Socio-Institutional Change // Globalization, Economic Development and Inequality: An Alternative Perspective / Erik Reinert (ed.). Cheltenham, 2004.*
20. *Botero Giovanni. Della ragione di stato. Libri dieci, также содержит Delle cause della grandezza delle città, libri tre. Rome, 1590; англоязычное издание: «New Haven», 1956.*
21. О немецкой теории развития см.: *Reinert Erik. German Economics as Development Economics: From the Thirty Years War to World War II // Origins of Development Economics / Jomo K. S., Erik Reinert (eds). London and New Delhi, 2005. P.48–68.*
22. *Fukuyama Francis. The End of History and the Last Man. New York, 1992.*
23. Этот раздел основан на моем исследовании *Competitiveness and Its Predecessors — a 500 Year Cross-National Perspective // Structural Change and Economic Dynamics. 1995. Vol. 6, где можно найти источники всех цитат.*
24. *Портер М. Конкуренция. М.: Вильямс, 2005. С.212.*
25. Также процитировано в моем исследовании *Competitiveness and Its Predecessors — a 500 Year Cross-National Perspective // Structural Change and Economic Dynamics. 1995. Vol. 6.*
26. Цены, конечно, тоже падают, но ключевой момент в том, что заработная плата растет.
27. *Singer Hans. The Distribution of Gains between Investing and Borrowing Countries // American Economic Review. 1950. Vol. 40.*
28. См.: *Fergusson Niall. Colossus. The Rise and Fall of the American Empire. London, 2005. P.174–181.*
29. Эмпирическое исследование, показывающее, что страны, богатые природными ресурсами, развиваются меньше, чем страны, специализирующиеся на рыночных промышленных товарах, было представлено Джеффри Саксом и Эндрю Уорнером (*Sachs Jeffrey, Warner Andrew. Natural Resource Abundance and Economic Growth // National Bureau of*

- Economic Research Working Papers, 1995). Однако авторам не удалось объяснить причины этого различия. Они утверждают, что свободная торговля приводит к выигрышу всех участвующих сторон.
30. Этот раздел написан под впечатлением бесед с профессором Брюсом Скоттом из Гарвардской школы бизнеса.
  31. *A New Zealand Colonist* (F. J. Moss) // *Notes on Political Economy from the Colonial Point of View*. London, 1897. P. 41–44.
  32. «За это прокляты вы! Без конца вы будете рабами и будете рубить дрова и черпать воду для дома Бога моего» (Книга Иисуса Навина. 9:23).
  33. *Sachs Jeffrey*. *The End of Poverty: Economic Possibilities for Our Time*. New York, 2005.

VII. ПАЛЛИАТИВНАЯ ЭКОНОМИКА: ЧЕМ ПЛОХ ПРОЕКТ ЦЕЛЕЙ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

1. *Reinert Erik*. *Development and Social Goals: Balancing Aid and Development to Prevent «Welfare Colonialism»* // United Nations Department of Economic and Social Affairs. DESA Working Paper. 2006; URL: <http://www.un.org/esa/desa/papers>
2. Проведение анализа затрудняет тот факт, что зарплаты и доходы лиц, занятых в собственном бизнесе, в большинстве стран как процентная доля ВВП падают. Одновременно с этим зарплаты тех, кто работают в секторах финансов, страхования и недвижимости, растут. В последние годы доля заработной платы лиц, занятых в собственном бизнесе в Норвегии составляет 70%, а в Перу около 23%.
3. См.: *Reinert Erik*. *Diminishing Returns and Economic Sustainability: The Dilemma of Resource-Based Economies Under a Free Trade Regime* // *International Trade Regulation, National Development Strategies and the Environment: Towards Sustainable Development?* / *Stein Hansen, Jan Hesselberg, Helge Hveem* (eds). Oslo, 1996, а также главу о Руанде в «Коллапсе» Джаредда Даймонда (М., 2008).
4. *Schoenhof Jacob*. *The Destructive Influence of the Tariff Upon Manufacture and Commerce and the Figures and Facts Relating Thereto*. New York, 1883.
5. См.: *Reinert Erik*. *Raw Materials in the History of Economic Policy* // *The Economics and Politics of International Trade* / *Gary Cook* (ed.). London, 1998. Vol. 2 «Freedom and Trade».
6. *Смит А.* Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997.
7. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 451.
8. Там же. С. 433.
9. См., например: *Kaplan Steven*. *Bread, Politics and Political Economy in the Reign of Louis XV*. The Hague, 1976.
10. Эта несимметричность — суть статьи Фрэнка Грэма 1923 года (см. Приложение III), процитированной Полом Кругманом в его «Новой теории торговли»: *Krugman Paul*. *Rethinking International Trade*. Cambridge, Mass., 1990.

11. *Nelson Richard R.* Economic Development from the Perspective of Evolutionary Economic Theory// The Other Canon Foundation and Tallinn University of Technology Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics. 2006. No. 2; текст доступен по адресу <http://hum.ttu.ee/tg>
12. Там же.
13. См.: *Kregel Jan.* External Financing for Development and International Financial Stability// Discussion Paper Series. UNCTAD. Geneva, 2004. No. 32.
14. См. ранее процитированные работы Дэниела Реймонда и Мэтью Кэри.
15. Спасибо Карлоте Перес за то, что она сформулировала эту идею.
16. Но необязательно от падения уровня ВВП на душу населения. См. примечание 2 к этой главе.
17. Тариф можно рассчитать на основании *Taussig Frank.* The Tariff History of the United States. New York, 1897. P.222.
18. То, что тариф на сталь вырос на 100%, было результатом технологического прогресса и стремительного падения цен в условиях, когда тариф рассчитывали на основании не ценности, а веса (доллары за тонну).
19. *Nelson Richard R., Winter Sidney G.* An Evolutionary Theory of Economic Change. Cambridge, Mass. 1982.
20. Вернер Зомбарт подчеркивал роль иудаизма, а Макс Вебер — протестантизма.
21. *Tawney Richard.* Religion and the Rise of Capitalism. A Historical Study. London, 1926.
22. *Pfeiffer Johann Friedrich von.* Vermischte Verbesserungsvorschläge und freie Gedanken. Frankfurt, 1778. Vol. 2.
23. *Singer Hans W.* The Distribution of Gains between Investing and Borrowing Countries// American Economic Review. 1950. 40. P.473–85.
24. Исключая тот факт, что они подвержены скорее постоянной, чем убывающей отдаче от масштаба; примерно так же, как маляр, о котором говорится в главе III.
25. *King Charles.* The British Merchant or Commerce Preserv'd. London, 1721. 3 vols.
26. Если мы считаем, что промышленные товары производятся при возрастающей отдаче, а сырьевые товары — при убывающей, эта идея прекрасно совместима с новой теорией торговли Кругмана (см.: *Krugman P.* Rethinking International Trade. 1990).
27. The White Arctic. Anthropological Essays on Tutelage and Ethnicity. St Johns / *Robert Paine* (ed.). Newfoundland, 1977.
28. *Lavinás Lena, Garcia Eduardo Henrique.* Programas Sociais de Combate à Fome. O legado dos anos de estabilização econômica. Rio de Janeiro, 2004.
29. *Herrnstein Richard, Murray Charles.* The Bell Curve: Intelligence and Class Structure in American Life. New York, 1994. P.526.
30. «Таким образом страна, которая в итоге специализируется исключительно на производстве продукта X (продукта, производство которого характеризуется возрастающей отдачей от масштаба производства), может согласиться ежегодно переводить средства другой

стране, которая соглашается специализироваться исключительно на Y (продукте, производство которого характеризуется постоянной отдачей от масштаба производства)». *Chacholiades Miltiades*. International Trade Theory and Policy. New York, 1978. P. 199; см. также *Reinert*. International Trade...

31. Этот негативный процесс развития в Европе обсуждается в докладе *Reinert Erik, Rainer Kattel*. The Qualitative Shift in European Integration: Towards Permanent Wage Pressures and a «Latin-Americanization» of Europe? // Working Paper. No. 17. Praxis Foundation. Estonia, 2004; текст доступен по адресу: http://www.praxis.ee/data/WP_17_2004.pdf; а также в: *Reinert Erik*. European Integration, Innovations and Uneven Economic Growth: Challenges and Problems of EU 2005 // The Future of the Information Society in Europe: Contributions to the Debate / *Ramón Compañó et al.* (eds). Seville, 2006. P. 124–52; текст доступен по адресу: <http://hum.ttu.ee/tg> (Working Paper. No. 5)
32. Джейн Джейкобс в работах о роли городов пришла к тем же выводам, что и Лист, имевший иную отправную точку.
33. В докладе 1791 года Report on the Subject of Manufactures.
34. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Сочинения: в 2 т. М: Мысль, 1990. Т. 2. С. 17.

VIII. «ПРИВЕДИТЕ В ПОРЯДОК ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ», ИЛИ УТРАЧЕННОЕ ИСКУССТВО СОЗДАНИЯ СТРАН СРЕДНЕГО ДОСТАТКА

1. *Friedman Milton*. Essays in Positive Economics. Chicago, 1953. P. 14.
2. Первой из этих книг была «American Capitalism: The concept of countervailing power», опубликованная в 1952 году.
3. Промышленная политика Ирландии была построена согласно рекомендациям Кейнса, изложенным в его речи, произнесенной в 1933 году в дублинском университетском колледже. Эта речь впоследствии была издана под названием «National Self-Sufficiency» (см. библиографию). В ней Кейнс объясняет, как и почему он изменил свое мнение по поводу уместности свободной торговли в любых обстоятельствах. Финляндия следовала стратегии замещения импорта с 1850-х годов. См.: *Björkqvist Heimer*. Den Nationalekonomiska Vetenskapens Utveckling i Finland intill år 1918, Åbo (Turku), 1986 (особенно с. 156 ff).
4. Обсуждение этого вопроса см.: *Rosenberg Nathan*. Innovation and Economic Growth; текст доступен по адресу: <http://www.oecd.org/dataoecd/55/49/34267902.pdf>
5. Она так и не была опубликована. Перед тем как я должен был защищаться в Корнельском университете в апреле 1980 года, председатель комиссии в типично американской манере поведал мне две новости: хорошую и плохую. Хорошая заключалась в том, что я внес важный и оригинальный вклад в экономическую науку. Плохая — в том, что, по его мнению, мне никогда не получить место преподавателя экономики в университете: мое мнение несовместимо с принятым в акаде-

мических кругах. Впрочем, при наличии степени магистра делового администрирования из Гарварда, справедливо отметил председатель, мне и без этого удастся заработать себе на жизнь. Моя диссертация была принята издательством Норвежского университета (Universitetsforlaget) в 1980 году с условием, что я смягчу критику экономической науки. Я критиковал отдельные идеи Давида Рикардо, одинаково «любимые» как правыми, так и левыми политиками, что привело меня в мир, изображенный на илл. 2. Любая идея, произошедшая не от теории Давида Рикардо, вычеркивалась как не принадлежащая к мейнстримовой экономике. Я почувствовал, что сыт экономической наукой, отказался что бы то ни было менять и следующие 11 лет занимался бизнесом, а также коллекционировал книги, авторы которых, давно забытые экономисты, разделяли мои не-Рикардианские убеждения.

6. Опубликовано под названием: *Catching-up From Way Behind — A Third World Perspective on First World History // The Dynamics of Technology, Trade, and Growth / Jan Fagerberg, Bart Verspagen, Nick von Tunzelmann (eds). Aldershot, 1994. P. 168–197.*
7. Цитата приведена с разрешения автора.
8. Доклад Гувера № 3. 18 марта 1947 г.; процитировано: *Reinert Erik. Globalisation in the Periphery as a Morgenthau Plan: The Underdevelopment of Mongolia in the 1990s // Globalization, Economic Development and Inequality: An Alternative Perspective / Erik Reinert (ed.). Cheltenham, 2004.*
9. *Маршалл А. Принципы экономической науки. М.: Прогресс, 1993. С. 221.*
10. Этот вопрос освещается в: *Greenfield Liah. The Spirit of Capitalism, Nationalism and Economic Growth. Cambridge, Mass., 2001.*
11. *Robbins Lionel. The Theory of Economic Policy in English Classical Economics. London, 1952. P. 10–11.*
12. Мешлен — город в Бельгии.
13. Обычно это были экономисты, пытавшиеся найти ответы в финансовой сфере экономики. Во время ранних 1600-х немало чернил было пролито во время баталий монетаристов и их оппонентов, подчеркивающих роль производства и реальной экономики. В ходе полемики 1622–1623 гг. Мэляйнс и Эдвард Миссельден оскорбили друг друга на 7 языках. Книга Антонио Серра была написана за 10 лет до этого и была частью сходной полемики с Марком Антонио де Сантисом.
14. Я обсуждаю эту периодичность в статье: *Karl Bücher and the Geographical Dimensions of Techno-Economic Change // Karl Bücher: Theory — History — Anthropology — Non-Market Economies / Jürgen Backhaus (ed.). Marburg, 2000.*
15. *Thünen Johann Heinrich von. Der isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie, oder Untersuchungen über den Einfluss, den die Getreidepreise, der Reichtum des Bodens und die Abgaben auf den Ackerbau ausüben. Hamburg, 1826.*
16. Комментарий сегодняшней дискуссии об отношениях между демократией и развитием см.: *Galbraith James. Development's Discontents.*

How to explain the link between economics and democracy—and how not to // *Democracy. A Journal of Ideas*. 2006. Issue 2. Fall. P. 108–115.

17. *Galiani Ferdinando*. *Dialogues sur le commerce des bleds*. Milan, 1770/1959.
18. Я обсуждаю эту тему в статье, на которую ссылаюсь выше в примечании 14.
19. *Landes David*. *The Wealth and Poverty of Nations*. New York, 1988. P. 350.
20. Экономисты называют это явление законом Баумоля. Симфоническому оркестру или медсестре трудно увеличить свою производительность, не жертвуя качеством работы. В производстве автомобилей такой проблемы нет. Это значит, что даже если модель потребления между обрабатывающей промышленностью и традиционными услугами не меняется, процентная доля работников сферы услуг в экономике будет расти за счет сектора обрабатывающей промышленности.
21. Реальные предпосылки его решения были гораздо сложнее и включали нежелание работников выполнять монотонную работу у конвейера.
22. United Nations Conference on Trade and Development. UNCTAD. *The Least Developed Countries Report 2006. Developing Productive Capacities*. Geneva, 2006; текст доступен по адресу: http://www.unctad.org/en/docs/ldc2006_en.pdf

БИБЛИОГРАФИЯ

- Abramovitz Moses.* 'Resource and Output Trends in the United States since 1870' in *American Economic Review*, 1956, vol. 46, no. 2, p. 5–23.
- Abramovitz Moses.* 'The Search for the Sources of Growth: Areas of Ignorance, Old and New' in *The Journal of Economic History*, 1993, vol. 53, no. 2, p. 217–243.
- Akamatsu Kaname.* 'A Theory of Unbalanced Growth in the World Economy' in *Weltwirtschaftliches Archiv*, 1961, no. 86, p. 196–217.
- Åkerman Johan.* *Politik och Ekonomi i Atomålderns Värld, Natur och Kultur, Stockholm, 1954.*
- Amsden Alice.* *Asia's Next Giant: South Korea and Late Industrialization*, Oxford University Press, New York, 1989.
- A New Zealand Colonist*, 1897 (F. J. Moss), *Notes on Political Economy from the Colonial Point of View. By a New Zealand Colonist*, Macmillan, London, 1897.
- Anonymous. *Relazione di una scorsa per varie provincie d'Europa del M. M... a Madama G in Parigi, Monastero di S. Salvatore, Pavia, 1786.*
- Arthur W. Brian.* 'Competing technologies, increasing returns and lock-in by historical events' in *Economic Journal*, 99, p. 116–131, 1989.
- Arthur W. Brian.* *Increasing Returns and Path Dependency in the Economy*, University of Michigan Press, Ann Arbor, 1994.
- Ashworth William J.* *Customs and Excise. Trade, Production and Consumption in England 1640–1845*, Oxford University Press, Oxford, 2003.
- Babbage Charles.* *On the Economy of Machinery and Manufactures*, Charles Knight, London, 1832.
- Bacon Francis.* *The Advancement of Learning*, Clarendon Press, Oxford, 1605/1974.
- Bacon Francis.* *Novum Organum, Joannem Billium, Typographum Regium, London, 1620.*
- Balabkins Nicholas.* *Germany Under Direct Controls. Economic Aspects of Industrial Disarmament 1945–1948*, Rutgers University Press, New Brunswick, 1964.
- Baron Hans.* *The Crisis of the Early Italian Renaissance*, Princeton University Press, Princeton, 1966.
- Berch Anders.* *Innledning til Almänna Hushålningen, innefattande Grunden til Politie, Oeconomie och Cameral Wetenskaparne*, Lars Salvius, Stockholm, 1747.
- Bernal Martin.* *Black Athena: The Afroasiatic Roots of Classical Civilization*, Rutgers University Press, New Brunswick, NJ, 1991.
- Bhagwati Jagdish.* *Free Trade Today*, Princeton University Press, Princeton, 2002.
- Biernacki Richard.* *The Fabrication of Labour: Germany and Britain, 1640–1914*, University of California Press, Berkeley, 1995.
- Björkqvist Heimer.* *Den Nationalekonomiska Vetenskapens Utveckling i Finland intill år 1918*, Åbo Akademi, Åbo (Turku), 1986.

- Blaug Mark*. 'The Problem with Formalism: An Interview with Mark Blaug' in Challenge, May/June 1998; downloadable at <http://www.btinternet.com/~pae_news/Blaug1.htm>
- Borges Jorge Luis*. Otras Inquisiciones, Emecé Editores, Buenos Aires, 1952.
- Botero Giovanni*. Della ragione di stato. Libri dieci; this work also contains Delle cause della grandezza delle città, libri tre, Vicenzio Pellagallo, Rome, 1590; English translation, The Reason of State, Yale University Press, New Haven, 1956.
- Botero Giovanni*. Le Relationi Universali, diviso in sette parti, Alessandro Vecchi, Venice, 1622.
- Buchanan James*. What Should Economists Do?, Liberty Press, Indianapolis, 1979.
- Burckhardt Jacob*. Reflections on History, Allen & Unwin, London, 1943.
- Campanella Tommaso*. The City of the Sun, University of California Press, Berkeley, 1602/1981.
- Carey Mathew*. Essays on Political Economy; or, the Most Certain Means of Promoting the Wealth, Power, Resources and Happiness of Nations: Applied Particularly to the United States, H. C. Carey & I. Lea, Philadelphia, 1822.
- Carey Mathew*. Displaying the Rise and Progress of the Tariff System of the United States: the Various Efforts Made from the Year 1819, to Establish the Protecting System; Its Final Triumph in the Tariff of 1824, Thomas B. Town, Philadelphia, 1833.
- Carey Henry C*. Commerce, Christianity and Civilization versus British Free Trade. Letters in Reply to the London Times, Collins, Philadelphia, 1876.
- Carl Ernst Ludwig*. Traité de la Richesse des Princes, et de leurs Etats: et des Moyens Simples et Naturels Pur y Parvenir, 3 volumes, Theodore Legras, Paris, 1722–3.
- Carpenter Kenneth*. The Economic Bestsellers Before 1850, Bulletin No. 11, May 1975, of the Kress Library of Business and Economics, Harvard Business School, Boston, 1975. Downloadable at <<http://www.othercanon.org>>
- Cary John*. An Essay on the State of England in Relation to its Trade, its Poor, and its Taxes, for Carrying on the Present War against France, W. Bonny, for the author, Bristol, 1695.
- Cary John*. A Discourse on Trade and Other Matters Relative to it, T. Osborne, London, 1745.
- Chacholiades Miltiades*. International Trade Theory and Policy, McGraw-Hill, New York, 1978.
- Chang Ha-Joon*. Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective, Anthem, London, 2002.
- Chang Ha-Joon* (ed.). Rethinking Development Economics, Anthem, London, 2003.
- Chang Ha-Joon and Peter Evans*. 'The Role of Institutions in Economic Change' in Silvana de Paula and Gary Dymksi (eds), Reimagining Growth, Zed, London, 2005, p. 99–140.
- Child Joshua*. Brief Observations Concerning Trade and Interest of Money, Elizabeth Calvert and Henry Mortlock, London, 1668.
- Child Joshua*. A Treatise Concerning the East-India Trade, printed for the Honourable the East India Company, London, 1681.
- Cimoli Mario* (ed.). Developing Innovation Systems. Mexico in a Global Context, Continuum, London, 2000.

- Cimoli Mario, Jorge Katz.* 'Structural Reforms, Technological Gaps and Economic Development: a Latin American Perspective' in *Industrial and Corporate Change*, 2003, vol. 12, issue 2, p. 387–411.
- Cimoli Mario, Giovanni Dosi, Richard Nelson, Joseph Stiglitz.* *Institutions and Policies Shaping Industrial Development: An Introductory Note*, Working Paper, Initiative for Policy Dialogue, Columbia University, 2006.
- Clark Colin.* *The Conditions of Economic Progress*, Macmillan, London, 1940.
- Cruikshank Jeffrey L.* *A Delicate Experiment. The Harvard Business School 1908–1945*, Harvard Business School Press, Boston, 1987.
- Cunningham William.* *The Rise and Decline of the Free Trade Movement*, Cambridge University Press, Cambridge, 1905.
- de Marchi Neil (ed.). *Non-Natural Social Science: Reflecting on the Enterprise of More Heat than Light*, Duke University Press, Durham, 1993.
- Decker Mathew.* *An Essay on the Causes of the Decline of the Foreign Trade*, George Faulkner, Dublin, 1744.
- Diamond Jared.* *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies*, Norton, New York, 1997.
- Diamond Jared.* *Collapse*, Viking, New York, 2005.
- Dosi Giovanni et al. (eds). *Technical Change and Economic Theory*, Pinter, London, 1988.
- Drechsler Wolfgang.* 'Christian Wolff (1679–1754): A Biographical Essay' in *European Journal of Law and Economics*, Summer/Fall 1997, vol. 4, nos. 2–3, p. 111–128.
- Drechsler Wolfgang.* 'On the Possibility of Quantitative- Mathematical Social Science, Chiefly Economics' in *Journal of Economic Studies*, 27: 4/5, 2000, p. 246–259.
- Drechsler Wolfgang.* 'Natural versus Social sciences: on Understanding in Economics' in Erik S. Reinert (ed.), *Globalization, Economic Development and Inequality: An Alternative Perspective*, Edward Elgar, Cheltenham, 2004, p. 71–87.
- Duran Ballén Sixto.* *A mi manera: Los años de Carondelet*, Editorial Universidad Andina Simón Bolívar, Quito, 2005.
- Easterly William.* *The Elusive Quest for Growth: Economists' Adventure and Misadventure in the Tropics*, MIT Press, Cambridge, Mass., 2001.
- Easterly William.* *The White Man's Burden: Why the West's Efforts to aid the Rest have done so much Ill and so little Good*, Penguin, New York, 2006.
- Ellerman David.* *From the World Bank to an Alternative Philosophy of Development Assistance*, University of Michigan Press, Ann Arbor, 2005.
- Endresen Sylvi.* *Modernization Reversed? Technological Change in Four Asian Fishing Villages*, Ph. D. Thesis, Department of Human Geography, University of Oslo, 1994.
- Evans Peter.* *Embedded Autonomy*, Princeton University Press, Princeton, 1995.
- Ferguson John.* *Landmarks of Economic Thought*, Longmans, Green and Co., New York, 1938.
- Fergusson Niall.* *Colossus. The Rise and Fall of the American Empire*, Penguin, London, 2005.
- Fernández Duran Reyes.* *Jerónimo de Uztáriz (1670–1732). Una Política Económica para Felipe V*, Minerva, Madrid, 1999.

- Foxwell Herbert S.* Foreword to Anton Menger, *The Right of the Whole Produce of Labour*, Macmillan, London, 1899.
- Frank Robert, Philip Cook.* *The Winner-Take-All Society*, Free Press, New York, 1995.
- Freeman Christopher, Francisco Louçã.* *As Time Goes By. From the Industrial Revolutions to the Information Revolution*, Oxford University Press, Oxford, 2001.
- Friedman Milton.* *Essays in Positive Economics*, University of Chicago Press, Chicago, 1953.
- Fukuyama Francis.* *The End of History and the Last Man*, Free Press, New York, 1992.
- Fukuyama Francis.* *After the Neocons. America at the Crossroads*, Profile Books, London, 2006.
- Galbraith James.* 'Development's Discontents. How to Explain the Link between Economics and Democracy — and how not to' in *Democracy. A Journal of Ideas*, Issue 2, Fall 2006, p. 108–115.
- Galbraith John Kenneth.* *American Capitalism: The concept of countervailing power*, Houghton Mifflin, Boston, 1952.
- Galbraith John Kenneth.* *The World Economy Since the Wars*, Mandarin, London, 1995.
- Galiani Ferdinando.* *Dialogues sur le Commerce des Bleds*, Ricciardi, Milan, 1770/1959.
- Gasser Simon Peter.* *Einleitung zu den Oeconomischen, Politischen und Cameral-Wissenschaften*, in *Verlegung des Waysenhauses*, Halle, 1729.
- Gee Joshua.* *Trade and Navigation of Great Britain Considered*, Bettesworth & Hitch, London, 1729.
- Geertz Clifford.* *Local Knowledge. Further Essays in Interpretive Anthropology*, Basic Books, New York, 1983.
- Genovesi Antonio.* *Storia del commercio della Gran Brettagna*, 3 volumes, Benedetto Gessari, Naples, 1757–1758.
- Giddens Anthony.* *The Third Way. The Renewal of Social Democracy*, Polity Press, Cambridge, 1998.
- Graham Frank.* 'Some Aspects of Protection Further Considered' in *Quarterly Journal of Economics*, 1923, vol. 37, p. 199–227.
- Greenfield Liah.* *The Spirit of Capitalism, Nationalism and Economic Growth*, Harvard University Press, Cambridge, Mass., 2001.
- Hales John.* *A Compendious or Briefe Examination of Certayn Ordinary Complaints of Divers of Our Countrymen in These Our Dayes: Which Although... in Some Parte Unjust and Frivolous, Yet Are All, by Way of Dialogue, Thoroughly Debated and Discussed*, Charles Marsh, London 1561/1751.
- Hamilton Alexander.* 'Report on the Subject of Manufactures' (1791), reprinted in Frank Taussig (ed.), *State Papers and Speeches on the Tariff*, Harvard University, Cambridge, Mass., 1893.
- Hamilton Earl J.* 'Spanish Mercantilism before 1700' in Edwin Francis Gay, *Facts and Factors in Economic History — Articles by former Students*, Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1932.

- Harvard Business School, Division of Research, 'Intellectual Innovation at the Harvard Business School. A Strategy', Harvard Business School, Boston, 1991.
- Heaton Herbert*. A Scholar in Action — Edwin F. Gay, Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1952.
- Heilbroner Robert*. Is Economics Relevant? A Reader in Political Economics, Goodyear Publishing Company, Pacific Palisades, 1971.
- Heilbroner Robert*. The Wordly Philosophers, 7th edition, Simon & Schuster, New York, 1999.
- Hely-Hutchinson John*. The Commercial Restraints of Ireland Considered in a Series of Letters to a Noble Lord, William Hallhead, Dublin, 1779.
- Hermann Benedikt Franz*. Herrn Johann von Horneks Bemerkungen über die österreichische Staatsökonomie. Ganz umgearbeitet und mit Anmerkungen versehen, Nikolai, Berlin, 1784.
- Herrnstein Richard J., Charles Murray*. The Bell Curve: Intelligence and Class Structure in American Life, Free Press, New York, 1994.
- Hirschman Albert O*. The Passions and the Interests. Political Arguments for Capitalism before Its Triumph, Princeton University Press, Princeton, 1977.
- Hobson John M*. The Eastern Origins of Western Civilisation, Cambridge University Press, Cambridge, 2004.
- Hodgson Geoffrey*. How Economics Forgot History: The Problem of Historical Specificity in Social Science, Routledge, London, 2001.
- Hodgson Geoffrey*. The Evolution of Institutional Economics, Routledge, London, 2004.
- Hont Istvan*. Jealousy of Trade: International Competition and the Nation State in Historical Perspective, Harvard University Press, Cambridge, Mass., 2005.
- Hörnigk Philipp Wilhelm von*. Oesterreich über alles wann es nur will. Das ist: wohlmeinender Fürschlag Wie mittelst einer wolbestellten Lands-Oeconomie, die Kayserl. Erbland in kurzem über alle andere Staat von Europa zu erheben, und mehr als einiger derselben, von denen andern Independent zu machen. Durch einen Liebhaber der Kayserl. Erbland Wolfahrt, no publisher, [Nuremberg], 1684.
- Hume David*. The History of England from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688, 6 volumes, A. Millar, London, 1767.
- Jacobs Jane*. Cities and the Wealth of Nations, Random House, New York, 1984.
- Jenkins David*. The Textile Industries, vol. 8 of R. A. Church and E. A. Wrigley (eds), The Industrial Revolution, Blackwell, Oxford, 1994.
- Jones Richard*. An Essay on the Distribution of Wealth, John Murray, London, 1831.
- Justi Johann Heinrich Gottlob von*. Vergleichen der Europäischen mit den Asiatischen und andern vermeintlich Barbarischen Regierungen, Johann Heinrich Rüdigers, Berlin, 1762.
- Kaldor Nicholas*. 'Alternative Theories of Distribution' in Review of Economic Studies, 1955–1956, vol. XXIII, no. 2, ; reprinted in Essays on Value and Distribution, Free Press, Glencoe, Ill., 1960.
- Kaplan Steven*. Bread, Politics and Political Economy in the Reign of Louis XV, Martinus Nijhoff, The Hague, 1976.
- Keynes John Maynard*. The End of Laissez-faire, The Hogarth Press, London, 1926.

- Keynes John Maynard.* The General Theory of Employment, Interest and Money, Macmillan, London, 1935.
- Keynes John Maynard.* 'National Self-Sufficiency' in The Collected Writings of John Maynard Keynes, vol. XXI, Macmillan, London, 1972, p. 233–246.
- Keynes John Maynard.* 'Herbert Somerton Foxwell' in The Collected Writings of John Maynard Keynes, vol. X, Macmillan, London, 1972, p. 267–296.
- Keynes John Neville.* The Scope and Method of Political Economy, Macmillan, London, 1890.
- King Charles.* The British Merchant; or, Commerce Preserv'd, 3 volumes, John Darby, London, 1721.
- Koyré Alexandre.* From the Closed World to the Infinite Universe, Johns Hopkins University Press, Baltimore, 1957.
- Kregel Jan.* 'External Financing for Development and International Financial Stability', G-24 Discussion Paper Series, No. 32, UNCTAD, Geneva, October 2004.
- Kregel Jan, Leonardo Burlamaqui.* 'Banking and Financing of Development: A Schumpeterian and Minskyan Perspective' in Silvana de Paula and Gary Dymksi (eds), Reimagining Growth, Zed, London, 2005, p. 141–167.
- Krugman Paul.* Rethinking International Trade, MIT Press, Cambridge, Mass., 1990.
- Krugman Paul.* Geography and Trade, MIT Press, Cambridge, Mass., 1991.
- Krugman P.R.* Development, Geography, and Economic Theory, MIT Press, Cambridge, Mass., 1995.
- Krugman Paul.* 'Ricardo's Difficult Idea. Why Intellectuals don't Understand Comparative Advantage' in Gary Cook (ed.), The Economics and Politics of International Trade. Freedom and Trade, vol. II, Routledge, London, 1998, p. 22–36.
- Kuhn Thomas.* The Structure of Scientific Revolutions, University of Chicago Press, Chicago, 1962.
- Laffemas Barthélemy.* Reiglement [sic] general pour dresser les manufactures en ce royaume, et couper le cours des draps de soye, & autres marchandises qui perdent & ruynent l'Estat: qui est le vray moyen de remettre la France en sa splendeur, & de faire gagner les pauvres... Claude de Monstr'oil and Jean Richter, Paris, 1597.
- Landes David.* The Wealth and Poverty of Nations, Norton, New York 1998.
- Lane Frederick.* Profits from Power. Readings in Protection-Rent and Violence-Controlling Enterprises, State University of New York Press, Albany, 1979.
- Lavinas Lena, Eduardo Henrique Garcia.* Programas Sociais de Combate à Fome. O legado dos anos de estabilização econômica, eda UFRJ/IPEA, Coleção Economia e Sociedade, Rio de Janeiro, 2004.
- Lawson Tony.* Economics & Reality, Routledge, London, 1997.
- List Friedrich.* Das Nationale System der Politischen Oekonomie, G. Cotta'scher Verlag, Stuttgart and Tübingen, 1841; English translation, The National System of Political Economy, Longman, London, 1885.
- Lucas Robert E.* 'On the Mechanics of Economic Development' in Journal of Monetary Economics, 1988, vol. 22, p. 3–42.
- Lundvall Bengt-Åke (ed.).* National Systems of Innovation: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning, Pinter, London, 1992.

- McCloskey Deirdre* [Donald]. *The Rhetoric of Economics*, The University of Wisconsin Press, Madison, 1985.
- McCloskey Deirdre* [Donald]. *Knowledge and Persuasion in Economics*, Cambridge University Press, Cambridge, 1994.
- Machiavelli Niccolò*. *Tutte le opere storiche e letterarie*, Barbèra, Florence, 1929.
- Malynes Gerhard*. *The Maintenance of Free Trade, According to the three essential [sic] Parts... Commodities, Moneys and Exchange of Moneys*, William Sheffard, London, 1622.
- Malynes Gerhard*. *The Center of the Circle of Commerce, or, A Refutation of a Treatise... lately published by E. M., Nicholas Bourne*, London, 1623.
- Marshall Alfred*. *Principles of Economics*, Macmillan, London, 1890.
- Meek Ronald*. *Social Science and the Ignoble Savage*, Cambridge University Press, Cambridge, 1976.
- Meyen Johann Jacob*. *Wie kommt es, dass die Oekonomie bisher so wenig Vorteile von der Physik und Mathematik gewonnen hat; und wie kann man diese Wissenschaften zum gemeinen Nutzen in die Oekonomie einführen, und von dieser Verbindung auf Grundsätze kommen, die in die Ausübung brauchbar sind?*, A prize winning essay to the Royal Prussian Academy, Berlin, 1770.
- Mill John Stuart*. *Principles of Political Economy*, Longmans, Green & Company, London, 1848/1909.
- Mirowski Philip*. *More Heat Than Light: Economics as Social Physics, Physics as Nature's Economics, Historical Perspectives on Modern Economics*, Cambridge University Press, Cambridge, 1989.
- Mirowski Philip*. *Machine Dreams: Economics becomes a Cyborg Science*, Cambridge University Press, Cambridge, 2001.
- Misselden Edward*. *Free Trade and the Meanes [sic] to Make Trade Flourish*, Simon Waterson, London, 1622.
- Misselden Edward*. *The Circle of Commerce or the Ballance [sic] of Trade*, Nicholas Bourne, London, 1623.
- Mitchell Wesley Claire*. 'Sombart's Hochkapitalismus' in *The Quarterly Journal of Economics*, February 1929, vol. 43, no. 2, p. 303–323.
- Mitchell Wesley Claire*. *Types of Economic Theory, from Mercantilism to Institutionalism*, Kelley, New York, 1967.
- Monroe Arthur Eli*. *Early Economic Thought, Selection from Economic Literature prior to Adam Smith*, Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1930.
- Montesquieu Charles-Louis de Secondat*. *Baron de, The Spirit of the Laws*, Hafner, New York, 1949.
- Morgan Mary S., Malcolm Rutherford* (eds). *From Interwar Pluralism to Postwar Neoclassicism, Annual Supplement to History of Political Economy*, vol. 30, Duke University Press, Durham, 1998.
- Morgenthau Henry, Jr.* *Germany is Our Problem. A Plan for Germany*, Harper, New York, 1945.
- Murra John*. *La organización económica del estado inca, Siglo XXI*, México, 1978.
- Murra John*. *El Mundo Andino, población, medio ambiente y economía*, Instituto de Estudios Peruanos, Lima, 2002.

- Myrdal Gunnar*. Development and Under-development: A Note on the Mechanisms of National and International Economic Inequality, National Bank of Egypt, Cairo, 1956.
- Neill Charles Patrick*. Daniel Raymond. An Early Chapter in the History of Economic Theory in the United States, Johns Hopkins Press (Johns Hopkins University Studies in Historical and Political Science), Baltimore, 1897.
- Nelson Richard R.* 'Economic Development from the Perspective of Evolutionary Economic Theory' in The Other Canon Foundation and Tallinn University of Technology Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics, No. 2, 2006; downloadable at <<http://hum.ttu.ee/tg/>>
- Nelson Richard R.* (ed.). National Innovation Systems, Oxford University Press, London, 1993.
- Nelson Richard R., Sidney G. Winter*. An Evolutionary Theory of Economic Change, Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1982
- Nelson Robert H.* Economics as Religion: From Samuelson to Chicago and Beyond, Penn State University Press, University Park, 2001.
- Nietzsche Friedrich*. Thus spoke Zarathustra, Penguin Books, London, 1968.
- Nietzsche Friedrich*. Werke, Digitale Bibliothek Band 31, Directmedia (CD-ROM), Berlin, 2000.
- Nye John Vincent*. 'The Myth of Free-Trade Britain and Fortress France. Tariffs and Trade in the Nineteenth Century' in Journal of Economic History, 51, 1, March 1991, p. 23–46.
- O'Brien Patrick*. 'Historiographical Traditions and Modern Imperatives for the Restoration of Global History' in Journal of Global History, 2006, vol. 1, issue 1, p. 3–39.
- Ortiz Fernando*. Cuban Counterpoint. Tobacco and Sugar, Alfred A. Knopf, New York, 1947.
- Ortiz Luis*. 'Memorandum to the King to Prevent Money from Leaving the Kingdom', Madrid, 1558; quoted in Earl J. Hamilton, 'Spanish Mercantilism before 1700' in Edwin Francis Gay, Facts and Factors in Economic History — Articles by Former Students, Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1932.
- Paine Robert* (ed.). The White Arctic. Anthropological Essays on Tutelage and Ethnicity, Institute of Social and Economic Research, Memorial University of Newfoundland, St Johns, 1977.
- Perez Carlota*. Technological Revolutions and Financial Capital. The Dynamics of Bubbles and Golden Ages, Edward Elgar, Cheltenham, 2002.
- Perez Carlota*. 'Technological Revolutions, Paradigm Shift and Socio-Institutional Change' in Erik S. Reinert (ed.), Globalization, Economic Development and Inequality: An Alternative Perspective, Edward Elgar, Cheltenham, 2004.
- Perez Carlota, Luc Soete*. 'Catching Up in Technology: Entry Barriers and Windows of Opportunity' in G. Dosi et al. (eds), Technical Change and Economic Theory, Pinter, London, 1988, p. 458–479.
- Pfeiffer Johann Friedrich von*. Vermischte Verbesserungsvorschläge und freie Gedanken, vol. 2, Esslinger, Frankfurt, 1778.
- Pfeiffer Johann Friedrich von*. Der Antiphysiokrat, oder umständliche Untersuchung des sogenannten physiokratischen Systems für eine allgemeine Frey-

heit und einzige Auflage auf den reinen Ertrag der Grundstücke, Schäfer, Frankfurt am Main, 1780.

Pfeiffer Johann Friedrich von. Grundsätze der Universal-Cameral-Wissenschaft oder deren vier wichtigsten Säulen, nämlich der Staats-Regierungskunst, der Policy-Wissenschaft, der allgemeinen Staats-Oekonomie, und der Finanz-Wissenschaft, 2 volumes, Esslingersche Buchhandlung, Frankfurt, 1783.

Polanyi Karl. The Great Transformation, Rinehart & Co., New York, 1944.

Polanyi Karl. Conrad Arensberg and Harry Pearson, Trade and Markets in the Early Empires, Free Press, New York, 1957.

Pommeranz Kenneth. The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy, Princeton University Press, Princeton, 2000.

Porter Michael. The Competitive Advantage of Nations, Free Press, New York, 1990
[Putumayo Affair] Report by His Majesty's Consul at Iquitos on his Tour in the Putumayo district, Presented to both Houses of Parliament by Command of His Majesty, His Majesty's Stationery Office, London, 1913.

Quesnay François. Traité des Effets et de l'Usage de la Saignée, d'Houry, Paris, 1750.

Rae John. Statement of Some New Principles on the Subject of Political Economy, Exposing the Fallacies of the System of Free Trade, and of Some Other Doctrines Maintained in the 'Wealth of Nations', Hilliard, Gray & Co., Boston, 1834.

Raymond Daniel. Thoughts on Political Economy, Fielding Lucas, Baltimore, 1820.

Reder Melvin. Economics. The Culture of a Controversial Science, University of Chicago Press, Chicago, 1999.

Reinert Erik. International Trade and the Economic Mechanisms of Underdevelopment, Ph. D. thesis, Cornell University, 1980.

Reinert Erik. 'Catching-up From Way Behind — A Third World Perspective on First World History' in Jan Fagerberg, Bart Verspagen and Nick von Tunzelmann (eds), The Dynamics of Technology, Trade, and Growth, Edward Elgar, Aldershot, 1994, p. 168–197.

Reinert Erik. 'Competitiveness and Its Predecessors — a 500-Year Cross-National Perspective' in Structural Change and Economic Dynamics, 1995, vol. 6, p. 23–42.

Reinert Erik. 'The Role of Technology in the Creation of Rich and Poor Nations: Underdevelopment in a Schumpeterian System' in Derek H. Aldcroft and Ross Catterall (eds), Rich Nations — Poor Nations. The Long Run Perspective, Edward Elgar, Aldershot, 1996, p. 161–188.

Reinert Erik. 'Diminishing Returns and Economic Sustainability: The Dilemma of Resource-Based Economies Under a Free Trade Regime' in Stein Hansen, Jan Hesselberg and Helge Hveem (eds), International Trade Regulation, National Development Strategies and the Environment: Towards Sustainable Development? Centre for Development and the Environment, University of Oslo, Oslo, 1996, p. 119–150.

Reinert Erik. 'Raw Materials in the History of Economic Policy; or, Why List (the Protectionist) and Cobden (the Free Trader) Both Agreed on Free Trade in Corn' in Gary Cook (ed.), The Economics and Politics of International Trade. Freedom and Trade, vol. II, Routledge, London, 1998, p. 275–300.

- Reinert Erik.* 'The Role of the State in Economic Growth' in *Journal of Economic Studies*, 26 (4/5), 1999, p. 268–326. A shorter version can be found in Pier Angelo Toninelli (ed.), *The Rise and Fall of State-Owned Enterprises in the Western World*, Cambridge University Press, Cambridge, 2000, p. 73–99.
- Reinert Erik.* 'Karl Bücher and the Geographical Dimensions of Techno-Economic Change' in Jürgen Backhaus (ed.), *Karl Bücher: Theory—History—Anthropology—Non-Market Economies*, p. 177–222, Metropolis, Marburg, 2000.
- Reinert Erik.* 'Full Circle: Economics from Scholasticism through Innovation and back into Mathematical Scholasticism' in *Journal of Economic Studies*, 2000, vol. 27, no. 4/5, p. 364–376.
- Reinert Erik.* 'Schumpeter in the Context of Two Canons of Economic Thought' in *Industry and Innovation*, 2002, vol. 6, no. 1, p. 23–39.
- Reinert Erik.* 'Increasing Poverty in a Globalised World: Marshall Plans and Morgenthau Plans as Mechanisms of Polarisation of World Incomes' in Ha-Joon Chang (ed.), *Rethinking Economic Development*, Anthem, London, 2003, p. 453–478.
- Reinert Erik.* 'Globalisation in the Periphery as a Morgenthau Plan: The Underdevelopment of Mongolia in the 1990s' in Erik S. Reinert (ed.), *Globalization, Economic Development and Inequality: An Alternative Perspective*, Edward Elgar, Cheltenham, 2004, p. 115–156.
- Reinert Erik.* 'Benchmarking Success: The Dutch Republic (1500–1750) as seen by Contemporary European Economists' in *How Rich Nations got Rich. Essays in the History of Economic Policy*, Working Paper No. 1, SUM–Centre for Development and the Environment, University of Oslo, 2004, p. 1–24; also at <<http://www.sum.uio.no/publications>>; and in Oscar Gelderblom (ed.), *The Political Economy of the Dutch Republic*, Ashgate, Aldershot, forthcoming 2007.
- Reinert Erik.* 'German Economics as Development Economics: From the Thirty Years War to World War II' in Jomo K. S. and Erik S. Reinert (eds), *Origins of Development Economics*, Zed Publications, London and Tulika Books, New Delhi, 2005, p. 48–68.
- Reinert Erik.* 'A Brief Introduction to Veit Ludwig von Seckendorff (1626–1692)' in *European Journal of Law and Economics*, 19, 2005, p. 221–230.
- Reinert Erik.* 'Development and Social Goals: Balancing Aid and Development to Prevent 'Welfare Colonialism'' in United Nations Department of Economic and Social Affairs, DESA Working Paper No. 14, 2006; downloadable at <<http://www.un.org/esa/desa/papers/>>
- Reinert Erik.* 'The Economics of Reindeer Herding: Saami Entrepreneurship between Cyclical Sustainability and the Powers of State and Oligopolies' in *British Food Journal*, 2006, vol. 108, no. 7, p. 522–540.
- Reinert Erik.* 'Institutionalism Ancient, Old and New: a Historical Perspective on Institutions and Uneven Development', Research Paper No. 2006/77, United Nations University, WIDER, Helsinki; downloadable at <<http://www.wider.unu.edu/publications/publications.htm>>
- Reinert Erik.* 'European Integration, Innovations and Uneven Economic Growth: Challenges and Problems of EU 2005' in Román Compañó et al. (eds), *The Future of the Information Society in Europe: Contributions to the debate*,

- Seville, Spain, European Commission, Directorate General Joint Research Centre. Institute for Prospective Technological Studies (IPTŚ), p. 124–152; downloadable as Working Paper No. 5 at <<http://hum.ttu.ee/tg/>>
- Reinert Erik, Arno Daastøl.* 'Exploring the Genesis of Economic Innovations: The Religious Gestalt-Switch and the Duty to Invent as Preconditions for Economic Growth' in *European Journal of Law and Economics*, 1997, vol. 4, no. 2/3, p. 233–283, and in Christian Wolff. *Gesammelte Werke*, IIIrd series, vol. 45, Georg Olms Verlag, Hildesheim, 1998.
- Reinert Erik, Sophus Reinert.* 'Mercantilism and Economic Development: Schumpeterian Dynamics, Institution Building and International Benchmarking' in Jomo K. S. and Erik S. Reinert (eds). *Origins of Development Economics*, Zed Books, London and Tulika Books, New Delhi, 2005, p. 1–23.
- Reinert Erik, Hugo Reinert.* 'Creative Destruction in Economics: Nietzsche, Sombart, Schumpeter' in Jürgen Backhaus and Wolfgang Drechsler (eds), *Friedrich Nietzsche 1844–2000: Economy and Society*, Springer/Kluwer, Boston, 2006.
- Reinert Erik, Rainer Kattel.* 'The Qualitative Shift in European Integration: Towards Permanent Wage Pressures and a «Latin-Americanization» of Europe?' Working Paper no. 17, Praxis Foundation, Estonia, 2004; also at <http://www.praxis.ee/data/WP_17_2004.pdf>
- Reinert Sophus.* 'The Italian Tradition of Political Economy. Theories and Policies of Development in the Semi-Periphery of the Enlightenment' in Jomo K. S. and Erik S. Reinert (eds), *Origins of Development Economics*, Zed Books, London/Tulika Books, New Delhi, 2005, p. 24–47.
- Reinert Sophus.* 'Darwin and the Body Politic: Schäffle, Veblen, and the Shift of Biological Metaphor in Economics' in The Other Canon Foundation and Tallinn University of Technology Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics, No. 8, 2006; downloadable at <<http://hum.ttu.ee/tg/>>
- Ricardo David.* *The Principles of Political Economy and Taxation*, John Murray, London, 1817.
- Robbins Lionel.* *The Theory of Economic Policy in English Classical Economics*, Macmillan, London, 1952.
- Roca Santiago, Luis Simabuco.* 'Natural Resources, Industrialization and Fluctuating Standards of Living in Peru, 1950–1997: A Case Study of Activity-Specific Economic Growth' in Erik S. Reinert (ed.), *Globalization, Economic Development and Inequality: An Alternative Perspective*, Edward Elgar, Cheltenham, 2004, p. 115–156.
- Roosevelt Elliot.* *As He Saw It*, Duell, Sloan and Pearce, New York, 1946.
- Roscher Wilhelm.* *Principles of Political Economy*, Callaghan, Chicago, 1878.
- Ross Eric.* *The Malthus Factor: Poverty, Politics and Population in Capitalist Development*, Palgrave Macmillan, London, 1998.
- Ruggiero Renato.* 'Whither the Trade System Next' in Jagdish Bhagwati and M. Hirsch (eds), *The Uruguay Round and Beyond — Essays in Honour of Arthur Dunkel*, The University of Michigan Press, Ann Arbor, 1998, p. 123–141.
- Sachs Jeffrey.* *The End of Poverty: Economic Possibilities for Our Time*, Penguin Press, New York, 2005.

- Sachs Jeffrey, Andrew Warner.* 'Natural Resource Abundance and Economic Growth' in National Bureau of Economic Research Working Papers, 5398, National Bureau of Economic Research, 1995.
- Said Edward.* Orientalism, Vintage, New York, 1978.
- Samuelson Paul.* 'International Trade and the Equalisation of Factor Prices' in Economic Journal, 1948, vol. 58, p. 163–184.
- Samuelson Paul.* 'International Factor-Price Equalisation Once Again' in Economic Journal, 1949, vol. 59, p. 181–197.
- Samuelson Paul.* Economics, 10th edn, McGraw-Hill, New York, 1976.
- Sanness John.* Patrioter, intelligens og skandinaver. Norske reaksjoner på skandinavismen før 1848, Universitetsforlaget, Oslo, 1959.
- Schmoller Gustav.* The Mercantile System and its Historical Significance, Macmillan/Kelley, New York, 1897/1967 (translated from articles in the journal Schmoller's Jahrbuch).
- Schmoller Gustav.* Wechselnde Theorien und feststehende Wahrheiten im Gebiete der Staats- und Socialwissenschaftlichen und die heutige deutsche Volkswirtschaftslehre. Rede bei Antritt des Rectorats, Büxenstein, Berlin, 1897.
- Schoenhof Jacob.* The Destructive Influence of the Tariff Upon Manufacture and Commerce and the Figures and Facts Relating Thereto, Free Trade Club, New York, 1883.
- Schumpeter Joseph Alois.* Theory of Economic Development, Cambridge, Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1934; a much-changed English translation of the German original from 1912 Schumpeter, Joseph Alois, Business Cycles, 2 volumes, Macmillan, New York, 1939.
- Schumpeter Joseph Alois.* History of Economic Analysis, Oxford University Press, New York, 1954.
- Schurz Carl.* Life of Henry Clay, Houghton Mifflin, Boston, 1887.
- Senghaas Dieter.* Von Europa lernen. Entwicklungsgeschichtliche Betrachtungen, Suhrkamp, Frankfurt, 1982.
- Serra Antonio.* Breve trattato delle cause che possono far abbondare l'oro e l'argento dove non sono miniere, Lazzaro Scorriglio, Naples, 1613.
- Singer Hans W.* 'The Distribution of Gains between Investing and Borrowing Countries' in American Economic Review, 40, 1950, p. 473–485.
- Smith Adam.* The Theory of Moral Sentiments in Collected Works, Cadell and Davies, London, 1759/1812.
- Smith Adam.* The Wealth of Nations, University of Chicago Press, Chicago, 1776/1976.
- Smith Erasmus Peshine.* A Manual of Political Economy, Putnam, New York, 1853.
- Sombart Werner.* Krieg und Kapitalismus, Duncker & Humblot, Munich & Leipzig, 1913.
- Sombart Werner.* Luxus und Kapitalismus, Duncker & Humblot, Munich & Leipzig, 1913.
- Sombart Werner.* Der moderne Kapitalismus, 6 volumes, Duncker & Humblot, Munich & Leipzig, 1928; partial Spanish translation, El Apogeo del Capitalismo, 2 volumes, Fondo de Cultura Económica, Mexico, 1946; partial Italian translation, Il Capitalismo Moderno, Unione Tipografico-editrice To-

- rinese, Turin, 1967; partial French translation, *L'Apogée du Capitalisme*, 2 volumes, Payot, Paris, 1932.
- Soros George. *George Soros on Globalization*, Public Affairs, New York, 2002.
- Spann Othmar. *Types of Economic Theory*, Allen & Unwin, London, 1930.
- Stangeland Charles Emil. *Pre-Malthusian Doctrines of Population. A Study in the History of Economic Theory*, Kelley, New York, 1904/1966.
- Steuart James. *An Inquiry into the Principles of Political Economy: being an Essay on the Science of Domestic Policy in Free Nations. In Which are Particularly Considered Population, Agriculture, Trade, Industry, Money, Coin, Interest, Circulation, Banks, Exchange, Public Credit, and Taxes*, 2 volumes, Millar & T. Cadell, London, 1767.
- Stiglitz Joseph. *Globalization and Its Discontents*, Norton, New York, 2002.
- Strindberg August. *De lycksaliges ö och andra berättelser. Svenska öden och äventyr*, Stockholm, Åhlén & Åkerlund, Stockholm, 1882/1913.
- Taussig Frank. *The Tariff History of the United States*, Putnam's, New York, 1897.
- Tawney Richard. *Religion and the Rise of Capitalism. A Historical Study*, J. Murray, London, 1926.
- Thünen Johann Heinrich von. *Der isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie, oder Untersuchungen über den Einfluss, den die Getreidepreise, der Reichtum des Bodens und die Abgaben auf den Ackerbau ausüben*, Penthes, Hamburg, 1826.
- Tilly Charles. *Coercion, Capital and European States AD 990–1992*, Blackwell, Cambridge, 1990.
- Tocqueville Alexis de. *Democracy in America*, University of Chicago Press, Chicago, 1835/2000.
- Tubaro Paula. 'Un'esperienza peculiare del Settecento italiano: la 'scuola milanese' di economia matematica' in *Studi Settecenteschi*, 20, 2000, p. 193–223.
- UNCTAD, United Nations Conference on Trade and Development (2006), *The Least Developed Countries Report 2006. Developing Productive Capacities*, Geneva; <http://www.unctad.org/en/docs/ldc2006_en.pdf>
- Uztáriz Gerónimo de. *The Theory and Practice of Commerce and Maritime Affairs*, Rivington & Croft, London, 1751 (original Spanish 1724).
- Veblen Thorstein. 'Why is Economics not an Evolutionary Science' in *Quarterly Journal of Economics*, XII, July 1898, p. 373–397.
- Verein für Sozialpolitik, *Verhandlungen der Eisenacher Versammlung zur Besprechung der Sozialen Frage am 6. und 7. October 1872*, Duncker & Humblot.
- Vernon Raymond. 'International Investment and International Trade in the Product Cycle' in *Quarterly Journal of Economics*, May 1966.
- Verri Pietro. *Meditazioni sulla economia politica*, Ivone Gravier, Genoa, 1771.
- Wade Robert. *Governing the Market: Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization*, Princeton University Press, Princeton, 1990.
- Walde Otto. *Storhetstidens Litterära Krigsbyten. En Kulturhistorisk- Bibliografisk Studie*, Almquist & Wicksel, Uppsala, 1920.
- Warsh David. *Knowledge and the Wealth of Nations. A Story of Economic Discovery*, Norton, New York, 2006.
- Wells Louis T. (ed.). *A Product Life Cycle for International Trade?* Harvard Business School, Division of Research, Boston, 1972.

- Wolf Martin*. 'The Morality of the Market' in *Foreign Policy*, September/October 2003, p. 47–50.
- Wolf Martin*. *Why Globalization Works*, Yale University Press, New Haven, 2004.
- Wolff Christian*. *The Real Happiness of a People under A Philosophical King Demonstrated; Not only from the Nature of Things, but from the undoubted Experience of the Chinese under their first Founder Fohi, and his Illustrious Successors, Hoam Ti, and Xin Num*, Printed for M. Cooper, at the Globe, London, 1750.
- Yonay Yuval*. *The Struggle over the Soul of Economics*, Princeton University Press, Princeton, 1998.
- Young Allyn*. 'Increasing Returns and Economic Progress' in *Economic Journal*, 1928, vol. 38, no. 152, p. 527–542.